

ISSN 2075-1613

Том 35

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2022

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2022 • Том 35

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 05.01.2022.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов,
А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец, А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов,
Е.Ю. Муратова, И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсон (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова» : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т ; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.] . – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2022. – Т. 35. – 184 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

История

Данилевский И.Н. Солнечная активность и текстология древнерусского летописания	5
Долгов В.В. «Татищевские известия» об Александре Невском в отечественной историографии ..	10
Бездель В.Е. Состояние школьного образования в БССР в 50-е гг. XX в.	18
Галубовіч В.У. Канец эпохі братэрскай згоды: абставіны і інтэрпрэтацыі расколу віцебскага грамадзянскага сойма 1640 года	23
Мяцельскі А.А. Хіславіцкая воласць XVI – пачатку XVII ст.	32
Новицкий П.И. Физическое воспитание умственно отсталых детей в первых лечебно-воспитательных и педагогических практиках общества и государства (середина XIX – начало XX в.) ..	39
Субоцін А.А. Стаханаўскі рух у прамысловасці БССР у гады другой пяцігодкі (1935–1937 гг.)	48
Чжан Хунчао. Институт Конфуция в Европейском союзе	55
Шишкевич В.Н. Научно-техническое сотрудничество Беларуси с европейскими странами (1991–2015 гг.): историография вопроса	64
Рожкова С.Н. Рапальскі догавор в белорусской советской историографии	69
Мацулевич Е.В. Политика США в отношении постсоветской интеграции в 2001–2009 гг.	74
Румянцева М.Ф. Профессионализм историка в исторической культуре первой четверти XXI века	81

Философия

Орлов В.И. Роль политико-институциональной и ценностно-идеологической сфер в жизни белорусского общества	87
Малахов Д.В. Конституирование социальных смыслов исторической памяти в контексте принципов феноменологического реализма	94
Чикиндин М.А. Харизма как элемент конструирования имиджа	102
Голубев В.А. Феномен «массы» как фактор формирования тоталитарного общества	107
Рудковский Э.И. Особенности социализации молодежи в условиях информационного общества	112
Давлятова Е.В., Рудковский Э.И., Далимаева Е.О. Патриотическое сознание и информационная культура студенческой молодежи	116

Филология

Пісарэнка А.М. Прыватныя метады філалагічнага аналізу тэксту	123
Бирюк И.Б. Репрезентация категории пассивности в современном английском языке	134
Чалова О.Н. Лингвопрагматические черты англо- и русскоязычного дискурса COVID-19	139
Грачыха Т.А. Нацыянальная адметнасць найменняў іхтыя- і герпетафаўны Беларускага Паазер'я ..	143
Польников М.О. Проблема авторского сознания в сборнике пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье» ..	148
Красовская Я.И. Интерпретация образа человека посредством фразеологизмов с зоокомпонентом (на материале английского, французского, белорусского и русского языков)	154
Дулава Ю.У., Мезенка Г.М. Яшчэ адна вяха ў развіцці сусветнай анамастычнай навукі (III Міжнародная навуковая канферэнцыя "Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання")	159
Супрун В.И. Ономастический мир Бориса Петровича Екимова	163
Меньшенина И.А. Лингвистические особенности научной медицинской статьи на английском языке	167
Маслова В.А., Тамерьян Т.Ю., Дединкин А.А. Вербализация исторической памяти в текстах периодических газетных изданий Беларуси	173

Конференции

Важныя юбілеі краязнаўства Расіі і Беларусі	179
--	------------

CONTENTS

History

Danilevsky I.N. Solar Activity and Textual Criticism of the Old Rus' Chronocles	5
Dolgov V.V. "Tatishchev Information" About Alexander Nevsky in Russian Historiography	10
Bezdel V.E. The State of School Education in the Bsr in the 1950s	18
Halubovich V.V. The End of the Era of Fraternal Cohesion: Circumstances and Interpretations of the of 1640 Vitebsk District Split	23
Miatelsky A.A. Khislavitskaya Volost of the 16th – Early 17th Centuries	32
Novitski P.I. Physical Education of Mentally Disabled Children in the First Medical and Educational Practices of the Society and the State (Mid 19Th – Early 20Th Centuries)	39
Subotsin A.A. The Stakhanovite Movement in the Industry of the BSSR During the Second Five-Year Plan (1935–1937)	48
Zhang Hongchao. The Confucius Institute in the European Union	55
Shishkevich V.N. Scientific and Technological Cooperation of Belarus with European Countries (1991–2015): Historiography of the Issue	64
Rozhkova S.N. Treaty of Rapallo in Belarusian Soviet Historiography	69
Matsulevich E.V. Us Post-Soviet Integration Policy in 2001–2009	74
Rumyantseva M.F. Professionalism of the Historian in the Historical Culture of the Early 21St Century.....	81

Philosophy

Orlov V.I. Role of Political-Institutional and Value-Ideological Spheres in the Life of Belarusian Society ..	87
Malakhov D.V. Constitution of Social Meanings of Historical Memory in the Context of the Principles of Phenomenological Realism	94
Chikindin M.A. Charisma as an Element of Image Construction	102
Golubev V.A. The Phenomenon of the Mass as a Factor of Shaping a Totalitarian Society	107
Rudkovski E.I. Features of the Socialization of the Young In Information Society	112
Davliatova E.V., Rudkovski E.I., Dalimayeva E.O. Student Patriotic Consciousness and Information Culture	116

Philology

Pisarenko E.M. Private Methods of the Philological Analysis of the Text	123
Biryuk I.B. Representation of the Category of Passivity in Modern English	134
Chalova O.N. Pragmalinguistic Features of Both the English and the Russian Covid-19 Discourse	139
Grachykha T.A. National Features of Ichthyological and Herpetological Names of Belarusian Lake District (Paazerye) Fauna	143
Polnikov M.O. The Issue of the Author's Consciousness in L.E. Ulitskaya's Collection of Plays "Russian Jam" ..	148
Krasovskaya Y.I. Interpretation of the Image of Man Trough Phraseological Units With Names of Animals (on the Material of the English, French, Belarusian And Russian Languages)	154
Dulava Yu.U., Mezenka H.M. Another Milestone in the Develoipment of World Onomastic Science (3rd International Scientific Conference "Regional Onomastics: Issues and Prospects of the Research") ..	159
Suprun V.I. The Onomastic World of Boris Petrovich Yekimov	163
Menshenina I.A. Linguistic Features of Scientific Medical Articles in English	167
Maslova V.A., Tameryan T.Yu., Dedinkin A.L. Verbalizing the Historical Memory in the Texts of Belarusian Periodicals	173

Conferences

Important anniversaries of local history of Russia and Belarus	179
---	------------

ИСТОРИЯ

Солнечная активность и текстология древнерусского летописания

Данилевский И.Н.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

В последние десятилетия разрабатываются и широко обсуждаются новые подходы к изучению истории раннего древнерусского летописания. Одним из наименее изученных вопросов до сих пор являются системы летосчисления, которыми пользовались первые летописцы.

Цель статьи – предложить еще один путь, что позволит уточнить наши представления об эрах, в которых давались хронографические (годовые) даты в источниках, лежащие в основе Повести временных лет.

Материал и методы. Наряду с традиционными методами анализа времяисчислительных систем ранних летописных текстов в статье предлагается использовать сведения о косвенных проявлениях солнечной активности, зафиксированные составителями сводов, предшествовавших Повести временных лет.

Результаты и их обсуждение. В заключительной части Повести временных лет, судя по всему, ряд статей (под 6600, 6609, 6610 и 6611 гг.) датирован по эре, насчитывавшей не 5508, а 5500 лет от Сотворения Мира (СМ) до Рождества Христова (РХ). Это позволяет предположить, что летописец позаимствовал эти сообщения из одного источника. Причем некоторые из них имеют достаточно точные, но текстуально с ними не совпадающие, повторы под датами, данными в константинопольской эре.

Если наше предположение верно, мы фиксируем следы некоего неизвестного источника Повести временных лет, где использовалась эра, согласно которой от СМ до РХ прошло 5500 лет. Следует отметить, что, по меньшей мере, два из рассмотренных нами сообщения связаны с Полоцком. Не исключено, что этот, пока неизвестный, летописный текст появился именно там. Фрагменты его были включены в основной текст Повести временных лет при ее редактировании. Конечно, это – только рабочая гипотеза. Чтобы ее доказать или опровергнуть, необходимо специальное исследование.

Заключение. В Повести временных лет содержится ряд сообщений, даты которых, судя по всему, даны по аннианской эре, насчитывавшей 5500 лет от Сотворения Мира до общепринятой ныне даты Рождества Христова. В свою очередь, это является основанием для гипотезы о том, что в основе Повести, наряду с известными источниками, лежал некий летописный текст, даты в котором давались по этой эре.

Как бы то ни было, рассмотренные случаи показывают, что прямая и косвенная датирующая информация, обработанная с помощью данных и методов исторической хронологии, дополненных естественно-научными методиками, представляет собой достаточно важный маркер, что, возможно, позволит обнаружить прежде неизвестные источники раннего древнерусского летописания и уточнить их состав.

Ключевые слова: Повесть временных лет, солнечная активность, текстология, источники раннего древнерусского летописания.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 5–9)

Solar Activity and Textual Criticism of the Old Rus' Chronocles

Danilevsky I.N.

National Research University Higher School of Economics, Moscow

New approaches to the history of the Old Rus' chronicles have been developed and widely discussed in recent decades. One of the least studied issues so far has been the chronology systems used by the first chroniclers.

The purpose of the article is to offer a new method that will clarify our ideas about the chronographic (annual) dates given in The Tale of Bygone Years.

Material and methods. Along with the traditional annual dates analysis methods the article proposes to use information about indirect manifestations of solar activity in order to identify texts that preceded The Rus' Primary Chronicle (The Tale of Bygone Years).

Findings and their discussion. In the final part of the Tale of Bygone Years, apparently, a number of articles (under 6600, 6609, 6610 and 6611) are dated according to the era, which numbered not 5508, but 5500 years from the Creation of the World to the Birth of Christ. This suggests that the chronicler borrowed these messages from the same source. Moreover, some of them have fairly accurate, but textually not coinciding with them, repetitions under the dates given in the Constantinople era.

If our assumption is correct, we record traces of some unknown source of the Tale of Bygone Years, that used the era according to which 5500 years passed from Creation of the World to the Birth of Christ. It should be noted that at least two of the reports examined are connected with Polotsk. It is possible that this, yet unknown, chronicle text appeared exactly there. Fragments of it were included in the main text of the Tale of Bygone Years when it was edited. Of course, this is only a hypothesis. To prove or disprove it a special study is required.

Conclusion. *The study was carried out to identify several messages of the Tale of Bygone Years, the annual dates of which are given for the Annian era, which consisted of 5500 years from the Creation of the World to the generally accepted today date of Christ's birth. This is the basis for the hypothesis that one of the sources used by the compiler of the Tale of Bygone Years gave annual dates by the Annian era.*

Still, the considered cases show that direct and indirect dating information, processed with the help of data and methods of historical chronology, supplemented by natural science methods, is a fairly important marker, which may allow us to discover previously unknown sources of early Old Rus' chronicles and clarify their composition.

Key words: *solar activity, textual criticism, historical sources, The Tale of Bygone Years, Old Rus' chronicles.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 5–9)

За последние десятилетия сделаны существенные шаги в изучении истории раннего древнерусского летописания. В специальной литературе ведется оживленная дискуссия о приемах, методах и результатах классической летописной текстологии. Как и прежде, основным материалом, на котором отрабатываются и апробируются новые подходы, является раннее летописание – Повесть временных лет, предшествующие ей летописные своды и их источники [1].

На периферии внимания специалистов, однако, остается исследование систем летосчисления, которые использовались в первых летописных сводах. Эта тема до сих пор слабо разработана. Едва ли не единственным исключением является попытка С.В. Цыба систематически решить эту проблему [2]. Множество наблюдений, гипотез и догадок по поводу систем счета лет в Повести временных лет, сформулированных в его монографии, нуждаются в самом пристальном внимании и обсуждении.

Между тем, переходы ранних летописцев с одной системы летосчисления на другую могут стать важным маркером стратификации летописных текстов. Как отмечает Цыб, «форма записи хронологических артефактов может являться... самым надежным аргументом в пользу того или иного хронологического расслоения летописных известий» [2, с. 22]. Поэтому анализ историко-хронологических показателей, сохранившихся в древнейших летописных текстах, представляется чрезвычайно актуальным для выяснения источников, на которые опирались создатели Повести временных лет.

Цель статьи – предложить еще один путь, что позволит уточнить наши представления об эрах, в которых давались хронографические (годовые) даты в источниках, лежащие в основе Повести временных лет.

Материал и методы. Наряду с традиционными методами анализа времяисчислительных систем ранних летописных текстов в статье предлагается использовать сведения о косвенных проявлениях солнечной активности, зафиксированные составителями сводов, предшествовавших Повести временных лет. Предлагаемая методика анализа косвенных временных указаний и отдельные результаты ее применения были опубликованы в ряде статей и монографий автора, а также обсуждались на VI Международной научно-практиче-

ской конференции «Актуальные проблемы источниковедения», проходившей в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова 23–24 апреля 2021 года.

Результаты и их обсуждение. Едва ли не единственной надежной основой изучения систем летосчисления принято считать так называемые *полные даты*, включающие номер года по той или иной эре, указание числа месяца и дня недели. Считается, что только такой набор хронологических показателей дает достаточные основания для согласования летописных дат с ныне общепринятой системой времяисчисления и, соответственно, их точного перевода в нее.

Помимо так называемой константинопольской эры от Сотворения Мира (СМ), начинавшейся за 5508 лет до ныне принятой даты Рождества Христова (РХ), летописцы (в том числе, авторы-составители Повести временных лет) могли пользоваться другими эрами от СМ. В частности, наряду с иными неконстантинопольскими эрами летописцы, судя по всему, сознательно использовали эру в 5500 лет до РХ, которую часто называют аннианской.

Помимо прямых упоминаний такой эры, встречающихся в Повести временных лет (например, в Речи Философа), ее можно обнаружить, опираясь на анализ сообщений о метеорологических и биологических явлениях, причина которых – степень интенсивности солнечной активности, другими словами, увеличение числа вспышек и пятен на Солнце. К их числу относятся: интенсивность полярных сияний [3, с. 71], формирование перистых облаков [3, с. 26] и, как следствие, частота появления гало и венцов вокруг Солнца и Луны, которые вызываются кристаллами льда в перистых облаках в верхних слоях тропосферы [4, с. 97, 103], а также вспышки эпидемических заболеваний, прежде всего, чумы [4, с. 181]. В настоящее время историки располагают достаточно надежными реконструкциями циклов солнечной активности в прошлом, точными датами максимумов и минимумов солнечной активности, что позволяет использовать эти данные для датировки сообщений письменных источников о подобных явлениях [5, р. 7–94].

Одним из упоминаний, которые могут быть связаны с солнечным максимумом, в Повести временных лет является статья 6600 г.: «В лѣтѣ . . . х . . . в си же времена бы^ѣ знаменье въ нбси тако кругъ бы^ѣ . . . посредѣ

нѣба превеликъ . в се лѣто ведро баше ѿко изга[ра]ше земля . и мнози борове възгараху сами . и болота . [и] многа знаменья бываху по мѣстомъ» [6, стб. 215].

Традиционно 6600 год от СМ, под которым она дана, условно переводится 1092 годом нашей эры. Однако есть основания сомневаться в точности такой датировки.

Прежде всего обращает на себя внимание упоминание большого «круга» посреди неба. Ближайшей параллелью является сообщение, помещенное в Ипатьевской летописи под 6607 годом: «В се же лѣто бы^с знаменье . надъ Володимеремъ . мѣца априла . два круга . а в нею аки слнѣце . и до шестаго часа . а ночь аки . г . стази свѣтлѣ . вли до зорь» [7, стб. 248]. Как видим, и здесь упоминаются круги в небе, а также некие «стяги», что, скорее всего, обозначают полярное сияние. Подобные оптические атмосферные явления связаны с максимумами солнечной активности. Однако на 1092 г., которым обычно переводится упоминание 6600 года, приходился как раз не максимум, а минимум солнечной активности. Ближайший же экстремальный максимум выпадал только на 1098 год [8, р. 135]. Это дает основания полагать, что и под 6600, и под 6607 годами в Повести временных лет описываются одни и те же явления, их наблюдение датировано различными эрами: в 5500 лет от СМ в первом случае и в 5508 лет – во втором.

Сильные засухи, о чем упоминается в этой статье («в се лѣто ведро баше ѿко изгараше земля . и мнози борове възгараху сами . и болота»), также связаны с солнечными максимумами. В Восточной Европе засухи фиксируются исключительно в годы роста солнечной активности. Все это позволяет предположить, что экстремально высокие летние температуры и связанные с ними пожары, как и наблюдение гало, о которых идет речь в летописной статье 6600 г., скорее всего были возможны именно в 1100, а не в 1092 г.

Под тем же 6600 годом рассказывается о «предивном чуде» в Полоцке: «Предивно бы^с [чудо] Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше в ноци тутънь станаше по улици . ѿко члѣвци рищюще бѣси . аще кто вылѣзаше ис хоромины . хотѣ видѣти . абые оуазвень будаше невидимо ѿ бѣсовъ . ѿзвою и с того умираху . и не смѣху излазити ис хоромъ . посемь же начаша в днѣ ѿвлатисѣ на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ . но конь ихъ видѣти копыта . и тако ѿязвляху люди Плотьскыя и него вблать . тѣмь и члѣвци глѣху . ѿко напавѣ бьютъ Полочанъ . се же знаменье почѣ быти отъ Дръютъска <...> в си же времена мнози члѣвци оумираху различныи недугы . ѿкоже глѣху продающе корсты . ѿко продахомъ корсты . ѿ Филипова днѣ до масопуста . . з . тысяч . Се же бы^с за грѣхы наша . ѿко умножишасѣ грѣси наши [и] неправды . се же наведе на ны Бѣ . вела на^м имѣти покаянье . и встѣгнути ѿ грѣха . и ѿ зависти . и ѿ прочихъ злыхъ дѣлъ неприазнинь» [6, стб. 214–215].

Судя по всему, что в данном случае речь идет о чумной эпидемии, которую летописец описывает, используя образ так называемой *дикой охоты*. Об этом

говорят детали сообщения: разъезжающие верхом невидимые «бесы» и/или мертвецы (*навье*), поражающие невидимой «язвой» людей, желающих посмотреть на них, необычный шум, а также мотив наказания [9].

Давно установлено, что чумные эпидемии возникают в годы максимумов солнечной активности. Следовательно, хронографическую (годовую) дату и этого сообщения с полным основанием можно перевести 1100 годом в нашей системе летосчисления.

Итак, все три сообщения о «знаменьях», помещенные в Повести временных лет под 6600 годом, могут быть с достаточным основанием датированы 1100 г. н.э.

Следующее сообщение об атмосферном явлении, связанным с максимумом солнечной активности, стоит под 6610 годом. В этой летописной статье упоминается некое «знаменье на нѣси мѣца генварѣ . въ . кѣ . днѣ по . г . днѣ . Акы пожарнаѣ зарѣ . ѿ востока . и оуга . и запада . и сѣвера . и бы^с так свѣтъ всю ночь . акы ѿ луны полны свѣтащѣсѣ» [6, стб. 276].

Д.О. Святский однозначно отнес это сообщение к числу «северных» (полярных) сияний [10, с. 262]. Такую идентификацию подтвердил М.Л. Городецкий, подчеркнув, что «знамение» наблюдалось в течение трех дней и, следовательно, было чрезвычайно интенсивным: «Это, без сомнения, описание п[олярного] с[ияния], которое иногда можно наблюдать и в средних широтах в периоды повышенной солнечной активности» [10, с. 277]. Исследователь предложил использовать для датировки этого сообщения сведения, зафиксированные в китайских и корейских хрониках. Наиболее близкими из них по времени оказались описания наблюдений полярных сияний в Китае и Корее 31 января 1101 г. Правда, подчеркнул Городецкий, «эта дата не укладывается в три основные стиля: мартовский..., ультрамартовский... и сентябрьский». Поэтому он предположил, что «составитель [статьи в Повести временных лет. – И.Д.] систематически переправлял добавлением к году 1, как он считал, мартовский стиль, имевшегося у него протографа, на ультрамартовский, хотя на самом деле запись была в самом древнем, сентябрьском стиле, пришедшем из Византии. При этом январь 6609 года по сентябрьскому стилю превратился в январь 6610 года» [10, с. 277].

Однако эта дата может иметь и иное, более простое объяснение. Ближайшие максимумы солнечной активности зафиксированы в 1098, 1110 и 1118 гг. и отнесены к категории очень сильных [8, р. 135]. Начиная с этих дат специалисты фиксируют так называемый *Средневековый Максимум*, который продолжался около 50 лет, в течение которых число пятен на Солнце приблизительно в три раза превосходило ближайшие максимальные значения солнечной активности. Минимумы солнечной активности между указанными годами приходились на 1106 и 1115 гг. [8, р. 135]. Наиболее интенсивные полярные сияния могут наблюдаться в пределах пяти (от –2 до +3) лет относительно максимального числа солнечных пятен. Полярные сияния, отмеченные в китайских и корейских хрониках, вы-

падали на последнюю возможную дату наблюдений подобных атмосферных явлений в низких широтах: 1101 г. Наблюдения же полярных сияний в Восточной Европе могли с не меньшей вероятностью приходиться на максимум солнечной активности, который фиксируется в 1110 г. Это дает основания предполагать, что годовая дата приведенного летописного сообщения может рассматриваться как аннианская и соответствовать не 1101, а 1110 году нашей эры.

Под тем же 6610 годом сообщается и о других «знамениях»: «в то же лѣтѣ . бы^с знаменьє в лу^нѣ . мѣца . еевра^т . въ . ѿ . днѣ . того^ж . мѣца . въ . з . днѣ бы^с знаменьє в солнці . ѿгородилосѧ баше сл^нце . в три дугы . и быша другыѧ дугъ хребты к собѣ . и сѧа видаше знаменьѧ бл^гговѣрнии черныи» [6, стб. 276].

С.В. Цыб ошибочно определил «замысловатое описание летописцем» солнечного «знамения» под 7 февраля 6610 г. как «частичное солнечное затмение начала февраля 1106 г.» [2, с. 27]. Однако в 1106 г. частное солнечное затмение наблюдалось (и упоминалось в летописи [7, стб. 258]) не в феврале, а 1 августа, в среду [10, с. 603, 608]. В том же году на Руси могли наблюдать и затмение Луны, но не 5 февраля, а 17 июля [10, с. 625].

Очевидно, в данном летописном сообщении речь идет не о затмениях, а о наблюдении гало вокруг Солнца и Луны, которые чаще всего наблюдаются именно в годы максимальной солнечной активности. Так что и эти явления вполне могли приходиться на 1110 год, указанному в летописи по той же аннианской эре.

Если датировки полярного сияния и гало вокруг Солнца и Луны, предложенные нами в качестве гипотезы верны, было бы логично попытаться найти в летописи сообщения об аналогичных наблюдениях, датированные по константинопольской эре.

Действительно, через восемь лет, под 6618 г. читаем: «томже . лѣтѣ . бы^с знаменьє в Печерьстѣ^м монастырѣ . въ . а^г . днѣ . февра^т . мѣца . ѧвисѧ столпъ ѿгненъ ѿ земли до нѣси . а молнья ѿсвѣтиша всю землю . и в небеси погромѣ въ ча^с . а . ноци . и весь миръ видѣ . се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи . ѧко не видѣти бы^с кр^ста . и постоѧвъ мало . съступи на цр^квь . и ста надъ гробомъ Ѳеодосѣевы^м . и пото^м ступи на верхъ акы ко востоку лицъ . и пото^м невиди^м бы^с . се же бѣаше не ѿгненый столпъ . но видѣ англескъ» [6, стб. 284; ср.: 7, стб. 260–261, 264].

Н.М. Карамзин – вслед за В.Н. Татищевым – считал, что летописец здесь описал наблюдение полярного сияния. Святский же полагал, что в данном случае речь идет о метеоре, либо о «каком-нибудь грозном явлении», поскольку летописец упоминает молнию и гром [10, с. 242, 262]. Однако вряд ли метеор или метеорит мог породить образ «огненного столпа от земли до неба», который к тому же, сначала «ста», а затем, постояв, начал перемещаться. Поэтому Городецкий не смог прийти к однозначному выводу о том, какое именно явление описывал летописец, и дал уклончивый ответ на этот вопрос: «(?) Полярное сияние / (?) Метеорит 1110 г.» [10, с. 511].

Сомнения в идентификации «знамения», описанного в летописи, были порождены упоминаниями молнии и грома. Противоречие может быть снято, если предположить, что сообщение: «молнья ѿсвѣтиша всю землю . и в небеси погромѣ», было вставкой, разорвавшей рассказ об огненном столпе (этот текст отсутствует в позднейших летописях). Удалив ее, получаем связный текст: «ѧвисѧ столпъ ѿгненъ ѿ земли до нѣси ... се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи . ѧко не видѣти бы^с кр^ста . и постоѧвъ мало . съступи на цр^квь . и ста надъ гробомъ Ѳеодосѣевы^м . и пото^м ступи на верхъ акы ко востоку лицъ . и пото^м невиди^м бы^с». Такое описание вполне соответствует так называемой *лучистой дуге* – простейшей форме полярного сияния, которая имеет вертикальную протяженность («луч») и напоминает прямую линию. Подобное свечение верхних слоев атмосферы характерно для интенсивных магнитосферных бурь и может наблюдаться в низких географических широтах (до 50–65° с.ш.).

Следовательно, есть достаточные основания полагать, что в сообщениях под 6610 и 6618 годами в Повести временных лет речь идет о наблюдениях одного и того же явления [ср.: 11, с. 262]. Расхождения в летописных годовых датах тогда объясняются тем, что они даны в них по разным эрам: соответственно, аннианской (6610 г.) и константинопольской (6618 г.). Различия в календарной части даты могут быть связаны с тем, что полярное сияние наблюдалось и было описано в разных летописных центрах.

Предположение об использовании неконстантинопольской (аннианской) эры в какой-то летописи, использовавшейся автором Повести временных лет, находит подтверждение при анализе других статей, помещенных рядом с рассмотренными.

В свое время Шахматов обратил внимание на идентичность начала летописных статей 6611 и 6619 гг., сообщающих о подготовке совместного похода южнорусских князей на половцев. В результате сравнения он пришел к выводу, что описание под 6619 г. (по традиционному переводу – 1111 г. н.э.) княжеского съезда в Долобске вторично по отношению к описанию 6611 г. (по традиционному переводу – 1103 г. н.э.): Сильвестр якобы описал съезд 1103 г. на основании событий, случившихся в 1111 г. Затем составитель третьей редакции Повести временных лет воспользовался текстом статьи 6611 г. для описания событий 6619 г. Впрочем, тут же Шахматов задавался вопросом: «Мог ли составитель третьей редакции, – спрашивал он, – говорить о княжеском съезде в Долобске весной 1111 г., если такого съезда на самом деле не было, если Долобский съезд имел на самом деле место в 1103 г.? ... Правдивость рассказчика может быть заподозрена: рассказ может быть опровергнут участниками события» [11, с. 545–547].

Как бы то ни было, начало статей 6611 и 6619 гг. совпадают едва ли не дословно. И это нужно как-то объяснить.

Можно предположить, что речь идет о совмещении в Повести сообщений двух различных летописных текстов, восходящих к общему источнику, но использовавших две разные эры: аннианскую, насчитывав-

шую 5500 лет от СМ до РХ, и константинопольскую, согласно которой от СМ до РХ прошло 5508 лет. Тогда речь в летописных статьях под 6611 и 6619 годами идет об одном и том же событии: о княжеском «снеме» в Долобске в 1111 году.

Такое предположение тем более вероятно, что уже рассмотренное нами сообщение о «знамениях» под 6610 годом ставится летописцем в прямую связь с походом на половцев, упомянутым под 6611 годом: «на придущее лѣѣ . вложи Бѣ мьсль добру в Русьскѣѣ князи . оумьслиша дерзнути на Половцѣ и поити в землю ихъ . еже и быѣ . тако скаже послѣже в пришедше лѣѣ» [6, стб. 276].

Мысль о том, что некоторые события в Повести временных лет датированы по аннианской эре, не нова. Она, в частности, основывалась на анализе некоторых полных календарных дат, сопровождающих летописные сообщения. Одним из таких примеров, косвенно подтверждающих нашу гипотезу, является упоминание кончины Всеслава Брючиславича Полоцкого под 6609 годом: «В лѣт . ѡ . хѣ . Престависа Всеславъ Полоцкѣѣ князь . мѣца . априла . въ . дѣ . днѣ . въ . ѡ . час . днѣ . въ среду» [6, стб. 274; ср.: 7, стб. 250]. Однако в 1101 году, которым обычно переводится летописный 6609 год, 14 апреля приходилось на субботу (если дата дана по ультра-мартовскому стилю), либо на воскресенье (по сентябрьскому или мартовскому стилю). Это заставило уже первых публикаторов Лаврентьевской летописи заподозрить ошибку в указании числа месяца. Они предположили, что вместо 14 апреля должно было быть указано 4 или 11 апреля. Иное объяснение противоречия в хронографической и календарной частях летописной даты смерти полоцкого князя предложил Н.В. Степанов: «Русские не понимали двойного счета от Сот. Мира до Р.Х.; по одному счету этот интервал равняется 5500 годам, по другому – 5508 годам. До нас дошло немало памятников, в которых фигурирует число 5500. Даже в Лаврентьевской летописи в рассказе о происхождении и сущности христианской религии говорится об этих 5500-х годах (г. 6494...»). И заключает: «Не умер ли Всеслав в 1109 году? Этот год есть 6609-й по тому счету; да и 14 апреля 1109 года приходилось в среду» [12, с. 10]. Гипотеза о переводе летописной даты кончины Всеслава Брючиславича 1109 годом нашей эры была принята большинством исследователей.

При таком понимании летописного 6609 года получаем еще одну хронографическую дату, которая, скорее всего, дана по эре в 5500 лет от СМ.

Заключение. Итак, в заключительной части Повести временных лет, судя по всему, ряд статей (под 6600, 6609, 6610 и 6611 гг.) датирован по эре, насчитывавшей не 5508, а 5500 лет от СМ до РХ. Это позволяет предположить, что летописец позаимствовал эти сообщения из одного источника. Причем некоторые из них имеют достаточно точные, но текстуально с ними не совпадающие, повторы под датами, данными в константинопольской эре.

Если наше предположение верно, мы фиксируем следы некоего неизвестного источника Повести вре-

менных лет, в котором использовалась эра, согласно которой от СМ до РХ прошло 5500 лет. Следует отметить, что, по меньшей мере, два из рассмотренных нами сообщения связаны с Полоцком. Не исключено, что этот, пока неизвестный, летописный текст появился именно там. Фрагменты его были включены в основной текст Повести временных лет при ее редактировании. Конечно, это – только рабочая гипотеза. Чтобы ее доказать или опровергнуть необходимо специальное исследование.

Как бы то ни было, рассмотренные случаи показывают, что прямая и косвенная датирующая информация, обработанная с помощью данных и методов исторической хронологии, дополненных естественно-научными методиками, представляет собой достаточно важный маркер, который, возможно, позволит обнаружить прежде неизвестные источники раннего древнерусского летописания и уточнить их состав.

Литература

1. Гиппиус, А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции / А.А. Гиппиус // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. – М.: Вологда, 2012. – С. 37–63.
2. Цыб, С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» / С.В. Цыб. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 319 с.
3. Поток энергии Солнца и его изменения / под ред. О. Уайта; пер. с англ. – М.: Мир, 1980. – 559 с.
4. Чижевский, А.Л. Земное эхо солнечных бурь / А.Л. Чижевский. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1976. – 367 с.
5. Usoskin, I.G. A History of Solar Activity over Millennia / I.G. Usoskin // Living Reviews in Solar Physics. – 2013. – Vol. 10: 1. – P. 7–94.
6. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. [3-е изд.].
7. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – М.: Языки русской культуры, 1998. – Т. 2: Ипатьевская летопись. [3-е изд.].
8. Showe, D.J. The Sunspot Cycle, 649 B.C. to A.D. 2000 / D.J. Showe // Journal of Geophysical Research: The continuation of Terrestrial Magnetism and Atmospheric Electricity. – 1955. – Vol. 60. – № 2 (June).
9. Meisen, K. Die Sagen vom Wütenden Heer und Wilden Jäger / K. Meisen. – Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1935. – 144 S.
10. Святский, Д.О. Астрономия Древней Руси: с Каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М.Л. Городецким / Д.О. Святский; предисл., ком., доп. М.Л. Городецкого. – М.: Русская панорама, 2007. – 664 с.
11. Шахматов, А.А. Повесть временных лет / А.А. Шахматов // История русского летописания: в 3 т. / отв. ред. В.К. Зиборов, В.В. Яковлев. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее летописание XI–XII вв. / А.А. Шахматов. – С. 527–977.
12. Степанов, Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи / Н.В. Степанов // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – 1910. – Кн. 4 (235). – С. 1–40 (7-я pag.).

Поступила в редакцию 28.04.2022

«Татищевские известия» об Александре Невском в отечественной историографии

Долгов В.В.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

В статье рассматриваются «татищевские известия» о жизни и деятельности князя Александра Невского.

Цель исследования – установить, на материалы каких летописных и иных источников опирался В.Н. Татищев при работе над главами «Истории Российской», посвященными князю Александру Невскому. Каковы были методы его работы с этими источниками?

Материал и методы. В.Н. Татищев весьма подробно описал, какие «манускрипты» он использовал при написании «Истории». Однако существует целый класс известий, имеющих в труде В.Н. Татищева, но отсутствующих в изучаемых им летописях. Вопрос, не теряющий научной актуальности уже два столетия: каковы источники этих сведений? Для разрешения этого вопроса необходимо подвергнуть аналитической текстологической проверке не только саму «Историю», но и весь круг чтения историка, включивший не только те летописи, которые были непосредственно использованы при создании текста, но и более широкий круг доступной ему исторической литературы.

Результаты и их обсуждение. В статье выделено три «татищевских известия», имеющие отношения к Александру Невскому: 1. Дата его рождения. 2. Имя его невесты – полоцкой княжны. 3. Жалоба князя Александра хану Сартаку на брата – князя Андрея. Автор приходит к выводу, что все перечисленные известия можно рассматривать как результат аналитической деятельности В.Н. Татищева как историка. Они не являются результатом привлечения неизвестных источников, мистификацией или проявлением идеологической тенденциозности.

Заключение. Анализ «татищевских известий» относительно жизни и деятельности Александра Невского не дает основания предполагать ни наличия у историка каких-либо дополнительных источников информации, ни стремления к ее искажению. В данном случае, нельзя говорить и о каких-то сложных объяснительных конструкциях, которые бы являлись частью какой-либо идеологической доктрины. Понятно, что В.Н. Татищев имел социально-политические убеждения, которые подчас влияли на его подход к трактовке и изложению некоторых исторических сюжетов. Однако в данном случае мы имеем дело не с системной идеологической тенденциозностью, а с умозаключениями и нарративными конструкциями самого простого, элементарного уровня. Это касается и даты рождения Александра, вычисленного Татищевым самым незамысловатым образом, и версии о жалобе князя Александра на брата Андрея, и имени полоцкой княжны, в котором мы можем подозревать лишь случайную ошибочную контаминацию.

Ключевые слова: Александр Невский, В.Н. Татищев, «татищевские известия», княжна Параскева.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 10–17)

“Tatishchev Information” About Alexander Nevsky in Russian Historiography

Dolgov V.V.

Udmurt State University, Izhevsk

The article deals with “Tatishchev Information” about the life and politics of Prince Alexander Nevsky.

The purpose of the study is to study the annalistic and other texts on which V.N. Tatishchev based while working on the chapters of the Russian History dedicated to Prince Alexander Nevsky; to determine the methods of Tatishchev's work with chronicle texts.

Material and methods. V.N. Tatishchev described in great detail what “manuscripts” he relied on when writing the “History”. However, there is a whole class of information available in the work of V.N. Tatishchev, but missing in the chronicles he used. The current scientific question is what are the sources of this information? To resolve this issue, it is necessary to subject not only the History itself to analytical textological verification, but also the entire reading circle of the historian, which included not only those chronicles, but also a wider range of historical literature available to him.

Findings and their discussion. The article highlights three pieces of “Tatishchev information” related to Alexander Nevsky: 1. Date of his birth. 2. The name of his bride – a Polotsk princess. 3. Complaint of Prince Alexander to Khan Sartak against his brother – Prince Andrei. The author comes to the conclusion that the listed information can be considered as the result of the analytical work of V.N. Tatishchev as a historian. They are not the result of attracting unknown sources, or a hoax or a manifestation of ideological bias.

Conclusion. An analysis of “Tatishchev Information” regarding the life and politics of Alexander Nevsky does not give grounds to assume that the historian has any unknown sources of information, or the desire to distort it. In this case, the explanatory constructions were simple and were not part of the ideological doctrine. It is clear that V.N. Tatishchev had social and political convictions, which sometimes influenced his approach to the interpretation and presentation of some historical facts. However, in this case, we are not dealing with systemic ideological tendentiousness, but with inferences and narrative constructions of the simplest, elementary level. This also applies to the date of birth of Alexander, calculated by Tatishchev in the simplest way, and the version about the complaint of Prince Alexander against his brother Andrei, and the name of the Polotsk princess, in which we can only suspect an accidental erroneous contamination.

Key words: Alexander Nevsky, V.N. Tatishchev, Tatishchev Information, Princess Paraskeva.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 10–17)

Жизнь и деятельность Александра Невского нашла отражение в двух современных ему летописных традициях: новгородской и владимирской. Это понятно: князь был уроженцем Владимиро-Суздальской земли, а весь начальный период его жизни был связан с Новгородом. Обе эти летописные традиции послужили материалом для «последнего летописца» и одного из первых русских историков – В.Н. Татищева. Источниковедческая работа Татищева не только дала научную основу его собственному грандиозному труду, но и создала базу для дальнейших исследований.

Цель работы – установить, на материалы каких летописных и иных источников опирался В.Н. Татищев при работе над главами «Истории Российской», посвященными князю Александру Невскому. Каковы были методы его работы с этими источниками?

Материал и методы. В.Н. Татищев весьма подробно описал, какие «манускрипты» он использовал при написании «Истории». Однако существует целый класс известий, имеющих в труде В.Н. Татищева, но отсутствующих в изучаемых им летописях. Вопрос, не теряющий научной актуальности уже два столетия: каковы источники этих сведений? Для разрешения этого вопроса необходимо подвергнуть аналитической текстологической проверке не только саму «Историю», но и весь круг чтения историка, включавший как те летописи, которые были непосредственно использованы при создании текста, так и доступную ему историческую литературу.

Результаты и их обсуждение. Летописные источники В.Н. Татищев тщательно описал в первых главах своей «Истории». Для работы над периодом жизни и деятельности Александра Невского он в основном использовал две летописи: Новгородскую и Никоновскую.

Относительно обеих летописей Татищев выступил первооткрывателем. Новгородскую летопись он описал в обзоре использованных рукописей следующим образом: «6-й, Новгородской, в котором писатель в 1230-м году о себе тако сказует: “Погребен бысть игумен и мне, Иоанну попу, бывшу притом”. А надпись его: “Времянник, иже наречется летописание русских князей и земля Руская”. И панем оной летописец кем продолжен или собран, неизвестно, токмо в окончании письмо новейшее, лет более ста прибавлено и внизу подписан тако: “Написася книга сия 6952 (1444) году”. Он весьма ветх, взят у одного раскольника в лесу и отдан мною в Библиотеку Академии наук.

В нем хотя многие обстоятельства, что до Малой и Белой Руси принадлежит, выкинуты и сокращены и самое начало переменено, но в нем паки что до Великой Руси или Новагорода принадлежит, то пространнее протчих писано. В нем же единственно закон Ярославова точно находится» [1, с. 124].

Как видим, Татищев пишет, что взял летопись «у одного раскольника» да еще «в лесу». Своей лапидарностью и расплывчатостью формулировка вызывает подозрение в подлинности манускрипта. Татищев обладал весьма развитым источниковедческим чутьем: он не мог не осознавать, что обстоятельства обретения источника являются важной его характеристикой. Поэтому столь обтекаемая фраза, выстроенная в духе типичных литературных мистификаций, не может не настораживать. Эпоха Татищева знала немало неожиданно «найденных» рукописей, оказавшихся на проверку подделками. Нужно учитывать, что в XVIII в. отношение к мистификациям было лояльным. Достаточно вспомнить вполне уважаемых современников В.Н. Татищева – Шарля Луи де Монтескье (поэмы в духе Сафо) [2, с. 179] или Гасьена де Куртиль де Сандра (дневники д’Артаньяна) [2, с. 143], чьи литературные мистификации имели большой успех. Для того чтобы решиться на мистификацию, автору XVIII в. не нужно было преодолевать большого внутреннего сопротивления.

Однако в данном случае подозрения в подлинности документа напрасны. Список Новгородской летописи, с которым работал Татищев, до сего дня хранится там, куда его Татищев передал – в Библиотеке Академии наук в С.-Петербурге [1, с. 451]. Исследователь новгородского летописания А.Г. Бобров указывает на три признака, по которым можно весьма уверенно отождествлять татищевский манускрипт с Академическим списком Новгородской первой летописи (НПЛ) младшего извода [3, с. 41–42].

Во-первых, та самая надпись под 1230 годом о погребении игумена, при котором присутствовал поп Иоанн. В Комиссионном списке такого упоминания нет, а Синодальном в той же позиции значится пономарь Тимофей.

Во-вторых, в Толстовском списке, являющимся поздней копией с Академического, есть заголовки, текстуально близкий к тому, который цитирует В.Н. Татищев. У Татищева «Времянник, иже наречется летописание русских князей и земля Руская», а в Толстовском списке: «Временникъ, еже есть

нарицается летописание князей князь и земля руския».

В-третьих, о том, что Академический список Новгородской первой летописи (НПЛ) младшего извода – это та самая рукопись, с которой работал Татищев, свидетельствует о времени ее создания. В характеристике Татищева сказано, что финальная часть рукописи содержит дату – 1444 год. К настоящему моменту Академический список утратил окончание, а вместе с ним и дату. Толстовский, судя по всему, и вовсе концовки с датой не имел. Иначе говоря, в обеих рукописях даты нет. Однако данные филиграней Академического списка позволяют датировать его как раз сороковыми годами XV в. Вернее, фактическая дата создания списка совпадает с той, что указана Татищевым [4, с. 42].

Сомнений в том, что Татищев пользовался подлинной летописью нет. И все же, его слова об анонимном раскольнике действительно скрывают тайну. Попытку раскрыть эту тайну сделал известный киевский историк А.П. Толочко.

По мнению А.П. Толочко, свет на обстоятельства получения Татищевым Новгородской первой летописи может пролить один из поздних ее списков – Филиппсовский, названный так по имени одного из владельцев. Толочко обращает внимание на два обстоятельства:

Во-первых, в распоряжении ученых есть письмо Татищева от 1749 года, в котором он рассказывает об отправке копии Новгородской первой летописи среди прочих рукописей в Лондон, в Лондонское королевское общество.

Во-вторых, в самой Филиппской рукописи есть приписка о том, что она создана в 1738 году. Причем, это важно: переписана с древнего оригинала, *хранившегося в библиотеке Сената*.

Выходит, Татищев, уверявший читателя, что получил рукопись от безвестного раскольника в лесу, проговорился в приписке к Филиппской рукописи. Оказывается, вовсе не от раскольника, а из библиотеки Сената!

Согласно реконструкции А.П. Толочко, картина получалась следующая: Татищев в 1738 году утащил рукопись из библиотеки Сената, сделал с нее копию, а потом отдал оригинал в Библиотеку Академии наук. Копию с правдивой оговоркой отправил в Лондон, куда она, впрочем, не дошла, «всплыв» почти через столетие в Германии. Поскольку воровать рукописи нехорошо, он и придумал этого самого раскольника. Такая реконструкция событий видится ее автору совершенно беспорной [5, с. 57–58].

Вместе с тем, вопросы все-таки остаются. Во-первых, описанная рокировка кажется довольно странной, если встать на позицию последовательного вора: зачем красть рукопись в одном государственном учреждении и отдавать ее в другое? Такой фокус имел бы смысл, если бы Татищеву не давали работать с рукописью летописи. Тогда можно было действительно утащить ее из Сената, поработать, снять копии, и для очистки совести вернуть рукопись обратно государ-

ству. Причем, в более приличное для этого место, туда, где она будет лучше доступна для научной работы: в Библиотеку Академии наук. Однако и такая гипотеза не может быть принята: работать с летописью Татищеву никто не мешал. Не было никакого смысла воровать ее для работы из сенатской библиотеки.

У А.П. Толочко есть иное объяснение, являющееся частью его общего понимания деятельности Татищева как затейливого мистификатора. По мнению киевского историка, Татищев стремился всех запутать. Причем, путаницу он наводил основательно. В данном конкретном случае, для пущей путаницы он привлек еще и некую Ярославскую / Ростовскую летопись (утраченную к настоящему моменту). Татищев написал в своем труде, что отправил в Лондон Ярославскую / Ростовскую летопись, а на самом деле – Новгородскую Первую. Реконструкция хитрых и загадочных действий Татищева заводит самого А.П. Толочко в чашу неразрешимых вопросов: зачем Татищев отослал одну летопись, а написал, что другую? Зачем вообще нужно было отсылать летопись и писать об этом?

Имело бы, наверное, смысл заявлять широковестельно, что отправлена одна летопись, а отправлять в действительности тайно другую, если бы кто-то мог засвидетельствовать факт оправки некоего манускрипта. Но Татищев осуществлял свои исследования на собственный страх и риск. Он имел возможность вообще ничего никому не рассказывать. Зачем же было это делать?

Ну и, самое главное, А.П. Толочко акцентирует, что Татищев предпринимал все эти замысловатые действия «сознательно». Но в этом случае было бы хорошо показать, каким образом современный историк прочитывает замысел старинного своего коллеги? Допустим, желание сокрыть факт кражи рукописи из Сената, сочинив получение летописи от некоего раскольника – понятно. Но именно эта часть реконструкции легко опровергается хронологией поступления Академического списка в Библиотеку Академии наук. Загадочными остаются все остальные манипуляции, о которых пишет А.П. Толочко. Указание на сознательность должно бы, по идее, содержать реконструкцию замысла. Каков он был?

На эти вопросы сам А.П. Толочко ответов не дает, а лишь еще раз утверждает во мнении, что «Татищев лгал» [5, с. 59].

С логической точки зрения иррациональная ложь неопровержима. То есть, если любое высказывание Х может оказаться ложным, такая «задача Смаллиана» решения не имеет. Однако в реальной жизни мы исходим из того, что ложь должна все-таки иметь более или менее рациональную цель. Допустим, В.Н. Татищев мог заниматься фальсификацией и мистификацией для придания логической стройности своему труду. По мнению А.П. Толочко, мистификация могла служить Татищеву в качестве механизма объяснения излагаемых им исторических фактов. С этим можно согласиться. Ведь в случае с Академическим

списком и таких относительно рациональных резонов разглядеть не удастся.

Впрочем, помимо этих общих соображений, гипотеза киевского историка имеет гораздо более весомую, точную и строгую причину навечно остаться гипотезой. Всего один факт, на который указал петербургский исследователь проф. А.В. Майоров. Факт, разрушающий предложенную А.П. Толочко последовательность событий.

В 1738 году Татищев не мог совершить кражу Академического списка из библиотеки Сената по той простой причине, что в 1737 году рукопись уже была передана на хранение в Библиотеку Академии наук [6, с. 94–95]. Указанный факт не является тайной. Он был известен и ранее, но выпущен из внимания киевским историком. О передаче Академического списка в библиотеку АН до 1738 года говорит и тот факт, что уже в 1734 году началась предварительная работа по ее публикации [6, с. 59]. Кроме того, сам по себе Филипповский список обнаруживает ряд текстуальных расхождений с Академическим, что заставляет думать, что протографом к нему послужил другой список, хотя и близкий в целом к Академическому. Что это был за список – неизвестно.

Как видим, история взаимоотношения В.Н. Татищева с новгородскими летописями весьма запутана и почти детективна. Результат тщательного рассмотрения всей системы фактов не позволяет нам пролить свет на источник получения рукописи. Нам остается только поверить самому В.Н. Татищеву, и принять как данность, что рукопись действительно была получена от какого-то раскольника в каком-то лесу. Даже если эта формулировка скрывает какой-то не вполне пристойный способ обретения манускрипта, настоящее состояние науки не позволяет выяснить – какой. Одно несомненно: Академический список у Татищева был, и он использовал его в работе. В описании эпохи Александра Невского Академический список задействован, судя по всему, для работы над первой половиной княжения Александра.

Никоновская летопись также была введена в научный оборот В.Н. Татищевым. История работы с Никоновской летописью не имеет таких затейливых подробностей, как работа с летописью Новгородской. Историк упоминает о ней в своем источниковедческом обзоре как о «летописи, собранной Никоном патриархом» [1, с. 122]. На страницах летописи сохранились его пометы. Из Никоновской летописи почерпнуты в основном данные по второму периоду правления Александра. Новгородская летопись сообщает об этом времени весьма бегло, в то время как Никоновская содержит множество ярких подробностей.

Кроме того, В.Н. Татищев писал, что в его распоряжении была Степенная книга, автором которой он считал митрополита Киприана, а редактором – Макария [1, с. 125].

Вместе с тем «История» Татищева содержит сведения, не встречающиеся ни в одной из тех рукописей, которые он указал в качестве своих источников.

Этих сообщений три (по хронологии):

1. Запись о рождении князя Александра: «Того ж году родися князю Ярославу сын Александр мая 30-го дня» [7, с. 359], помещенное под 6727 (1219) год.

2. Известие о женитьбе князя Александра на полоцкой княжне Параскеве. Уникальность известия заключается не в самом факте женитьбы, а в имени княжны, не известном из других источников. «Того ж лета в Новеграде женися князь Александр Ярославич, внук Всеволож, у полоцкого князя у Брячислава поят княжну Параскевию» [8, с. 25].

3. Известие о том, что Неврюева рать была вызвана жалобой Александра на младшего брата – князя Андрея. «6760 (1252). Иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану итти на Андрея и привести его перед себя. И того ж лета прииде из Орды Невруй салтан, и князь Катиак, и князь Алыбуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича суздальского и на всю землю Суздальскую» [8, с. 40].

Вообще, историография «Татищевских известий» весьма обширна. В исторической науке было высказано множество соображений на их природу. Их можно сгруппировать в несколько больших групп.

Согласное первому мнению, В.Н. Татищев черпал информацию из недошедших до наших дней источников. В качестве таковых в трудах Татищева фигурируют, например, Иоакимовская и Раскольничья летописи. Впрочем, происхождением из этих то ли утерянных, то ли вовсе не существовавших источников объясняют обычно сведения, касающиеся ранних, начальных периодов русской истории. Относительно XIII века летописные источники В.Н. Татищева можно считать установленными.

Согласно другой точке зрения, наиболее последовательным представителем которой является А.П. Толочко, В.Н. Татищев – мистификатор, который не видел криминала в том, чтобы присочинять детали, если этого требовала логика повествования. По мнению А.П. Толочко, выдуманные сюжеты Татищев мог использовать для продвижения своих общественно-политических идей или в качестве замены объяснительным конструкциям, которые плохо вписывались в его труд в силу, фактически, летописного стиля изложения. Иногда же, как было показано выше, по мнению А.П. Толочко, Татищев мистифицировал и запутывал читателя просто так, без всякого понятного смысла.

И, наконец, третья точка зрения объясняет уникальные татищевские известия издержками его литературной манеры. Когда новые «факты» образовывались только как побочный продукт Татищевского красноречия, как неизбежный «зазор» между использовавшимися Татищевым летописными текстами и его собственным.

Все перечисленные точки зрения, как правило, выступают в комплексе, поскольку применить ко всем известиям один ключ невозможно.

Сравнение текстов летописи и «Истории» позволяет сделать предположение о природе некоторых «татищевских известий».

Возьмем, например, список имен новгородцев, которых великий князь Юрий Всеволодович требовал выдать ему для расправы:

Академический список НПЛ м.л. извода	«История» В.Н. Татищева
«...выдайте ми Якима Иванковича, Микифора Тудоровича, Иоанка Тимошинича, Здилу Савинича, Вячка, Иванца, Рядка» [9, с. 268]	«...отдали ему Акима Иванькова, Никифора Дурова, Ивашка Тимошкинича, Гнездила Савина, Вятку, Иванча и Радку» [7, с. 214]

Как видим, большая часть имен в приведенных списках подвергнута трансформации. Какую научную цель ее мы может предположить?

Ровным счетом никакой. Перед нами всего лишь адаптация имен, которые Татищев воспринимал как «древние» к привычному для XVIII века звучанию. С точки зрения современного ученого, адаптация имен – совершенно ненужное занятие. Зачем превращать Микифора Тудоровича в Никифора Дурова? Однако и в современных исторических трудах можно встретить нечто подобное. Например, типичное новгородское «ц» в окончании отчеств новгородских бояр меняют на более привычное для современного уха «ч». Так боярин «Стефан Твердиславиц» [9, с. 276] превращается в научной и справочной литературе в Степана Твердиславича и пр.

Кроме того, нужно иметь в виду, что В.Н. Татищев был, фактически, единственным историком в России I пол. XVIII в. Он работал вне какой бы то ни было профессиональной критики. Поэтому в его творческой манере в полной мере представлены те недостатки, от которых современному историку приходится избавляться под влиянием язвительных замечаний коллег. Судя по всему, Татищев редко перепроверял то, что «застряло» в голове после того, как текст был однажды прочитан. Он не слишком заботился о строгости цитирования, которое тоже часто делалось по памяти. Память же часто трансформирует информацию сообразно психологическим и интеллектуальным установкам. Большой объем сведений, которые пришлось проработать В.Н. Татищеву между других его насущных дел, предопределил такого рода ошибки и неточности.

Притом, В.Н. Татищев как человек в известном смысле «практический», видимо, не любил не только

богословских экскурсов (что неоднократно отмечалось исследователями его творчества), но и риторических «красивостей» даже в том случае, если они встречались в летописных текстах. В указанном фрагменте обращает на себя внимание сравнение еще двух пассажей. Князь Юрий угрожает новгородцам ударом по городу в случае, если ему не будут выданы перечисленные выше персоны:

Академический список НПЛ м.л. извода	«История» В.Н. Татищева
«...ащели не выдадите ли сихъ, то сице поиль есмь конь Тфърю, а се еще к тому Волховомъ хочу напоити» [9, с. 268]	«...а если оных не отдадут, то б ожидали его к Новуграду» [7, с. 214]

Как видим, летописец изъясняется высоким образным слогом, напоминающим язык современных Татищеву барочных пиитов. Угроза Юрия прийти в Новгород выражена синекдохой: князь поил коня в Тфери (древнее название р. Тверцы), а теперь хочет напоить его в Волхове. Очевидно, «художественность» ассоциировалась у Татищева с «литературностью», а значит – с вымысленностью. Поэтому поэтичность выражений летописца безжалостно уничтожалась в пересказе историка: князь просто сообщает, что придет в Новгород, если ему не выдадут необходимых ему персон. Такая перекодировка тоже вызывает иногда незапланированные изменения смысла. Однако установка Татищева на научность, т.е., прежде всего, на информативность была несовместима в его время с «литературностью». Почти столетие спустя Н.М. Карамзин будет придерживаться совсем иных принципов. Но В.Н. Татищев стремился к созданию систематического изложения «фактов», а не к созданию книги для занимательного и нравоучительного чтения. Его главным нарративным приемом было стремление к сухой подлинности. Поэтому он методично исключал тропы из летописного повествования, излагал события подчеркнуто прозаическим языком. Впрочем, новгородский летописец не слишком часто утруждал историка необходимостью изничтожать риторические украшения: текст летописи в целом весьма прост и деловит. Период правления Александра Невского излагается В.Н. Татищевым в целом согласно летописному повествованию.

Принимая во внимание все вышесказанное, обратимся к анализу выделенных «татищевских известий».

С первым известием нет больших проблем. Нужно иметь в виду, что под 6726 год в Академическом списке Никоновской летописи содержится сообщение о рождении старшего брата Александра – Федора. Причем форма сообщения близка к той, которую В.Н. Татищев использовал для рассказа о рождении Александра:

Никоновская летопись о рождении Федора	Татищев о рождении Александра
Того же лета родился князю Ярославу Всеволодичю сын Федоръ [10, с. 82]	Того ж году родился князю Ярославу сын Александр майя 30-го дня [7, с. 359]

Цепочка умозаключений историка видится весьма простой. В летописи имя Александра начинает упоминаться с 1228 года. В первый раз оно читается в рассказе о том, как их отец Ярослав Всеволодич пошел с княгиней к Переяславлю, а их с братом Федором оставил в Новгороде на попечении боярина Федора Даниловича. По всему строю рассказа понятно, что и Федор, и Александр еще дети. К тому же, дети близкие по возрасту. Поэтому Татищев решил считать годом рождения Александра год, следующий за годом рождения Федора, а поскольку общий строй его текста следовал летописному, он не стал изобретать оригинальных формулировок, и лишь слегка видоизменил летописное сообщение о рождении Федора.

Кроме того, ориентируясь на имя юного княжича, Татищев счел, что крещен он был в честь Александра Римского. То, что князя крестили именно в честь этого святого, убедительно показал В.А. Кучкин: «Татищев, по-видимому, устанавливал дату рождения Александра по дню празднования Александра-воина и всем остальным датам предпочел 13 мая, которая при переписывании его черновиков превратилась в дату 30 мая. И решение Татищева представляется верным, 13 мая празднуется один Александр, а 10 июня – Александр и Антонина. Есть точное указание, что во времена Александра Невского на Руси память Александра Римского отмечалась. Так, в статье 1243 г. Новгородской I летописи старшего извода описывалось знамение, которое случилось 18 мая “на память святого мученика Александра”. Речь идет об Александре Римском, хотя в дату вкралась описка, легко объясняемая палеографически: копиист вместо *гi*(13) по древнерусскому счету написал *иi*(18). Судя по ранним минологиям, празднование Александра Римского было распространено гораздо шире, чем празднование Александра и Антонины» [4, с. 176].

Таким образом, первое из перечисленных известий разъясняется довольно просто. Понятно, что современный историк сделал бы иначе: он объяснил бы механизм определения даты рождения Александра. Однако как было показано, Татищев часто проявлял себя как сухой прагматик: он указал дату рождения Александра. С читателя этого было довольно. То есть, в данном случае, «известие» образовалось не в силу Татищевского «красноречия», а, скорее, в силу отсутствия оно.

К тому же типу известий относится известие о доносе / жалобе Александра на брата Андрея. В этой части «Истории» В.Н. Татищев ориентировался практически полностью на Никоновскую летопись.

Никоновская летопись:	
Въ лето 6760. Иде князь велики Александр Ярославичь во Орду къ царю Сартаку, Батыеву сыну, и приять его царь съ честию. Того же лета приде из Орды Невруй царевичь, и князь Катиакъ и князь Алыбуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича Суздальскаго, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго, и на всю землю Суздальскую [10, с. 138].	6760 (1252). Иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и приять его хан с честию. <i>И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану итти на Андрея и привести его перед себя.</i> И того ж лета прииде из Орды Невруй салтан, и князь Катиакъ, и князь Алыбуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича суздальского и на всю землю Суздальскую» [8, с. 40].

Как видим, Татищевская «объясняющая» вставка (выделена курсивом) в текст Никоновской летописи вычленяется четко. Она имеет основой вполне понятный мыслительный прием, когда последовательность событий трактуется как проявление их причинно-следственной связи. То есть, нет необходимости предполагать наличие у Татищева в данном случае дополнительного источника информации или желание мистифицировать. Татищев работал с летописным текстом: осмыслял его, делал умозаключения.

Надо сказать, что предположение В.Н. Татищева о том, что Наврюева рать была результатом жалобы Александра на брата никак не влияет на общую оценку его деятельности, которая оставлена В.Н. Татищевым без изменения и совпадает с оценкой Никоновской летописи.

Самым сложным является известие об имени полоцкой княжны. Его нельзя было вывести путем умозаключений. Имя «Параскева» появляется будто «из ниоткуда».

Сравнение татищевского текста с летописными показывает, что образцом для татищевского сообщения о свадьбе служила, скорее всего, Никоновская летопись:

НПЛ	Никоновская летопись	В.Н. Татищев
В лѣто 6747. Оженися князь Александръ, сынъ Ярославъ, в Новѣгородѣ, и поя в Полоцкѣ у Брячислава дщерь, и вѣнчася въ Торощѣ; и ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую [9, с. 289].	Того же лета въ Новеграде женися князь Александр Ярославич внук Всеволожь, правнукъ Юрья Долгорукаго, у Полоцкого князя у Брячислава [10, с. 114].	Того ж лета в Новеграде женися князь Александр Ярославич, внук Всеволож, у полоцкого князя у Брячислава поят княжну Параскевию [8, с. 25].

Однако к летописному тексту добавлено имя полоцкой княжны – Параскевия. Откуда оно взялось? Обычно появление имени объясняется фантазией историка. Так, например, считает видный знаток древнерусских древностей А.В. Сиренов: «Нетрудно заметить, что Татищев приводит известное летописное известие о женитьбе Александра Невского, но от себя прибавляет имя княжны – Прасковья. Подобных добавлений и уточнений у Татищева немало, и сейчас, после исследования творческой лаборатории первого русского историка, относиться к ним с доверием оснований нет. Полагаем, что имя жены Александра Невского Татищев придумал, как и многие другие “уникальные” факты древнерусской истории» [11, с. 44].

В целом с Сиреновым можно согласиться, но остается неясным: зачем нужна была такая придумка? Одно дело, когда в мистификациях Татищева можно заподозрить какой-нибудь тайный смысл или политический намек. Но в данном случае никакого смысла или намека не видно. Да и в художественном, риторическом смысле полоцкая княжна без имени выглядит ничуть не хуже полоцкой княжны с именем. Зачем нужно было выбирать ей имя? Решительно невозможно предположить, чтобы В.Н. Татищев придумал имя «из головы» и «для красоты». Какая-то основа быть должна.

В русских источниках княжны Параскевы нет. Однако в западнорусского происхождения одна Параскева имеется. Примем, именно полоцкая. Сведения о ней имеются в «Хронике Быховца». «У тот knsz Wasilie połocki żyw nemalo na Połocku у umre, а po sobe zostawił сына Hleba у doczku Paraskowiiu, I taia doczka obicala dewictwo swoje zachowaty w celosty do żywota swojego, у postryhłasia w czernicy u swiatogo Spasa u monastyry nad Połotoiu, у mieszkała tam sem lit, bohu służeczy у knihi piszuczy na cerkow, а

potom zobrałasia do Ryma. У w Rymie mieszkauczy bohu służyla pilne, у mieszkała kolkoś hod, у oswiatyla, ktoruiiu zowut swiataja Praxedis, а po rusku Paraskowia, ktoroy że w Rymie i kościelъ zbudowali na imia jeie swiatie, у tam że ieie polożyli» [12, с. 131].

У нас нет оснований считать, что Татищев был знаком с этой хроникой. Но этого и не нужно. Сведения о Параскеве из Хроники практически дословно дублируются в труде польского историка Матея Стрыйковского [13, с. 314], которого В.Н. Татищев, безусловно, читал, и нередко упоминает в своей «Истории». Конечно, факты биографии Параскевы Полоцкой исключают ее тождество с полоцкой княжной, вышедшей замуж за князя Александра. Однако она была (была бы, если допустить существование в реальности) ее старшей современницей. Исследователями были высказаны разные предположения о том, кто был историческим прототипом Параскевы Полоцкой из Хроники Быховца. А.П. Сапунов предполагал, что под именем Параскевы в Хронике выведена Ефросинья Полоцкая [14]. М.Н. Тихомиров предполагал, что имя Параскева могло принадлежать русской княжне Параскеве Всеволодовне, дочери Всеволода Ярославича, вышедшей замуж за императора Священной Римской империи Генриха IV [15, с. 365]. В данном случае, это не важно. Очевидно имя Параскевы как полоцкой княжны «застряло» в голове Татищева после чтения Стрыйковского, и он без дополнительной проверки присовокупил его к летописному известию о браке князя Александра. Вернее, мы имеем дело не с бессмысленной выдумкой, а с ошибочной контаминацией. Полагаю, подобные казусы известны многим ученым, работающим с большим объемом информации. Обычно их ликвидируют на стадии самопроверки или редакторской правки. Но, как было сказано, именно с критической перепроверкой написанного у Татищева было все не очень хорошо. Поэтому имя Параскевы осталось в его труде.

Заключение. Анализ «татищевских известий» относительно жизни и деятельности Александра Невского не дает основания предполагать ни наличия у историка каких-либо дополнительных источников информации, ни стремления к ее искажению. В данном случае нельзя говорить и о каких-то сложных объяснительных конструкциях, которые бы являлись частью какой-либо идеологической доктрины. Понятно, что В.Н. Татищев имел социально-политические убеждения, которые подчас влияли на его подход к трактовке и изложению некоторых исторических сюжетов. Однако здесь мы имеем дело не с системной идеологической тенденциозностью, а с умозаключениями и нарративными конструкциями самого простого, элементарного уровня. Это касается и даты рождения Александра, вычисленного Татищевым самым незамысловатым образом, и версии о жалобе князя Александра на брата Андрея, и имени полоцкой княжны, в котором мы можем подозревать лишь случайную ошибочную контаминацию.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта по теме: «Создание и подготовка к изданию научной биографии Александра Невского: государственного деятеля и полководца» проект №1/2022.

Литература

1. Татищев, В. Собрание сочинений: в 8 т. / В. Татищев. – М.: Ладомир, 1994. – Т. 1, ч. 1: История Российская. – Репринт с изд. 1962 г. – 500 с.
2. Ланн, Е.Л. Литературная мистификация / Е.Л. Ланн. – М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – 233 с.
3. Бобров, А.Г. Новгородские летописи XV века / А.Г. Бобров. – М.: Дмитрий Буланин, 2001. – 287 с.
4. Кучкин, В.А. О дате рождения Александра Невского / В.А. Кучкин // Вопросы истории. – 1986. – № 2. – С. 176.
5. Толочко, А.П. «История Российская» Василия Татищева / А.П. Толочко. – М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. – 544 с.
6. Майоров, А.В. Список Филиппса (Берлинский) Новгородской первой летописи (предварительные итоги изучения) / А.В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 2(32). – С. 91–108.
7. Татищев, В. Собрание сочинений: в 8 т. / В. Татищев // М.: Ладомир, 1995. – Т. 2, 3, ч. 2: История Российская. – Репринт с изд. 1963, 1964 гг. – 688 с.
8. Татищев, В. Собрание сочинений: в 8 т. (5 книгах) / В. Татищев. – М.: Ладомир, 1996. – Т. 5, 6. История Российская – Репринт с изд. 1965–1966 гг. – 784 с.
9. Полное собрание русских летописей: в 46 т. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – 720 с.
10. Полное собрание русских летописей: в 46 т. – СПб., 1885. – Т. 10: Летописный сборник, именуемы Патриаршею или Никоновскую летописью. – 246 с.
11. Сиренов, А.В. Источники XVI в. о браках Александра Невского / А.В. Сиренов // Александр Невский и Ледовое побоище: материалы науч. конф., посвящ. 770-летию Ледового побоища; отв. ред. Ю.В. Кривошеев, Р.А. Соколов. – СПб., 2014. – С. 44–52.
12. Полное собрание русских летописей: в 46 т. – М.: Наука, 1975. – Т. 32.: Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 241 с.
13. Стрийковський, М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси / М. Стрийковський. – Львів, 2011. – 1075 с.
14. Сапунов, А.П. Католическая легенда о Параскеве княжне полоцкой / А.П. Сапунов. – Витебск: Типо-лит. Г.А. Малкина, 1888. – 47 с.
15. Тихомиров, М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М.: Изд-во полит. литературы, 1956. – 477 с.

Поступила в редакцию 03.05.2022

Состояние школьного образования в БССР в 50-е гг. XX в.

Бездель В.Е.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»» (Витебский филиал), Витебск

Актуальность изучения истории советского школьного образования обусловлена тем, что позволяет охарактеризовать состояние школьного образования в 50-е гг. XX в., пути и способы решения тех проблем, с которыми столкнулась школа.

Цель статьи – выявить проблемы в системе школьного образования в БССР в 50-е гг. XX в. и обозначить меры, предпринимаемые для их решения.

Материал и методы. *Источниковой базой для написания статьи послужили научные публикации, а также сборники документов съездов Коммунистической партии СССР, по истории народного образования, материалы Государственного архива Витебской области.*

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. *Анализируются документы Государственного архива Витебской области, материалы съездов Коммунистической партии СССР по вопросу развития школьного образования, статистические данные отделов народного образования в разрезе причин непосещения детьми школы, акты обследования материального сопровождения образовательного процесса, которые свидетельствуют о том, что в этот период общеобразовательная школа столкнулась с рядом сложностей материального характера.*

Заключение. *Сделан вывод о том, что в 50-е гг. наблюдалось понимание престижности образования со стороны советских граждан. Школа, как и иные сферы жизни общества, рассматривалась как площадка демонстрации превосходства социалистической системы.*

Ключевые слова: *дети, детство, советская школа, всеобщее семилетнее образование, безнадзорность, неуспеваемость.*
(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 18–22)

The State of School Education in the BSSR in the 1950s

Bezdel V.E.

Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University «MITSO»” (Vitebsk Branch), Vitebsk

The relevance of studying the history of Soviet school education is due to the fact that it allows us to characterize the state of school education in the 50s of the twentieth century, ways and means of solving the problems that the school faced.

The purpose of the article is to identify problems in the school education system in the BSSR in the 50s of the twentieth century and to identify the measures taken to solve them.

Material and methods. *The research source base was scientific publications, as well as collections of documents of the congresses of the USSR Communist Party, on the history of public education, materials of the State Archive of Vitebsk Region.*

To achieve this goal, general scientific, special historical methods were used: the historical-genetic and the historical-systemic.

Findings and their discussion. *The documents of the State Archive of Vitebsk Region, materials of the congresses of the USSR Communist Party on the development of school education, statistical data of the departments of public education in the context of the reasons for non-attendance of children at school, acts of examination of the material support of the educational process, which indicate that during that period the secondary school faced a number of difficulties of a material nature, are analyzed.*

Conclusion. *It is concluded that in the 1950s there was an understanding of the prestige of education on the part of Soviet citizens. The school, like other spheres of society, was considered as a platform for demonstrating the superiority of the socialist system.*

Key words: *children, childhood, Soviet school, obligatory seven-year education, neglect, academic failure.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 18–22)

Сегодня не требует доказательств тезис о том, что прогресс экономического и технического развития общества напрямую зависит от системы и качества образования, в том числе школьного.

В советском обществе, которое развивалось по особому – социалистическому пути, формирование и становление системы школьного образования, от обязательного начального к обязательному среднему, происходило на протяжении 30–50-х гг. XX в. Потребность в хорошо подготовленных со школьной скамьи учащихся обострилась после Великой Отечественной войны и была связана с большими потерями мужского трудоспособного населения и нехваткой квалифицированных специалистов.

По мере преодоления последствий войны и оккупации определяющим становится восстановление экономики (народного хозяйства) довоенного уровня, а потом экономический рост в условиях конкуренции с капиталистическими странами.

Мировое развитие в этот период происходит под знаком научно-технической революции, стремительного роста количества научных открытий, технических изобретений, их внедрения в военную, промышленную и повседневную сферу. Успех Советского Союза в противостоянии с капиталистическими странами в военно-промышленной, сельскохозяйственной и иных сферах экономики зависел от качества подготовки кадров, способных, с одной стороны, обеспечить положительную динамику основных экономических показателей государства, а с другой – соответствовать и обладать основными качествами советского человека. Таким образом, важность изучения советской системы образования не вызывает сомнений.

Цель статьи – выявить проблемы в системе школьного образования в БССР в 50-е гг. XX в. и обозначить меры, предпринятые для их решения.

Материал и методы. Источниковой базой для написания статьи послужили научные публикации, а также сборники документов съездов Коммунистической партии СССР, по истории народного образования [1], материалы Государственного архива Витебской области.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Ряд российских исследователей отмечают, что начиная с 50-х гг. XX в. в СССР формируется общество потребления, схожее с западным, общество, в котором человеку свойственно стремление к удовлетворению материальных потребностей. Данный тезис не означает, что утрачиваются идеологические (духовные) основы советского общества, такие как стремление к построению социализма, вера в идеал и т.д. Указанная тенденция способствовала росту престижности образования. Окончание средней школы, получение среднего специального и высшего образования давало возможность переехать из деревни в город, получить высокооплачиваемую

профессию и соответствующий ей социальный статус в обществе, открывающий доступ к различным материальным благам.

На протяжении 50-х гг. вопрос реформирования и дальнейшего развития системы образования был одним из центральных на повестке дня не только министерства просвещения, но и руководства советского государства. Все, что касалось противостояния двух систем, приобретало политический характер.

Прежде чем говорить о направлениях развития общеобразовательной школы в 50-е гг., целесообразно обозначить те проблемы и достижения, которыми характеризовалась советская школа в конце 40-х – начале 50-х гг.

Необходимость реформирования напрямую вытекала из необходимости решения накопившихся в школе проблем, связанных с преодолением последствий Великой Отечественной войны и оккупации, недостатком финансирования, особенностей советской экономической модели, в которой в приоритете была тяжелая промышленность. Анализ документов и архивных материалов позволяет условно все сложности, испытываемые общеобразовательной школой в конце 40-х – начале 50-х гг., разделить на несколько групп:

- материальные, т.е. связанные с обеспечением учебного процесса: размещение школ в арендованных помещениях, не приспособленных, аварийных зданиях, перебои и отсутствие электрификации зданий, центрального отопления и т.д. Также к материальным необходимо отнести те сложности, с которыми сталкивались родители, собирая ребенка в школу: из-за невысокого уровня жизни населения не хватало одежды, обуви, до 1956 г. за обучение в старших классах, средних специальных учреждениях взималась плата;

- качество образовательного процесса: нехватка учителей, их низкий уровень квалификации, подготовки к урокам;

- из первых двух вытекала третья группа причин: низкая успеваемость учащихся, низкий уровень дисциплины, высокий процент второгодников, тех, кто бросал школу и т.д.

Несомненным достижением СССР в рассматриваемый период являлся переход к всеобщему семилетнему образованию. Российские исследователи отмечают, что переход от обязательного начального (закреплено в ст. 121 Конституции СССР 1936 г., в ст. 96 Конституции БССР 1937 г.) к обязательному семилетнему образованию не был закреплен в специальном законодательном акте (в виде закона, приказа или постановления). Вместе с тем конкретные исторические факты, архивные материалы позволяют сделать вывод о том, что реально обязательное семилетнее образование было введено в 1949/1950 учебном году [1, с. 92].

28 декабря 1948 г. И. Сталин подписал постановление Совета министров СССР «О государственном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1949 г.», в котором указывалось, что советы министров союзных республик «в целях обеспечения

всеобщего семилетнего обучения и дальнейшего расширения среднего образования должны обеспечить в сельских местностях перевод в 5-й класс всех учащихся, окончивших 4-й класс» [1, с. 94]. По сути, это был возврат к решению XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в марте 1939 г., где говорилось о завершении всеобщего обязательного семилетнего обучения. Но оно не было реализовано из-за начала Великой Отечественной войны. И только в 1956 г. соответствующие изменения были внесены в ст. 121 Конституции СССР.

При этом, для реализации этого перехода требовалось время. В начале 50-х гг. проверки школ на предмет охвата детей 7–15-летнего возраста дали неутешительные результаты. В приказе № 227 министра просвещения БССР «О выполнении закона о всеобщем обязательном семилетнем обучении в Могилевской и Барановичской областях» отмечалось, что переход к обязательному семилетнему обучению выполняется неудовлетворительно [2, л. 153]. В сентябре 1953 г. по республике не посещало школу 22,1 тыс. детей. Особенно высокий процент фиксировали в районах Молодеченской, Брестской и Гомельской областей [3, л. 201]. Статистика, подаваемая отделами образования в вышестоящие органы, не отражала реального положения дел, поскольку существенным был отсев учеников из школ в течение учебного года. Например, за 1953/1954 учебный год из школ Витебской области выбыло 6424 человека, т.е. в два раза больше, чем тех, кто не явился на уроки 1 сентября.

110 учащихся были исключены, 200 человек не посещали школу из-за дальнего расстояния до нее, 1300 – поступили в фабрично-заводские школы и ремесленные училища, почти 2 тыс. детей не позволяло посещать школу слабое состояние здоровья, почти 3 тыс. отсеялись по другим (неуважительным) причинам [4, л. 241]. Последняя категория – «другие причины» – заслуживает отдельного рассмотрения. В эту отбечаемую и неконкретную формулировку местные

руководители «прятали» тех детей, чьи семьи в силу финансовых причин не могли собрать ребенка в школу, тех, кто работал в колхозах и совхозах, тех, чьи родители в силу занятости на производстве не могли контролировать времяпрепровождение своих детей, пополнявших число безнадзорных.

Министерство просвещения БССР неоднократно указывало местным исполнительным органам на некачественную работу по организации учета детей и подростков, на то, что отделы народного образования, администрации школ не принимают мер к полному охвату детей, устанавливая количество и причины не пришедших в школу 1 сентября только в середине первой четверти. Проблема ненадлежащего учета детей и подростков, как и выполнение всеобщего, характерна для школы на протяжении 50-х гг. XX в.

Несмотря на то, что после окончания Великой Отечественной войны прошло почти 10 лет, а показатели экономического развития БССР превысили довоенные, в сфере образования они реально влияли на посещаемость и отсев учеников со знаком минус.

С одной стороны, документы фиксируют ужасные бытовые условия, в которых приходилось учителям проводить занятия, а ученикам заниматься. Во многих школах республики, особенно в сельской местности, не хватало самого элементарного. Акт обследования Островенской средней школы, датированный 30 ноября 1952 г. очень ярко и точно передает непростое материальное положение сельских школ: «... Дрова в школе отсутствуют. Двойные рамы вставлены не во всех классах. Большинство рам остеклено кусками, которые отошли один от другого.

Учителя и учащиеся сидят в платках, зимних пальто, хотя в классах имеются вешалки.

Школа не обеспечена лампами.

Наружная дверь не взята на пружину и все время остается открытой. Уборная – в недопустимом состоянии и небезопасна для младших учащихся.

Таблица

**Количество выбывших детей и причины выбытия из школы
(на примере Витебской области) в 1953/1954 учебном году [4, л. 241]**

Причина не посещения школы	1–4-е классы	5–7-е классы	8–10-е классы
Расстояние до школы	119	48	63
Длительная болезнь	1114	699	168
Смерть	25	29	10
Выехали в другой регион	1166	1027	446
Поступили в ФЗО, ремесленные училища	124	901	389
Переведены в другие учебные заведения	25	380	392
Исключены из школы	9	43	48
Призваны в Советскую Армию	–	3	8
Другие причины	797	1341	776

В школе полы и стены грязные, хотя работают 8 техничек. Классные доски маленькие, неокрашенные, расставлены без учета потребностей.

Успеваемость в школе 53% (из 545 учеников успевают 283 человека).

Часть учителей плохо готовятся к урокам: учащиеся на уроках не активны, новый материал не объясняют, используют однообразные формы работы, отсутствует на уроках дисциплина.

Спортплощадка не оборудована. Медицинский контроль за учащимися ведется не регулярно. Нет закрепленного врача.

Утверждены планы работы гимнастической, легкоатлетической, волейбольной, лыжной секций с охватом 212 человек, но работы нет из-за отсутствия инвентаря.

В школе 181 пионер, из которых 37 не успевают в учебе» [5, л. 54–69].

Конечно, ситуация в каждой школе, в районе, городе была индивидуальной. Нельзя говорить, что все школы БССР находились в таком плачевном состоянии. Но перед правительством стояла задача перевода школ в соответствующие для этого помещения, их полная электрификация, оснащение необходимой мебелью, учебниками, школьными принадлежностями.

С другой стороны, последствия войны в виде резкой диспропорции между мужским и женским населением (с преобладанием последнего) привели к тому, что подростки рассматривались в виде полноценной рабочей силы, способной если не заменить полностью, то хотя бы частично компенсировать отсутствие мужчины в семье. Местные партийные и государственные органы при реализации семилетнего всеобщего обучения столкнулись с нежеланием родителей отпускать детей в школу. Речь идет в первую очередь о сельских школах. Родителей вызывали в райисполкомы, учителя и комсомольцы проводили собрания, чтобы переубедить родителей, рассказать о необходимости и важности получения детьми образования.

Приведенный выше архивный документ обозначил еще одну проблему, присущую советской школе в рассматриваемый период: это низкая успеваемость.

Действительно, успеваемость белорусских школьников, которая выражалась в результатах переводных экзаменов, соотношении переведенных в следующий класс, оставленных на второй год и получивших работу на лето, средних баллах текущих оценок по предметам. По результатам 1951/1952 учебного года общая успеваемость в школах БССР составляла 86,8%.

На коллегии Министерства просвещения БССР констатировали, что в школах БССР не успевает практически каждый пятый [6, л. 60]. Наименьший процент успеваемости приходился на 5-е и 8-е классы, в разрезе учебных предметов: на русский язык и математику. В то же время хотим обратить внимание, что, как и с материальным оснащением, ситуация отличалась в разрезе школ (городских и сельских), областей, учебных предметов. Например, в Витебской области

в 1953/1954 учебном году успеваемость составляла 74,7%, т.е. была практически на 10% ниже общереспубликанской [3, л. 130], в Полоцкой области – 79,4%, а в г. Витебск, т.е. в городских школах, она составляла 89,4% [4, л. 287].

Данные табл. показывают, что основным препятствием для получения образования становилось дальнейшее расположение школы от населенных пунктов. Во многих районах страны школы являлись малокомплектными, в классах занималось 10 и менее учеников. Стремясь сократить расходы, местные органы власти закрывали такие школы, детей переводили учиться в соседние населенные пункты, в результате чего расстояние от дома до школы увеличивалось до 5–7 км. Хотя в соответствии с законодательством не должно было превышать 4 км.

Государственная политика, направленная на поворот системы образования к потребностям народного хозяйства, устранение материальных проблем, повышение качества образования, обозначилась на XIX съезде КПСС в октябре 1952 г. Съезд предложил идею политехнического обучения в средней школе, которая затем определила вектор развития советского образования в период «оттепели».

На республиканском уровне причины неудач интерпретировались по-своему, что нашло отражение в приказе министра просвещения БССР от 17.04.1953 № 79 «О подготовке школ к 1953/1954 учебному году». В нем отмечалось, что «уровень работы многих школ отстает от задач, поставленных XIX съездом партии в области народного образования. Главный недостаток заключается в том, что обучение не дает необходимого объема знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук, умеющих применять свои знания в практической деятельности» [2, л. 22].

Министром были обозначены задачи для местных органов народного просвещения, решить которые им предстояло в ближайший период:

– обеспечить строгий и точный учет всех детей в возрасте от 6 до 15 лет в сельской местности, от 6 до 16 лет в областных центрах и г. Минске;

– обеспечить выполнение плана открытия школьных интернатов, ввод в эксплуатацию школьных зданий, вывода школ из наемных помещений;

– выполнить план производства на предприятиях местной промышленности и промкооперации одежды и обуви, улучшить ее ассортимент и качество, организовать внеочередной ремонт детской обуви и пошив одежды;

– принять решительные меры к устранению недостатков в учебно-воспитательной работе, повышению идейно-теоретического уровня преподавания основ наук и воспитательной работы, успеваемости и качества знаний учащихся, снижению второгодничества, усилению теории с практикой;

– поставить перед исполкомами Советов депутатов трудящихся вопрос об освобождении школьных

зданий, используемых не по назначению, а также о выделении и приспособлении для школ и интернатов при них дополнительных помещений;

– в ближайшие три года вывести начальные школы из наемных помещений путем строительства зданий методом народной стройки;

– завершить работы по строительству и оборудованию спортивных площадок при семилетних и средних школах;

– выделить в школах, не имеющих гимнастических залов, пригодные помещения для занятия физическими упражнениями; обеспечить школы необходимым спортивным оборудованием, принять меры к выполнению школами плана развития физкультуры и спорта, в первую очередь, по летним видам спорта;

– контролировать обеспечение школ, внешкольных учреждений, детских домов нужным количеством ламп, лампового стекла и керосином;

– улучшить контроль за состоянием здоровья учащихся и санитарным состоянием школ, принять меры к организации при семилетних и средних школах врачебных кабинетов [2, л. 22–31].

Совокупность обозначенных выше проблем повлияла на решения, принятые на XX съезде в контексте школьной политики: введение всеобщего среднего образования, укрепление материально-технической базы школы, особенно в сельской местности, отмена платы за обучение в старших классах, укрепление связи школы с жизнью, создание школ-интернатов для постоянного пребывания в них детей, имеющих, где учителя-воспитатели будут «инженерами душ подрастающего поколения» [7, с. 80, 81–83].

Заключение. Таким образом, в конце 40-х – начале 50-х гг. необходимость принятия срочных мер в системе школьного образования была очевидна. Школа представляла собой площадку популяризации и пропаганды идей социализма: доступность и качество советского образования давало равные возможности для советского гражданина реализовать свои способности и умения. Руководство СССР хотело продемонстрировать превосходство социалистической модели над капиталистической, в том числе в сфере образования. Запрос экономики, как указывалось в начале статьи, на высококвалифицированные кадры был также значительным.

Во-первых, приоритетным представлялось вернуть детей за школьные парты, т.к. процесс обучения составлял основу из деятельности. Спектр причин неполного охвата детей школой был весьма широк, что объяснялось последствиями оккупации (болезнь, физические и умственные недостатки), нерешенным вопросом подвоза детей в школы, другими (неуважительными) причинами.

Понятие неуважительной причины на самом деле вмещало в себя достаточно широкий комплекс взаимосвязанных явлений: занятость детей в сельском хозяйстве, их помощь родителям (в первую очередь,

матерям, замена мужской силы в хозяйстве, трудоустройство в колхозах и совхозах, попытка финансово помочь семье, пропуски занятий из-за плохой погоды, отсутствия обуви, одежды – все это приводило к падению успеваемости, а потом и второгодничеству. Оставшись на второй год, дети теряли мотивацию продолжать обучение в школах, родители считали, что достаточно окончить четыре класса и пойти работать).

Сложные учебные программы, неумение учителей объяснить и донести материал, их низкая квалификация – представляли еще одно направление реформирования школы.

Обсуждение преобразований в системе школьного образования, инициированные на XIX съезде в 1952 г., продолженные на XX съезде, подготовили принятие в 1958 г. Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», положившего начало реформе школы, продолжавшейся до середины 1960-х гг.

Литература

1. Иванова, Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы / Г.М. Иванова. – М.: Фонд «Московское время», 2018. – 432 с., ил.; XX съезд КПСС : стенографический отчет. Т. 1. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1956. – 640 с.; Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Современная школа, Эксперспектива, 2011. – Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 728 с.; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / КПСС; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1983–1990. – 16 т. – В надзаг.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 8.: 1946–1955. – 1985. – 542 с.; Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / рэдкал.: С.А. Умрэйка [і інш.]. – Мінск: Нар. асвета, 1968. – 624 с.; Кісялёў, Р.Я. Школа Савецкай Беларусі / Р.Я. Кісялёў. – Мінск: Нар. асвета, 1968. – 189 с.
2. Иванова, Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы / Г.М. Иванова. – М.: Фонд «Московское время», 2018. – 432 с., ил.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 1. Приказы, распоряжения и циркулярные письма Министерства просвещения БССР и СССР.
4. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 5. Приказы Министерства просвещения, указания и постановления облисполкома о работе школ области.
5. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 6. Решения облисполкома, отчеты о работе школ и доклады 1953–1954 гг.
6. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 31. Справки, докладные, обзоры о работе школ и учреждений народного образования.
7. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 3. Постановления и директивные указания вышестоящих органов по вопросам народного образования.
8. XX съезд КПСС: стенографический отчет. Т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1956. – 640 с.

Поступила в редакцию 17.03.2022

Канец эпохі братэрскай згоды: абставіны і інтэрпрэтацыі расколу віцебскага грамнічнага сойма 1640 года

Галубовіч В.У.

Установа адукацыі “Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт”, Гродна

Даследаванне гісторыі дзяржаўных інстытутаў на беларускіх землях стала адным з прарыўных накірункаў айчынай гістарычнай навукі на пачатку XXI стагоддзя. У выніку з’явіліся не толькі асобныя артыкулы, але і манаграфічныя працы, што прастымулявала цікавасць як да гісторыі дзяржаўных устаноў эпохі Вялікага Княства Літоўскага, так і да лакальных форм кіравання і самакіравання. Сваю ролю ў сістэме лакальных дзяржаўных інстытутаў ВКЛ адыгрываў і сойм і шляхты Віцебскага павета. Гісторыя гэтай установы патрабуе паўнавартаснага даследавання, якое немагчыма без умяшчэння ў навуковае абарачэнне новых крыніц і пераасэнсавання вядомых.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца крытычны аналіз перадумоў, абставін і сведчанняў удзельнікаў віцебскага грамнічнага сойма 1640 г.

Матэрыял і метады. Даследаванне было праведзена на аснове матэрыялаў з Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве. Артыкул падрыхтаваны з улікам шырокага спектра гістарыяграфічных прац, прысвечаных вывучэнню часоў праўлення Уладзіслава Вазы. Выкарыстаны агульнагістарычныя і спецыяльныя метады, сярод якіх параўнальна-гістарычны, гістарычна-сістэмны, фармальна-тыпалагічны, рэтраспектыўны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У артыкуле прааналізавана інфармацыя з эпістэлярных крыніц аб Віцебскім дэпутацкім сойме, які быў праведзены ў лютым 1640 г., вызначаны галоўныя перадумовы і акалічнасці, прадстаўлены інтэрпрэтацыі ходу пасяджэнняў павятавай шляхты, а таксама дадзена параўнальная характарыстыка сведчанняў удзельнікаў сойма. Падзеі, якія мелі месца на грамнічным 1640 г. сойме ў Віцебску, з’яўляліся беспрэцэдэнтнымі па ходзе і па выніках не толькі для Віцебскага ваяводства, але і для ўсяго Вялікага Княства Літоўскага. Тым не менш, у гістарыяграфіі прынята выкарыстоўваць звесткі аб гэтым сойме пераважна як матэрыял для ілюстрацыі мадэляў выбару месца пасяджэння шляхты. Між тым падзел сойма стаў толькі эпизодам і адным з наступстваў расколу, што адбыўся ў мясцовым грамадстве. Інфармацыя пра дэпутацкі сойм у Віцебску захавалася дзякуючы апісанням трох прадстаўнікоў мясцовай шляхты. Кожны ліст уяўляе асобную інтэрпрэтацыю фактаў.

Заклучэнне. Аўтар прыходзіць да высновы, што неардынарны ход Віцебскага дэпутацкага сойма ў 1640 г. быў абумоўлены як аб’ектыўнымі, так і суб’ектыўнымі абставінамі. Аднак галоўны вектар у напрамку таго, што адбыўся раскол, быў прадвызначаны рэлігійным выбарам шляхты. Зроблены вывад аб прамой сувязі падзей з крызіснымі з’явамі ў палітычным і рэлігійным жыцці Рэчы Паспалітай, аб падзеле сойма як выніку рэалізацыі планаў супрацьлеглых груп і асоб.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, шляхта, павет, сойм, ваявода, раскол, Грамніцы, ліст, пратэстанты, каталікі, дэпутат.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 23–31)

The End of the Era of Fraternal Cohesion: Circumstances and Interpretations of the of 1640 Vitebsk District Split

Halubovich V.V.

Education Establishment “Hrodna State Agrarian University”, Hrodna

The study of state institution history in the Belarusian lands became one of the breakthrough directions of the national historical science at the beginning of the XXI century. As a result, not only individual articles, but also monographic works appeared that stimulated interest in both the history of state institutions of the Grand Duchy of Lithuania era and their local forms of government and self-government. Vitebsk District Nobility Council also played an important role in the system of local state institutions of the Grand Duchy of Lithuania. The history of the institution requires a full-fledged study, which is impossible without the introduction of new sources into scientific circulation and rethinking of the well-known ones.

The purpose of the article is a critical analysis of the prerequisites, circumstances and testimonies of the participants of Vitebsk Candlemas Day Council, 1640.

Material and methods. *The study was conducted on the basis of materials from the Central Archives of Historical Records in Warsaw. The article is prepared taking into account a wide range of historiographical works devoted to the study of the Ladislas Vaza reign. General historical and special methods were used, including comparative-historical, historical-systemic, formal-typological, retrospective ones.*

Findings and their discussion. *The information from epistolary sources about Vitebsk Deputy Council, which was held in February 1640, is analyzed. The main prerequisites and circumstances are identified, interpretations of the course of the District gentry meetings are presented, as well as a comparative characteristic of the council participants testimonies. The events that took place at the Candlemas Day Council in Vitebsk in 1640 were unprecedented in the course and results not only for Vitebsk Province, but also for the entire Grand Duchy of Lithuania. Nevertheless, historiography uses information about the Council mainly as a material for illustrating models for choosing the place for the gentry meeting. Meanwhile, the division of the Council was only an episode and one of the consequences of the split that had occurred in the local society. The information about the Deputy Council in Vitebsk has been preserved thanks to the descriptions of three representatives of the local gentry. Each letter essentially represents a separate interpretation of the facts.*

Conclusion. *The author comes to the conclusion that the extraordinary course of Vitebsk Deputy Council was due to both objective and subjective circumstances, but the main vector in the direction of the split was determined by the religious choice of the gentry. The conclusion is made about the direct connection of the events with the crisis phenomena in the political and religious life of the Polish-Lithuanian Commonwealth, about the division of the Council as a result of the implementation of the plans of the opposing groups and individuals.*

Key words: *Grand Duchy of Lithuania, nobility, district, council, governor, split, Candlemas Day, letter, protestants, Catholics, deputy.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 23–31)

Незвычайнасць, неардынарнасць гістарычнай падзеі амаль адразу становіцца зразумелай відавочцам і сучаснікам. Аднак нават самыя стрэсавыя для грамадства здарэнні паволі выціскаюцца з памяці і страчаюць актуальнасць. Іначай выглядае сітуацыя для стваральнікаў гістарычнага наратыву, для якіх унікальныя факты ўяўляюць асаблівую каштоўнасць, паколькі ператвараюцца ва ўніверсальны ілюстрацыйны матэрыял. Праўда, і тут ёсць свае нюансы: актуальным і запатрабаваным факт не заўсёды становіцца там, дзе ён меў месца. Нешта падобнае адбылося і з падзеямі, якія апынуліся ў цэнтры ўвагі аўтара дадзенага артыкула.

Гісторыя віцебскага грамічнага сойма 1640 г. рэхам разляцелася па землях усяго тагачаснага Вялікага Княства Літоўскага, але неўзабаве на некалькі стагоддзяў памяць пра яе нібы канула ў Лету. Айчынная гістарыяграфія пра лютаўскія падзеі 1640 г. у Віцебску працягвае годна маўчаць дагэтуль, між тым як рызнкамі нашай гісторыі шчодра аздабляюць свае працы польскія і літоўскія даследчыкі. Так, падзеі грамічнага супрацьстаяння ў Віцебску ў кантэксце традыцыйнага выбараў соймакавага дырэктара (спікера пасяджэнняў) ў ВКЛ згадаў польскі гісторык Генрык Віснер [1, s. 35–36]. Знакаміты даследчык гісторыі парламентарызму Анджэй Рахуба на падставе аднаго сведчання распавёў пра раскол на віцебскім сойміку ў кантэксце выбару месца нарадаў віцебскай шляхты [2, s. 88]. Літоўскі даследчык Артурас Васіляўскас таксама выкарыстаў звесткі пра падзеі на віцебскіх граміцах для ілюстрацыі розных мадэляў выбару месца правядзення соймакаў [3, s. 80]. На неадназначныя вынікі выбараў дэпутатаў віцебскай шляхтай і на рэлігійны кантэкст гэтых падзей не маглі не звярнуць увагу складальнікі спіса суддзяў Галоўнага Трыбунала ВКЛ [4, s. 233]. Схематычна і ў межах характарыстыкі парламенцкай кампаніі 1640 г. згадавае пра вынікі

грамічнага сойма польскі гісторык Томаш Кемпа [5, s. 477–478]. Сярод польскіх навукоўцаў найбольш дэталёва на падзеях, звязаных з віцебскім грамічным соймакам, спыняўся Яраслаў Завадскі, але толькі ў кантэксце характарыстыкі кіравання Віцебскім ваяводствам Крыштафам Кішкай [6, s. 224–225, 229]. Аднак, нягледзячы на такую запатрабаванасць, гісторыя віцебскага грамічнага сойма 1640 г. так і не стала прадметам асобнай увагі, больш таго, ні адна з пералічаных публікацый не ўтрымлівае спасылкі на ўвесь абмежаваны спектр крыніц. Адсюль відавочна, што наспела патрэба ў паўнаважным уключэнні падзей 1640 г. у Віцебску ў кантэкст айчынай гістарыяграфіі, каб зняць залежнасць ад замежнай літаратуры, альбо яе перакладаў [7, с. 95]. Унікальнасць гісторыі віцебскага сойма не адзіная прычына неабходнасці яе актуалізацыі і пераасэнсавання. Нельга не звярнуць увагу на тэарэтычны кампанент, які вынікае з гэтай гісторыі, звесткі пра якую з’яўляюцца яскравым прыкладам саборніцтва інтэрпрэтацый, ілюстрацый немагчымасці і неэфектыўнасці пазнання мінулага скрозь прызму толькі аднаго сцэнарыя.

Мэта дадзенага артыкула – крытычны аналіз перадумоў, абставін і сведчанняў удзельнікаў віцебскага грамічнага сойма 1640 г.

Матэрыял і метады. Даследаванне было праведзена на аснове матэрыялаў з Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве. Артыкул падрыхтаваны з улікам шырокага спектра гістарыяграфічных прац, прысвечаных вывучэнню часоў праўлення Уладзіслава Вазы. Выкарыстаны агульнагістарычныя і спецыяльныя метады, сярод якіх параўнальна-гістарычны, гістарычна-сістэмны, фармальна-тыпалагічны, рэтра-спектыўны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Кароткі змест падзей 2 лютага 1640 г. у Віцебску можна звесці да наступнага рэзюмэ. Падчас традыцыйнага сойма, які павято-

вая шляхта збірала на свята Маці Божай Грамнічнай для выбараў суддзяў (дэпутатаў) Галоўнага суда ВКЛ [8, s. 170–177; 2, s. 208], віцебскія абывацелі-шляхта не здолелі дамовіцца адносна месца правядзення выбараў і кандыдатур дэпутатаў. Фактычна адбыліся два соймакі. Адзін – пад старшынствам віцебскага стольніка Крыштафа Храпавіцкага, другі – пад старшынствам падваяводы Казіміра Гарадыскага. Абодва сходы дэкларавалі свой легальны статус і абралі па два дэпутаты. Фатальным наступствам такога падзелу стала тое, што, па ўсёй верагоднасці, ніхто з абраных не быў дапушчаны да працы ў 1640 г. у складзе Трыбуналу [4, s. 233]. *Унікальнасць віцебскага выпадку заключаецца ў тым, што, прынамсі, на вядомых дадзеных, гэта быў першы прыклад у ВКЛ раздвоенага дэпутацкага соймака з 1582 г., г.зн. з самага пачатку дзейнасці вышэйшай апеляцыйнай установы краіны* [4, s. 61–233]. Падзеі, якія здарыліся ў Віцебску, нельга разглядаць і прадстаўляць у адрыве як ад суб'ектўных персанальных фактараў (1), так і ад агульнага кантэксту сітуацыі ў ВКЛ (2).

Адсутнасць ваяводы як прычына росту грамадскай актыўнасці. Адным з каталізатараў таго, што мела месца, была сітуацыя з прызначаным летам 1639 г. віцебскім ваяводам Крыштафам Кішкай, які заняў пасаду пасля раптоўнай смерці ў Віцебску ваяводы Яна Ракоўскага 28 чэрвеня [9, s. 519]. Пасля атрымання 2 ліпеня 1639 г. намінацыі [10, s. 88] магнат абмежаваўся высылкай у Віцебск сваёй даверанай асобы (Яраша Мацкевіча), а сам даволі доўга адкладваў прыезд і афіцыйную працэдуру ўступлення на пасаду [6, s. 221–223]. На першы погляд, нічога экстраардынарнага не адбывалася, паколькі і папярэднік Кішкі, Ян Ракоўскі, пасля атрымання прывілеі ў лістападзе 1638 г. таксама не спяшаўся ў Віцебск і спачатку з'ездзіў на курорт, а зіму 1638–1639 гг. ён правёў у Заслаўі, так што паміж намінацыяй і ўрачыстым уездам прайшло мінімум чатыры месяцы [9, s. 519]. Але ў выпадку Кішкі справа дайшла да таго, што віцебскія абывацелі ці не слёзна пачалі складаць спецыяльныя “*петыцыі*” да ваяводы з просьбамі аб прыездзе. Такое пасланне, хутчэй за ўсё, не першае, віцебская шляхта выслала Кішку 14 снежня 1639 г. з рэляцыйнага (паслясоймавага) соймака. Сэнс гэтага кароткага і далікатнага звароту заключаўся ў просьбе прыехаць, прынамсі, на Грамніцы ў Віцебск, на што былі пэўныя спадзяванні, а калі гэта было б немагчыма, то прызначыць, нарэшце, гродскіх ураднікаў і выдаць адпаведныя элекцыйныя лісты на правядзенне выбараў віцебскага падкаморыя і падсудка. Цікава, што гэты дакумент фіксуе паступовае нарастанне крызісу трываласці ў мясцовай публіцы, якая, з аднаго боку, спрабавала зразумець Кішку, які “*не едзе не без пэўных меркаванняў*”, але, з іншага боку, спрабавала дзейнічаць больш рашуча, паколькі, як адзначалі самі віцебскія шляхціцы, “*гвалт нас вымушае*” [11, s. 1]. Яшчэ больш расчаравання было выказана ў лісце да К. Кішкі, складзеным 8 студзеня 1640 г. Ваяводзе паведамлялася пра наяўнасць “*голаду*

вялікага ў ажыццяўленні справядлівасці” і нагадвала, што з рэляцыйнага (паслясоймавага) соймака яму была выслана петыцыя, але ніякага адказу на яе не было. Гэта петыцыя была падрыхтаваная з нагоды паездкі “*у тамтой край*” былога гродскага пісара пана Базыля Шапкі Хатольскага, які меў даручэнне данесці ваяводзе просьбы віцеблян у вуснай форме [12, s. 1]. Здаецца, што менавіта гэты ліст засведчыў наяўнасць расколу ў асяроддзі віцебскай шляхты. Тэкст петыцыі быў падпісаны пераважна асобамі, зарыентаванымі на ваяводу (земскім пісарам Мікалаям Гуркам і падваяводам Казімірам Гарадыскім), больш таго, каталікамі, і не ўтрымліваў ніводнага подпісу актывістаў з ліку будучай апазіцыі [12, s. 1]. Фактычна, ліст ад 8 студзеня 1640 г. стаў своеасаблівай рэпетыцыяй таго, што адбылося ў лютым. Перадпанічныя настроі кішкаўскіх ураднікаў былі не толькі вынікам страты да іх даверу ва ўмовах адсутнасці ваяводы, але і рэакцыяй на структурызацыю апазіцыі, з шэрагаў якой вылучыўся аўтарытэтны лідар. Зусім невыпадкова, што ліст да ваяводы, складзены на рэляцыйным соймаку, калі ўсе галоўныя актывісты яшчэ былі разам, першым падпісаў мясцовы актывіст-дэсідэнт Крыштаф Храпавіцкі, віцебскі стольнік у 1630–1640-х гадах [13, s. 19; 14, s. 54].

Не адхіляючыся ад адзнак сведкаў падзей, польскі даследчык Яраслаў Завадскі паўтараў, што ў выпадку прысутнасці ваяводы на грамнічным соймаку, падзеі павінны былі пайсці па іншым сцэнарыі, але не патлумачыў, чаму магнат адкладаў прыезд у Віцебск [6, s. 224–225]. Сваю ролю магла адыграць прыродная пасіўнасць Кішкі, які ігнараваў выкананне сваіх сенатарскіх абавязкаў, але гэта была толькі адна з прычын. У большай ступені адмова ад публічных працэдур Кішкі была рэхам падзей 1638 г., калі ён, з'яўляючыся маршалкам, г.зн. старшынёй Трыбунала ВКЛ, быў пабіты студэнтамі Віленскай езуіцкай акадэміі і вымушаны быў ратавацца ўцёкамі. Да гэтай траўмы дадалася тое, што камянем у галаву была паранена яго жонка (па адной з версій, яна прыкідвалася), якую магнат у тым жа 1638 г. пахаваў [15, s. 510; 16, s. 122; 17, s. 410]. Так ці іначай, з 1638 па 1640 г. К. Кішка апынуўся ў цэнтры скандальнага судовага разбіральніцтва, якое стала прадметам публічных дыскусій [15, s. 510; 16, s. 122]. Для прадстаўніка арыстакратычнага сямейства ганебнасць гэтай гісторыі павялічылася з прычыны таго, што злачынцы фактычна засталіся беспакаранымі.

Тым не менш, давер манарха Кішка не страціў. Прызначэнне на пасаду віцебскага ваяводы можна расцэньваць як форму маральнай кампенсацыі з боку Уладзіслава Вазы, які часам прымаў неардынарныя кадравыя рашэнні. Не адкідваючы магчымасці просьбы з боку Кішкі аб намінацыі, відавочна, што новы ўрад быў яму дадзены ў нязручны час. Да ўсяго іншага, магла дадацца справа пра новы шлюб, які быў заключаны магнатам каля 1640 г. [15, s. 510].

Рэха палітычнай і міжканфесійнай барацьбы. Зацягванне з прыездам з'яўлялася істотным каталіза-

тарам падзей, звязаных з выбарамі дэпутатаў, але адсутнасць ваяводы, як адзначалася, не была экстраардынарнай падзеяй. Не менш, а магчыма, і больш істотным фактарам стала абвастрэнне палітычнай сітуацыі ў Вялікім Княстве Літоўскім на агульным фоне росту стомленасці ад бясперапынных парламенцкіх кампаній у Рэчы Паспалітай: за першыя сем год праўлення Уладзіслава Ваза склікаў восем соймаў. Сведчаннем перагрэву дзяржаўнай машыны быў першы ў гісторыі зрыў сойма, які безвынікова скончыў працу ў лістападзе 1639 г. [18, с. 381]. Калапс шляхецкай дэмакратыі, у сваю чаргу, адбываўся і на настройах грамадства. Паралельна з гэтым у другой палове 1630-х гадоў княства ўступіла ў чарговы цыкл палітычнага спаборніцтва, у выніку якога ў фактычнай апазіцыі да манарха апынулася групоўка біржанскіх Радзівілаў, вакол якіх аб’ядноўвалася пратэстанцкая шляхта [19, с. 40]. Узначаленая, бадай, самым аўтарытэтным палітыкам таго часу, віленскім ваяводам і вялікім гетманам Крыштафам Радзівілам, групоўка была вымушана актыўна змагацца за абарону і прадстаўніцтва сваіх інтарэсаў у дзяржаўных інстытутах ва ўмовах зменлівых настройаў манарха і жорсткай канкурэнцыі з боку супернікаў. У кантэксце віцебскіх падзей 1640 г. нельга не звярнуць увагу на тое, што якраз К. Кішку адносяць да ліку прыхільнікаў біржанскіх Радзівілаў [15, с. 510], а гэта само па сабе для дасведчаных асоб магло стаць стымулам для больш актыўнай дзейнасці. Асобна варта адзначыць, што змаганне за ўплыў на Трыбунал як інструмент лабіравання сваіх інтарэсаў займала важную ролю ў палітычнай барацьбе ў ВКЛ. Кожны павет і кожны дэпутат былі вартыя ўвагі, паколькі любы суддзя мог стаць старшынёй суда, маршалкам. Невыпадкова, што за час праўлення Уладзіслава Вазы трыбунальскімі маршалкамі найчасцей за ўсё становіліся асобы, сімпатызуючыя ці прыналежаючы да групоўкі біржанскіх Радзівілаў [20, с. 166]. Так было і ў 1640 г., калі адным з маршалкаў стаў звязаны з К. Радзівілам Якуб Тэадор Кунцэвіч [20, с. 163].

На спаборніцтва за ўплыў і ўладу накладваўся не менш істотны рэлігійны фактар, які з часоў інтэргнум і на пачатку праўлення Уладзіслава Вазы знаходзіўся ў цэнтры ўвагі усіх публічных дыскусій [21, с. 11–100]. Аднак з сярэдзіны 1630-х гадоў змены ў дынастычных планах манарха і збліжэнне з каталіцкай Аўстрыяй абумовілі лінію на канфрантацыю двара з пратэстанцкай супольнасцю, якая ў ВКЛ мела асаблівыя пазіцыі, дзякуючы аўтарытэтным лідарам [21, с. 101–140]. Паступовае нарастанне супярэчлівасцей вылілася ў шэраг міжканфесійных канфліктаў у ВКЛ [17, с. 402–408], кульмінацыяй якіх стала крывавае супрацьстаянне паміж каталікамі і пратэстантамі, якое пачалося 4 кастрычніка 1639 г. у сталічнай Вільні [17, с. 408–414]. Разбіральніцтвы па выніках гэтых падзей адбываліся ў наступным годзе, у тым ліку на момант правядзення грамічных соймаў у 1640 г. у сталіцы ВКЛ дзейнічала спецыяльная каралеўская камісія [17, с. 414–415]. Так што афіцыйна яшчэ не было вы-

значана, хто меў рацыю, а хто не, больш таго, ужо праз дзесяць дзён пасля заканчэння працы камісараў, 25 лютага, у Вільні адбыўся чарговы інцыдэнт з удзелам каталікоў і пратэстантаў [22, с. 303–304]. Супрацьстаянне перайшло ў іншую фазу, але не скончылася. Усё гэта не магло застацца незаўважаным у рэгіёнах, якія актыўна ўцягваліся асноўнымі палітычнымі ігракамі ў небезнадзейную, з іх пункта гледжання, партыю: так, чарговы віток палітычнага інфармавання павятовай шляхты з боку Крыштафа Радзівіла адбыўся ўжо напрыканцы лютага [22, с. 304].

Тры інтэрпрэтацыі адной падзеі. Дэталі і падрабязнасці віцебскіх падзей 1640 г. былі і застаюцца вядомымі дзякуючы захаваным лістам, у варшаўскай частцы знакамітага Архіва Радзівілаў [23–25]. Эпістэлярныя самі па сабе даволі суб’ектыўная форма адлюстравання рэальнасці, але ў нашым выпадку няма магчымасці іх верыфікацыі з іншымі крыніцамі: нават імёны абраных дэпутатаў вядомыя толькі дзякуючы гэтым лістам. Пра іх адносную аб’ектыўнасць сведчыць толькі тое, што лісты былі па форме прыватнымі, а па сутнасці – службовымі. Прычым службовымі не толькі ў прамым сэнсе, але і з улікам спецыфікі кліентальных адносін. Гэта па сутнасці былі справаздачы кліентаў перад сваімі патронамі (фармальнымі і рэальнымі). Важнай акалічнасцю з’яўляецца тое, што аўтары лістоў былі не звычайнымі сведкамі падзей, а галоўнымі дзеючымі асобамі грамічнай сваркі. У першую чаргу, гэта віцебскі стольнік Крыштаф Храпавіцкі (а) і віцебскі падваявода Казімір Гарадыскі (б). Даволі характэрнымі былі іх адрасаты: стольнік паведамляў свайму патрону, віленскаму ваяводзе і вялікаму гетману ВКЛ Крыштафу Радзівілу, а падваявода пісаў да віцебскага ваяводы. Акрамя Гарадыскага, пра тое, што ўбачыў і пачуў на грамічным сойміку асобна напісаў К. Кішку іншы інфарматар, віцебскі гродскі пісар Базылі Шапка Хатольскі (с). Такім чынам, вядомыя тры апісанні падзей. З улікам таго, што два лісты адлюстроўвалі пункт гледжання прыхільнікаў віцебскага ваяводы, а адзін пратэстанцка-праваслаўнай шляхты, можна фактычна казаць пра дзве версіі. Тым не менш, лісты Гарадыскага і Шапкі Хатольскага належыць прадставіць асобна, паколькі яны маюць важныя адрозненні ў дэталях і характарыстыках.

а) “...яшчэ больш мяне падштурхнуў загад Вашай Міласці”: версія Храпавіцкага. Уласную трактоўку Храпавіцкі прадставіў у лісце, складзеным 4 лютага 1640 г., г.зн. літаральна па гарачых слядах падзей [23]. Фактычна гэта была тэзісная справаздача перад Крыштафам Радзівілам, які даслаў Храпавіцкаму неабходны інструктаж (“пункты, датычныя той справы”) яшчэ напярэдадні грамічных мерапрыемстваў. У Храпавіцкага было дастаткова часу, дакладней, тыдзень, з моманту атрымання ліста ад Радзівіла, каб падрыхтавацца. Такім чынам, ёсць падставы сцвярджаць, што прыхільнікі стольніка не дзейнічалі спантанна, а рэалізавалі прадуманую праграму, якую належала трымаць у таямніцы: на пачатку ліста столь-

нік асабліва падкрэсліў, што ён “з ніводнай жывой душой пра тое не размаўляў і чужым не давяраўся”. У адпаведнасці з гэтым Храпавіцкі разаслаў толькі ад свайго імя лісты (“*праз мае пасланні*”) да шэрагу выразных (пратэстантаў) і патэнцыйных (праваслаўных) прыхільнікаў з мэтай забяспечыць іх максімальную прысутнасць на будучым сойміку. Галоўнай мэтай гэтай перадсоймікавай камунікацыі было ўздзеянне менавіта на праваслаўных, якіх, згодна з тагачаснай тэрміналогіяй, ён называў “*старой Руссю*”. Паводле Храпавіцкага, яму ўдалося яшчэ да пачатку сойма схіліць апошніх на свой бок, акцэнтуючы ўвагу на тым, што праваслаўныя “*трываюць вялікі пераслед і вольнага не маюць набажэнства*”. Відавочнай праграмай мінімум для стольніка быў збор неабходнай колькасці асоб, каб гарантаваць абранне, прынамсі, прапарцыйнага камплекта дэпутатаў [23, s. 44].

Далей падзеі разгортваліся, па версіі Храпавіцкага, наступным чынам. У сам грамнічны дзень прыхільнікі стольніка даведаліся, праўда, невядома якім чынам, што каталікі, альбо, як іх назваў Храпавіцкі, “*панове рымляне і князь*”, пачалі граць уласную гульню, мэтай якой было абранне дэпутатаў толькі са сваёй групойкі без уліку інтарэсаў пратэстантаў і праваслаўных. Менавіта так былі праінтэрпрэтаваны дзеянні каталікоў, якія адразу пасля набажэнства ў касцёле рушылі да дома “*пана падваяводы*”, дзе вырашылі правесці сойм. Уласна выбар месца пасяджэння быў галоўным пунктам, які павінен быў справакаваць супярэчнасці, паколькі, паводле Храпавіцкага, гэта было месца “*незвычайнае*”, свядома абранае адной з партый, каб падкрэсліць сваю перавагу. Традыцыя, прынятая норма, як вядома, з часам набывае сакральны характар. Менавіта на гэтым ставіў акцэнт стольнік, паколькі выбар іншага месца для сойма сімвалізаваў разрыў з вядомай практыкай і таму з’яўляўся неправамоцным. Таму адступаць Храпавіцкі не жадаў і са сваімі прыхільнікамі размясціўся ў доме віцебскага земскага суддзі (на той момант ім з’яўляўся Самуэль Багданавіч Старасельскі [14, s. 52]), дзе, як ён падкрэсліў, “*суды адбываюцца і сесіі ўсялякія публічныя звычайна праходзілі, у тым ліку і падчас небяспекі*”. Прадстаўнічасць гэтага сходу была забяспечана не толькі прысутнасцю пратэстантаў і праваслаўных, але і каталікоў, якіх “*было немала*”! Акрамя таго, да групойкі Храпавіцкага далучыўся былі “*пан дэпутат*”. Ім, несумненна, з’яўляўся віцебскі чашнік Аляксандр Жаба, які разам з Янам Уладзіславам Сангушкай, быў трыбунальскім суддзёй у папярэднім 1639 г. [4, s. 229]. Потым пачалося саборніцтва аргументаў і пошук кампрамісаў. Абодва бакі высылалі пасланцаў і запрашалі сваіх апанентаў далучыцца да іх кола. Каталікі настойвалі на тым, што маюць у сваіх шэрагах больш важных ураднікаў, а прысутныя ў доме суддзі шляхціцы сцвярджалі, што сабраліся ў належным месцы, больш таго, з імі быў дэпутат (А. Жаба). Фіналам сюжэта з узаемнымі запрашэннямі стала давядзенне сітуацыі да невырашальнай дилемы: альбо саступіць апаненту,

альбо страціць гонар. Менавіта гэтым прынцыповым аргументам Храпавіцкі і яго прыхільнікі прыкрыліся, каб не ісці ў дом падваяводы. Пасля прыняцця рашэння аб недалучэнні да каталікоў дэсідэнцкі сойм прыступіў да працэдуры абрання дырэктара, як тады шляхта называла спікера пасяджэння. Ім лагічна стаў сам Храпавіцкі, які, у сваю чаргу, паспрыяў абранню дэпутатамі сваіх людзей: пратэстанта Крыштафа Жабы і праваслаўнага Сямёна Пышніцкага. Важна, што пры зацвярджэнні гэтага камплекта шляхта ўлічыла як інтарэсы асноўнай масы прысутных, так і кваліфікацыю кандыдатаў: пра Пышніцкага стольнік напісаў, што той “*чалавек сумленны і дасведчаны ў правазнаўстве*” [23, s. 44–45].

Адчуваючы супярэчлівасць сітуацыі, Храпавіцкі быў вымушаны давесці да свайго патрона вынікі паралельнага сойма, на якім вялі рэй каталікі. Стольнік інфармаваў Радзівіла аб тым, што на каталіцкім сойміку была прынята прысяга новых гродскіх ураднікаў, пасля чаго спікерам быў абраны пан падваявода, а выбары дэпутатаў скончыліся зацвярджэннем дзвюх асоб: Яна Васілеўскага, “*лепшага ўніята*”, і пана Старасельскага, “*на нічога не здольнага рымляніна*”. Цікава, што прысутныя на гэтым сойміку назвалі свой сход “*ваяводаўскім*”, каб наўмысна падкрэсліць нелегальнасць сойма Храпавіцкага. Па гэтай прычыне стольнік выклаў перад Радзівілам свае довады, адзначаючы, што ні ён, ні хто іншы нічога не мелі супраць віцебскага ваяводы, “*хоць яго міласць пан ваявода дэ факта не выканаў працэдуру пераймання пад сваю ўладу ваяводства, каб [на гэтай падставе] мы ўсе згодна прыбылі на сойм і [прызначаных ім новых] гродскіх ураднікаў прынялі*” [23, s. 45]. Такім чынам, з фармальна-юрыдычнага пункта гледжання Храпавіцкі меў рацыю, а да актыўных дзеянняў яго падштурхнулі толькі правакацыі (“*учынкі*”) апанентаў. Лагічным адказам групойкі Храпавіцкага стала складанне “*маніфестацыі*” супраць абраных на “*ваяводаўскім*” сойміку дэпутатаў і зацверджаных ураднікаў. Гэта заява павінна была быць зафіксавана ў актавых кнігах аршанскага гродскага суда. Далей стольнік паведаміў, што абраныя пад яго даглядам асобы атрымалі неабходныя дакументы і выказаў спадзяванне, што Радзівіл паклапоціцца пра далейшы лёс “*паноў дэпутатаў*”: “*Перадаю іх пад ахову Вашай Княскай Міласці і разумею, што пры Вашай падтрымцы яны стануць суддзямі і наш гонар ва ўсім будзе захаваны*”. Храпавіцкі не меў ілюзій адносна таго, што камплекты дэпутатаў з абодвух соймаў будуць верыфікавацца перад пачаткам працы Трыбунала, таму падказваў Радзівілу аргумент, на падставе якога, адзін з абраных каталікамі (пан Васілеўскі) не можа стаць суддзёй, “*паколькі падчас вайны нічым не вызначыўся, таму такіх асоб нельга абіраць ні дэпутатамі, ні [соймавымі] пасламі*”. Нарэшце, у фінальным фрагменце ліста стольнік распавёў, хто персанальна стаяў за ўсім грамнічным скандалам і шэрагам іншых падзей. Гэтым чалавекам быў віцебскі гродскі пісар Б. Шапка Хатольскі, “*раз’юшаны атрутны*

рымлянін”, які паспрыяў абранню дэпутатам свайго зяця – Я. Васілеўскага. Рэлігійны падтэкст інтрыг гродскага пісара Храпавіцкі прайлюстраваў іншым прыкладам. Паводле стольніка, менавіта па парадзе Б. Шапкі Хатольскага віцебскі падваявода загадаў запячатаць пабудаваную на прадмесці царкву, што пазбавіла праваслаўных магчымасці мець “вольнае набажэнства”. На гэтай падставе Храпавіцкі прасіў К. Радзівіла ўгаварыць віцебскага ваяводу прызначыць іншага гродскага пісара [23, s. 45].

б) “3 аказіі ... ведамасці Вашай Міласці Маяму Міласціваму Пану перадаю”: версія Гарадыскага. Ліст Казіміра Гарадыскага, які высылаў пошту “з аказіі праз казака”, быў датаваны 7 лютым 1640 г. [24]. Гэта пасланне ўтрымлівала толькі апісанне падзей грамадзянскага сойма, што сведчыць пра іх экстраардынарнасць, з пункта гледжання адраасанта. Падваявода быў перакананы, што падзеі не былі вынікам збою ў паводзінах абывацеляў, якія вырашылі правесці сойм “адразу пасля набажэнства ў касцёле, а не пасля пірушкі (post pocula)”. Тым не менш, ні малітвы, ні відавочная цвярозасць не ўратавалі ад таго, што адбылося. Падваявода пісаў Кішку: “Паны ўраднікі і паны абывацелі амаль усе, колькі іх на той час было, да маёй гасподы прыйшлі, акрамя некалькіх іх міласцей рэлігійных дэсідэнтаў, а менавіта: яго міласці пана стольніка Храпавіцкага, яго міласці пана судзіча Старасельскага, паноў Пыпкаў і некалькіх пры іх міласцях паноў абывацеляў” [24, s. 3]. Апошнія сабраліся ў доме віцебскага земскага судзі, пры чым яны “учынілі сабе сесію” ў час адсутнасці гаспадара. Легальнасць свайго сходу Гарадыскі падмацоўваў не толькі аргументам аб колькаснай (“амаль усе”), але і аб якаснай перавазе сваіх прыхільнікаў: “Паны ўраднікі земскія, а дакладней яго міласць пан падстоі Гурко і яго міласць пан пісар Гурко і былыя паны дэпутаты, і яго міласць пан Мацкевіч, слуга вашай міласці з лістом вашай міласці маяго міласцівага пана і патэнтам”. Але падваявода, відавочна, перастрахоўваўся, згадваючы, што перавага была ўсё ж тэмпаральна рэальна “на той час” [24, s. 3].

Звесткі Гарадыскага маюць пэўны супярэчнасці. Як вынікае з пачатку ліста падваяводы, падзел шляхты адбыўся пасля ўрачыстай імшы, г.зн. што пачаткова ўсе былі разам. Але ці ўсе, асабліва дэсідэнты, прысутнічалі на імшы ў касцёле? Калі былі, то што – моўчкі разыйшліся па розных сядзібах? Сам падваявода дае падставы ў гэтым сумнявацца. Гарадыскі адзначаў ніжэй, што ён са сваімі прыхільнікамі, “ведаючы, што яго міласць пан стольнік на той час быў у месце Віцебскім”, вырашылі яго пачакаць і нават высылалі просьбы прыйсці да дома падваяводы. У адказ на гэта Храпавіцкі і “некалькі іх міласцей” адказалі, што гэта Гарадыскі і іншыя павінны далучыцца да іх і прыйсці да дома земскага судзі, “дзе звычайна адбываюцца пасяджэнні земскага суда” [24, s. 3]. Незадаволенны такім адказам, прыхільнікі Гарадыскага яшчэ двойчы звярталіся з заклікамі далучыцца да іх. Самі просьбы

падваяводы сведчаць пра яго няўпэўненасць, жаданне знайсці кампраміс. Ведаючы аўтарытэт і сувязі Храпавіцкага, проста абмінуць яго было сапраўды складана. Далей падваявода фактычна пачаў апраўдвацца за здарэнне перад ваяводам, тлумачычы, што, па-першае, фармальна не існавала правіла правядзення соймаў у доме судзі, па-другое, ва ўмовах адсутнасці спецыяльнага памяшкання (“Дома Пана Ваяводы”) соймакі праводзіліся ў розных “дамах шляхецкіх” (пана Агінскага, пана Сівіцкага, пана Войны, Анацкевіча і інш.), прычым адбывалася гэта як пры адсутнасці, так і прысутнасці земскага судзі. Апошняя кропка стаў працытаваны характэрны адказ прыхільнікаў стольніка, што яны, маўляў, “не баяры і ні ў якім выпадку не прыйдуць”. У сваю чаргу, абывацелі, сабраныя ў доме падваяводы, уражаныя такім адказам, “параішыся (!) адказалі, што і мы таксама ніякія не баяры, але шляхта” [24, s. 3–4]. Пошук кампрамісу скончыўся, калі была закранутая шляхецкая годнасць, якая ў тагачасным станавым грамадстве з’яўлялася выключнай каштоўнасцю. Асобную цікавасць выклікае жорсткая сепарацыя віцебскай шляхты ад такой сацыяльнай групы тагачаснага грамадства, як баяры, назва якой выкарыстоўвалася павятовымі абывацелямі ў грэблівым, прыніжальным сэнсе.

Пасля гэтага кульмінацыйнага моманту, па словах падваяводы, сабраныя пачалі звычайную працедуру соймавання: найперш, абралі спікера, якім стаў сам Гарадыскі. Наступным быў прачытаны ліст ад К. Кішкі, абвешчаны змест “патэнта”, на падставе якога былі прызначаны гродскія ўраднікі і прынята іх прысяга [24, s. 4]. Цікавы эпізод адбыўся падчас традыцыйнай працедуры прыняцця падзякі ад шляхты за службу дэпутатаў папярэдняй кадэнцы, г.зн. за 1639 г. Так, згаданы Я.У. Сангушка, віцебскі ваяводзіч, які асабіста не змог прыехаць на сойм, прыняў падзяку праз свайго слугу Няшылу, а іншы былы дэпутат А. Жаба, са слоў падваяводы, “зладзіў скандал” з-за адабраных у яго віцебскім эканомам Мацкевічам уладанняў і пакінуў пасяджэнне, не атрымаўшы належнай падзякі [24, s. 4–5]. Пры гэтым Гарадыскі не паведаміў, што Жаба пайшоў на сойм да Храпавіцкага. Пасля інцыдэнту з А. Жабай прысутныя прыступілі да абрання дэпутатаў, якімі сталі з іх волі пан Ян Васілеўскі і Самуэль Старасельскі. Згадаў Гарадыскі і пра альтэрнатыўныя выбары, пра якія даведаліся пасля “афіцыйнага” сойма. Так, пан стольнік з некалькімі прыхільнікамі і толькі “з жадання ісці насуперак”, бо не меў ніякіх юрыдычных падстаў, “не ведаю паводле якой нормы (quo iure)”, абраў дэпутатамі пана Пышніцкага і пана Крыштафа Жабу. Акрамя таго, Храпавіцкі збіраўся пачаць працэс супраць новапрызначаных гродскіх ураднікаў, праз што паказваў сваю “недабразычлівасць” у адносінах да самога ваяводы. Такім чынам, Гарадыскі фактычна схіляў ваяводу да высновы, што ва ўсёй гісторыі, персанальна вінаваты Храпавіцкі, які сваімі падступнымі дзеяннямі збаламуціў мясцовае грамадства, “нарушыў мір між

братамі”. Апакаліптычных высноў з усёй гэтай гісторыі Гарадыскі не рабіў, а галоўным лекам ад усіх непрыемнасцей, на яго думку, ізноў жа быў хуткі прыезд у Віцебск самога ваяводы [24, s. 4–5].

с) *“...не здарылася б тое, што здарылася”*: версія *Шапкі Хатольскага*. Ліст Базыля Шапкі Хатольскага быў таксама, як пасланне Храпавіцкага, складзены неўзабаве пасля грамнічных падзей і меў такую ж дату (4 лютага 1640 г.) [25, s. 7–9]. Гэты ліст выконваў дзве задачы: па-першае, падзякаваць за прызначэнне на ўрад; па-другое, прадставіць падрабязнасці соймавых падзей такім чынам, каб у ваяводы не ўзнікла ніякіх сумненняў у ляльнасці адрасанта. Нельга не заўважыць, што з першага радка складальнік ліста не хаваў пачуцця няёмкасці за неабходнасць даносіць непрыемныя навіны з Віцебска, што ў цэлым адбілася на логіцы тэксту, яго пэўнай хаатычнасці. Адметна, што пачатак ліста быў складзены так, каб не існавала сумненняў у сапраўдных прычынах і віноўніках здарэння. Базыль Шапка Хатольскі адразу пачаў з аксіёмы, што падзеі разгарнуліся б іначай, калі б *“даў пан Бог вашай міласці майму міласціваму пану тут самому ў Віцебску прысутніцаць на тым грамнічным сойміку”* [25, s. 7]. Акрамя канстатацыі віны самога Кішкі (!), пісар быў перакананы ў існаванні тых, хто свядома працаваў на *“знявагу”* ваяводы, шкодзіў, сыходзячы з неакрэсленай *“недабразычлівасці”* [25, s. 7].

Сваю гісторыю ён пачаў з моманту вяртання ваяводскага слугі і яго фактычнага намесніка Яраша Мацкевіча ў Віцебск, пасля паездкі да Кішкі. Шапка пацвердзіў, што Мацкевіч прывёз ад ваяводы *“патэнт”* на права займаць гродскія ўрады, у тым ліку і *“на тутэйшае гродскае пісарства”*, за што ён выказваў асабліваю падзяку за давер, а дакладней, за пралангацыю яго ўрадніцтва, паколькі Шапка з’яўляўся пісарам і пры папярэдніку Кішкі. Больш таго, ён асобна паабяцаў зрабіць усё магчымае, каб абараніць *“гонар”* ваяводы [25, s. 7]. Праўда, ужо першае выпрабаванне ў змаганні за гонар начальства, як разумеў сваю службу новаспечаны пісар, было правалена. Яго версія грамнічнай гісторыі выглядала наступным чынам. Напярэдадні грамнічнага соймака пан Я. Мацкевіч праінфармаваў Б. Шапку і іншых, што соймаковым дырэктарам будзе К. Гарадыскі, паколькі меў такі загад ад ваяводы. Акрамя таго, папярэдне былі зацверджаны кандыдатуры дэпутатаў ад *“партыі Вашай Міласці”*. Маючы такі план, прыхільнікі К. Кішкі пасля набажэнства ў касцёле *“ўсёй грамадой”* адразу рушылі да абранага падваяводай месца, але там апынуліся не ўсе, а толькі большасць. Меншая *“грамада”* віцебскай шляхты на чале са стольнікам не пажадала далучыцца да К. Гарадыскага. У выніку Храпавіцкі і іншыя не выслухалі прысланыя ад ваяводы адказы на іх жа пытанні, а таксама не даведаліся зместу *“ легацыі ”*, альбо паслання, якое ад імя ваяводы прадставіў Я. Мацкевіч. Ва ўсіх гэтых здарэннях гродскі пісар абвінаваціў асабіста Храпавіцкага, які дзейнічаў *“заўжды супраць разумных довадаў”* і па схеме, нібы адпрацаванай пры

папярэдніх ваяводах [25, s. 7]. Далей Б. Шапка паведаміў, што прыхільнікі Храпавіцкага сабраліся ў доме *“земскага суддзі”*. Гэта, у сваю чаргу, выклікала заклапочанасць *“паноў земскіх ураднікаў”*, а дакладней, персанальна падстоля і земскага пісара (імя на той час былі Андрэй і Мікалай Гуркі [14, с. 53–55]). Сыходзячы з таго, што меншая грамада мела далучыцца да большай, К. Гарадыскі і яго прыхільнікі ажно чатыры разы запрашалі Храпавіцкага з кампаніяй прыйсці да іх. Сярод аргументаў, на якіх настойваў стольнік, было няслушнае месца, абранае падваяводам для нарадаў. На што ў Мацкевіча меўся контраргумент: *“Пасля таго як двор ваяводы згарэў, дом яго міласці пана суддзі не быў спецыяльна прызначаны для правядзення соймакаў, якія адбываліся ў дзясятку іншых дамоў, а часта і тлумна нават у доме былога падваявода пана Жукоўскага”* [25, s. 8]. Не жадаючы патрапляць пад дыктат стольніка і з мэтай скінуць *“яро адной асобы”* (*“imperio sum iugum”*), але найбольш дбаючы пра гонар самога ваяводы у вачах *“людзей высокадумных”*, пан падваявода распачаў нарады соймака [25, s. 8]. Далей усё адбывалася па зацверджанай К. Кішкай праграме: дырэктарам абраны быў падваявода, новапрызначаны склад гродскага суда выканаў прысягу, а пасля падзякі былому дэпутату, *“князю яго міласці Сангушке”*, замест якога са справаздачнай *“запіскай”* выступіў слуга, прысутныя прыступілі да выбараў дэпутатаў. Адзнака новаабраных кандыдатаў для выканання функцый трыбунальскіх суддзяў з боку пісара была даволі эфектнай, асабліва ў фінальным фрагменце: *“Людзі добрыя, радавітыя, дасведчаныя ў правазнаўстве і радыя служыць вашай міласці майму міласціваму пану”* [25, s. 8]. Першым з іх быў сын віцебскага войскага Ян Васілеўскі, а другім – пан Старасельскі, *“блізкі сваяк”* земскага суддзі. Гэтым выдатным кандыдатам Храпавіцкі *“са сваімі сваякамі па сястры, іх міласціямі панамі Жабамі”* супрацьпаставілі канкурэнтаў, якія не атрымалі ніякіх іншых адзнак, акрамя *“русін схізматык”* пра Сямёна Пышніцкага і *“евангелік”* пра Крыштафа Жабу [25, s. 8]. Але самае цікавае Шапка Хатольскі, згодна з законам мастацкага твора, слушна паведаміў у апошнюю чаргу. Праз свайго інфарматара ён даведаўся, што падчас размовы паміж прысутнымі на сойміку, відаць, сам Храпавіцкі абмовіўся, што мае загад ад *“пана гетмана”*, г.зн. Крыштафа Радзівіла, каб ніводзін каталік не стаў дэпутатам. Заканчваючы сваё апісанне, Базыль Шапка Хатольскі канстатаваў неардынарнасць сітуацыі наступным чынам: *“Становішча для соймакаў нашых ніколі дагэтуль у нашым ваяводстве з часоў дзядоў і прадзядоў нечуванае”* [25, s. 8–9]. Базыль Шапка таксама выказаў спадзяванне, што Я. Мацкевіч больш падрабязна праінфармаваў пра *“рашучыя настроі непрыхільных”* К. Кішку асоб, каб папярэдзіць наступ на *“гонар”* ваяводы. А закончыў ліст пісар той думкай, з якой пачаў: адзіным выйсцем з усіх праблем быў найхутчэйшы прыезд ваяводы, ад прысутнасці якога ўсё стане на належнае месца, а даслоўна, *“як ад агню расплавіцца лёд”* [25, s. 9].

Зводная характарыстыка крыніц. Усе тры версіі аднолькава прадстаўляюць логіку развіцця падзей і персанальныя дадзеныя, што дазваляе кожную з іх разглядаць паасобку як магчымую крыніцу інфармацыі. Зводка несупярэчлівых фрагментаў лістоў выглядае наступным чынам:

- мэта адрасантаў: *наведамленне пра соймак і самапраўданне;*
- план: *кожны выконваў інструкцыю свайго патрона;*
- галоўныя дзеючыя асобы: *стольнік і падваявода;*
- этапнасць падзей: *іміша, падзел па дамах, пошук кампрамісу, асобныя нарады;*
- вынікі соймакаў: *персанальныя звесткі пра абраных дэпутатаў;*
- генеральная прычына здарэння: *адсутнасць ваяводы;*
- дадатковая прычына падзелу шляхты: *персанальныя інтрыгі, веравызнанне, гонар.*

Разам з тым кожны з адрасантаў Храпавіцкі (а), Гарадыскі (б) і Шапка Хатольскі (с) некалькі іначай перадавалі і тлумачылі прычыны здарэння, а версіі (а) аб'ектыўна супрацьстаялі версіі (б + с). У першую чаргу, гэта датычыцца персанальнай адказнасці за раздваенне соймака: Храпавіцкі вінаваціў Гарадыскага і Шапку Хатольскага, якія, са свайго боку, аўтарам скандала лічылі стольніка. Асобна трэба звярнуць увагу на тое, што Гарадыскі і Храпавіцкі ў сваіх лістах фактычна ігнаруюць ролю Я. Мацкевіча, што кантрастуе са зместам ліста Шапкі Хатольскага. Вельмі важным пунктам разыходжання былі аргументы адносна традыцыйнага месца правядзення соймаковых нарадаў, што дае шырокі спектр інфармацыі пра практыку соймавання віцебскай шляхты. Разыходзіліся аўтары лістоў (па формуле (а) – (б + с)) у адзнацы колькасці, канфесійнага і ўрадніцкага складу ўдзельнікаў соймакаў, а таксама адносна кваліфікацыі, асоб абраных дэпутатамі: кожны тут адстойваў сваё бачанне.

Вельмі важны нюанс вынікае з параўнання лістоў Гарадыскага і Хатольскага. Абодва кішкаўскія ўраднікі добра ўсведамлялі, прынамсі, пра гэта пісаў гродскі пісар, што іх лісты не будуць адзінай крыніцай інфармацыі для ваяводы, таму іх звесткі не павінны былі выглядаць супярэчліва. Але несупярэчлівасць не адзначае большай паўнаты і шчырасці. У гэтым сэнсе ліст падваяводы саступаў лісту гродскага пісара, які быў не толькі даволі рэзкім у адзнаках, але і наведваў пра тое, што Гарадыскі не згадаў, але павінен быў данесці абавязкова: аб рэалізацыі Храпавіцкім плана віленскага ваяводы. Іншая справа з Храпавіцкім, які відавочна з'яўляўся адзіным інфарматарам Крыштафа Радзівіла, таму мог дазволіць сабе нешта недасказаць. Так, ён абяцаў захоўваць у таямніцы наяўнасць радзівілаўскай інструкцыі, але слова не стрымаў і пра гэта не напісаў. Храпавіцкі быў больш свабодны ў ад-

носінах да свайго патрона, нават даваў яму свае рэкамендацыі і не столькі апраўдваўся перад ім, колькі за справу. Іншая сітуацыя была ў кішкаўскіх службоўцаў, якія адчувалі віну за тое, што не здолелі адстаяць, перш за ўсё, гонар ваяводы.

Заклучэнне. Падзеі на грамічным соймаку 1640 г. у Віцебску былі вынікам сукупнасці аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў. З аднаго боку, яны былі плёнам супярэчлівай палітыкі манарха і нарастання крызісных з'яў ва ўсёй шляхецкай рэспубліцы – Рэчы Паспалітай. Сваю ролю ў раздваенні лакальнага грамадства таксама адыграла канфігурацыя палітычных сіл у ВКЛ, дзе шляхта, па сутнасці, была падзелена на некалькі групавак, якія арыентаваліся на найбольш амбітных і пасіянарных прадстаўнікоў арыстакратычных родаў. Вельмі важна канстатаваць, што падзел віцебскай шляхты быў у значнай ступені інспіраваны зверху, а прайшоў ён па найбольш вызначальнай падаснове любой палітычнай культуры, яе канфесійнай складаючай. З іншага боку, бясспрэчным каталізатарам грамічных падзей сталі дзве персанальныя сітуацыі – адсутнасць ваяводы і лідарскія амбіцыі віцебскага стольніка.

Раскол засведчыў даволі важную дынаміку ў развіцці шляхецкай дэмакратыі, якая эвалюцыянавала да лакальнай аўтаркіі правячага класа. Слабасць дзяржаўных інстытутаў ВКЛ была абумоўлена палітычнай ідэалогіяй шляхты, якая, тым не менш, прызнавала аўтарытэт улады. Але ва ўмовах яе адсутнасці, сумніўнай легальнасці і нелегітымнасці, павятовыя абывацелі былі ў стане пераадолець піетэт перад ураднікамі, іх слугамі і пайсці на дзеянні, якія разбуралі агульнапрынятыя ў саслоўным грамадстве нормы паводзін. Менавіта таму, згода, альбо, як пісаў у сваім лісце К. Гарадыскі, “*мір паміж братамі*”, як адна з базавых каштоўнасцей шляхецкай культуры была патрактавана як перашкода, штучны атавізм і ў выніку стала часткай гісторыі.

Літаратура

1. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2001. – 144 s.
2. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 376 s.
3. Vasiliauskas, A. The practice of citizenship among the Lithuanian nobility, ca 1580–1630 // Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth. Poland-Lithuanian in Context, 1550–1772 / Edited by Karina Friedrich and Barbara M. Pendzich / Vasiliauskas, A. – Leiden-Boston: BRILL, 2009. – P. 71–102.
4. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis / pod red. Andrzeja Rachuby. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. – 470 s.
5. Kempa, T. Wobec kontreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – 624 s.

6. Zawadzki, J. Krzysztof Kiszka jako wojewoda Witebski w latach 1639–1646 / Zawadzki J // Litwa w epoce Wazów. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2006. – S. 219–235.
7. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. / А. Рахуба. – Мінск: Медысон, 2008. – 424 с.
8. Zakrzewski, A.B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki / A.B. Zakrzewski // Wydział prawa i administracji Uniw. Warszawskiego. – Warszawa: LIBER, 2000. – 257 s.
9. Nagielski, M. Rakowski Jan Wojciech / M. Nagielski, T. Wasilewski // Polski słownik biograficzny. T. XXX. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. – S. 517–519.
10. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków: Druk. Wł. Ananicza i Spółki, 1885. – 351 s.
11. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów, Dz. II, Sygn. 1180. – S. 1.
12. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów, Dz. II, Sygn. 1185. – S. 1.
13. Wasilewski, T. Wstęp / T. Wasilewski // Chrapowicki, J.A. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978. – S. 1–74.
14. Радаман, А. Земскія ўраднікі Віцебскага ваяводства ў другой палове XVI – першай палове XVII стст.) / А. Радаман, В. Галубовіч, Д. Вілімас // *Commentarii polocenses historici*. – 2005. – Т. II. – С. 51–61.
15. Wasilewski, T. Kiszka Krzysztof / T. Wasilewski // Polski słownik biograficzny. – T. XII. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1966–1967. – S. 510–511.
16. Radziwiłł, A.S. Pamiętniki o dziejach w Polsce / A.S. Radziwiłł – Warszawa: PIW; 1980. – Т. 2. – 554 s.
17. Kempa, T. Konflikty wyznaniowe w Wilnie od początku reformacji do końca XVII wieku / T. Kempa. – Toruń: Wydawnictwo naukowe uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2016. – 800 s.
18. Соймы ВКЛ 1440–1568 і Рэчы Паспалітай 1569–1793 // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.* – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 380–382.
19. Рахуба, А. Палітычныя групы ў ВКЛ (1569–1732) / А. Рахуба // *Спадчына*. – 2002. – № 5–6. – С. 32–46.
20. Walden, A. Maraszkowie świeccy Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1633–1648 / A. Walden // *Czasopismo prawno-historyczne*. – Т. LXV. – 2003. – Z. 1. – S. 143–173.
21. Dziegielewski, J. O tolerancję dla zdominowanych. Polityka wyznaniowa Rzeczypospolitej w latach panowania Władysława IV / J. Dziegielewski. – Warszawa: PWN, 1986. – 229 s.
22. Wisner, H. Rzeczpospolita Wazów. Czasy Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2002. – 338 s.
23. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów, Dz. V, Sygn. 2157. – S. 44–46.
24. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów, Dz. V, Sygn. 5414. – S. 3–5.
25. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów, Dz. V, Sygn. 2141. – S. 7–10.

Паступіў у рэдакцыю 17.03.2022

Хіславіцкая воласць XVI – пачатку XVII ст.

Мяцельскі А.А.

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

Гісторыка-геаграфічныя даследаванні заўсёды прыцягваюць увагу вучоных, таму што да сённяшняга дня застаецца шмат адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак, пра час існавання якіх і пра тэрыторыю якія яны займалі, захавалася недастаткова інфармацыі. Адной з такіх адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак Вялікага Княства Літоўскага была Хіславіцкая воласць.

Мэта артыкула – высвятленне часу існавання і тэрыторыі Хіславіцкай воласці, што знаходзілася на памежжы ВКЛ з Рускім царствам на Пасожжы.

Матэрыял і метады. Для напісання артыкула ўжыты матэрыялы, выяўленыя ў дакументах Літоўскай метрыкі, Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Пры распрацоўцы пытання выкарыстоўваліся агульнагістарычныя метады, а таксама картаграфічны і метады гістарычнай рэканструкцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне. На падставе аналізу пісьмовых крыніц высветлена, што Хіславіцкая воласць ў XVI – пачатку XVII ст. размяшчалася на абодвух берагах ракі Сож у межах сучаснага Хіславіцкага раёна Смаленскай вобласці Расіі і была звязана з Мсціславам. Яна займала невялікую тэрыторыю і была слаба заселена.

Заклучэнне. Хіславіцкая воласць Мсціслаўскага ваяводства пасля завяршэння вайны 1654–1668 гг. Рускага царства з Рэччу Паспалітай была ліквідавана. Шляхецкія ўладанні былі ўключаны ў склад воласці Мсціслава, а дзяржаўныя ўладанні засталіся ў складзе сфарміраванага Хіславіцкага староства, якое тэрытарыяльна не было стабільным.

Ключавыя словы: Хіславічы, воласць, Мсціслаўскае княства і ваяводства, староства, Рэч Паспалітая, адміністрацыйна-тэрытарыяльнае ўладкаванне.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 32–37)

Khislavitskaya Volost of the 16th – Early 17th Centuries

Miatselsky A.A.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

Historical and geographical research always attracts historians because until today there have been many administrative-territorial units about the time of the existence of which, and about the territory they occupied, not enough information has been preserved. One of such administrative-territorial units of the Grand Duchy of Lithuania was the Khislavitskaya Volost.

The purpose of the article is to clarify the time of the existence and territory of Khislavitskaya Volost, which was situated on the border of the GDL with the Russian Kingdom on the Posozhye (the Sozh River basin).

Material and methods. The materials found in the documents of the Lithuanian Metric, the National Historical Archive of Belarus, were used. In the course of the research both general historical methods and the cartographic method, as well as the method of historical reconstruction, were used.

Findings and their discussion. Based on the analysis of written sources, it was established that Khislavitskaya Volost in the 16th – early 17th centuries was located on both banks of the Sozh River within the modern Khislavitsky District of Smolensk Region of Russia and was closely connected with Mstislav. It occupied a small territory and was sparsely populated.

Conclusion. Khislavitskaya Volost of Mstislav Voivodeship after the end of the war of 1654–1668 of the Russian Kingdom with the Polish-Lithuanian Commonwealth was liquidated. The gentry possessions were incorporated into Mstislav Volost, while the state possessions remained as a part of Khislavitski Starostat, which was not geographically stable.

Key words: Khislavichi, volost, Mstislav Principality and Voivodeship, starostvo, Rzeczpospolita, administrative-territorial arrangement.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 32–37)

Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае ўладкаванне Мсціслаўскага княства і ваяводства XIV–XVIII стст. прыцягвае ўвагу даследчыкаў з канца XIX ст. За гэты час тэма раскрывалася як у працах, у якіх разглядаліся агульныя пытанні адміністрацыйна-тэрытарыяльнага ўладкавання ВКЛ [1], так і ў артыкулах, прысвечаных асобным адміністрацыйна-тэрытарыяльным адзінкам Мсціслаўскага ваяводства [2–5]. Тым не менш, па-за ўвагай даследчыкаў застаецца яшчэ некалькі адміністрацыйных адзінак Мсціслаўскага ваяводства XVI–XVIII стст., гісторыя фарміравання якіх і тэрыторыю, якую яны займалі, застаецца не да канца раскрытай, альбо заблытанай. Да такой катэгорыі адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак адносіцца і Хіславіцкая воласць, згадваемая ў пісьмовых крыніцах XVI – пачатку XVII ст.

Мэта артыкула – высвятленне часу існавання і тэрыторыі Хіславіцкай воласці, што знаходзілася на памежжы ВКЛ з Рускім царствам на Пасожжы.

Матэрыял і метады. Для напісання артыкула выкарыстаны матэрыялы, выяўленыя ў дакументах Літоўскай метрыкі, Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Пры распрацоўцы пытання выкарыстоўваліся як агульнагістарычныя метады, так і картаграфічны, метады рэканструкцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Хіславічы, сучасны пасёлак гарадскога тыпу, цэнтр раёна Смаленскай вобласці Расійскай Федэрацыі, упершыню згадваецца ў “Спісе зямельных раздач” караля Казіміра, у якім упамінаецца, што кароль у наваколлях Мсціслаўля і Крычава пацвярджае князю Андрэю Порхаўскаму правы на ўладанні, якім ён валодаў пры князю Лынгвені: «Князю Аньдрею Порховскому што при князи Лынгвени держал, Колтов а Березуйковичи, а Хоцлавичи, а у Реместве три боки» [6, с. 36]. Гэтае наданне паведамляе нам, што паселішча ўжо існавала ў часы мсціслаўскага князя Сямёна Лынгвеня (1389/1392–1431 гг.). У той жа час у сучасным гарадскім пасёлку ёсць гарадзішча з матэрыяламі XI–XIII стст., а раней на яго ўскрайку знаходзіўся і курганны могільнік гэтага часу [7, с. 174], што сведчыць аб існаванні паселішча на тэрыторыі Хіславічаў ужо ў XI–XIII стст.

На старонках пісьмовых крыніц Хіславіцкая воласць як асобая адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) на неспакойнай мяжы ВКЛ і Вялікага Княства Маскоўскага (ВКМ) з’яўляецца толькі на перамовах 1522 г. [8, с. 632]. Але калі пачалося фарміраванне гэтай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі з цэнтрам у Хіславічах, цяжка вызначыць з-за адсутнасці крыніц.

Магчыма, яна ўжо хаваецца ў летапісным паведамленні 1440 г., якое сведчыць пра вяртанне сыну князя Лынгвені, Юрыю Лынгвенавічу Мсціслаўскага княства: “...дал ему очину его всю, Мстиславъ и Кричевъ, иных градов и волостей не мало...” [9, с. 420]. А магчыма, яна была сфарміравана пасля ліквідацыі Мсціслаўскага княства ў сувязі са спыненнем дынастыі Лынгвенавічаў у канцы XV ст. Ва ўсялякім выпадку,

на пачатку XVI ст. Хіславіцкая воласць ўжо існавала.

Цяжкасць выклікае і вызначэнне да якога цэнтра, Смаленска ці Мсціслава, першапачаткова адносіліся Хіславічы. Апынуўшыся на памежжы ВКЛ і ВКМ, прыналежнасць воласці Хіславічы ўжо падчас перамоў па выніках вайны 1512–1522 гг. выклікала спрэчкі. Масква патрабавала, каб воласць Хіславічы аддалі ёй матывуючы гэта тым, што Хіславічы заўжды належалі Смаленску, у той час як паслы ВКЛ спяралі, што Хіславічы заўсёды адносіліся да Мсціслава [8, с. 632–633]. Аднак, верагодна, ужо ў 1522 г. гэтае пытанне было канчаткова вырашана на карысць ВКЛ, бо потым яно больш ніколі не ўздыхалася падчас перамоў, і да 1608 г. у перамяральных размежаваннях паміж ВКЛ і ВКМ Хіславічы заўжды запісваліся на бок ВКЛ [10, с. 128, 191, 305, 325, 409, 411, 513; 11, с. 481, 486, 725, 730; 12, с. 61, 68, 702, 712]. А маскоўскія прэтэнзіі на Хіславічы на пачатку XVI ст., хутчэй за ўсё, абапіраліся на той факт, што сам Мсціслаў у XII – першай палове XIV ст. быў у складзе Смаленскай зямлі.

Да таго ж, сам статус Хіславіцкай воласці выклікае пытанні, таму што на ўсходзе Мсціслаўскага княства ўвесь час фіксуецца як раздачы маёнткаў шляхце мсціслаўскімі князямі ў XV – пачатку XVI ст., так і вялікія князі літоўскія і каралі тут актыўна раздавалі землі ў XVI–XVIII стст. Прычым падчас надання зямельных уладанняў у крыніцах звычайна проста ўказваецца аб іх наданні ў воласці замка мсціслаўскага. Тым не менш, ва ўсіх памежных размежаваннях 1522–1608 гг. воласць Хіславічаў заўсёды фігуруе як размешчаная побач, але асобная ад Мсціслава воласць, якая запісвалася на бок польскага караля: “города Мстиславля с волостми и волости Хотславич” [8, с. 640; 10, с. 128, 191, 305, 325, 409, 411; 11, с. 481, 486, 725, 730; 12, с. 61, 68, 702, 712].

Для вызначэння тэрыторыі воласці Хіславічаў, перш за ўсё, неабходна вызначыць, якія воласці хаваюцца ў памежным размежаванні 1523 г. пад тэрмінам “воласці Мсціслаўля”.

На захадзе Мсціслаўскага княства ў першай чвэрці XVI ст. існаваў замак Радамля з прылягаючай да яго невялікай воласцю па берагах р. Проня, звесткі пра якую ўпершыню сустракаюцца ў лісце вялікага князя Жыгімонта Старога ад 3 жніўня 1525 г. [13, с. 162–163]. У склад воласці Радамлі XVI ст. уваходзілі двор Расна, вв. Вярба, Вальмер, Далёкая Ніва, Жаліўе, Заполле, Ельня [14, с. 399; 15, с. 398–399; 16, с. 161; 17, арк. 27 адв.–28 адв.]. А ў сярэдзіне XVII ст. акрамя гэтых вёсак ў Радамлянскім тракце і ў бліжэйшых наваколлях Радамлі згадваюцца вв. Русінаўка, Барышаўка, Скварск, Туходава, Робцы, Затоны [18, с. 284, 311–312, 465, 505].

Самым буйным шляхецкім уладаннем у Мсціслаўскім ваяводстве была размешчаная на яго паўночна-заходнім абшары Кадзінская воласць, якая прымыкала да дзяржаўнай мяжы паміж ВКЛ і ВКМ пачынаючы з 1522 года. Кадзіна было маёмасцю Якуба Вяжэвіча ўжо ў 1546 г. Улічваючы, што Вяжэвічы былі звязаны са Смаленскам і з Мсціславам яшчэ ў XV ст.

[19, с. 22:21, 26:13, 31:1; 20, с. 39] нельга выключыць, што іх валоданне Кадзіным вядзе пачатак з гэтых часоў.

У канцы XIV – пачатку XVI ст. у Мсціслаўскім ваяводстве згадваецца Засельская воласць, з якой мсціслаўская княгіня Уляна (†1495 г.) паспела надаць на Пустынскі манастыр «...три пуды меду пресного железное ваги, а к тому 40 грошей у старца Засельского», што згадваюцца ў скарзе ад 1529 г. пустынскага архімандрыта Філарэта [13, с. 203]. І фактычна ў красавіку 1505 года мсціслаўскі князь Міхаіл Іванавіч пацвердзіў гэтае наданне княгіні Уляны, надаў на манастыр «паместнае мстиславское, 3 пуда мёду, а 40 грошей зь старца нашой Засельской волости, серебряное наших дани» [21, с. 364, 365], што зноў падкрэслівае існаванне Засельскай воласці.

Цэнтр Засельскай воласці, верагодна, знаходзіўся ў сучаснай в. Новае Заселле Шумяцкага раёна Смаленскай вобласці Расіі, дзе ёсць рэшткі гарадзішча, два селішчы XIII–XV стст. і два курганныя могільнікі XI–XIII стст. [22, с. 149], што сведчыць аб існаванні тут буйнога паселішча ўжо ў XI–XIII стст. А сам населены пункт Заселле ўпершыню сустракаецца ў Спісе зямельных раздач караля Казіміра “Саньку у Заселье человек-друг. Кончар и Мелеитейко, а ещо Ключей и з землею и 2 чоловека сам и он Ерослав выслужил” [6, с. 36]. Дакладныя памеры Засельскай воласці вызначыць немагчыма. Яна размяшчалася на поўнач ад воласці Крычава, выходзіла на мяжу ВКЛ з ВКМ, але ў памежных разгранічэннях як самастойная воласць не згадваецца.

Нягледзячы на згаданне ў крыніцах розных валасцей Мсціслаўскага княства XIV – пачатку XVI ст., крыніцазнаўчая база не дазволіла М.Ф. Спірыдонаву вызначыць іх межы на канец XVI ст., і паказаць іх на карце [23, с. 120–121].

Межы воласці Хіславічы XV – пачатку XVI ст. таксама дрэнна паддаюцца рэканструкцыі з-за адсутнасці пісьмовых крыніц і надзейных геаграфічных маркераў. Апошнія дазваляюць гіпатэтычна правесці мяжу воласці толькі з усходу, дзе натуральным рубяжом паміж Мсціславам і Рославам з’яўляецца масіў дрыгваў, шырынёй 10–15 км і даўжынёй з поўначы на поўдзень 30–35 км, які ідзе ўздоўж сярэдняй плыні ракі Стомячы, правага прытока р. Асцёр. Улічваючы сувязь Хіславічаў з Мсціславам, можна выказаць меркаванне, што і ўсходняя мяжа воласці Хіславічаў XV – пачатку XVI ст. праходзіла тут.

Па выніках войнаў 1500–1503 гг., 1507–1508 гг. ВКМ з ВКЛ Хіславіцкая воласць не панесла тэрытарыяльных страт, таму што баявыя дзеянні адбываліся далёка ад яе. Аднак сітуацыя змянілася падчас вайны 1512–1522 гг. Ужо ў 1516 г. Масква захапіла Рослаў, і мяжа паміж ВКЛ і ВКМ змясцілася непасрэдна на Пасожжа і, верагодна, з гэтага часу перайшла ў міжрэчча Сожа і Стомячы, і пачала ісці па левому прытоку Сожа р. Берэзіне. Сітуацыя абвастрылася яшчэ і ў сувязі з тым, што ў 1514 г. Масква захапіла і Смаленск, таму прэтэнзіі Масквы на Хіславіцкую воласць паказваюць,

што ВКЛ мела значныя тэрытарыяльныя праблемы ў гэтым раёне. Аб гэтым сведчыць і пераход у ВКМ нейкай вёскі, што належала мсціслаўскаму храму Св. Спаса, замест якой князь Міхаіл Іванавіч 21 сакавіка 1526 г. надаў на царкву пустаўшчыну Клімаўскую “у Хиславичах” [13, с. 127–128; 24, арк. 270–272 адв.].

Па выніках вайны 1512–1522 гг. у 1523 г. было заключана замірэньне паміж ВКЛ і ВКМ, якое дакладна прапісала мяжу на мсціслаўскім рубяжы ВКЛ, і якая практычна без змен праіснавала да 1772 г.

Замацаваўшыся мяжа паміж ВКЛ і ВКМ на поўнач і на ўсход ад Мсціслава ў памежным разгранічэнні 1523 г. апісваецца такім чынам “...Городнею въ Вехру, въ Чёрной Мохъ, а из Вехры въ Прудилку, а изъ Прудилку въ Железницу, а Железницею подъ Дудено да въ Вехру, а изъ Вехры въ Лютую Воду, а изъ Лютой Воды въ Вылино, а изъ Вылина на Сожъ, а Сожомъ на низъ въ Березыню, а Березынею вверхъ сухомъ промеж сёл Почина и Гладковичъ, по Холмомъ, а оттол к Пулневу” [8, с. 639, 745].

Улічваючы размяшчэнне вёсак Кадзінскай воласці згодна з інвентаром 1729 года, можна меркаваць, што ў згадваемым апісанні першая частка памежжа – “... Городнею въ Вехру, въ Чёрной Мохъ, а из Вехры въ Прудилку, а изъ Прудилку въ Железницу, а Железницею подъ Дудено да въ Вехру” адпавядае таму рэгіёну, дзе на мяжу ВКЛ з ВКМ пачынаючы з 1523 г. выходзіла воласць Кадзіна. Маючы на ўвазе, што вёскі Кадзінскай воласці 1729 г. не пераходзяць на левы бераг р. Віхры, можна выказаць меркаванне, што р. Віхра была ўсходнім рубяжом гэтай воласці [25]. Ускосна аб гэтым можа сведчыць і той факт, што на левым беразе р. Віхра ў 1681 г. упамінаецца вёска Хіславіцкага стараства Цяцерын (суч. в. Цяцэрнікі Манастрышчынскага раёна, у 1784 г. в. Цяцерына) [26, с. 57; 27, с. 94–95].

Практычна ўсе геаграфічныя маркеры памежнага агранічэння 1523 г. сёння лакалізуецца. Так згодна з апісаннем ракой Гародняй мяжа спускалася ў р. Віхра. Падняўшыся па апошняй уверх, мяжа некалькі вышэй сучаснай в. Туфля Манастрышчынскага раёна Смаленскай вобласці зварочвала ў бок р. Жалезніца. Апошняя, мінуючы сучасную в. Дудзіна Манастрышчынскага раёна – згадваемае ў крыніцы “Дудено”, зноў выходзіла на р. Віхра. У гэтым жа месцы ў р. Віхра ўпадае рэчка Лютая [28, с. 109], у разгранічэнні 1523 г. Лютая Вода. Ад ракі Лютай мяжа ішла ў бок “Вылина”.

Сёння такіх тапонімаў і гідронімаў няма. Аднак на карце, якая адлюстроўвае спрэчныя ўчасткі мяжы Рэчы Паспалітай з Расійскай імперыяй 1766 г. у Мсціслаўскім ваяводстве, на паўночны ўсход ад Мсціслава, паказаны населены пункт “Wupina”, а мяжа паміж дзяржавамі праходзіць па рэчцы “Wupina”, якая ўпадае ў Сож. Вытокі гэтай рэчкі на карце блізка падыходзяць да вытокаў рэчкі Лютай [29], і гэта, верагодна, і ёсць “Вылино” пачатку XVI ст. На пачатку XX ст. гэта ўжо была рэчка Вупінка [28, с. 107], а зараз гэта рэчка Упінка [30]. Улічваючы, што воласць Хіславічы была памежнай і знаходзілася на

паўночным усходзе ваяводства, то рэчка Упінка была паўночнай мяжой воласці.

З Сожа згодна з разгранічэннем 1523 г. мяжа паміж ВКЛ і ВКМ зварочвала ў яго левы прыток – р. Бярэзіну, па якой і падымалася ўверх, і якая фактычна і стала ўсходняй мяжой воласці Хіславічы.

З вярхоўяў р. Бярэзіна мяжа ішла на р. Асцёр – “верхъ сухомъ промеж сёл Почина и Гладковичъ, по Холмомъ, а оттол к Пулневу”. Згодна з апісаннем мяжа праходзіла паміж вёскамі “Гладковичи” і “Почина”, апошняя з якіх гэта сучасная в. Пачынічы Шумяцкага раёна Смаленскай вобласці.

Далей на поўдзень мсціслаўска-рослаўскі рубаж апісваецца ў крыніцы так: “Промежи Словнева да Шибнева к Гневкову Доброю рекою в Водонос, от Водоноса Доброю рекою у Вострь...” [19, с. 67]. Гэта апісанне даволі дакладна лакалізуецца і супадае з адміністрацыйнай мяжой XIX – пачатку XX ст. паміж Смаленскай і Магілёўскай губернямі Расійскай імперыі.

Пачынаўся крычаўска-рослаўскі рубаж, дзе на р. Асцёр знаходзілася крычаўскае сяло Пажозе [31, арк. 178]. Самыя паўночныя населеныя пункты воласці Крычава XV–XVIII стст. гэта Караблёва, Надзейкавічы, Холм, Ціхіль, Песчынікі, Харанёва [26, с. 127–138; 32, арк. 69; 33, арк. 159 адв.; 34, с. 200; 35, с. 150–151] размешчаныя на тэрыторыі сучаснага Шумяцкага раёна Смаленскай вобласці, у якіх ёсць помнікі археалогіі X–XIII стст. (селішчы, курганы) [7, с. 187–203]. Таму паўднёвую мяжу воласці Мсціслаўля XII–XVIII стст., верагодна, ёсць сэнс праводзіць уздоўж левага прытока р. Сож рэчкі Сожанкі, дзе праходзіла крывіцка-радзіміцкая мяжа XI–XII стст. [5, с. 78–79], дзе на поўдзень ад якой мы не сустракаем мсціслаўскія вёскі XIV–XVIII стст.

Калі вызначэнне паўночнай і ўсходняй межаў Хіславіцкай воласці не выклікае цяжкасці таму, што яны супадалі з дзяржаўнай мяжой, то правядзенне заходняй і паўднёвай межаў воласці Хіславічы выклікаюць цяжкасці, бо яны з’яўляліся ўнутранымі межамі ў дзяржаве і супадалі з усходняй мяжой воласці самога Мсціслава, якая ніяк не фіксуецца.

Таму для рэканструкцыі заходняй і паўднёвай мяжы воласці Хіславічаў XVI – пачатку XVII ст. нам неабходна акрэсліць месцаразмяшчэнне ўсіх вёсак, што цягнулі да Хіславічаў і лічыць, што калі ўнутры гэтага абшара знаходзіліся іншыя вёскі, пра якія адсутнічаюць звесткі пра іх прыналежнасць Хіславічам, то ў адміністрацыйным плане ў XVI ст. яны ўсё роўна падпарадкоўваліся цэнтру ў Хіславічах.

Пасля згадвання Хіславічаў у спісе зямельных раздач караля Казіміра і як цэнтру воласці ў памежных разгранічэннях XVI ст., Хіславічы як населены пункт ўпершыню ўпамінаюцца толькі 22 сакавіка 1589 г. у прывілей кароля Жыгімонта Вазы аб наданні мсціслаўскаму падкамораму Міхаілу Сухадольскаму і яго жонцы “до животовъ ихъ” 12 служб ў Мсціслаўскім ваяводстве ў вв. Хіславічы, Лызкі, Мікшына

(суч. аднайменныя вёскі Хіславіцкага раёна Смаленскай вобласці Расіі) і Дудзіна пры ўмове выканання М. Сухадольскім земскай ваеннай службы [36, арк. 660 адв.]. У той жа час, яшчэ у 1569 г. в. Мікшына згадваецца як цэнтр самастойнага негарадавога староства, у склад якога ўваходзілі нелакалізуемая сёння в. Царковішча, вв. Дудзіна і Лызкі [37, с. 410].

Па смерці М. Сухадольскага яго ўдава Аляксандра Дыбоўская бярэ шлюб з князем Самуэлем Пятровічам Друцкім-Горскім і 23 сакавіка 1596 г. апошні разам з жонкай атрымаў прывілей ад караля Жыгімонта Вазы на “дажывотнае” валоданне 12 службаў ў Мсціслаўскім ваяводстве ў вв. Хатславічах (Хіславічах), Мікшыне, Лызках, Дудзіне, і на 4 службы ў в. Бабінічы, якімі Аляксандра Дубоўская, раней валодала сумесна са сваім першым мужам правам “до животовъ своихъ” [38, арк. 24 адв.–25 адв.]. Такім чынам, у дакументах Метрыкі ВКЛ сярэдзіны – другой паловы XVI ст. адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка Мсціслаўскага ваяводства з цэнтрам у Хіславічах не фіксуецца. Хіславічы выступаюць толькі як адна з вёсак Мсціслаўскага ваяводства, якую кароль дае шляхце “правам дажывотным” пры ўмове нясення ваеннай службы. У дадзеным выпадку Хіславічы, улічваючы, што прывілей на наданні пачынаюцца з іх, хутчэй за ўсё, выступаюць у якасці цэнтру адміністрацыйна-гаспадарчай адзінкі – двара, вакол якога і фарміравалася воласць.

Картаграфаванне гэтых адносна нешматлікіх населеных пунктаў (іншыя населеныя пункты дакументы Метрыкі ВКЛ у гэтым раёне не называюць, што і не дзіўна, улічваючы амаль бясконцыя войны першай паловы – сярэдзіны XVI ст. паміж ВКМ і ВКЛ) і іх раскіданасць ад р. Віхры (Дудзіна, Цяцэрына) і амаль да левага прытока Сожа р. Бярэзіны, дазваляе выказаць меркаванне, што гэтыя абшары, першапачаткова знаходзіліся ў адной адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінцы – воласці, магчыма, Хіславіцкай, якая размяшчалася ўздоўж мяжы ВКЛ і ВКМ на поўнач і на ўсход ад Мсціслава.

На правым беразе Сожа, найбольш паўднёвымі вёскамі Хіславіцкай воласці былі Цяцэрнікі, Жукава, Шыпы, на р. Аслянцы (былыя вв. Бобкі і Дубраўка (Гульгаеўка) суч. Манастыршчынскага раёна), а асноўная іх маса не выходзіла на захад ад плыні р. Лызы (Ніжняя Лызы) [28, с. 108]. А на поўдзень ад Сожа прылягаюць да мяжы з Расіяй, і не выходзіла за тэрыторыю сучасных Пячэрскага, Карзоўскага, Кажухаўскага, Черапаўскага, Гарадзішчаўскага сельскіх пасяленнях Хіславіцкага раёна Смаленскай вобласці Расіі [39–40], дзе знаходзіліся вёскі Хіславіцкага староства.

Воласць Хіславічы ўжо ў першай палове XVII ст. знікае са старонак пісьмовых крыніц. Гэта тлумачыцца, верагодна, тым, што на пачатку XVII ст., пасля Дэулінскага замірэння 1618 г. Рускага царства і Рэчы Паспалітай, мяжа Рэчы Паспалітай пайшла далёка на ўсход і зараз воласць Хіславічы не трапіла на старонкі памежных разгранічэнняў, а комплекс

крыніц, які захаваўся, што адносіцца да рэгіянальнай гісторыі Мсціслаўскага ваяводства гэтага перыяда, нязначны, і воласць Хіславічы ў ім не прасочваецца.

Сітуацыя карэнным чынам змянілася пасля завяршэння вайны Рускага царства з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. Мяжа ізноў вярнулася на старыя рубяжы, што існавалі паміж Рускім царствам і Рэччу Паспалітай ў XVI – пачатку XVII ст. Верагодна, улічваючы, што Мсціслаўскае ваяводства страціла падчас вайны 1654–1667 гг. амаль 70% насельніцтва [41, табела 9, 19], і значная частка населеных пунктаў шляхты стаяла пустымі [42], было вырашана ліквідаваць Хіславіцкую воласць, далучыўшы шляхецкія ўладанні да воласці самога Мсціслава. А ўладанні караля, размешчаныя на паўночным усходзе ад Мсціслава, былі аб’яднаны вакол вясковых цэнтраў – Жукава і Хіславічаў у Жукаўскае (1667 г., вв. Жукава (8 дымоў), Касмынічы (1 дым) і Жалезнякі (4 дымы)) [43, арк. 1–3] і Хіславіцкае староства разарвання шляхецкімі ўладаннямі.

Звычайна гісторыю Хіславіцкага староства пачынаюць з 1622 г. на той падставе, што ў гэты год Крыштаф Станіслаў Цеханавецкі ўзяў шлюб з Антанелай Друцкай-Горскай і якая ў крыніцах XVIII ст. як быццам бы называецца хіславіцкай старасцінай [26, с. 39–40]. Гэтая ж пазіцыя паўтараецца і ў новым выданні, прысвечаным гісторыі рода Цеханавецкіх са старымі спасылкамі [44, с. 85] на адзінку захоўвання № 6 з фонду 2126 (Мсціслаўскі земскі суд) Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Але ў гэтым фондзе толькі 4 адзінкі захоўвання, таму хутчэй за ўсё тут блытаніна з нумарам фонду.

На самой справе, на тых старонках, пра якія згадваецца ў спасылцы, гаворка пра род Цеханавецкіх ідзе ў адзінцы захоўвання № 6 фонду 2116. Але тут упамінаецца пра малжонства Крыштафа Станіслава Цеханавецкага з Антанелай Друцкай-Горскай, у якіх быў сын Міхал Вінценці, хіславіцкі стараста [45, арк. 23, 27], 1637 г.р. [44, с. 123] і атрымаў Хіславіцкае староства 8 лютага 1673 г. [44, с. 87]. А вось пра тое, што Антанела Друцкая-Горская была дзедзічнай хіславіцкай старасцянкай, звестак няма.

Акрамя таго, робіцца спасылка на 15 кнігу Мсціслаўскага гродскага суда за 1713 год. Аднак і ў гэтай кнізе на адзначаных старонках няма гэтай звесткі, а ўлічваючы, што кніга знаходзіцца на рэстаўрацыі, зараз правяршыць адпаведную спасылку не прадстаўляецца магчымасці [46].

Але яшчэ 27 снежня 1627 г. Крыштаф Станіслаў Цеханавецкі атрымаў для сваёй жонкі Антанелы права на **каралеўскія вёскі** Хіславічы, Лізкі, Лозы (Лізкі суч. аднайменная вёска ў Манастыршчынскім раёне Смаленскай вобласці), Дудзіна і Мікшына [44, с. 85–86], “да волі і ласкі гаспадарскай”, што сведчыць пра часовае валоданне Цеханавецкімі гэтымі вёскамі.

Пасля заканчэння вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. пачалося актыўнае асваенне памежных Крычаўскай, Алучыцкай [2; 3], а таксама і Мсціслаўскай воласцяў. Калі ў падымным рэстры 1667 г. Мсціслаўска-

га ваяводства ў яго паўночна-ўсходнім куце згадваюцца яшчэ адзінкавыя населеныя пункты – Шыпы, Пячэрск, Кажухавічы, Жукава, Хіславічы, Дудзічы, і яшчэ некалькі вёсак, дакладная лакалізацыя якіх выклікае цяжкасці з-за іх сугучнасці са шматлікімі населенымі пунктамі з назвамі Буда, Слабада [42], то ўжо ў 1681 г. удава Міхала Вінценцыя Цеханавецкага Марыяна з Катоўскіх атрымала ад караля Хіславіцкае староства, у склад якога ўваходзілі частка Хіславічаў і вёскі Малыя і Вялікія Лызкі, Гупін (суч. в. Упін Хіславіцкага раёна), Дудзіно, Крылова, Будзішча, Трыпуціна з Навасёлкамі і прылягаючымі да яе вёскамі “правам дажывотным”. Такім чынам, толькі з другой паловы XVII ст. Хіславічы пачынаюць пажыццёва здавацца ў арэнду роду Цеханавецкім і можна сцвярджаць аб існаванні Хіславіцкага староства.

Потым Марыяна з Катоўскіх набыла ў свайго швагра Самуэля Казіміра Цеханавецкага другую частку Хіславічаў з вв. Ёлкаў, Хралоў (суч. в. Фралоў Хіславіцкага раёна), Селязёнкі і Каськоў (суч. в. Каські Манастыршчынскага раёна), а ў паню Якубоўскіх вв. Якубаўшчыну, Жучкі, Галалобаўку, Асінаўку, Буду, Лабанаўку, Чарнаручча, Прытыкіна і Цяцерын (суч. в. Цяцэрнікі Манастыршчынскага раёна, а в. Цяцерына ў 1784 г.) [26, с. 57; 36, с. 124; 27, с. 94–95]. Такім чынам, Хіславіцкае староства з’яўляецца на старонках пісьмовых крыніц толькі ў другой палове XVII ст.

Хіславіцкае староства ў другой палове XVII–XVIII ст. было даволі значным па сваім эканамічным значэнні і знаходзілася ў пацэсіі ў Цеханавецкіх. Самі Хіславічы калі яшчэ на пачатку XVII ст. лічыліся вёскай, у якой была царква [47, арк. 329–329 адв.], то ўжо ў 1710 г. згадваюцца як мястэчка, у якім была Барысаглебская царква, што ў гэты год была пераведзена на ўнію. У 1719 г. Хіславічы выплачвалі даволі вялікае “чопавае” – 800 злотых, што сведчыць аб значнасці паселішча [48, с. 431; 49, арк. 397].

У 1765 г. у Хіславіцкае староства ўваходзілі вв. Ёлкаў, Гарбачоўка, Замошша, Асінаўка, Лабанаўка, Гакурына, Прытыкіно, Чарнаручча, Галалобаўка, Лызкі, абруб Боўкін (в. Бобкі Любавіцкай воласці Мсціслаўскага ўезда), вв. Біелга (Белкава), Кабылін Стан, Іванаў Стан, Гультаёўка (суч. в. Дубраўка Манастыршчынскага раёна), Упін, Хралоў, Каржоў, Селязёнкі. У гэты ж год у склад Мікшынскага староства, якое раней адносілася да Хіславіцкага староства, уваходзілі вв. Пільнікі, Беліца, Галушкі, Галубцы, Зімніца, Машонкі, Пуцькі, якія і зараз існуюць на левабярэжжы Сожа ў Хіславіцкім раёне [50, арк. 5–6 адв.].

Згодна з рэвізскай казкай 1778 г. у мястэчку Хіславічы была рынкавая плошча, забудаваная з усіх бакоў, ад якой адыходзілі вуліцы, што выводзілі ў бок розных населеных пунктаў: Мсціслаўская, Смаленская, Лызковая (у бок в. Лызкі), Чавуская, Козырэўская. У Хіславічах у гэты год пражывалі 1124 жыхары, з якіх 396 – яўрэі [51, арк. 15–21 адв.]. У 1783–1785 гг. у Хіславічах налічвалася 143 дамы і пражывала ўжо толькі 770 чалавек, сярод якіх былі як шынкары, так і рамеснікі – ганчары, кавалі, слесары, краўцы, шаўцы, кушнярны, кухары, сталяры [52, арк. 20–48].

Як і ліквідаваная, верагодна ў сярэдзіне XVII ст. Хіславіцкая воласць, Хіславіцкае староства на працягу другой паловы XVII–XVIII ст. тэрытарыяльна скарачалася, і ў самым канцы XVIII ст. ад яго засталася толькі прылягаючая да Хіславічаў і да дзяржаўнай мяжы тэрыторыя, а Мікшына, Трыпуціна сталі самастойнымі староствамі [27, с. 94–95].

Заклучэнне. Такім чынам, існаваўшая ў пачатку XVI – пачатку XVII ст. Хіславіцкая воласць Мсціслаўскага ваяводства размяшчалася на абодвух берагах р. Сож у межах сучаснага Хіславіцкага раёна Смаленскай вобласці Расіі. На паўночным захадзе яе тэрыторыя дасягала плыні р. Віхра, а на захадзе, у асноўным, не выходзіла за плынь р. Лыза. Хіславіцкае воласць, якая складалася як з дзяржаўных, так і са шляхецкіх уладанняў, пасля завяршэння вайны 1654–1668 гг. Рускага царства з Рэччу Паспалітай была ліквідавана. Шляхецкія ўладанні былі тэрытарыяльна ўключаны ў склад воласці Мсціслава, а дзяржаўныя ўладанні засталіся ў складзе сфарміраванага Хіславіцкага староства, якое тэрытарыяльна не было стабільным і павялічвалася як за кошт вымарачных уладанняў, так і памяншалася за кошт арганізацыі новых старостваў на яго базе на працягу другой паловы XVII–XVIII ст. Перад першым падзелам Рэчы Паспалітай (1772 г.) Хіславіцкае староства ахоплівала населеныя пункты, якія прылягалі толькі да Хіславічаў на правым беразе р. Сожа, і да дзяржаўнай мяжы Рэчы Паспалітай з Расіяй.

Літаратура

- Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута / М.К. Любавский. – М.: Университетская тип., 1892. – 884 с.
- Мяцельскі, А.А. Воласць Крычава ў XII–XVI стст.: тэрыторыя, адміністрацыйна-гаспадарчы падзел, паселішчы / А.А. Мяцельскі // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – 2000. – № 15. – С. 81–92.
- Мяцельскі, А.А. Лучыцкая воласць у XV–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2000. – № 4. – С. 59–66.
- Мяцельскі, А.А. Старадаўні Крычаў: гістарычна-археалагічны нарыс гісторыі горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – 167 с.: іл.
- Мяцельскі, А.А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 664 с.: іл.
- Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrika = Литовская метрика. Книга записей № 3 (1440–1498) / Parengė E. Vanionis; Lietuvos istorijos inst. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. – 161 p.
- Археологическая карта России: Смоленская область / РАН, Ин-т археологии; под ред. Ю.А. Краснова. – М., 1997. – Ч. 2. – 264 с.
- Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). – СПб., 1892. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными по высочайшему повелению изданные Императорским Русским историческим обществом. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – Т. 1: (1487–1533) / под ред. Г.Ф. Карпова. – Изд. 2-е. – 870 + 111 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и предисл. А.Н. Насонова. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 642 с.
- СИРИО. – М., 1887. – Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским по высочайшему повелению изданные Императорским Русским историческим обществом. – Т. 2: (1533–1560) / под ред. Г.Ф. Кулова. – 630 + 98 + VI с.
- СИРИО. – М., 1892. – Т. 71: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными по высочайшему повелению изданные Императорским Русским историческим обществом. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – Т. 3 (1560–1571) / под ред. Г.Ф. Карпова. – 808 + 234 с.
- СИРИО. – М., 1912. – Т. 137: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными по высочайшему повелению изданные Императорским Русским историческим обществом. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – Т. 4: (1598–1608) / изд. под наблюдением С.А. Белокурова. – 808 с.
- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 2: 1506–1544 гг. – СПб.: тип. 2-го отделения Е.И. В. Канцелярии, 1848. – 405 с.
- Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrika = Литовская Метрика. Книга записей № 15 (1552–1562) / parengė Artūras Dubonis. – Vilnius, 2002. – 446 p.
- Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrika = Литовская Метрика. Книга записей № 37 (1552–1561) / parengė Darius Baronas. – Vilnius, Lietuvos istorijos instituto, 2011. – 632 p.
- Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552) Кніга запісаў 28 / Падрыхтоўка тэкстаў да друку і навук. апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. – Менск: АТНЕНÆUM, 2000. – 312 с.
- Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – КМФ-18. Воп. 1. Адз. зах. 66. Арк. 27 адв.–28 адв. Листъ Яну Павловичу Топичевскому на шесть волокъ у волости Радомской в Ельной и въ Запольи даные.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 15 т. – СПб., 1861–1892. – Т. 14: Присоединение Белоруссии. 1654–1655 / ред. Г.Ф. Карпов. – СПб.: Тип. Ф. Елковского и Ко, 1889. – 902 + 37 с.
- Документы Московского архива Министерства юстиции / вступ. ст. Д. Самоквасова. – М.: Тов-во типографий А. Мамонтова, 1897. – Т. 1. – 570 с.
- Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrika = Литовская метрика. Книга судных дел № 8 (1533–1535) / Parengė I. Valikanyte, S. Lazyka; Vilniaus universitatis. – Vilnius: Vilniaus universitatis leidykla, 1999. – 400 p.
- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 1: 1340–1506 гг. – СПб.: Тип. 2-го отделения Е. И. В. Канцелярии, 1846. – 375 с.
- Шмидт, Е.А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области / Е.А. Шмидт. – М.: Моск. рабочий, 1983. – Ч. 2. – 184 с.
- Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты]: у 4 т. / Дзярж. камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь, РУП “Белкартаграфія”; рэдкал.: В.Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Белкартаграфія, 2009. – Т. 1. – 244 с.
- НГАБ. – КМФ-18. Воп. 1. Адз. зах. 89. Арк. 270–272 адв. Конфирмацыя листовъ князя Мстиславского на кгрунты до церкви мстиславской наданные.

25. Львоўская навуковая бібліятэка імя В. Стэфаніка Нацыянальнай акадэміі навук Украіны. Адзел рукапісаў. – Ф. 5: Рукапісы бібліятэкі Асалінскіх (Ркп. Асалін.). 5163/П. Архіў князёў Любамірскіх (Дубровенская лінія). Арк. 19–56. Інвентар маёнтка Кадзіна 1729 г.
26. Dumin, S. Ciecchanowiecscy herby Dąbrowa / S. Dumin, A. Rachuba, J. Sikorska-Kulesza. – Warszawa : Wyd-wo DiG, 1997. – 224 s.
27. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты]: у 4 т. / Дзярж. камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь, РУП “Белкартаграфія”; рэдкал.: В.Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Белкартаграфія, 2013. – Т. 2. – 347 с.
28. Маштаков, П.Л. Список рек Днепровского бассейна с картой и алфавитным указателем. Изданный при Императорской Академии наук комиссией по вопросу о географической номенклатуре / П.Л. Маштаков. – СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1913. – 292 с.
29. Archiwum Główny Akt Dawnych. Zbiór kartograficzny. Teka 509. № 2. Mapa czasu wizyi determinowanej r. 1766 i 10 Maju w Warszawie przy ww. Jchmsc. pp. rewizorach Kazimierzu Luskinie woyskim witebskim, Franciszku Poniatowskim skarbniku y Leonie Dewicu horodniczym y sedzia pogranicznym woiewodztwa Mscislawskiego expediacye sie z wyrazieniem spokoynego duktu wojewodztwa Mscislawskiego z panstwem Rossyiskim i znayduiacych sie diferencyi cum distincione kazdego aktora graniczacego przezemie Macieya Dotumara komornika woiewodztwa Mscislawskiego in accurata geometrica dimensione zliniowana y zrysowana [w] r[oku] 1767.
30. Упинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Упинка>. – Дата доступа: 15.01.2019.
31. НГАБ. – КМФ-18. Воп. 1. Адз. зах. 85. Арк. 178–178 адв. Потверженъе попу мстиславскому церкви светое Троицы на Горе некоторых кгруньтовъ до тое церкви от старосты мстиславского данных.
32. НГАБ. – Ф. 694. Воп. 4. Адз. зах. 1155. Арк. 68–69 адв. Kopia ograniczenia starostwa Krzyczewskiego przez Romana Reutta i Andreia Wolana r. 1604, febralia 7 dnia za Andreia Bohdanowicza Szaluchi dzierzawcy krzyczewskiego za ranowaniem korola Zyгимonta Tretiaha.
33. НГАБ. – КМФ-18. Воп. 1. Адз. зах. 30. Арк. 159 об.–160. Листы бояромъ кричовскимъ отъ короля его милости суть даные у в одно слово на земли пустовские, которые земли меновите нижей суть выображены в которыхъ жо листехъ жадное вечности имь не описано.
34. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrika = Литовская метрика. Книга записей № 51 (1566–1574) / Parengė A. Baliulis, R. Ragauskienė, A. Ragauskas; Lietuvos istorijos inst. – Vilnius: Žara, 2000. – 486 p.
35. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Витебском центральном архиве, изданные под редакцией архивариуса сего архива Д.И. Довгялло. – Витебск : Изд-но по поруч. г. попечит. Вилен. учеб. округа, 1900. – Вып. 28. – 356 с. + 167 с.
36. НГАБ. – КМФ-18. Воп. 1. Адз. зах. 73. Арк. 660 адв. – Потверждение Матусы Суходолскому и малжонце его на 12 службъ у воеводстве Мстиславскомъ.
37. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / pod red. F. Sulimierskiego [i in.]. – Warszawa: “Wiek”. – 1885. – Т. VI. – 960 s.
38. НГАБ. – КМФ-18. Воп. 1. Адз. зах. 83 арк. 24 адв.–25 адв. Привилей урожоному князю Самуелю Горскому на 12 службъ у воеводстве Мстиславскомъ, и до того на село Бобыничы службъ 4.
39. Хиславичский район [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%87%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD Хиславичский район. – Дата доступа: 04.01.2022.
40. Список населенных мест Могилёвской губернии / под ред. и.о. секретаря губ. стат. комитета Г.П. Пожарова. – Могилёв: Могилев. губ. стат. ком., 1910. – 250 с.
41. Morzy, J. Kryzus demograficzny na Litwie i Białarusi w I połowie XVII w. / J. Morzy / Uniw. Im. A. Mickiewica w Poznaniu; Wydział Filozoficzno-Historyczny. Seria Historia. – Poznań, 1965. – N 21. – 405 s.
42. Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo Mścislawskie 1667 r. / oprac. Andrzej Rachuba; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. – Warszawa: wyd-wo DiG, 2008. – 96 s.
43. Lietuvos Vastybes istorijos Archyvas (далее LVIA). F. 1177. Ар. 1. Bibl. 4603. Инвентарь на Жуково, Лыжни и др. имения в Мстиславском воеводстве, составленный для учёта подданных, после разрушений нанесённых московскими войсками.
44. Lulewicz, H. Dzieje rodziny Ciecchanowieckich herbu Dąbrowa (XIV–XXI wiek) / H. Lulewicz, A. Rachuba, J. Sikorska-Kulesza, S. Dumin, A. Haratym, A. Macuk, A. Pospisil / pod red. A. Rachuby. – Warszawa : wyd-wo DiG, 2013. – 612 s.
45. НГАБ. – Ф. 2116. Воп. 1. Адз. зах. 6. Арк. 23–30. Wypis z ksiąg grodzkich mscislawskich.
46. НГАБ. – Ф. 1729. Воп. 1. Адз. зах. 15. Арк. 27–32. Aktykacya prawa starego na Korobczyn y Kazimierzow sluzacego.
47. НГАБ. – КМФ-18. Воп. 1. Адз. зах. 91. Арк. 329–329 адв. Станиславу Келпшу и малжонце его на плац в месте Мстиславском.
48. Бантыш-Каменский, Н.Н. Исторические известия о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжении оной через два века приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонений / Н.Н. Бантыш-Каменский. – М.: Синодальная типография, 1805. – 387 с.
49. НГАБ. – Ф. 1729. Воп. 1. Адз. зах. 21. Арк. 397–397 адв. Aktykacya taxy na szporowe generalna.
50. LVIA. F. SA. Bibl. 3806. Люстрация староств, держав в воеводстве Мстиславском лежащих 1765 г.
51. НГАБ. – Ф. 2151. Воп. 1. Адз. зах. 177. Арк. 1–74. Ревизская сказка местечка Хиславич с окружающими деревнями Мстиславского уезда Могилевской губернии 1778 года.
52. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1355. Воп. 1. Адз. зах. 713. Арк. 1–204. Описание для Генеральных планов Генерального межавания Мстиславского уезда.

Паступіў у рэдакцыю 15.04.2022

Физическое воспитание умственно отсталых детей в первых врачебно-воспитательных и педагогических практиках общества и государства (середина XIX – начало XX в.)

Новицкий П.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В настоящей публикации представлен материал исследования места и содержания физического воспитания в первых учреждениях середины XIX – начала XX века, осуществлявших лечение, воспитание и обучение детей с интеллектуальной недостаточностью.

Цель статьи – ретроспективный анализ первых практик организации и методики физического воспитания умственно отсталых детей в эволюционном зарождении педагогической системы – адаптивная физическая культура лиц с интеллектуальной недостаточностью.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные и учебно-методические труды отечественных и зарубежных авторов, материалы периодической печати, а также данные статистических и законодательных документов разных лет, имеющих отношение к цели исследования. Использовались общенаучные и специально-исторические методы: анализ и синтез, системный, сравнительно исторический, ретроспективный, проблемно-хронологический.

Результаты и их обсуждение. Физическое воспитание детей с интеллектуальной недостаточностью впервые появляется в лечебно-воспитательных заведениях и приютах после успешных попыток воспитания и обучения таких детей первых энтузиастов врачей и психиатров (Ж. Итар, Э. Сеген, И.Я. Гугенбюль и др.). Физическое воспитание носило преимущественно гигиеническую направленность. В создаваемых вспомогательных классах и школах содержание и методы физического воспитания были общими с массовыми школами, в работе с учащимися, имеющими различное умственное развитие, строго не дифференцировались. В эволюции развития адаптивной физической культуры, ставшей сегодня самостоятельной образовательной областью, середина XIX – начало XX века рассматривается как период эмпирического, донаучного накопления знаний и методических наработок физического воспитания детей с интеллектуальной недостаточностью.

Заключение. В XIX веке в мировом сообществе кардинально изменилось отношение к вопросу об обучении умственно-отсталых детей, которое стало осуществляться во врачебно-воспитательных учреждениях и приютах, вспомогательных классах и школах. Физическое воспитание выступает неотъемлемой, составной частью учебно-воспитательного процесса. Однако рациональной организации и полноценной реализации его потенциала в достижении целей и задач специального образования препятствовали множество факторов: отсутствие научно-методического сопровождения, общие подходы к содержанию и методам физического воспитания детей с нарушенным и нормальным развитием, отсутствие централизованных программ, проблемы кадрового обеспечения и др.

Ключевые слова: физическое воспитание, дети с интеллектуальной недостаточностью, отношение общества и государства, лечебно-воспитательные учреждения, вспомогательные школы, XIX век, XX век.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 39–47)

Physical Education of Mentally Disabled Children in the First Medical and Educational Practices of the Society and the State (Mid 19th – Early 20th Centuries)

Novitski P.I.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The paper presents research findings of the place and the contents of physical education in the first mid-19th – early 20th century institutions which performed medical treatment and education of children with intellectual disabilities.

The purpose of the article is a retrospective analysis of the first practices of setting up and methodology of physical education of mentally disabled children in the evolutionary origin of the pedagogical system of the adaptive physical education of intellectually disabled people.

Material and methods. *The research material was scientific, academic and methodological works by domestic and foreign authors, periodicals as well as data from statistic and legislative documents of different years which are related to the research purpose. General scientific and special historic methods were used: analysis and synthesis, the system, the comparative historic, the retrospective, the problem chronological.*

Findings and their discussion. *Physical education of children with intellectual disability first appeared in medical and education establishments and orphanages after successful attempts of first enthusiast physicians and psychiatrists (J. Etar, E. Segen, I.Ya. Guggenbul and others) to educate such children. Physical education was mostly of hygienic character. Content and methods of physical education in special classes and schools were the same as in general schools; they were not different in the work with children who had various degrees of intellectual development. In the evolution of adaptive physical education, which today is an independent academic area, the mid-19th – early 20th centuries are considered to be the period of empiric, pre-scientific accumulation of knowledge and methods of physical education of children with intellectual disabilities.*

Conclusion. *In the 19th century in the world community the attitude to teaching mentally disabled children radically changed. They were taught at special medical and educational establishments and orphanages, special classes and schools. Physical education became an integral component of the academic process. However, there were a lot of factors which hampered proper organization and implementation of physical education potential in reaching the goals of special education. Among them were the lack of the research and methods accompaniment, common approaches to the contents and methods of physical education of children with normal and infringed development, the lack of centralized curricula, problems with teaching staff etc.*

Key words: *physical education, mentally disabled children, the society and the state attitude, medical and education establishments, special schools, 19th century, 20th century.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 39–47)

До конца XIX века организованное государством или общественностью воспитание и обучение детей с интеллектуальными нарушениями (ИН), существенно превышающими легкую умственную отсталость, на территориях современной Беларуси практического распространения не имело [1].

Во многих странах Европы такая практика уже находилась в достаточно активной фазе ее исторического развития [2].

Эволюция отношения белорусского общества и государства к такой категории детей, а также эволюционный путь становления и развития адаптивной физической культуры (средств и методов физической культуры специально приспособленных к возможностям и потребностям лиц с нарушениями развития и инвалидностью) непосредственно связаны с историей и эволюцией этих процессов в Российском государстве, социальное и образовательное пространство

которых во все века было тесно взаимосвязанным и практически единым.

Не многочисленные первые учреждения, занимающиеся не только призреванием (уходом), лечением, но и активным педагогическим вмешательством в воспитание и обучение лиц с интеллектуальными нарушениями, по описаниям в различной литературе и исторических документах в истории развития российского общества и государства появились в середине XIX – начале XX веков [2–4].

Невзирая на то, что в рассматриваемое время (конец XIX века – первая треть XX века) в воспитании и обучении детей с тяжелыми нарушениями умственного развития средства оздоровительной и гигиенической направленности имели непосредственное использование, проблема полноценной организации адаптивного физического воспитания, как и коррекционно-педагогического процесса в целом, оставалась

не решаемой вплоть до конца прошедшего столетия.

В настоящее время в Республике Беларусь и в Российской Федерации учащиеся с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью (УиТСИН), обучающиеся в учреждениях специального образования, активно охвачены адаптивным физическим воспитанием, которое играет важнейшую роль в реализации основных целей и задач образовательного процесса.

Определенные трудности и оставшиеся проблемы научно-педагогического и организационного характера в специальном образовании и адаптивной физической культуре непосредственно связаны с историей предшествующей практики воспитания и обучения такого контингента обучающихся. Для успешного решения любой проблемы необходим всесторонний подход, предполагающий выявление максимального круга причин, лежащих в основе зарождения и сохраняющейся жизнеспособности проблемы.

В соответствии с методологией системных исследований, как мы уже отмечали ранее [5], для выявления текущего состояния проблемы, объективного прогноза перспектив ее решения и дальнейшего развития необходимо знать истоки возникновения проблемы, ее состояние и все связанные с этим факторы – в прошлом измерении.

Это обусловило необходимость анализа всех основных факторов, имеющих ретроспективное отношение к становлению, развитию и современному состоянию адаптивного физического воспитания детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью.

Цель статьи – ретроспективный анализ первых практик организации и методики физического воспитания умственно отсталых детей в эволюционном зарождении педагогической системы – адаптивная физическая культура лиц с интеллектуальной недостаточностью.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные и учебно-методические труды отечественных и зарубежных авторов, материалы периодической печати, а также данные статистических и законодательных документов разных лет, имеющих отношение к предмету исследования.

Методологическую основу составили системный подход, принципы историзма и объективности. Исследование осуществлялось общенаучными и специально-историческими методами: анализ и синтез, системный, сравнительно-исторический, ретроспективный, проблемно-хронологический. Как уже отмечалось ранее, выполняя ретроспективный анализ литературы и документов разного времени (веков), в ряде случаев мы не только цитировали, но и пользовались оригинальными терминами и понятиями этих источников, не останавливаясь на оценке строгости соответствия их существующей в настоящее время терминологии в специальной педагогике и теории адаптивной физической культуры [5]. В отношении частого применения в материалах исследования термина «идиот» следует пояснить. На самых ранних этапах развития европейской и американской науки и практики воспитания и обуче-

ния детей с нарушениями развития (середина XIX в.) все варианты интеллектуальной недостаточности рассматривались собирательно, без деления на категории и определялись как «идиотия». Соответственно, лица имевшие отношение к этому, получали название – «идиоты», а медицинские термины «дебиль», «имбецилы» и «идиоты» еще длительное время уже в XX веке имели частое использование в научной печати, инструктивно-методических документах и периодике.

Результаты и их обсуждение. Как отмечает Н.А. Граборов, свое начало идея вспомогательного обучения берет от решения вопросов «чисто врачебно-педагогического характера». В 1923 году автор писал, что «первое время, конечно, внимание было обращено лишь на тяжелые формы дефективности, и практическая помощь выражалась лишь в лечении, и только около пятидесяти лет назад зарождается мысль о специальном воспитании и перевоспитании детей, представляющих средние и слабые степени недостаточности» [3, с. 22].

Если обратиться к истории данного вопроса, то еще в XVII веке в некоторых приютах при монастырях наряду с благотворительными делами и призрением делались попытки даже учить тяжело умственно отсталых людей. П.И. Ковалевский писал: «...но в деле воспитания идиотов требуется два элемента: доброе сердце и просвещенный ум. В делах благотворительности применялся один элемент и отсутствовал второй. Поэтому естественно, здесь идиоты находили человеколюбивый приют, но не проявляли успехов в развитии» [4, с.174].

Ученый Х. Замский в «Истории олигофренопедагогики» подчеркивает, что вплоть до конца XVIII века «врачи и педагоги даже не пытались обучать слабоумных, так как считали это бесполезным» [2].

Не воодушевили врачебно-педагогическую общественность и ранее высказанные идеи Яна Амоса Коменского в «Великой дидактике» (1657) о возможности и необходимости обучения всех «аномальных» детей, и сформулированные Иоганном Генрихом Песталоцци ряд педагогических принципов обучения «тупоумных»: посильность обучения, использование дидактических материалов, соединение обучения с производительным трудом, а также сочетание умственного и физического воспитания. Важной причиной этому было отсутствие соответствующих экономических и социальных условий. Однако, несмотря на укоренившийся в общественных взглядах скептицизм, среди врачей, а затем и педагогов появлялись отдельные энтузиасты, делавшие попытки призрения, воспитания и обучения слабоумных («тупоумных») детей.

К завершению XVIII века, пройдя эпоху Возрождения, Реформации, Великой Французской революции, развития науки и университетского образования, европейская цивилизация подошла с кардинально изменившимся отношением монархов и светской власти к людям с отклонениями в развитии; накопленным опытом успешного индивидуального обучения, изменившим

представление общества о возможностях детей с сенсорными нарушениями; принятием законодательных актов, защищающих права и статус глухонемых и слепых граждан, появлением специальных школ для их обучения; высказываниями педагогов о том, что слабоумные дети нуждаются в особых формах обучения и воспитания.

Воспитание как целенаправленный педагогический процесс во все времена в определенной степени связывалось с принципом всесторонности, а телесное, физическое развитие воспитанника являлось его неотъемлемой, составной частью, одним из важнейших условий укрепления здоровья, поддержания функционального состояния и работоспособности организма.

О свойствах физических упражнений в лечении болезней, оздоровлении организма человечество знало с древних времен. Еще за тысячелетия до н.э. существовали врачбно-гимнастические школы (Древний Китай), о медицинской гимнастике, о значении в жизни человека физических упражнений, двигательной активности, оздоровительных сил природы (солнце, воздух, вода), гигиенических факторов (рациональное питание, режим дня, прогулки, массаж, гигиена тела, помещений и др.) в многочисленных письменных источниках разных веков [6].

Один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX века И.Г. Песталоцци утверждал, что в силу того, что природа ребенка представляет собой органическое единство его физических, умственных и духовных сил, необходимо, чтобы эти силы развивались во взаимодействии, взаимно стимулируя друг друга [7, с. 331–341].

Под влиянием идей передовых педагогов и просветителей (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци и др.) о связи физического воспитания со всесторонним развитием личности и укреплением здоровья человека, а также прикладного значения занятий физическими упражнениями в подготовке к трудовой и военной деятельности [8], преподавание в школах нового типа строилось на основе сочетания умственного и физического воспитания.

Учителя использовали средства физического воспитания из разных известных им источников (из античной гимнастики, о рыцарском искусстве, народных подвижных играх и др.): систематизируя эти знания и обобщая собственный практический опыт, разрабатывались системы физического воспитания в учреждениях образования, издавались книги «Опыт энциклопедии физических упражнений» (1794) Герхарта Фита; «Гимнастика для юношества» (1804) и «Гимнастическое руководство для сыновей отечества» (1817) Гутс-Мутса; движение ассоциации гимнастики Фридриха Людвиг Яна (1811); «Преподавание гимнастического искусства» (1840), основателя новейшей школьной гимнастики Адольфа Шписса и др.

Просвещенная медицина и образование были знакомы с содержанием шведской гимнастической системы П.Г. Линга, описанной в книге «Общие основы гимнастики» (1840). Главной задачей гимнастики являлось

оздоровление и укрепление здоровья. В гимнастике П.Г. Линга исключались упражнения на основе сложных форм двигательного материала спорта, которые автор считал вредными для здоровья. Система состояла из различных групп физических упражнений, которые по своим целям и направленности объединялись 4-мя видами гимнастик: педагогическая (гигиеническая) гимнастика, военная, эстетическая и врачебная. Педагогическая и врачебная гимнастики получили широкое распространение в XVIII – начале XIX века в школах и детских домах «...где полностью, где в основных чертах и элементах, по всему свету» [9, с. 13–14].

В качестве основы физической культуры выступало использование естественных факторов здоровья, а физическое воспитание учащихся носило преимущественно гигиеническую направленность.

Равно как и управлению правильным дыханием при выполнении физических упражнений обязательное место в организованных физкультурных мероприятиях отводилось дыхательным упражнениям – неотъемлемому средству оздоровления и укрепления здоровья.

Как уже отмечалось выше, в соответствии с установившимися в государствах и обществе базовыми принципами и задачами в образовании детей, воспитание «цельной натуры» ребенка (по И.Г. Песталоцци) виделось только в неразрывной связи разностороннего образования с физическим образованием. В равной степени это относилось к различному контингенту детей, в том числе с нарушениями развития [7].

Раскрывая цели и методические основы воспитания умственно отсталых детей, Ж. Филипп подчеркивал: «У ребенка ненормального очень важно отдавать столько же внимания физическому и моральному, сколько и умственному» [10, с. 6].

С непосредственным целенаправленным использованием различных средств физического воспитания (физические упражнения, гигиенические факторы, оздоровительные силы природы) практика организованного ухода, лечения, воспитания и обучения детей с интеллектуальными нарушениями («идиоты, тупоумные») начала теснее связываться в XIX веке после успешных попыток педагогической работы с данным контингентом в Европе Ж. Итара (1801 г.), Э. Сегена (1839 г.), И.Я. Гуггенбуля (1841 г.).

Определенные Ж. Итаром и Э. Сегеном направления воспитания детей с тяжелыми нарушениями умственного развития легли в основу медико-педагогической работы как зарубежных, так и отечественных учреждений для такой категории детей, имевших место во второй половине XIX – начале XX века. Совместно с умственным и нравственным воспитанием первоочередными (базовыми) выступали – развитие функций мышц и элементарной сенсорики с помощью специальных заданий, физических упражнений и подвижных игр, а также использование гигиенических (полноценное питание, режим дня, гигиена условий жизни и др.) и природных факторов для физического и психического оздоровления детей.

В частности, в одном из первых медико-педагогических учреждений – в швейцарском Абендбергском приюте (школе) для кретинных и идиотов, открытом Г. Гуггенбюлем (1841 г.) на средства общества врачей-естествоиспытателей, наряду с добрым отношением и заботой, с детьми занимались гимнастикой, организовывали активный отдых и развлечения. Целенаправленно для оздоровления детей использовался горный климат (школа была специально построена в горной местности, на высоте 1100 м над уровнем моря), организовывались прогулки, игры и развлечения на открытом воздухе [2]. Персонал школы под руководством Г. Гуггенбюля «...фанатично, всей душой отдавался практической реализации идеи превращения своих воспитанников “подобным всем” если их выучить смотреть, слушать, осязать и действовать..., пробудить их внутреннее существо, их сознание, их я...» [4, с. 176].

Анализируя события того времени, связанные с отношением общества к воспитанию и обучению умственно отсталых детей, известный отечественный ученый, психиатр и публицист П.И. Ковалевский писал: «По примеру этого заведения и другие страны Европы стали заводить у себя подобные школы и идея Guggenbuhl разлилась по всему просвещенному свету. Англия, Франция, Германия, Америка – всюду стали открывать школы для идиотов... и в огромном числе разочаровались. Разочаровались и остыли к делу. Остыли – бросили и даже осудили его. Почему! Потому, что были школы и были несчастные дети, но не было Guggenbuhley» [4, с. 178]. Тем не менее Г. Гуггенбюль считается одним из провозвестников современных подходов общества к умственно отсталым детям [11].

В 1859 году в г. Галле (Саксония) в начальной школе был «устроен особый класс для отсталых детей».

Известен факт, что в 1868 году и в России (г. Вольск) по распоряжению начальника военно-учебных заведений Н.В. Исакова было создано учреждение (военная гимназия) «для детей, оказавшихся малоуспевающими и трудными в воспитательном отношении». К детям применялись «особые приемы воспитания» «до окончательного их исправления». Как показала дальнейшая судьба воспитанников по выходу их из школы, «результаты работы были самые утешительные» [3, с. 22]. На основании данных сведений, вряд ли следует относить такую военную гимназию к учреждению для детей, имеющих умственную отсталость. Однако это были первые примеры дифференциации педагогического содержания и методов, отдельного специально организованного обучения детей с учетом особенностей и возможностей их психофизического развития.

Уже во второй половине XIX века идея вспомогательного обучения в странах Европы и за ее пределами глубоко проникла в сознание общества и получала быстрое подкрепление на практике. Так, например, в Германии, если в 1859 году только в одном городе (Галле) был известен один вспомогательный класс, то

к 1893 году такие вспомогательные классы в количестве 110 классов уже имелись в 32 городах [3, с. 23]. К концу XIX века вспомогательные (добавочные) классы и школы для умственно отсталых детей широко распространились в Германии, Пруссии, Австрии, Бельгии, Англии, Франции, Америки, Австралии и др.

Физическое воспитание учащихся и преподавание гимнастики (прежде всего преследующие «гигиенические цели») входили в образовательный процесс всех таких специальных классов и школ [12].

Следует заметить, что осуществляемое в школах физическое воспитание, в том числе преподавание гимнастики еще не приобрело необходимой специфики. Отсутствие должной практической реализации дифференцированного и индивидуального подхода в выборе упражнений и методике их использования на уроках гимнастики критиковал Филипп Ж.: «Сколько раз мы видели, что воспитатели применяли эту гимнастику эмпирически, машинально, без осознания причинности» [10, с. 20].

Говоря о содержании и методике гимнастики, которая востребована воспитанием детей с ИН и той, которая используется в учебном процессе вспомогательных школ в 1911 году, он писал: «Эта гимнастика значительно отличается от общеизвестной школьной гимнастики, пользование которой мы еще видим в наших школах. ...Пусть не смешивают эту эклектическую гимнастику, приспособленную к индивидуальным чертам ума и характера, с так называемой шведской гимнастикой» [10, с. 20].

В лице эклектической гимнастики, Филипп Ж., по существу, говорит об адаптивной (приспособительной) физической культуре, педагогический процесс которой диктуется особенностями и образовательными потребностями обучающихся. Адаптивная физическая культура находилась еще очень далеко до появления в свет как самостоятельная учебная и научная дисциплина, но практический опыт использования в эти годы физических упражнений и других средств физического воспитания в образовательном процессе детей с ИН был бесценным по интенсивности и широте накопления эмпирических знаний в этой области.

Такая постановка физического воспитания не могла быть действенной для сохранения, тем более укрепления физического здоровья учащихся. В частности, по данным отчета школьного врача Галльской школы из 215 учеников «в течение 1901 года только 57 детей были нормальны в физическом отношении» [12, с. 90]. Тот же источник констатирует: «В 1903–1904 году картина была еще более печальна: из 209 учеников, только 11 мальчиков и 15 девочек были нормальны в физическом отношении» [12, с. 91]. О недостаточности развития физического развития учеников говорят и показатели измерения веса, роста и окружности грудной клетки. Так по данным того же отчета за 1903–1904 учебный год, в большинстве случаев (до 74%) эти показатели у мальчиков и девочек не соответствовали норме [12, с. 91].

В России первый вспомогательный класс открылся в только в 1908 году (г. Москва), а вспомогательная школа в 1910 году. Однако в отечественной истории олигофренопедагогики воспитание и обучение умственно отсталых детей в специальных учреждениях, по существу, началось еще во второй половине XIX в. Вплоть до конца XIX в. проблемы обучения умственно отсталых детей волновали, главным образом, отдельных энтузиастов – врачей, психиатров, педагогов, общественных деятелей, благотворителей. Они, как правило, изучали за границей накопленный опыт создания и работы учреждений для детей с нарушениями развития и открывали свои по образцу и подобию зарубежных. Главным образом, эти учреждения открывались для детей с тяжелыми интеллектуальными нарушениями. Конкретной информации в этот период о таких учреждениях на территории, относящейся сегодня к современной Беларуси, мы не встретили.

Первое в России учреждение для умственно отсталых детей – лечебно-педагогическое заведение для страдающих припадками, малоспособных, слабоумных и идиотов – было открыто доктором Фридрихом Пляцом в 1854 году в г. Риге.

В 1863 году вышла книга И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», которая произвела переворот во взглядах на понимание природы человеческого поведения и психических процессов.

Развитию психиатрии в России и углублению общественного внимания к судьбе слабоумных содействовал принятый в 1867 году указ сената о предоставлении земствам права самостоятельно заниматься организацией медицинской помощи.

Это активизировало деятельность русских врачей. По примеру западной Европы стали открываться психиатрические лечебницы, больницы для душевнобольных. Начиная с 80-х годов все чаще появляются публикации, подвергающие критике равнодушие государства к судьбе аномальных детей в России, с требованиями реформ медицинской помощи и школы, предусматривающих создание медико-педагогических и учебных заведений для умственно отсталых детей. В предисловии к книге английского психиатра У. Айрленда «Идиотизм и тупоумие», изданной в России в 1880 году, И.П. Мержеевский, обращая внимание на тяжелую участь слабоумных людей в России, писал: «У нас не существует никакой статистики идиотизма, никаких специальных, благоустроенных заведений, необходимых для правильного и разумного наблюдения идиотов и применения к ним выработанной опытом программы воспитания и обучения». С этим положением ученый связывает и «те весьма немногие научные работы», которые в отечественной науке затрагивали изучение данного контингента [13].

Взросший интерес к проблеме общественной помощи умственно отсталым проявился в эти годы в издании большого количества работ зарубежных олигофренопедагогов, психологов, врачей (Э. Сеген, Ж. Демор, Б. Мэннелль, Ж. Филипп и П. Бонкур,

А. Бине и Т. Симон, и др.), посвященных проблемам умственной отсталости, вопросам лечения и воспитания «аномальных» детей, ряд которых в начале XX в. были изданы на русском языке.

В 1882 году в Петербурге врачи-супруги Маляревские открывают «Врачебно-воспитательное заведение доктора И.В. Маляревского». Учреждение обслуживало детей с различными формами аномалий (умственно отсталых, психически больных, эпилептиков, с нарушением поведения и др.). Во врачебном отделении учреждения помещались дети, нуждающиеся в медицинском надзоре, в том числе и глубоко отсталые. Обучение здесь проводилось по методу Э. Сегена, усовершенствованному Е.Х. Маляревской. Все усилия медицинского и педагогического персонала направлялись на укрепление организма воспитанника, оздоровление его нервной системы, развитие самостоятельности путем использования медицинских и педагогических средств, среди которых приоритетное место отводилось физическому (сельскохозяйственному) труду, урокам гимнастики. В то же время, как замечает Х. Замский, «было бы неправомерно называть эти учреждения учебными, так как они обслуживали детей разных возрастов, включая дошкольников, и не имели своих учебных планов и программ. В их системе воспитания много места отводилось лечебной работе» [2, с. 259]. Опыт, накопленный заведением Е.Х. Маляревского в процессе работы с аномальными детьми, а также структура заведения были использованы в дальнейшем при организации других подобных учреждений.

В 1894 году в Петербурге педагогом-дефектологом Е.К. Грачевой открывается приют для детей-идиотов и эпилептиков, при котором через четыре года организуется небольшая школа для умственно отсталых детей. Во всей системе работы с глубоко отсталыми и эпилептиками в приюте Е.К. Грачевой особое место отводилось трудовому воспитанию и обучению. Характер труда был разнообразным: работа по дому, на дворе, в огороде. Вначале работали 1–2 часа в день, а затем продолжительность ежедневной физической работы в мастерских доводилась до 6–7 часов с перерывами, и это, как отмечает Е.К. Грачева, не вредило здоровью, а напротив, укрепляло его [2].

В 1904 году дочери известного профессора И.А. Сикорского Ольга и Елена Сикорские открыли в Киеве Врачебно-педагогический институт для умственно недоразвитых, отсталых и нервных детей. Институт ставил своей целью содействовать правильному физическому, умственному и нравственному развитию отсталых, недоразвитых и нервных детей 3–16 лет. Но глубоко отсталых детей, чьи перспективы развития были ограничены, в институт не принимали.

С 1906 по 1916 г. в Петербурге успешно работала школа-лечебница для умственно отсталых детей, организованная известным психиатром Г.Я. Трошиным. Экспериментальные и педагогические разработки, осуществленные в данном учреждении, стали основой его капитального научного труда «Антропологиче-

ские основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей» (1915) [14].

Регулярное внимание лечебно-оздоровительным мероприятиям уделялось в школе-санатории, открытой на 22 воспитанника врачом-психиатром В.П. Кащенко в 1908 году в Москве. Большинство воспитанников школы-санатория составляли «трудные дети», которые по градации дефективности, выделенной В.П. Кащенко, проявляли себя «на границе нормы», но дети с «глубокими формами дефективности» («физические уроды, идиоты, дети с резко выраженными симптомами слабоумия, страдающие эпилепсией (падучей) и подергиваниями») в учреждение не принимались [15; 16].

В лечебно-воспитательном учреждении В.П. Кащенко придавал руководящую роль врачу, которому, по его словам, «легче разобраться ..., чем педагогу» в физиологических и психических расстройствах и определить гигиенический режим «и для тела, и для духа ребенка» [15, с. 8].

Изучение организации и содержания учебно-воспитательного процесса показывает, что физическое воспитание по сути, представляло не столько организованный урочный педагогический процесс в рамках конкретной учебной дисциплины (как например, трудовое воспитание или уроки арифметики), а совокупность мероприятий гигиенической направленности, обеспечивающих активный отдых и использование оздоровительных сил природы, способствующих физическому развитию детей и оздоровлению. Дети систематически на переменах между уроками выходили на свежий воздух и играли на площадках. В выходные дни создавались условия для активного времяпровождения и развлечений (экскурсии пешком, на лыжах, катание на санках, подвижные игры).

Для детей младшей группы, которые в силу недостатка умственных способностей были не в состоянии освоить программный материал средней школы, организовывались специальные развивающие занятия с опорой на пособия, разработанные педагогами. В их числе проводились гимнастические занятия (под музыку), подвижные игры с упражнениями в развитии устной речи. К сожалению, конкретных примеров их организации и содержания доступные источники о деятельности данной школы не уточняют. В соответствии с основополагающим в педагогической работе коллектива школы принципом индивидуализации, одним из подходов к практической его реализации был отказ от обязательной учебной программы. Программу заменяли подробные учебные планы, которыми руководствовались педагоги санатория [16].

В работе учреждений лечебно-педагогического и педагогического направлений в процессе изучения воспитанников и педагогической работы с ними имело место систематическое использование предметно-трудовой и игровой деятельности, лечебно-оздоровительных мероприятий и организованной физической активности, упражнений популярной к тому времени

методики Э. Сегена. Физическое воспитание рассматривалось как неотъемлемая составная часть учебно-воспитательного процесса. К примеру, в учебном плане вспомогательной школы для детей с глубокой умственной отсталостью дефектолога А.Н. Граборова (Петербург, 1915 г.), на первом, подготовительном двухлетнем концентре (из 3-х при 6-летнем обучении), в числе основных задач была сформулирована задача – «систематической заботой о физическом воспитании повысить общий тонус ученика и тем положить прочные основы его развития» [17, с. 170]. Хотя обращает внимание, что значимость задач физического воспитания детей, подчеркнутая в учебном плане на первых двух годах, не актуализируется в составе главных задач в последующие 4 года обучения.

Правомерный вопрос может стоять лишь в том, насколько методически грамотно, последовательно, целенаправленно и главное – адаптировано, осуществлялся этот педагогический процесс, в частности – физическое воспитание.

Как отмечают Е.В. Герье и Н.В. Чехов в книге «Вспомогательные школы» (1923), «физическое воспитание учащихся с различной степенью интеллектуальных нарушений осуществлялось по одной учебной программе. Кроме того, как уточняют авторы, задачи преподавания физических упражнений и подвижных игр, а также содержание, т.е. виды физических упражнений и характер их в школах для умственно-отсталых детей были общими с нормальными школами. Разница же заключалась в «методе преподавания» [18, с. 170]. Подтверждают это и слова Ж. Филиппа, который критиковал использование в физическом воспитании одних и тех же физических упражнений для всех «умственных типов»: «Каждый умственный тип требует различного воздействия... Сколько раз как во Франции, так и за границей мы отмечали весьма малое участие методы в выборе упражнений!» [10, с. 20].

Наблюдавшееся пока еще только интенсивное накопление и интеграция научных знаний о физическом воспитании, отсутствие необходимого опыта планирования и практического решения задач физического воспитания, отсутствие специально подготовленных учителей, государственного контроля за качеством данного процесса (происходившего, по существу самодельно), а главное, – отсутствие научно обоснованного программного и методического обеспечения, безусловно, не сопутствовали должному качеству физического воспитания и эффективности его результатов. А.С. Самыличев и О.В. Яшин (2001) относят рассматриваемое время к первому историческому этапу в становлении адаптивной физической культуры, названном ими – «донаучным» [19]. Однако излишне не заостряя проблематику «метода» и не принижая роль врачебно-педагогической общественности в накоплении (по существу эмпирического, нового) практического опыта применения физических упражнений в воспитании и обучении умственно-отсталых детей и той, несомненной пользы, которую в результате

получили воспитанники, по поводу данного вопроса следует заметить, что не менее острые проблемы организации и методики физического воспитания оставались тогда даже в массовой общеобразовательной практике обычных школ.

В дореволюционных школах России того времени единой системы физического воспитания, как и единой программы по нему, не существовало. В народных школах физическое воспитание отсутствовало, а в учебных учреждениях для привилегированных слоев населения уроки физкультуры проводились, если позволяли условия. Физическое образование в одних средних учебных заведениях осуществлялось преподаванием уроков гимнастики по сокольской гимнастической системе, в других – шведской, немецкой или по системе по П.Ф. Лесгафта [20].

В 1908 году правительственное решение о введении всеобщего начального образования приводит к неизбежной рефлексии государства и общества на присутствие в нем умственно отсталых детей и взрослых. В такой же степени этому способствовала и ранее введенная всеобщая воинская повинность (1874). Как в Западной Европе, так и в России именно эти законодательные акты повлекли за собой организацию сети образовательных учреждений для умственно отсталых детей, активизацию деятельности государства в этом вопросе.

Первая вспомогательная школа в России была открыта в 1910 году в г. Москве, в 1912 г. – в Петербурге.

Приводятся данные, что к 1917 году вспомогательные школы действовали в Вологде, Вятке, Екатеринодаре, Киеве, Курске, Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Саратове, Харькове. Во всех, как правило, частных учреждениях для умственно отсталых детей (вспомогательных школах, приютах, лечебно-воспитательных заведениях) воспитывалось около 2000 детей [21]. Для сравнения в Германии к 1911 году вспомогательным обучением было охвачено 35 тысяч учащихся с умственной отсталостью в 274 городах страны [3, с. 23]. Несмотря на то что, в дореволюционной России действовала сеть специальных образовательных учреждений, система специального образования еще к этому времени еще не сформировалась. Но именно эти учреждения после революции 1917 года стали основой для создания единой системы обучения и воспитания дефективных детей в рамках государственного всеобуча [21].

Заключение. Начиная с XIX века государство и общество кардинально изменило отношение вопросу об обучении умственно отсталых детей. В странах западной и восточной Европы, Америке, Австралии появляются первые практики воспитания и обучения детей с интеллектуальными нарушениями и различные типы учреждений для реализации этой необходимости: лечебно-воспитательные учреждения и приюты, вспомогательные классы и школы.

К концу XIX – началу XX века в Западной Европе, США и России оформились 3 основных типа

учреждений для лиц с умственной отсталостью: лечебно-воспитательные заведения (1) и приюты для слабоумных (2), где обслуживали преимущественно глубоко отсталых и вспомогательные классы и школы (3) – главным образом, для детей с легкой умственной отсталостью [2].

Как и в устоявшейся веками массовой практике воспитания и обучения детей с нормальным развитием, физическое воспитание рассматривается неотъемлемой составной частью общего воспитания и всестороннего, гармонического развития детского растущего организма, в том числе нарушенного интеллектуального (или другого) генеза.

Поэтому физическое воспитание как целенаправленно организованный педагогический процесс включается в общую систему ухода, лечения, воспитания и обучения детей с ИН в специально организованных для них лечебно-воспитательных заведениях, вспомогательных классах и школах, одновременно с их возникновением (XIX в.).

Анализируя особенности организации, содержания и методики физического воспитания детей с ИН в рассматриваемом периоде (середина XIX в. – начало XX в.) в различных государствах, можно охарактеризовать его следующими общими положениями, отражающими как позитивные, так и отрицательные тенденции в эволюционном зарождении и последующем развитии будущей педагогической системы – АФК лиц с ИН:

- физическое воспитание рассматривалось неразрывной составной частью общего воспитания и обучения, учебно-воспитательного процесса в учреждениях для умственно-отсталых детей независимо от степени ИН;

- как педагогический процесс с самостоятельной учебной дисциплиной, физическое воспитание детей с различной степенью ИН не имело научно-обоснованного, специального программно-методического сопровождения;

- физическое воспитание детей с ИН не формировалось как самостоятельное научное направление, не подкреплялось научными исследованиями или какими-либо практически значимыми научными публикациями в этой области;

- практическая сторона физического воспитания в основном представляла организованное использование гигиенических и природных оздоровительных факторов;

- разносторонние педагогические возможности основного средства физического воспитания – физических упражнений – должной практической реализации не получали;

- коррекционно-развивающие задачи и возможности физического воспитания, в большей мере, замещались использованием программ и средств «сенсомоторной культуры»;

- физическое воспитание учащихся с ИН в первых вспомогательных классах и школах не отвечало специфике вспомогательного обучения и требованиям

адаптивности, имело общее содержание с его целями и постановкой в обычных школах для учащихся без нарушений в развитии;

– педагогический процесс вспомогательного обучения не располагал учителями физической культуры, имеющими профессиональные компетенции, обусловленные спецификой физического воспитания детей с ИН (тем более с УиТИН).

Литература

1. Бобла, И.М. История становления и развития специального образования детей с особенностями психофизического развития в Беларуси: пособие / И.М. Бобла, И.Ю. Макавич. – Минск: БГПУ, 2010. – 180 с.
2. Замский, Х.С. История олигофренопедагогики. – 2-е изд. / Х.С. Замский. – М.: Просвещение, 1980. – 398 с.
3. Граборов, А.Н. Вспомогательная школа (школа для умственно-отсталых детей) / А.Н. Граборов. – М.–Петроград: Государственное издательство, 1923. – 328 с.
4. Ковалевский, П.И. Отсталые дети (идиоты, отсталые и преступные дети), их лечение и воспитание / П.И. Ковалевский. – СПб.: Издание «Вестника Душевных Болезней», 1906. – 256 с.
5. Новицкий, П.И. Физическое воспитание детей с интеллектуальной недостаточностью на территории Беларуси (древнейший период – конец XIX в.) / П.И. Новицкий // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2021. – Т. 34. – С. 14–19.
6. Дубровский, В.И. Лечебная физическая культура (кинезотерапия): учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.И. Дубровский – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 608 с.
7. Песталоцци, И.Г. Памятная записка парижским друзьям о сущности и цели метода (1800 г.) / И.Г. Песталоцци // Педагогическое наследие / Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джурицкий. – М.: Педагогика, 1989. – С. 331–341.
8. Коменский, Я.А. Педагогическое наследие / Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джурицкий. – М.: Педагогика, 1989. – 416 с.
9. Крадман, Д.А. Полный курс шведской системы физических упражнений. Руководство для инструкторов / Д.А. Крадман. – М.–Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 262 с.
10. Филипп, Ж. Воспитание ненормальных детей: Основы воспитания физического, умственного и нравственного / Ж. Филипп, Г. Поль-Бонкур. – М.: Космос, 1911. – 160 с.
11. Гуггенбюль, Иоганн Якоб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гуггенбюль,_Иоганн_Якоб. – Дата доступа: 20.01.2022.
12. Мэннелль, Б. Школы для умственно отсталых детей / Б. Меннелль / Перевод врача М. Владимирского с предисловием д-ра мед. А.Л. Щеглова. – СПб.: Типография 1-й СПб. Трудовой Артели, 1911. – 212 с.
13. Айрленд, У. Идиотизм и тупоумие / Соч. д-ра Айрленда, дир. Шотланд. нац. ин-та для воспитания идиотов и тупоумных в Ларберте; с предисл. и доп. проф. И.П. Мерзеевского; пер. с англ. д-ра Б.В. Томашевского. – СПб.: тип. Г.Е. Благовестлова, 1880. – 452 с.
14. Трошин, Г.Я. Антропологические основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей: в 2 т. / Г.Я. Трошин. – Петроград, 1915. – Т. 2: Процессы чувства и воли. – 405 с.
15. Дефективные дети и школа / под ред. В.П. Кащенко. – М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1912. – 279 с.
16. Степанова, М.А. Педагогика исключительного детства В.П. Кащенко: к 110-летию Санатория-школы для дефективных детей в заведывании доктора В.П. Кащенко / М.А. Степанова. – Клиническая и специальная психология. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 1–23.
17. Обучение детей с нарушениями интеллектуального развития: (Олигофренопедагогика): учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Б.П. Пузанов, Н.П. Коняева, Б.Б. Горский [и др.] / под ред. Б.П. Пузанова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 272 с.
18. Вспомогательные школы для отсталых детей: сборник под редакцией Е.В. Герье и Н.В. Чехова. – М.: Задруга, 1923. – 170 с.
19. Самыличев, А.С. Становление адаптивной физической культуры умственно отсталых / А.С. Самыличев, О.В. Яшин // Адаптивная физическая культура. – 2001. – № 4. – С. 9–13.
20. Карпушко, Н.А. Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре / Н.А. Карпушко: учеб. пособие для студентов, аспирантов и слушателей фак. повышения квалификации ГЦОЛИФКа / Гос. центр. ин-т физ. культуры. – М.: ГЦОЛИФК, 1992. – 61 с.
21. Специальная педагогика: учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. Н.М. Назаровой. – М.: АКАДЕМА, 2000. – 519 с.

Поступила в редакцию 21.04.2022

Стаханавіцкі рух у прамысловасці БССР у гады другой пяцігодкі (1935–1937 гг.)

Субоцін А.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”, Віцебск

Нягледзячы на вялікі шэраг навуковых прац па праблемах індустрыялізацыі, тэме стаханавіцкага руху ў БССР не было прысвечана асобнага даследавання.

Мэта артыкула – выявіць асаблівасці разгортвання стаханавіцкага руху і яго ўплыў на развіццё прамысловасці БССР падчас другой пяцігодкі.

Матэрыял і метады. Для вывучэння тэмы стаханавіцкага руху былі выкарыстаны апублікаваныя дакументы, матэрыялы дзяржаўных архіваў і перыядычных выданняў. Пры даследаванні прымяняліся агульнанавуковыя метады: аналіз, сінтэз, індукцыя, дэдукцыя, а таксама спецыяльна-гістарычныя метады: гісторыка-генетычны, гісторыка-сістэмны і гісторыка-тыпалагічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Разгортванне стаханавіцкага руху ў БССР пачалося восенню 1935 г. і закрунула ўсе ключавыя галіны прамысловасці, дзе ўводзіліся новыя метады ўдасканалення працы. Са студзеня 1936 г. правядзенне мерапрыемстваў стаханавіцкага руху цалкам перайшло пад кантроль рэспубліканскіх органаў. У сувязі з гэтым былі павышаны планавыя паказчыкі і пастаўлены задачы па інтэнсіўнаму выпуску прадукцыі.

Заклучэнне. Стаханавіцкі рух падчас другой пяцігодкі можна ацаніць як са станоўчага боку, дзякуючы яму некаторыя прапрыетствы рэспублікі павысілі прадукцыйнасць працы, так і з адмоўнага – рух ва ўмовах інтэнсіфікацыі працоўнай сілы прыводзіў да вытворчых збояў.

Ключавыя словы: стаханавіцкі рух, БССР, індустрыялізацыя, сацыялістычнае спаборніцтва, пяцігодка, прадукцыйнасць працы.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 48–54)

The Stakhanovite Movement in the Industry of the BSSR During the Second Five-Year Plan (1935–1937)

Subotsin A.A.

Education Establishment “Vitebsk State Technological University”, Vitebsk

Despite the large number of scientific papers on the problems of industrialization, the topic of the Stakhanovite movement in the BSSR was not properly studied.

The purpose of this article is to identify the features of the Stakhanov movement and its impact on the development of industry in the BSSR during the second five years.

Material and methods. Published documents, materials of state archives and periodicals were used to study of the topic of the Stakhanovite movement. In the study we applied general scientific methods: analysis, synthesis, induction and deduction, and special historical methods: historical-genetic, historical system and the historical and typological.

Findings and their discussion. The deployment of the Stakhanovite movement in the BSSR began in the autumn of 1935 and affected all key industries, where new methods of labor improvement were introduced. Since January 1936 the events of the Stakhanovite movement came entirely under the control of the Republic authorities. Consequently, planning figures were increased and the targets for intensive production were set.

Conclusion. The Stakhanovite movement during the second five-year plan can be both positively evaluated: thanks to it some enterprises of the Republic increased labor productivity, and negatively, the movement in the conditions of the intensification of the labor force led to production shocks.

Key words: the Stakhanovite movement, the BSSR, industrialization, socialist competition, five-year period, labor productivity.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 48–54)

Савецкі перыяд з'яўляецца адным з цікавейшых у гісторыі Беларусі, бо ён быў вызначаны шэрагам карэнных пераўтварэнняў у сацыяльнай і эканамічнай сферах жыцця грамадства. Сярод гэтых пераўтварэнняў асаблівае месца займае разгортванне стаханаўскага руху, які стаў найбольш адметнай грамадскай з'явай савецкага часу. Хаця ў сучаснай эканамічнай сістэме і адсутнічаюць прынцыпы сацыялістычнага спаборніцтва, але да сённяшняга дня ў грамадстве існуюць спрэчкі наконт эфектыўнасці разгортвання стаханаўскага руху і яго месца ў гістарычным працэсе. Больш таго, само азначэнне “стаханавец” стала замацавалася ў масавай свядомасці людзей і па-ранейшаму атаясамліваецца са звышактыўнай дзейнасцю таго ці іншага чалавека.

Нягледзячы на багатую айчынную гістарыяграфію па праблеме індустрыялізацыі, феномен стаханаўскага руху не стаў асобным аб'ектам даследавання сярод беларускіх гісторыкаў і, як правіла, разглядаўся ў кантэксце агульных пытанняў эканамічнага развіцця БССР падчас другой і трэцяй пяцігодкі, гісторыі рабочага класа, дзейнасці партыі і камсамола. Працэс разгортвання стаханаўскага руху ў адзначаных даследаваннях аналізаваўся ў межах ідэалагічных палажэнняў, якія характарызаваліся канцэнтрацыяй увагі да ідэі пабудовы сацыялізму і пафасу гераічнай працоўнай дзейнасці рабочых. Пры гэтым амаль не даследаваліся адметныя рысы руху ў прамысловасці БССР, яго ўплыў на эканоміку, а таксама дынаміка разгортвання гэтай формы сацыялістычнага спаборніцтва і вытворчыя праблемы, што ўзніклі пры яе арганізацыі на прадпрыемствах. Усё гэта паказвае на неабходнасць пераасэнсавання вядомых раней дакументаў, увядзення ў навуковы абарот новых архіўных матэрыялаў, а таксама выкарыстанне апошніх дасягненняў гістарычнай навукі для ўсебаковага даследавання стаханаўскага руху, вылучаючы як яго станоўчыя рысы, так і недахопы.

Мэта артыкула – выявіць асаблівасці разгортвання стаханаўскага руху і яго ўплыў на развіццё прамысловасці БССР падчас другой пяцігодкі.

Матэрыял і метады. Пры вывучэнні працэсу разгортвання стаханаўскага руху ў БССР падчас другой пяцігодкі былі выкарыстаны апублікаваныя статыстычныя дакументы, што ўключаюць колькасныя паказчыкі развіцця прамысловасці. Вялікую долю крыніц для даследавання вызначанай намі тэмы складаюць матэрыялы Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, дзе ўтрымліваецца інфармацыя партыйных і прафсаюзных органаў пра развіццё стаханаўскага руху на асобна ўзятых прадпрыемствах, па БССР і СССР у цэлым. Дадзеныя архіўных дакументаў змяшчаюць публікацыі рэспубліканскіх перыядычных выданняў. У іх прыводзяцца факты пра прыклады здзяйснення працоўных рэкордаў асобных стаханаўцаў і вынікі іх наватарскай дзейнасці, а так-

сама спецыфіку разгортвання стаханаўскага руху на асобных гаспадарчых адзінках.

Пры вывучэнні вызначанай намі праблемы былі выкарыстаны якагульнанавуковыя метады, сярод якіх – аналіз, сінтэз, індукцыя і дэдукцыя, так і спецыяльна-гістарычныя: гісторыка-генетычны метады, гісторыка-сістэмны і гісторыка-тыпалагічны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Адна з частак фарсіраванай індустрыялізацыі даваенных пяцігодкі у СССР было сацыялістычнае спаборніцтва. Мэтай яго арганізацыі і правядзення з'яўлялася фарміраванне ў рабочым асяроддзі новых адносін да працы, якія павінны былі засноўвацца на асабістай зацікаўленасці ў яе выніках і прынцыпе добраахвотнасці, уласнай ініцыятыве ў павышэнні прадукцыйнасці вытворчасці. Пры гэтым прадугледжвалася стварэнне альтэрнатывы капіталістычнай канкурэнцыі краін Захаду. Для выканання планаў індустрыялізацыі сацыялістычнае спаборніцтва праводзілася ў разнастайных формах: добраахвотнае зніжэнне расцэнак і павышэнне норм выпрацоўкі, сустрэчнае планаванне, грамадскі буксір, рух ударнікаў. З сярэдзіны 1930-х гг. сацыялістычнае спаборніцтва знайшло сваё лагічнае развіццё ў форме стаханаўскага руху.

У СССР стаханаўскі рух пачаўся са знакамітага вытворчага рэкорду, ажыццяўленне якога арганізавала мясцовая партыйная ячэйка на шахце “Цэнтральнае Ірміна” (Данбас) у азнаменаванне Міжнароднага юнацкага дня. У ноч з 31 жніўня на 1 верасня 1935 г. шахцёр А. Стаханаў за шасцігадзінную змену выпрацаваў 102 тоны вытворчага вугалю пры норме дабычы ў 7 тон.

У параўнанні з папярэднімі формамі сацыялістычнага спаборніцтва стаханаўскі рух прадугледжваў рацыя-нальную арганізацыю тэхналагічных працэсаў і максімальнае выкарыстанне магутнасцяў тэхнікі. Павышэнне прадукцыйнасці вытворчасці дасягалася ў працэсе разгортвання стаханаўскага руху метадамі пераразмеркавання працы, калі кваліфікаваныя рабочыя не выконвалі другарадных працэсаў, якія замацоўваліся за падсобнымі работнікамі. Высокія працэнтны выпрацоўкі дасягаліся стаханаўцамі таксама за кошт ушчыльнення працоўнага дня, падчас якога яны звычайна сканцэнтравалі свае сілы на выкананні асноўных вытворчых аперацый і вызваліліся ад дадатковых рухаў. Для гэтага прадпрыемствы рабілі папярэдняю падрыхтоўку працоўных месцаў, загадзя забяспечваючы іх неабходнымі інструментамі, матэрыяламі і сыравінай [1, с. 28–29].

У БССР першыя звесткі пра рабочых, якія ўключыліся ў стаханаўскі рух, адносяцца да пачатку кастрычніка 1935 г. Піянеры гэтай формы сацыялістычнага спаборніцтва з'явіліся тут у сферы машынабудавання, якая характарызавалася складанымі тэхналагічнымі працэсамі і востра патрабавала павышэння тэмпаў вытворчасці для забеспячэння абсталяваннем усёй прамысловасці, таму ў гэтай

галіне і склаліся самыя спрыяльныя ўмовы для ўзнікнення стаханаўскага руху. Аднымі з першых удзельнікаў стаханаўскага руху ў рэспубліцы можна лічыць рабочых Мінскага станкабудаўнічага завода імя Варашылава С. Харнаса і А. Хаткоўскага, якія за кошт максімальнага выкарыстання магутнасцяў станкоў, папярэдняй падрыхтоўкі дэталей для апрацоўкі і перазмеркавання дапаможных аперацый на іншых рабочых выконвалі месячныя нормы на 190% і 200% адпаведна. Падобныя ж метады выкарысталі рабочыя Аршанскага станкабудаўнічага завода “Чырвоны барацьбіт” Шырко і Жванскі, выпрацоўваючы прадукцыі да 150% за змену.

У якасці пачынальнікаў стаханаўскага руху праявілі сябе рабочыя вядучых для БССР галін лёгкай і лясной прамысловасці. Так, лепшыя стаханаўцы рэспублікі з’явіліся на Мінскай абутковай фабрыцы імя Кагановіча. 9 кастрычніка 1935 г. рабочы адзначанай фабрыкі З. Скабло на цвікоўцы наскоў абутку за змену вырабіў 1083 пары пры норме 400 пар, чым дабіўся выканання 276% плана. Высокіх паказчыкаў ён дасягнуў дзякуючы тэхнічнай падрыхтоўцы машыны і арганізацыі працоўнага месца напярэдадні змены, а таксама перазмеркаванню дапаможных аперацый на падсобных рабочых. Аналагічныя метады выкарыстаў у сваёй працы на наступны дзень і яго брат – Г. Скабло: на аперацыі па зацягванні абутку ён выпрацаваў 1200 пар (250% зменнай нормы). Разам з братамі Скабло на фабрыцы ў стаханаўскі рух уключыўся таксама рабочы С. Розенберг, устанавіўшы 10 кастрычніка новы рэкорд на цвікоўцы абутку і выпрацаваўшы 1212 пар (303% зменнай нормы). У лік прадпрыемстваў рэспублікі, дзе ўпершыню разгарнуўся стаханаўскі рух, уваходзіў таксама Мінскі гарбарны завод “Бальшавік”, на якім сваю выдатную працу паказаў строгаля Л. Левін. 12 кастрычніка 1935 г. за змену ён абстругаў 550 скур пры норме 245 скур, што складала 212,2% выканання плана. Левін загадзя праверыў і падрыхтаваў машыну да працы, расклаў сыравіну так, каб браць яе без перапынкаў для апрацоўкі і вызваліць сябе ад лішніх рухаў. Пачынальнікамі стаханаўскага руху ў БССР сталі рабочыя дрэваапрацоўчай галіны. Рабочы Новабеліцкай запалкавай фабрыкі А. Лучкоўскі, дасканала вывучыўшы асаблівасці працы свайго апарата, дабіўся выпуску 250–253 скрыняў запалак за змену пры норме ў 160 скрыняў. На Бабруйскім лесакамінаце рамшчык Р. Рушко за кошт бесперабойнай пастаўкі драўніны і павелічэння хуткасці піларамы ў лістападзе 1935 г. устанавіў усесаюзны рэкорд – распілаваў 560 кубаметраў лесамагэрыялаў пры норме 90 кубаметраў. У цэлым у апошнія месяцы 1935 г. па тэмпах росту стаханаўскага руху ў галіне дрэваапрацоўкі БССР займала другое месца сярод саюзных рэспублік і рэгіёнаў Савецкага Саюза.

У лёгкай прамысловасці БССР з’яўляюцца першыя ўдзельнікі стаханаўскага руху сярод жанчын. Так, адной з першых стаханавак рэспублікі стала 18-гадовая работніца Мінскай швейнай фабрыкі імя Крупскай

Н. Сурдава. Яна, дзякуючы павелічэнню хуткасці свайго рабочага апарата, дабілася выканання адной вытворчай аперацыі па пашыве адзення за 100 секунд пры норме ў 164 секунды, што дазволіла ў цэлым выконваць дзённую норму на 140%. Знакамітай стаханаўкай Віцебска стала работніца швейнай фабрыкі “Сцяг індустрыялізацыі” Д. Папкова, якая палепшыла працэс узмёткі паліто і на аснове гэтага штомесяц выконвала план на 200–250%. Работніца гэтай жа фабрыкі А. Семянідава дасягнула ўсесаюзнай вядомасці на аперацыі па вышаўцы пяцель для паліто, сістэматычна выконваючы норму на 250–300%. Высокіх працэнтаў стаханаўка дасягнула элементарнай арганізацыяй працоўнага месца. Калі раней паўфабрыкаты яна кідала на падлогу і ёй прыходзілася рабіць лішнія рухі, каб падаць іх на машыну, то з прымяненнем спецыяльнага прыстасавання для размяшчэння гэтых паўфабрыкатаў быў сэканомлены час і з’явілася магчымасць бесперабойна выконваць асноўныя вытворчыя аперацыі.

У пачатку свайго разгортвання стаханаўскі рух фактычна быў ініцыятывай саміх рабочых і вынікам арганізацыйнай працы з боку мясцовых органаў кіравання і прафесійных саюзаў. Стаханаўскі рух разгарнуўся ва ўсіх галінах прамысловасці БССР, а яго ўдзельнікі з’яўляюцца амаль на кожным прадпрыемстве. Так, напрыклад, сярод прадпрыемстваў харчовай прамысловасці рэспублікі стаханаўскі рух пашыраўся на спіртавых заводах. Асаблівую вядомасць атрымаў сярод яго рабочых стаханавец П. Хвашчэўскі (Бярэзінскі спіртавы завод). Ён за кошт удасканалення тэхналогіі дрожджаварэння перайшоў працаваць з аднаго на два апараты і дасягнуў сярэдняй выпрацоўкі прадукцыі да 180%. Сапраўдным лідарам па ўключэнні ў стаханаўскі рух сярод прадпрыемстваў харчовай прамысловасці стала кандытарская фабрыка “Камунарка”. На 19 кастрычніка 1935 г. у стаханаўскі рух тут уключылася 87 рабочых з усіх цэхаў. Лепшай стаханаўскай працай адзначыліся работніцы Цыгельніцкая, Міндліна, Таболіна, Зінькова, якія з прымяненнем новых вынайдзеных прылад на аперацыях па вырабе цукерак выпрацоўвалі прадукцыі да 160–180% за змену.

У ходзе актыўнага развіцця стаханаўскага руху ініцыятыва ў гэтым працэсе паступова перайшла ад мясцовага кіраўніцтва да саюзных і рэспубліканскіх органаў, якія на афіцыйным узроўні сфармуліравалі задачы гэтага руху і цэнтралізавана ўзялі над ім кантроль. Планамерная дзяржаўная палітыка па разгортванні стаханаўскага руху пачынае рэалізоўвацца пасля правядзення I Усесаюзнай нарады стаханаўцаў у Маскве (14–17 лістапада 1935 г.). Ключавым момантам у гэтым сэнсе становіцца выступленне на нарадзе Сталіна. Ён асабліва падкрэсліў рэвалюцыйны характар руху, які ў адрозненні ад папярэдніх форм сацыялістычнага спаборніцтва паспрыяў карэннай ломцы старых тэхнічных норм, вытворчых планаў, практных магутнасцяў і стварыў

асновы для новых, больш высокіх паказчыкаў працы. На думку Сталіна, стаханаўскі рух зрабіў магчымым не толькі павышэнне прадукцыйнасці працы, але і дасягненне інтэнсіўнымі тэмпамі мэты пабудавы сацыялізму. Адсюль і асноўная задача для партыйнага і дзяржаўнага кіраўніцтва павінна была заключацца ў актыўнай дапамозе стаханаўцам у іх далейшай працы і развіцці стаханаўскага руху па ўсім СССР, ва ўсіх сферах эканомікі. Пры гэтым Сталін вялікую ўвагу засяродзіў на ўвядзенні новых норм выпрацоўкі, якія неабходна было зрабіць сярэднімі паміж старымі нормамі і паказчыкамі працы, замацаванымі ў рэкордах найбольш вядомых стаханаўцаў. Так, у інтэрпрэтацыі савецкага лідара, стаханаўскі рух становіцца важным сродкам для ажыццяўлення чарговага эканамічнага скачка.

Наступныя задачы па разгортванні стаханаўскага руху ў якасці дзяржаўнай палітыкі знайшлі свой лагічны працяг на Пленуме ЦК УКП(б) у снежні 1935 г., дзе кіраўнікамі партыі была вызначына неабходнасць укаранення стаханаўскай працы на кожным прадпрыемстве, у тым ліку і сярод падсобных рабочых, за кошт гэтага ў цэлым планавалася падняць прадукцыйнасць працы па краіне на 21% і вышэй. Арыентуючыся на змест выступлення Сталіна на I Усесаюзнай нарадзе стаханаўцаў, Пленум запланавалі павелічэнне норм выпрацоўкі, у прыватнасці вытворчыя заданні па мясцовай прамысловасці меркавалася павялічыць у 3 разы. Падобныя рашэнні неабходна было ў далейшым абмяркоўваць і ўводзіць на спецыяльных канферэнцыях па асобных галінах прамысловасці [2, арк. 53].

У БССР вызначаныя вышэй задачы былі агучаны на Пленуме ЦК КП(б)Б 14–17 студзеня 1936 г. і былі замацаваны ў адпаведнай пастанове “Практычныя мерапрыемствы па разгортванні стаханаўскага руху ў прамысловасці БССР”. Кіраўніцтва рэспублікі патрабавала актыўнай працы па ўкараненні рэкордаў стаханаўцаў і далейшай папулярызаванні стаханаўскіх метадаў сярод рабочых, а таксама сістэматычнага павышэння норм выпрацоўкі праз абавязковае правядзенне галіновых канферэнцый. Фактычна дзяржава ўвядла новыя прынцыпы, якія мелі ў сваёй аснове карэнныя змены паказчыкаў вытворчасці і максімальнае прымяненне стаханаўскіх метадаў працы, у сувязі з гэтым 1936 г. аб’яўляўся стаханаўскім годам, што павінен быў стаць паваротным этапам у працэсе канчатковага пераходу прамысловасці на новы рэжым працы, дзе хуткімі тэмпамі б павышалася прадукцыйнасць і, адпаведна, дзейнічалі павышаныя нормы выпрацоўкі прадукцыі [1, с. 32].

У выніку праяўлення працоўнага энтузіязму рабочых і планамернай дзяржаўнай палітыкі ў БССР, як і ў цэлым па СССР, у канцы 1935 г. – пачатку 1936 г. назіраецца актыўны ўздым стаханаўскага руху. Гэты ўздым характарызаваўся значным павелічэннем колькасці яго ўдзельнікаў і далейшым павышэннем прадукцыйнасці працы. Так, на Мінскім гарбарным заводзе імя Куйбышава стаханаўцы на 1 лістапада 1935 г.

складалі 30,1% ад усіх рабочых, а 1 студзеня 1936 г. іх ужо было 40,4% ад агульнай колькасці рабочых [3, арк. 31]. У гарбарна-абутковай прамысловасці БССР на 20 кастрычніка 1935 г. быў зафіксаваны 561 стаханавец, а на 1 студзеня 1936 г. – 1541 стаханавец (30% ад агульнага ліку рабочых), у металапрацоўчай галіне 1 снежня 1935 г. стаханаўцамі з’яўляліся 830 рабочых, а на 1 студзеня 1936 г. імі былі ўжо 1475 рабочых ці 32,2% [4, с. 98].

Разгортванне стаханаўскага руху паспрыяла перавыкананню вытворчых планаў па БССР. За студзень 1936 г. сярод галін Народнага камісарыята мясцовай прамысловасці металургічныя прадпрыемствы выканалі план на 390,4%, дрэвапрацоўчыя – на 148,1%, гарбарна-абутковыя – на 138%, трыкатажныя – на 148,8% [3, арк. 31]. З прадпрыемстваў адзначанага камісарыята асабліва вылучылася Добрушская папяровая фабрыка, на ёй за кошт правядзення кампаній стаханаўскага руху 22 снежня 1935 г. упершыню быў датэрмінова выкананы дзяржаўны гадавы план па паперы і цэлюлозе [5, арк. 39].

Для таго каб замацаваць вынікі працы стаханаўцаў і распаўсюдзіць стаханаўскія метады сярод астатніх рабочых, па БССР праводзіліся стаханаўскія змены, суткі, тыдні і дэкады. У ходзе правядзення такіх мерапрыемстваў прадугледжвалася ствараць спрыяльныя ўмовы для павышэння прадукцыйнасці вытворчасці як па асобных падраздзяленнях, так і ў цэлым па прадпрыемствах, а таксама замацаваць узорныя мадэлі працы. 8 студзеня 1936 г. стаханаўскія суткі былі, напрыклад, праведзены ў Віцебску на фабрыцы “Прафітэрн”. Напярэдадні правядзення сутак адбыліся сходы працоўных калектываў, дзе былі даведзены канкрэтныя вытворчыя планы для асобных цэхаў і асобных рабочых, абмяркоўвалася прымяненне новых метадаў і іх далейшая папулярызаванне. Для дасягнення задач па павышэнні тэмпаў вытворчасці былі папярэдне падрыхтаваныя неабходныя інструменты і сыравіна, а за кожным падраздзяленнем былі замацаваныя члены партыйнага камітэта. Па выніках правядзення сутак стаханаўскім рухам удалося ахапіць 25% рабочых фабрыкі, і акрамя вядомых да гэтага стаханаўцаў Кагана, Гершмана, Маэўрмана, Савіцкага сваёй высокапрадукцыйнай працай былі адзначаны новыя ўдзельнікі стаханаўскага руху: Хахлова (выканала план на 253%) Смаргон (выканаў план на 180%), Русіна (выканала план на 180%) і іншыя [6, арк. 17–19]. На Рэчыцкай запалкавай фабрыцы “Х Кастрычнік” 10 студзеня 1936 г. была праведзена стаханаўская змена, 21 студзеня – стаханаўскія суткі, а з 5 па 15 лютага – стаханаўская дэкада, дзе на высокім узроўні было наладжана ўзаемадзеянне паміж цэхамі і рацыянальна размеркаваны працоўныя аперацыі. У выніку стаханаўскай дэкады выпрацоўка прадукцыі фабрыкі ў сярэднім за суткі павялічылася на 6,5% у параўнанні са студзенем 1936 г., прадукцыйнасць працы павысілася на 8%, а ўдзельнікі стаханаўскага руху сталі складаць 60% ад агульнай колькасці рабочых [3, арк. 15–16]. Правядзенне адзначаных вышэй мерапрыемстваў

прадугледжвала ў далейшым паступовы пераход да стаханаўскага года. Так, з 2 лютага 1936 г. Магілёўскі гарбарны завод імя Сталіна, напрыклад, пачаў праводзіць стаханаўскі месяц [7, арк. 50].

У адпаведнасці з пастаўленай партыяй і дзяржавай задачай павышэння тэмпаў вытворчасці ў першай палове 1936 г. адбываўся працэс перагляду вытворчых магутнасцяў прадпрыемстваў і замацавання павышаных норм выпрацоўкі. Для рэалізацыі гэтай задачы па БССР былі праведзены галіновыя канферэнцыі, на якіх былі прынятыя новыя паказчыкі вытворчасці. Напрыклад, у сакавіку 1936 г. на галіновай канферэнцыі гарбарна-абутковай прамысловасці замест ранейшай вытворчай магутнасці ў 3500 тысяч пар абутку для прадпрыемстваў рэспублікі былі даведзеныя нормы

памерам у 5750 тысяч пар [8, арк. 103]. Па выніках адпаведных галіновых канферэнцый на 24,5% былі павышаны тэхнічныя нормы на Віцебскай акумулярнай фабрыцы, на 37% – на Мінскім заводзе “Ударнік”, на 53% – на Гомельскай ложкавай фабрыцы [9, с. 25].

Хаця стаханаўскі рух на асобных прадпрыемствах і галінах прамысловасці паспрыяў перавыкананню планаў і павышэнню прадукцыйнасці працы, цалкам ажыццявіць задачы па інтэнсіўным разгортванні адзначанай формы сацыялістычнага спаборніцтва і пераводу эканомікі на стаханаўскія тэмпы працы не ўдалося. Стаханаўскі рух прыводзіў да станоўчых вынікаў там, дзе для гэтага існавалі рэальныя ўмовы, а пры штучным яго ўвядзенні можна было назіраць выпадкі дэзарганізацыі кіравання вытворчасцю,

Табліца

Колькасць удзельнікаў стаханаўскага руху на прадпрыемствах Віцебска

Назва прадпрыемства	01.01.1936 г.	20.01.1936 г.	01.02.1936 г.	01.05.1936 г.	04.05.1936 г.	15.08.1936 г.	01.01.1937 г.	01.03.1937 г.	01.04.1937 г.
Гарбарны завод	72	72	78	78	78	58	–	–	–
Войлачная фабрыка	49	49	52	52	58	40	–	–	–
Фабрыка гнутай мэблі	44	44	61	61	64	66	87	191	–
Фабрыка “КІМ”	1109	1105	1239	1313	1313	2023	1726	1726	–
Фабрыка “Прафітэрн”	–	278	333	–	335	–	593	618	–
Фабрыка імя Лекерта	–	122	159	–	–	–	389	299	285
Шчацінна-шчотачны камбінат	–	243	254	–	290	–	456	463	–
Фабрыка “Прагрэс”	88	88	88	88	88	76	74	–	–
Фабрыка “Сцяг індустрыялізацыі”	360	360	419	419	441	1168	–	–	1605
Акумулярная фабрыка	173	173	194	194	209	238	263	267	–
Станкабудаўнічы завод імя Кірава	198	198	227	227	249	346	318	365	–
Спіртзавод	16	16	23	23	26	61	–	–	–
Фабрыка імя Кагановіча	145	145	135	135	300	269	215	216	–
Махорачная фабрыка	47	47	56	56	76	101	109	–	–
Цагельны завод № 13	41	41	60	60	–	138	–	–	–
Завод “Камінтэрн”	71	71	108	108	140	160	135	–	–
Люстэркавая фабрыка	69	–	69	72	84	85	–	–	–
Ігольны завод	57	57	63	63	–	54	98	80	71
Цагельны завод № 1	14	14	14	14	–	21	–	–	–

Табліца складзена паводле: Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 1021. Воп. 1. Спр. 110. Арк. 27; ДАВц. – Ф. 1021. Воп. 1 Спр. 129. Арк. 98; ДАВц. – Ф. 1021. Воп. 1. Спр. 130. Арк. 53.

збояў на працэсах выпрацоўкі прадукцыі, акрамя таго, парушаліся вытворчыя сувязі, на некаторых прадпрыемствах не была створана адпаведная матэрыяльна-тэхнічная база для пастаяннага правядзення стаханаўскіх мерапрыемстваў. У пагоні за вытворчымі рэкордамі адбывалася празмерная эксплуатацыя тэхнічнага абсталявання, што прыводзіла да яго паломкі і пагаршэння якасці выпускаемай прадукцыі. Пры разгортванні стаханаўскага руху праявіўся фармалізм часткі кіраўнікоў прадпрыемстваў, калі большая ўвага надзялялася росту колькасці стаханаўцаў, а не сапраўднаму павышэнню прадукцыйнасці працы. Больш таго, мелі месца “штурмаўшчына” і “кампанейшчына”, калі стаханаўскія метады працы прымяняліся несістэматычна, а толькі ў пэўныя перыяды, каб ліквідаваць адставанне прадпрыемстваў у выкананні планаў ці для знешняй дэманстрацыі поспехаў сацыялістычнага спаборніцтва [1, с. 37]. Пералічаныя выпадкі мелі месца ўжо ў пачатку 1936 г., калі па рэспубліцы шырока праводзіліся кампаніі па пераходзе да стаханаўскага года. Так, у ходзе правядзення стаханаўскага тыдня ў студзені 1936 г. Магілёўскі машынабудаўнічы завод імя Дзімітрава не змог дасягнуць высокіх вытворчых паказчыкаў па прычыне недахопу ліставага жалеза і адсутнасці свёрдлаў, замест якіх рабочыя былі вымушаныя выкарыстоўваць самаробныя прылады [8, арк. 166]. Стаханаўская дэкада, што ўзяла свой пачатак 20 студзеня 1936 г. на Новабеліцкім дрэваапрацоўчым камбінаце імя Гікала, праз 5 дзён была адменена па той прычыне, што ў цэхах не былі падрыхтаваны ўсе неабходныя інструменты і матэрыялы [3, арк. 18].

Пачынаючы з мая 1936 г. у рамках павышэння планавых паказчыкаў адзначаныя праблемы ў вытворчасці яшчэ больш абвастраюцца і фіксуюцца на некаторых прадпрыемствах да канца пяцігодкі. У ліпені 1936 г. спад стаханаўскага руху назіраўся на прадпрыемствах Віцебска. Прычынамі гэтага былі слабая арганізацыя вытворчых працэсаў і частыя тэхнічныя непаладкі, што прывялі да невыканання месячнага плана. Напрыклад, фабрыка імя Кагановіча выканала план толькі на 69%, а фабрыка “Сцяг індустрыялізацыі” – на 68% [10, с. 3]. На Мінскім станкабудаўнічым заводзе імя Варашылава падчас правядзення стаханаўскай дэкады ў лістападзе 1937 г. цэхі не былі забяспечаны ў поўнай меры матэрыяламі і інструментамі, а частка тэхнікі спынілася з-за вялікай нагрузкі і яе рамонт правесці своєчасова не ўдалося. Як вынік, план дэкады на прадпрыемстве быў выкананы толькі на 40% [11, с. 1].

На частцы фабрык і заводаў БССР разам з вытворчымі недахопамі можна было назіраць тэндэнцыю да змяншэння колькасці рабочых, якія прымалі ўдзел у стаханаўскім руху. Так, напрыклад, на Мінскім дрэваапрацоўчым заводзе імя Молатава ў ліпені 1936 г. 44% рабочых не выканалі месячны план, а колькасць стаханаўцаў у параўнанні з красавіком таго ж года стала менш на 46 чалавек [8, арк. 281–282]. Калі на працягу студзеня 1936 г. – красавіка 1937 г. на такіх прад-

прыемствах Віцебска, як шчацінна-шчотачны камбінат, станкабудаўнічы завод імя Кірава, акулярная фабрыка, фабрыка “Сцяг індустрыялізацыі” назіраўся колькасны рост стаханаўцаў, то на фабрыках “КІМ”, “Прагрэс”, імя Лекерта колькасць стаханаўцаў змяншалася, на ігольным заводзе і фабрыцы імя Кагановіча дынаміка стаханаўскага руху была адзначана то ростам, то змяншэннем ліку яго ўдзельнікаў (табл.) [1, с. 39].

Некаторае зніжэнне тэмпаў стаханаўскага руху на асобных прамысловых прадпрыемствах і ўзнікшыя вытворчыя праблемы ў працэсе яго разгортвання не спынілі, аднак, павышэння прадукцыйнасці працы: стаханаўская форма сацыялістычнага спаборніцтва захоўвала сваю знакаваць як важны сродак эканамічнага ўздыху, а рабочыя ў сваю чаргу імкнуліся да ўдасканалення прафесійных навываў і паказвалі прыклады гераічнай працы, перавыконваючы новыя вытворчыя нормы. Так, сярод удзельнікаў стаханаўскага руху па БССР узнікла асобная катэгорыя двухсотнікоў. Яны за кошт удасканалення метадаў працы сістэматычна выконвалі нормы выпрацоўкі на 200% і вышэй. На 1 лютага 1937 г. у Віцебску, напрыклад, на станкабудаўнічым заводзе імя Кірава двухсотнікамі былі 64 чалавекі, на фабрыцы “КІМ” – 40 чалавек, на фабрыцы імя Лекерта – 10 чалавек, на шчацінна-шчотачным камбінаце – 8 чалавек [8, арк. 53]. У некаторых выпадках стаханаўцы дасягнулі перавыканання норм у 4–5 разоў. Адзін з лепшых стаханаўцаў Мінскага станкабудаўнічага завода імя Кірава Гімельштэйн за кастрычнік 1937 г. на працэсе выпуску піл выканаў вытворчыя нормы на 500% [12, с. 1].

Нягледзячы на пэўныя недахопы, мы можам лічыць, што працэс разгортвання стаханаўскага руху аказаў станоўчы ўплыў на рост аб’ёму валавай прадукцыі БССР і павышэнне прадукцыйнасці працы. У параўнанні з 1932 г. аб’ём прадукцыі прамысловасці рэспублікі вырас у 1937 г. у 2,5 разы, а рост прадукцыйнасці працы пры гэтым стаў вышэй на 65,5% [13, с. 304, 369–370].

Заклучэнне. Развіццё стаханаўскага руху ў БССР у гады другой пяцігодкі адбывалася пераважна ў лёгкай, дрэваапрацоўчай і харчовай галінах прамысловасці, што было абумоўлена самай яе структурай і характарам забяспечэння сыравінай. У прамысловасці рэспублікі акрамя ўдасканалення тэхналагічных працэсаў стаханаўцамі актыўна прымяняліся і іншыя метады працы: паляпшэнне арганізацыі працоўнага месца, перадача другасных аперацый дапаможным рабочым, ушчыльненне працоўнага часу, перапамеркаванне працы паміж падраздзяленнямі прадпрыемстваў. Разгортванне стаханаўскага руху аказала станоўчы ўплыў на павышэнне прадукцыйнасці працы, і, дзякуючы прымяненню стаханаўскіх метадаў, удалося павялічыць аб’ёмы выпускаемай прадукцыі. Пры гэтым правядзенне стаханаўскіх кампаній выкарыстоўвалася дзяржавай як інструмент для інтэнсіфікацыі працы. Менавіта для ажыццяўлення гэтай задачы з пачатку 1936 г. актывізавалася правядзенне мерапрыемстваў, накіраваных на пераход да ўдасканаленых стаханаўскіх

метадаў усімі прамысловымі прадпрыемствамі БССР, а ініцыятыва па арганізацыі стаханаўскага руху цалкам перайшла ад мясцовых кіраўнікоў да рэспубліканскіх органаў улады. На аснове вытворчых дасягненняў, паказаных стаханаўцамі, былі праведзены галіновыя канферэнцыі, што замацавалі павышаныя нормы выпрацоўкі і павінны былі знайсці рэзервы для павелічэння аб'ёмаў вытворчасці. У канцы 1935 г. – першай палове 1936 г. назіраліся ў цэлым станоўчыя тэндэнцыі развіцця стаханаўскага руху і актыўнага ўключэння ў яго рабочых, але з сярэдзіны 1936 г. і да канца другой пяцігодкі пры разгортванні дадзенай формы сацыялістычнага спаборніцтва пачынаюць праяўляцца збоі ў вытворчасці і змяншэнне колькасці яе ўдзельнікаў, звязаныя з тэхнічнай непадрыхтаванасцю часткі прадпрыемстваў да ўсталяваных звышвысокіх тэмпаў працы і абумоўлены асаблівасцямі самой адміністрацыйна-каманднай сістэмы кіравання. У той жа час стаханаўскі рух захоўвае сябе як форма працоўнага энтузіязму і падтрымліваецца рабочымі па далейшым удасканаленні метадаў вытворчай дзейнасці.

Літаратура

1. Субоцін, А.А. Стаханаўскі рух як сацыякультурны феномен савецкага грамадства (1935–1941 гг.): на матэрыялах БССР: манаграфія / А.А. Субоцін. – Віцебск: Віцеб. дзярж. тэхн. ун-т, 2016. – 181 с.
2. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. – Ф. 17. Воп. 2. Спр. 549.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 8965.
4. Дукар, З. Стаханаўскі рух у мясцовай прамысловасці БССР / З. Дукар // Соцыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 1–2. – С. 97–106.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 9090.
6. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 1021. Воп. 1. Спр. 106.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 10776.
8. НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4455.
9. Галіновыя канферэнцыі мясцовай прамысловасці // Соцыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 3. – С. 23–28.
10. У Віцебску аслабілі кіраўніцтва стаханаўскім рухам // Звезда. – 1936. – 24 жн. – С. 3.
11. Тармозяць разгортванне стаханаўскага руху // Звезда. – 1937. – 4 сн. – С. 1.
12. Бліскучая перамога стаханаўца Гімельштэйна // Звезда. – 1937. – 4 лістап. – С. 1.
13. Индустриализация Белорусской ССР (1926–1941 гг.): документы и материалы / Гл. арх. упр. при СМ БССР, Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центр. гос. архив Окт. революции и соц. стр-ва БССР; редкол.: В.Н. Жигалова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1975. – 468 с.

Паступіў у рэдакцыю 04.04.2022

Институт Конфуция в Европейском союзе

Чжан Хунчао

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В последние годы в связи с усилением национальной мощи и ростом международного влияния Китая, особенно с реализацией инициативы «Один пояс, один путь», Институт Конфуция как важная платформа для распространения китайской культуры и обучения китайскому языку в Европе пользуется большой популярностью. В данной статье обобщаются текущие культурные отношения между Китаем и ЕС, анализируются состояние и проблемы функционирования Института Конфуция в ЕС, рассматриваются позиции лидеров и экспертов ЕС, обозначается интерес Китая в расширении деятельности Института Конфуция в ЕС. Таким образом, делается вывод, что Институты Конфуция, сталкиваясь с определенной критикой в ряде стран ЕС, играют важную роль в содействии культурным обменам, а также повышению уровня сближения народов Китая и Евросоюза.

Цель статьи – исследование современных культурных отношений между Китаем и ЕС, изучение развития Институтов Конфуция в странах-членах интеграционного объединения и позиций официальных лиц и экспертов к этому образовательному учреждению, анализ роли Институтов Конфуция в преподавании китайского языка, реализации культурных обменов и сближении народов Китая и ЕС.

Материал и методы. Теоретико-методологическую основу составляют принципы историзма, целостности и объективности. Применялись также общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и обобщение.

Результаты и их обсуждение. С древних времен культурные связи между Китаем и европейскими странами активно развиваются, взаимодействие в сфере культуры в последние годы все более расширяется. В документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» 2015 г. официально китайской стороной была подтверждена важная роль ЕС в инициативе «Один пояс, один путь», что позволяет усилить двусторонние контакты в области экономики, политики и культуры. ЕС постепенно осознает, что владение китайским языком имеет большое значение. Институты Конфуция как важная платформа для преподавания китайского языка стали местом для изучения китайского языка и культуры и понимания современного Китая в странах ЕС. Согласно статистике, по состоянию на 2020 г. в Европейском союзе (ЕС 27) насчитывается 108 Институтов Конфуция и 14 классов. В связи с ростом влияния китайской культуры Институты Конфуция все чаще оказываются в центре внимания критических комментариев. В целом на тему функционирования Институтов Конфуция в странах ЕС прослеживаются два подхода. Согласно первому подходу, Институт Конфуция – это образовательное учреждение, которое представляет собой окно и мост для языковых и культурных обменов. Согласно второму, Институт Конфуция рассматривается как инструмент для ведения информационно-пропагандистской деятельности. Но неоспоримо то, что в контексте продвижения инициативы «Один пояс, один путь» Институты Конфуция расширяют преподавание китайского языка и организуют культурные мероприятия в странах ЕС.

Заключение. Институт Конфуция в ЕС, сталкиваясь с огромными проблемами в преподавании китайского языка, распространении китайской культуры, повышении привлекательности китайской культуры, оптимизации национального имиджа страны и развитии межнационального общения, продолжает активно работать, чтобы продвигать обучение китайскому языку в странах-членах и распространять богатую китайскую культуру, а также содействовать устранению недопонимания между народами, способствовать общению между людьми и обогащению культурного разнообразия мира.

Ключевые слова: Китай, ЕС, Институты Конфуция, культурные обмены.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 55–63)

The Confucius Institute in the European Union

Zhang Hongchao

Education Establishment “Belarusian State University”, Minsk

In recent years, due to the strengthening of national power and the growth of China's international influence, especially with the implementation of the “One Belt, One Road” initiative, the Confucius Institute, as an important platform for the dissemination of Chinese culture and Chinese language teaching in Europe, has been very popular. This article summarizes the current cultural relations between China and the EU, analyzes the state and problems of the functioning of the Confucius Institute in the EU, examines the positions of EU leaders and experts, identifies China's interest in expanding the activities of the Confucius Institute in the EU. Thus, it is concluded that Confucius Institutes, facing certain criticism in a number of EU countries, play an important role in promoting cultural exchanges, as well as increasing the level of rapprochement between the peoples of China and the European Union.

The purpose of the article is to study modern cultural relations between China and the EU, to study the development of Confucius Institutes in the member countries of the integration association and the positions of officials and experts to this education establishment, to analyze the role of Confucius Institutes in teaching Chinese, cultural exchanges and rapprochement of the peoples of China and the EU.

Material and methods. *The theoretical and methodological basis consists in the principles of historicism, integrity and objectivity. General scientific methods were also used: analysis, synthesis, induction and generalization.*

Findings and their discussion. *Since ancient times, cultural ties between China and European countries have been actively developing, and cooperation in the field of culture has been expanding more and more in recent years. In 2015 document "Vision and Actions Aimed at Promoting the Joint Construction of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road of the XXI Century", the Chinese side officially confirmed the important role of the EU in the "One Belt, One Road" initiative, which makes it possible to strengthen bilateral contacts in the field of economics, politics and culture. The EU is gradually realizing that Chinese language proficiency is important. Confucius Institutes as an important platform for teaching Chinese have become an important place for learning Chinese language and culture and understanding modern China in the EU countries. According to statistics, as of 2020, there are 108 Confucius Institutes and 14 classes in the European Union (EU 27). Due to the growing influence of Chinese culture, Confucius Institutes are increasingly becoming the focus of critical commentary. In general, there are two approaches to the functioning of Confucius Institutes in the EU countries. According to the first approach, the Confucius Institute is an educational institution that represents a window and a bridge for language and cultural exchanges. According to the second, the Confucius Institute is considered as a tool for conducting information and propaganda activities. However, it is undeniable that in the context of promoting the "One Belt, One Road" initiative, Confucius Institutes are expanding the teaching of Chinese and organizing cultural events in EU countries.*

Conclusion. *The Confucius Institute in the EU, facing huge problems in teaching the Chinese language, spreading Chinese culture, increasing the attractiveness of Chinese culture, optimizing the national image of the country and developing interethnic communication, continues to work actively to promote Chinese language teaching in Europe and spread the rich Chinese culture, as well as to help eliminate misunderstandings between peoples, promote communication between people and enrich the cultural diversity of the world.*

Key words: *China, EU, Confucius Institutes, cultural exchanges.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 55–63)

Начиная с XXI века Китай и ЕС проявляют заинтересованность в стабильном развитии двусторонних отношений. В рамках укрепления национальной мощи Китая и развития Европейской интеграции между двумя сторонами установлено всеобъемлющее стратегическое партнерство в 2003 г., что является символом вступления отношений между Китаем и ЕС в новый исторический период, характеризующийся моделью широкого, многоуровневого и всестороннего сотрудничества. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» наряду с усилением торгово-экономических связей ЕС и КНР активно развивают сотрудничество в области культуры и образования с тем, чтобы содействовать углублению взаимопонимания и укреплению доверия, что является необходимым для налаживания прочных связей между народами [1].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы исследовать развитие современных культурных отношений между Китаем и ЕС, изучить особенности функционирования Институтов Конфуция в странах-членах интеграционного объединения и позиции официальных лиц и экспертов к этому образовательному учреждению, проанализировать роль Институтов Конфуция в преподавании китайского языка, реализации культурных обменов и сближении народов из Китая и ЕС.

Материал и методы. При написании статьи были использованы работы авторов (О.П. Рубо, Цуй Пин, Юй Май, Чи Цзябинь, Дж. Гил, Чжао Цзяньчжэ, А.В. Ломанов, Ван Цзин), отчеты ETNC, официальные документы в области развития Институтов Конфуция и отношений между ЕС и Китаем, материалы новостных информационных агентств.

Теоретико-методологическую основу составляют принципы историзма, целостности и объективности. Применялись также общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и обобщение.

Результаты и их обсуждение. Китайская и Европейская культуры как великие мировые цивилизации поддерживают тесные связи с древних времен. Расширение культурных обменов утверждено в документе «Повестка стратегического сотрудничества между ЕС и КНР до 2020 г.», одобренный на 16-й встрече лидеров Китая и ЕС 20–21 ноября 2013 г., который определил основные направления развития культурных отношений и способствовал дальнейшему углублению всеобъемлющего стратегического партнерства Китай–ЕС. В документе отмечается, что диалоговый механизм по гуманитарным обменам на высоком уровне и обмен между людьми в качестве третьего столпа в двусторонних отношениях должны сыграть ведущую роль в укреплении культурного сотрудничества. В области образования правительства необходимо поощрять обучение китайскому языку и языкам ЕС в системах образования ЕС и Китая соответственно, продолжить диалог по политике в области образования и укрепить совместимость образовательных систем в рамках Платформы высшего образования для сотрудничества и обменов. Кроме того, обеим сторонам следует поддерживать и расширять взаимные обмены студентами, учеными и молодыми людьми, содействовать сотрудничеству в области печати, публикаций, радио, кино и телевидения. Китай и ЕС глубоко осведомлены о том, что такие обмены являются важным способом создания мира и содействия экономическо-

му развитию, расширение контактов между народами с обеих сторон имеет решающее значение для укрепления общего понимания и взаимного обогащения между народами [2].

28 марта 2015 г. в документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» официально китайской стороной была подтверждена важная роль ЕС в инициативе «Один пояс, один путь». С установлением взаимодействия ЕС и Китая в рамках китайской инициативы страны ЕС постепенно осознают важность китайского языка для экономического развития в будущем. Очевидно, что многие европейские компании сегодня испытывают проблемы с наймом специалистов с достаточным знанием китайского языка, что негативно отражается на экономическом сотрудничестве с Китаем. По опубликованным 7 мая 2018 г. результатам анализа MERICS, проведенного по заказу Федерального министерства образования и исследований Германии, сделан вывод, что европейские школы должны активизировать свои усилия по обучению учащихся навыкам китайского языка, необходимым в условиях меняющегося глобального ландшафта. Правительствам стран ЕС нужно, следуя примеру Великобритании, признать стратегическую важность изучения китайского языка и предоставить политическую поддержку и финансирование, способствующие устранению этого разрыва. Поскольку китайский язык – это не тот предмет, который быстро и легко может быть освоен, студенты должны как можно раньше начать изучать этот сложный язык [3].

В совместном заявлении, принятом на 21-й встрече лидеров Китая и ЕС, состоявшейся в Брюсселе 9 апреля 2019 г., отмечается, что обеим сторонам следует взять на себя обязательство расширять обмены и укреплять сотрудничество в области образования, туризма, культуры, СМИ, молодежи и спорта в рамках механизма диалогового механизма по гуманитарным обменам на высоком уровне между Китаем и ЕС. Ли Цзяшань, исполнительный вице-президент Национального института международных стратегических исследований в области культурного развития в Пекинском международном исследовательском университете, отметила, что «в контексте Совместного заявления культурные обмены между Китаем и ЕС, безусловно, еще более укрепятся. В будущем совместная подготовка кадров, сотрудничество в области образования и международные академические исследования станут важными движущими силами для продвижения культурных обменов и сотрудничества между Китаем и ЕС» [4].

Институты Конфуция как платформа для преподавания китайского языка стали местом для изучения гражданами ЕС китайского языка и культуры и понимания современного Китая. С момента создания первого Института Конфуция в Южной Корее в 2004 г.

Институты быстро распространялись в Европе. ЕС стал одним из регионов с наибольшим количеством Институтов Конфуция и классов Конфуция в мире. Согласно статистике, по состоянию на 2020 г. в Европейском союзе (ЕС 27) насчитывается 108 Институтов Конфуция и 14 классов. Во многих европейских странах, которые тесно связаны с Китаем, функционирует большее количество институтов и классов, в частности, 19 институтов и 2 класса в Германии, 17 и 1 во Франции, 12 и 2 в Италии¹. Эти образовательные учреждения являются важной частью системы продвижения китайского языка в ЕС, играют особую роль в культурной стратегии Китая для стран Европейского Союза.

Пол Карбо, заместитель мэра графства Хордаланд в Норвегии, заявил на Совместной конференции Европейских Институтов Конфуция 18–19 июня 2019 г., что преимущества изучения китайского языка и китайской культуры, знакомства с Китаем и понимания Китая неизмеримы [5]. Однако поскольку языки европейских стран относятся к индоевропейской языковой семье, а китайский язык – китайско-тибетской языковой семье, студенты испытывают серьезный страх перед трудностями в процессе изучения китайского языка. В этой связи на указанной конференции эксперты в области преподавания китайского языка поделились своим опытом и взглядами на преподавание китайского языка в Европе и во всем мире, что имеет большое значение для продвижения и распространения китайского языка.

В «Плане развития Институтов Конфуция с 2012 по 2020 г.», опубликованном Министерством образования КНР 10 октября 2012 г., указано, что для удовлетворения разнообразных потребностей студентов нужно создать Институты Конфуция с основными направлениями обучения бизнесу, традиционной китайской медицине, боевому искусству, кулинарии, искусству, туризму и т.д. [6]. В настоящее время к числу специализированных Институтов Конфуция в Европе относятся Институт Конфуция по бизнесу при ESCP (Франция), Институт Конфуция по традиционной китайской медицине и регенеративной медицине при Ирландском национальном университете (Ирландия), академический Институт Конфуция при Геттингенском университете (Германия), Институт Конфуция по науке и технике при Белорусском национальном техническом университете (Беларусь) и др. На совместной конференции Европейских Институтов Конфуция 4–5 июля 2019 г., по мнению участников, специализированные Институты Конфуция, играя ведущую и показательную роль в преподавании китайского языка и проведении культурной деятельности, организовали важную платформу для китайско-иностранных культурных обменов,

¹ 孔子学院官网 (Официальный Сайт Института Конфуция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ci.cn/#/site/GlobalConfucius/?key=2> – Дата доступа: 30.10.2021.

что способствует дальнейшему развитию Институтов Конфуция. Китайская и зарубежные стороны должны совместно работать над управлением такими институтами, чтобы достичь взаимной выгоды [7].

В июне 2020 г. был создан китайский международный образовательный фонд, состоящий из 27 университетов и предприятий, ответственный за функционирование Института Конфуция. На Форуме по сотрудничеству Европейского Института Конфуция, состоявшемся в Университете международного бизнеса и экономики в Китае 17 декабря 2020 г., Фэн Юньшэн, заместитель председателя Международного образовательного фонда китайского языка и Председатель правления Китайской Образовательной Издательской и Медиа-группы Ltd, заявил, что Фонд собирает средства для оказания поддержки и услуг развитию Институтов Конфуция по всему миру, управляет брендом, стандартами и качеством Институтов, чтобы способствовать устойчивому и качественному развитию Институтов Конфуция [8].

Что касается культурного обмена, Институты Конфуция регулярно проводят культурные мероприятия, такие как каллиграфия, резка бумаги, китайское чайное искусство, Тайцзи, китайские шахматы, выставки китайской живописи, фестивали китайского кино, лекции по традиционной китайской медицине и праздничным обычаям и т.д., которые помогут повысить интерес студентов к обучению, способствовать активному участию местных жителей в различных культурных мероприятиях и сделать людей более осведомленными о культуре и национальных традициях Китая. Особенно в первые дни выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» общественность имела ограниченное представление об этой инициативе. Например, в подавляющей части немецких СМИ инициатива определялась либо как геополитическая угроза, либо как чрезмерно амбициозное начинание, которое обречено на провал [9, р. 28]. В целях укрепления понимания, признания и доверия европейских народов к инициативе Институт Конфуция при Университете Граца Австрии, например, организовал деятельность о китайской экономике, науке и культуре в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (15 ноября 2017 г.). Институт Конфуция в Университете Эрланген-Нюрнберг в Германии – Европейскую гастрольную выставку произведений искусства «Две тысячи лет Морского шелкового пути» (12 июня 2019 г.) и т.д.

Стабильная и успешная работа Института Конфуция неотделима от усилий и самоотверженности директора. Китайские и иностранные директора являются агентами развития Институтов и вносят важный вклад в образовательное и академическое сотрудничество, гуманитарный обмен, развитие разнообразной мировой цивилизации и углубление международного взаимопонимания. Во второй половине дня 27 сентября 2021 г. китайский международный образовательный

фонд провел мероприятие «Отдайте дань истории и откройте будущее – День Института Конфуция 2021 г.». В общей сложности 75 китайских и иностранных директоров Институтов Конфуция по всему миру, которые проработали более десяти лет и внесли выдающийся вклад в деятельность образовательного и культурного учреждения, получили Памятную медаль директора. Четыре иностранных директора, например, Ван Лиминг (директор Института Конфуция при Дублинском университете Ирландии), Марина Тимоtheo (директор Института Конфуция при Болонском университете Италии), которые служили в Институте Конфуция, совместно созданном Китайским народном университетом, были награждены медалями [10].

В публикации «Влияние Китая в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе: уязвимость и устойчивость в четырех странах» авторы Э. Браттберг, Ф.Л. Корре, П. Стронски, Т.Д. Ваал полагают, что Центральная и Восточная Европа, а также Юго-Восточная Европа часто считаются особенно уязвимыми для влияния политики, экономики и мягкой силы Китая [11]. Речь идет о значении Институтов Конфуция в странах ЕС: курсы китайского языка и популяризация контента о Китае призваны уравновесить негативную информацию, представленную в публичных дебатах. Выбирая темы и распространяя позитивную (или нейтральную) информацию, Институты Конфуция стремятся доказать, что критические мнения о Китае необоснованны, а сотрудничество с Китаем – не более чем возможность для всех сторон [12].

С одной стороны, деятельность Институтов Конфуция во Франции и Германии как крупных государствах – членах Европейского Союза, была поддержана лидерами. 30 августа 2016 г. на церемонии создания Института Конфуция в Штральзунде Канцлер Германии А. Меркель подчеркнула, что немцы все еще очень мало знают о тысячелетней истории и культуре Китая. Она отметила: «Институт Конфуция поможет нам лучше узнать друг друга» [13]. В Германии обмена между людьми, продвигаемые правительством в течение последних нескольких лет, сформировали в целом открытое и позитивное отношение к китайской культуре. Исследование MERICS, проведенное в 2018 г. об интересе к Китаю и китайской способности в Германии, показало, что значение Китая в университетах растет с 1990-х гг. Немецкие студенты, в частности, интересуются китайской культурой и языком. Поэтому университеты предлагают все больше и больше образовательных возможностей, связанных с Китаем. Это показывает, что Китай успешно реализует культурную политику в формате «мягкой силы» в Германии [14, р. 39]. Более того, во время своего первого государственного визита в Китай в качестве президента Франции в 2018 г. Э. Макрон подчеркнул, что культура и, в частности, язык являются стратегическими элементами двустороннего сотрудничества

Франции с Китаем, и призвал «взаимно развивать роль и присутствие Институтов Конфуция и французских альянсов» [14, р. 32]. Во время пандемии в 2020 г. с 10 марта закрыты все начальные, средние школы и университеты во Франции, Институт Конфуция при Университете Артуа активно продолжал вести преподавательскую, культурную и повседневную работу удаленно [15]. Активная работа Института Конфуция сыграла важную роль в преподавании китайского языка, распространении культуры и сближении народов. Хотя студенты не приходили на занятия в аудиторию, изучение китайского языка не прекращалось, что также отражает любовь учащихся к китайскому языку и китайской культуре.

С другой стороны, особенно начиная с вспышки пандемии COVID-19, имеют место ограничения использования Китаем «мягкой силы» в ЕС. Э. Браттберг, Ф.Л. Корре, П. Стронски, Т.Д. Ваал объясняют это ограниченным интересом к Китаю и его модели, особенно со стороны молодых прозападных людей, растущей международной критикой внутренней и внешней политики Пекина и обвинениями в адрес Китая, касающимися распространения коронавируса [11].

Результаты опроса американского исследовательского центра Pew, опубликованные в октябре 2020 г., показывают, что негативное восприятие Китая достигло исторического максимума с тех пор, как исследовательский центр Pew начал проводить опросы на эту тему в Германии 15 лет назад. 71% негативно воспринимали Китай, что на 15% больше, чем в прошлом году [14, р. 41]. Во Франции по ежегодным опросам, проводимым американским исследовательским центром Pew в 2020 г. доля респондентов, придерживающихся неблагоприятного мнения о Китае, выросла до 70% со среднего показателя 55% за последнее десятилетие, что очень близко к пику в 72% в 2008 г. [14, р. 34]. Негативное восприятие Китая в общественном дискурсе в Греции и Венгрии усилилось, как и в других странах ЕС, хотя обе страны по-прежнему являются одними из наиболее дружественных Китаю стран в Европе [11]. В некоторых странах ЕС наблюдается несколько настороженное отношение общественности к Китаю. Вместе с тем 30 марта 2021 г. во время встречи в Афинах с членом Государственного совета Китая и министром обороны Вэй Фэнхэ, Президент Е. Сакелларопулу заявил, что Греция и Китай являются странами с древней культурой, и всеобъемлющее стратегическое партнерство между двумя странами продолжает развиваться. Греция придает большое значение позиции Китая в международных делах, высоко оценивает достижения Китая в области экономического и социального развития и значительный прогресс, достигнутый в области прав человека, и надеется, что Европейский Союз и Китай будут поддерживать тесные связи для совместного содействия устойчивому развитию в

мире. Вэй Фэнхэ подчеркнул, что дружба между Китаем и Грецией имеет долгую историю, и Китай будет работать со странами Центральной и Восточной Европы для содействия более стабильному и плодотворному сотрудничеству в различных областях [16].

В связи с ростом влияния китайской культуры Институты Конфуция все чаще оказываются в центре внимания критических комментариев. В декабре 2020 г. голландский член Европейского парламента задал Европейской комиссии один вопрос о том, что «Планирует ли Комиссия призвать государства-члены закрыть все Институты Конфуция?» Причина в том, что они рассматривают институты не как академические учреждения, а как пропагандистские инструменты КПК, которая ограничивает то, что может обсуждаться студентами и преподавателями. Представленный студентам образ Китая был только таким, который описало правительство [17]. В октябре 2021 г. по очевидной просьбе китайских дипломатов в Институте Конфуция при Университете Дуйсбург-Эссен и Институте Конфуция при Университете Лейбница отменились мероприятия по случаю публикации новой немецкой книги о председателе Си Цзиньпине, на что критики из Германии гневно отреагировали. Это привлекло внимание к роли Института Конфуция. Критики рассматривают это учреждение как возможность для Пекина распространять пропаганду под видом преподавания [18]. По словам немецкого журналиста Э. Гейджеса, отмена таких мероприятий просто подчеркивает то, что всегда утверждали критики, – что Институты Конфуция являются «длинной рукой» Китая и что они не могут проводить свои собственные программы [19]. В заявлении Посольства Китая в Германии говорится, что мероприятия в Институтах Конфуция должны служить общим интересам, планироваться и проводиться на основе всестороннего общения между партнерами. И в глазах Китая Институт Конфуция – способ содействия изучению китайского языка и культуры, а также обеспечения образовательных и культурных обменов с целью углубления взаимопонимания и дружбы между Китаем и другими странами [18]. А. Фульда, адъюнкт-профессор Ноттингемского университета подчеркивает, что Институты Конфуция не являются культурными организациями, у них есть политическая функция. По его мнению, университетам Германии не нужно полагаться на Институты Конфуция для организации мероприятий, посвященных Китаю. Однако если у них есть Институт Конфуция, и они сотрудничают в области исследований с Китаем, то могут сказать: «Посмотрите, какие мы интернациональные!» Федеральный министр образования и науки А. Карличек высказался о необходимости препятствовать влиянию Китая на немецкие университеты и общество [19]. Поэтому в новостях от 16 июля 2021 г.

было заявлено, что Министерство образования Германии призвало университеты страны прекратить сотрудничество с Институтом Конфуция [17].

Автор Сяошань в новостях от 11 апреля 2021 г. в сюжете «Институты Конфуция: Европа только начала говорить об этом?» отметил, что во Франции между Институтом Конфуция и Лионским университетом возникли разногласия по поводу содержания учебников, а также недопонимания имели место быть в отношениях между китайским директором и ответственным французским лицом. Институт Конфуция обвинили в проникновении в университет с целью оказания влияния на образовательный процесс [20]. Цуй Пин и Юй Май, преподаватели Уханьского университета в Китае, считают, что Институт Конфуция во Франции добился больших успехов в обучении китайскому языку и продвижении культурных обменах, но в последние годы он столкнулся со многими трудностями и проблемами. Соответственно, Институт Конфуция должен обратить большое внимание на решение проблем с тем, чтобы достичь здорового развития и стать важной платформой изучения французами китайского языка и культуры, а также понимания Китая, особенно современного [21, с. 106–112]. В 2021 г. Чи Цзябинь, преподаватель Университета Тунцзи в Китае, опубликовал статью «Анализ дисбаланса между обучением китайскому языку и Институтами Конфуция во Франции», в которой указал, что обучение китайскому языку и работы Института Конфуция во Франции всегда выгодны. Поскольку в Институте Конфуция во Франции есть некоторые проблемы, это культурно-образовательное учреждение должно укрепить уверенность в будущем и упорно трудиться, чтобы хорошо выполнить работу по обучению китайскому языку [22, с. 26–37]. Словом, китайские ученые обнаружили, что в процессе развития Институтов Конфуция во Франции действительно возникли некоторые трудности и проблемы. В то же время исследователи также считают, что до тех пор, пока Институты Конфуция серьезно работают и активно решают проблемы, институты все еще очень нужны во Франции. Таким образом, Институты Конфуция играют важную роль в содействии общению между людьми и культурным обменам между двумя цивилизованными странами – Китаем и Францией.

Шведы, обычно стремящиеся защитить свой собственный язык и даже остерегающиеся широкого распространения в Швеции английского и немецкого языков, проявили большой энтузиазм в изучении китайского языка и приветствовали открытие Института Конфуция [23, р. 35]. Однако в 2008 г. сотрудники Стокгольмского университета обвинили посольство Китая в использовании Института Конфуция при университете Северной Европы для ведения политической слежки и секретной пропагандистской деятельности, а также

для ограничения исследований по политически чувствительным вопросам, касающимся Китая [24, р. 80]. Более того, в 2020 г. все Институты Конфуция и классы в Швеции были закрыты. Это первое европейское государство, закрывшее все институты в своей стране.

Являясь одной из основных форм выхода китайской культуры на глобальный уровень, Институты Конфуция стремятся дать миру возможность понять настоящий Китай. Путем анализа вышеприведенных событий Институты Конфуция сталкиваются с огромными проблемами в своей работе и должны активно работать над изменением нынешней ситуации.

В этой связи Посол Китая в Евросоюзе Чжан Мин заявил в интервью Financial Times 19 декабря 2019 г., что Институт Конфуция является некоммерческим китайским учебным заведением, созданным китайскими и зарубежными университетами на добровольной основе. Его образовательная и культурная деятельность открыта и прозрачна, а характер такой же, как у Французского Альянса, Немецкого Института Гете и испанского института Сервантеса.

Конфуций, как и Сократ своего времени, был известным мыслителем, философом и педагогом. Его идеи о гармонии для всех народов, доброжелательности и любви являются общим духовным богатством мира. Сегодня, в XXI в., если бы Конфуций рассматривался как угроза, трудно представить, что бы не являлось угрозой. И Китай, и Европа имеют долгую историю и цивилизацию. Если даже Конфуций и Сократ не смогут вести диалог и общаться, то человеческая цивилизация потеряет свое будущее [25]. Чжао Цзяньчжэ, аспирант Китайского университета международных отношений, считает, что Институты Конфуция имеют большое значение для здорового взаимодействия и обменов между Китаем и Европой. В контексте активного развития китайско-европейских отношений, основанных на мире, развитии, реформах и прогрессе цивилизаций, Институт Конфуция играет важную роль в продвижении обучения языку и культурных обменах, что является важным взаимовыгодным элементом в сотрудничестве КНР и ЕС. До тех пор, пока Институты Конфуция действуют нормально и занимаются соответствующей работой согласно своим уставам, действия, подобные закрытию Институтов Конфуция в Швеции, вряд ли можно будет наблюдать в других европейских странах. У Институтов Конфуция в странах ЕС есть огромный потенциал для развития [26].

Конечно, существуют и положительные оценки функционированию Институтов Конфуция в Европейском Союзе. Например, в Германии Фальк Хартиг, исследователь, который изучает и пишет работы об Институтах Конфуция, опровергает подозрения в информационно-пропагандистской деятельности Института. Он сказал, что учебники, используемые в Институтах Конфуция в Германии, были составлены немцами, а не китайцами [20].

Это также соответствует предложению профессора Университета международного бизнеса и экономики (UIBE) КНР Цзяна Цинчжэ на Форуме по сотрудничеству Европейского Института Конфуция 2020 г., а именно: ускорить процесс подготовки местных преподавателей и составления местных учебных материалов в принимающих странах [8]. С целью лучшего понимания миром Китая Институт Конфуция представляет собой культурное учреждение, которое не должно быть вовлечено в политические процессы. Институт Конфуция, как окно и мост для китайско-иностранных языковых и культурных обменов, играет активную роль в обучении китайскому языку и понимании китайской культуры для людей со всего мира, также вносит важный вклад в развитие гуманитарных обменов между странами и содействие развитию разнообразной мировой цивилизации [27]. Точно так же, как Виктор Бернар, директор Института Конфуция в Анже (Франция), заявил: «Буду ли я обсуждать, является ли Тайвань территорией Китая? Нет, мы говорим только о культурных проблемах, а не политических вопросах. Здесь нет места политическим вопросам» [20].

ЕС осознает, что растущий китайский рынок становится все более важным для европейских производителей товаров и услуг. У стран интеграционного объединения есть общие с Китаем интересы во многих сферах, курс на сотрудничество будет сохранять приоритетность в отношениях Китая и ЕС. Для поддержания этой тенденции стороны должны лучше понимать друг друга, держать под контролем взаимные разногласия, не давать им влиять на ход долговременного сотрудничества [28]. Поэтому в связи с глобальным интересом к изучению китайского языка и в контексте продвижения инициативы «Один пояс, один путь» Институты Конфуция в странах ЕС по-прежнему расширяют преподавание китайского языка и организуют культурные мероприятия с тем, чтобы граждане стран ЕС могли всесторонне понимать Китай. Деятельность Институты Конфуция нацелена на продвижение культурных обменов и взаимное обучение между двумя цивилизациями. Профессор UIBE Цзян Цинчжэ отметил, что в настоящее время Институты Конфуция по всей Европе становятся важным мостом между Китаем и Европой для углубления взаимопонимания, поиска общего при наличии разногласий и проведения международного диалога [8].

В своем выступлении на церемонии открытия Совместной конференции Институты Конфуция франкоязычных стран Западной Европы 21 октября 2021 г. китайский дипломат Юй Цзиньсун отметила, что за 17 лет, прошедших с момента создания Института Конфуция, институт обеспечивает общие желания людей со всего мира узнать друг друга и соблюдает тенденцией времени о цивилизованных обменах и взаимном обучении. Благодаря разнообразным обра-

зовательным и культурным мероприятиям он построил мост для духовного общения между китайцами и иностранцами и стал важной платформой для понимания Китая [29]. Кроме того, западные ученые, проанализировав экономическое и образовательное влияние Институты Конфуция, получили результаты о том, что при разумных условиях национальное экономическое и социальное развитие принимающей страны выиграет от Института Конфуция. Хотя у некоторых европейцев в настоящее время есть недопонимания относительно Институты, с углублением языкового общения и культурных обменов многие сомнения и опасения будут разрешены [30, с. 126].

Заключение. Институты Конфуция в ЕС отвечают за преподавание китайского языка и проведение культурных обменов. Также открываются специализированные институты. Высокопрофессиональные педагоги составляют пособия, которые отвечают потребностям учащихся в своих странах, и активно содействуют устойчивому развитию институтов. Однако Институты Конфуция в отдельных странах ЕС столкнулись с критическим отношением, например, во Франции и Германии прекратили свою деятельность один и два Института Конфуция соответственно, а в Швеции закрыты все институты.

В настоящее время Институт Конфуция находится на начальном этапе своей деятельности, сталкивается не только с отдельными проблемами в преподавании китайского языка и распространении китайской культуры в ЕС, но и со сложными задачами по повышению привлекательности китайской культуры, формированию позитивного имиджа страны и развитию межнационального общения. Институты Конфуция нацелены на активную и упорную работу с тем, чтобы продвигать обучение китайскому языку в Европе, распространять богатую китайскую культуру, содействовать устранению недопонимания и способствовать общению между людьми и обогащению культурного разнообразия мира.

Литература

1. Рубо, О.П. Сотрудничество Европейского союза с Китаем в области культуры и образования в 2000-е гг. [Электронный ресурс] / О.П. Рубо. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/147325/1/rubo_Journal2015_4.pdf. – Дата доступа: 20.10.2021.
2. 中欧合作2020战略规划 (Повестка стратегического сотрудничества между ЕС и КНР до 2020 года) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国外交部 (Министерство иностранных дел Китая). – Режим доступа: <https://www.waizi.org.cn/doc/59654.html>. – Дата доступа: 20.10.2021.
3. Europe needs a Mandarin excellence strategy [Electronic resource] // Mercator Institute for China Studies. – Mode of access: Europe needs a Mandarin excellence strategy Merics. – Date of access: 20.10.2021.

4. 中欧关系“高光时刻”许下人文承诺 (дают гуманистическое обещание в высокий момент отношения между Китаем и ЕС) [Электронный ресурс] // 中国文化网新闻 (Новости China Culture). – Режим доступа: <http://cn.cccweb.org/portal/pubinfo/2020/04/28/200001004001/7467b96bba7e41aaa5446d202dfd04c1.html>. – Дата доступа: 20.10.2021.
5. 2019年欧洲部分孔子学院联席会议在挪威卑尔根召开 (В Бергене Норвегии в 2019 г. состоялась Совместная конференция некоторых Институтов Конфуция в Европе) [Электронный ресурс] // 法大新闻网(Новости CUPL). – Режим доступа: <https://news.cupl.edu.cn/info/1016/29973.htm>. – Дата доступа: 20.10.2021.
6. 孔子学院发展规划 (2012—2020年) (План развития Институтов Конфуция с 2012 по 2020 гг.) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国教育部 (Министерство образования Китая). – Режим доступа: <https://cie.sypu.edu.cn/2013/0324/c2612a31675/page.htm>. – Дата доступа: 20.10.2021.
7. 布列塔尼孔院召开欧洲孔子学院联席会议 (Институт Конфуция в Бретани провел совместную конференцию европейских институтов Конфуция) [Электронный ресурс] // 山东大学国际中文教育办公室(Управление международного обучения китайскому языку, Шаньдунский университет). – Режим доступа: <http://kzxy.sdu.edu.cn/info/1018/3272.htm>. – Дата доступа: 20.10.2021.
8. 2020年欧洲孔子学院合作论坛在对外经济贸易大学成功召开 (Форум по сотрудничеству Европейского Института Конфуция, состоявшийся в Университете международного бизнеса и экономики в Китае в 2020 г.) [Электронный ресурс] // 对外经济贸易大学新闻网 (Новости UIBE). – Режим доступа: <http://news.uibe.edu.cn/info/1365/44343.htm>. – Дата доступа: 20.10.2021.
9. Europe and China's New Silk Roads / Ed. by: Fr.-P. van der Putten [et al.] [Text]: ETNC Report // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', Elcano Royal Institute, Mercator Institute for China Studies, French Institute of International Relations (Ifri), 2016. – 78 p.
10. 中国人民大学合作共建孔子学院4名外方院长荣获“孔子学院院长纪念奖章” (Четыре иностранных декана Института Конфуция, совместно построенного Китайским народным университетом, получили Памятную медаль для декана Института Конфуция) [Электронный ресурс] // 人大新闻 (Новости RUC). – Режим доступа: <https://news.ruc.edu.cn/archives/344996>. – Дата доступа: 20.10.2021.
11. Erik Brattberg, Philippe Le Corre, Paul Stronski, Thomas De Waal. China's Influence in Southeastern, Central, and Eastern Europe: Vulnerabilities and Resilience in Four Countries [Electronic resource] // Carnegie Endowment For International Peace. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2021/10/13/china-s-influence-in-southeastern-central-and-eastern-europe-vulnerabilities-and-resilience-in-four-countries-pub-85415>. – Date of access: 19.12.2021.
12. Marcin Przychodniak. Confucius Institutes: A Tool for Promoting China's Interests [Electronic resource] // PISM Bulletin. – Mode of access: <https://chinaobservers.eu/confucius-institutes-as-a-tool-for-promoting-chinas-interests/>. – Date of access: 19.12.2021.
13. 德国总理默克尔首次为德国境内孔子学院揭幕 (Канцлер Германии Ангела Меркель впервые подняла занавес Института Конфуция в Германии) [Электронный ресурс] // 中国日报新闻 (Новости China Daily). – Режим доступа: http://world.chinadaily.com.cn/2016-08/31/content_26651790.htm. – Дата доступа: 20.10.2021.
14. China's Soft Power in Europe-Falling on Hard Times [Text]: ETNC Report // The Netherlands Institute of International Relations / Ed. by: Ties Dams, Xiaoxue Martin, Vera Kranenburg, 2021. – 117 p.
15. News of the Confucius Institute of Artois [Electronic resource]. – Mode of access: <http://institut-confucius.univ-artois.fr/en>. – Date of access: 19.12.2021.
16. 希腊总统萨克拉罗普卢会见魏凤和 (Президент Греции Сакларопулу встретился с Вэй Фэнхэ) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国中央人民政府 (Центральное народное правительство Китайской Народной Республики). – Режим доступа: http://www.gov.cn/guowuyuan/2021-03/30/content_5596678.htm. – Дата доступа: 17.12.2021.
17. Europe closes Confucius Institutes [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ejinsight.com/eji/article/id/2854926/20210716-Europe-closes-Confucius-Institutes>. – Date of access: 19.12.2021.
18. China blamed for cancellation of events for German book on Xi Jinping [Electronic resource] // Financial Times. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/8e4af031-6d07-4b3b-816b-1fc9194b6e4a>. – Date of access: 19.12.2021.
19. New row over Confucius Institutes' role on campuses [Electronic resource] // University World News. – Mode of access: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20211029094715105>. – Date of access: 19.12.2021.
20. 孔子学院：欧洲才开始议论纷纷？ (Институт Конфуция: Европа только начала говорить об этом?) [Электронный ресурс] // 法新社新闻 (Новости RFI). – Режим доступа: <https://www.rfi.fr/cn/%E4%B8%AD%E5%9B%BD/20210411-%E5%AD%94%E5%AD%90%E5%AD%A6%E9%99%A2-%E6%AC%A7%E6%B4%B2%E6%89%8D%E5%BC%80%E5%A7%8B%E8%AE%AE%E8%AE%BA%E7%BA%B7%E7%BA%B7>. – Дата доступа: 20.10.2021.
21. 崔萍 (Цуй Пин), 于迈 (Юй Май) 法国孔子学院的现状、问题与未来发展 (Текущая ситуация, проблемы и будущее развитие Институтов Конфуция во Франции) // 法国研究 (Французские исследования), 2019. – 106–112页 (С. 106–112).
22. 池佳斌 (Чи Цзябинь). 试析法国汉语教育与孔子学院之间的不平衡现象 (Анализ дисбаланса между обучением китайскому языку и Институтами Конфуция во Франции) // 法国研究 (Французские исследования), 2021. – 26–37页 (С. 26–37).

-
23. Repackaging Confucius PRC Public Diplomacy and the Rise of Soft Power [Text]: Asia Paper / Ed. by: Xiaolin Guo // Institute for Security and Development Policy, 2008. – 52 p.
24. Soft Power and the Worldwide Promotion of Chinese Language Learning [Text] // Multilingual Matters / Ed. by Jeffrey Gil. – 2017. – 144 p.
25. 张明大使：如果孔子都被视作威胁，很难想象还有什么不是威胁 (Посол Чжан Мин: Если Конфуций рассматривается как угроза, то трудно представить, что еще не является угрозой) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国驻欧盟使团 (Представительство Китайской Народной Республики при Европейском Союзе). – Режим доступа: http://www.chinamission.be/stxw/201912/t20191226_8203953.htm. – Дата доступа: 20.10.2021.
26. 赵建哲 (Чжао Цзяньчжэ). 以语言搭桥梁, 用文化促交往: 欧洲地区孔子学院的公共外交意义 (Наведение мостов с помощью языка и содействие обмену с помощью культуры: значение публичной дипломатии для Институтов Конфуция в Европе) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MjM5NDc0NDQyNQ==&mid=2651741925&idx=1&sn=dbb029426e27712dc4dc94d5c704feb3&scene=58&subscene=0. – Дата доступа: 20.12.2021.
27. 习近平出席全英孔子学院和孔子课堂年会开幕式 (Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия Ежегодной встречи Института Конфуция и Класа Конфуция в Великобритании) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国驻安哥拉共和国大使馆 (Посольство Китайской Народной Республики в Республике Ангола). – Режим доступа: <http://ao.chineseembassy.org/chn/zgyw/t1308434.htm>. – Дата доступа: 20.10.2021.
28. Ломанов, А.В. Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством [Электронный ресурс] / А.В. Ломанов // Международные отношения КНР. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-kitaya-i-es-mezhdu-sotrudnichestvom-i-sopernichestvom/viewer>. – Дата доступа: 18.12.2021.
29. 2021年西欧法语国家孔子学院联席会议在法国波城举行 (В 2021 г. во Франции состоялось Совместное заседание Институтов Конфуция франкоязычных стран Западной Европы) [Электронный ресурс] // 搜狐新闻 (Новости Соху). – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/496498109_121123756. – Дата доступа: 20.10.2021.
30. 王景 (Ван Цзин). 欧洲孔子学院与汉语言文化的国际推广 (Европейские институты Конфуция и международное продвижение китайского языка и культуры) / 王景 (Ван Цзин) // 广东省社会科学界联合会 (Изв. Гуандунской федерации социальных наук), 2016. – № 4. – 122–126页 (С. 122–126).

Поступила в редакцию 25.04.2022

Научно-техническое сотрудничество Беларуси с европейскими странами (1991–2015 гг.): историография вопроса

Шишкевич В.Н.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

В данной статье отражены некоторые результаты анализа работ отечественных авторов в области научного и технического сотрудничества Беларуси с европейскими странами в 1991–2015 гг. Список таких работ невелик, потому как изучение научно-технических контактов Беларуси с европейскими странами стало актуальным после получения Республикой Беларусь статуса суверенного государства. Это относительно новое направление в исторической науке.

Цель данного исследования – историографический обзор в области изучения научно-технического сотрудничества Беларуси с европейскими странами в 1991–2015 гг.

Материал и методы. В основу статьи положены собственные исследования автора: поиск и анализ научных работ в области научно-технического сотрудничества Беларуси с европейскими странами в 1991–2015 гг. Были изучены докторские и кандидатские диссертации, научные статьи в периодических изданиях В. Фрольцова, А. Рузаковича, В. Снапковского, Е. Кривичаниной, Е. Гросс, Л. Королёнок, также О. Метеж, О. Мееровской, В.И. Стражева и В.В. Самохвала, А.А. Змитрукевича и других.

При написании данной статьи были использованы методы: хронологический, историко-генетический, историко-системный и актуализация.

Результаты и их обсуждение. Исследуя представленные в статье научные работы автор определил наиболее актуальные вопросы, которые поднимаются в названных научных трудах. К примеру, этапы научного и технического сотрудничества с 1991 по 2015 г. и направления. Можно отметить следующие направления сотрудничества: медицина, по преодолению последствий на ЧАЭС, экология.

Заключение. Научно-техническое сотрудничество Беларуси с некоторыми странами Европы нашли отражение в докторских и кандидатских диссертациях В. Фрольцова, А. Рузаковича, В. Снапковского, Е. Кривичаниной, Е. Гросс, Л. Королёнок, в статьях вышеуказанных авторов, а также О. Метеж, О. Мееровской, В.И. Стражева и В.В. Самохвала, А.А. Змитрукевича. При этом в отечественной историографии представлена лишь малая часть научно-технических контактов Беларуси с европейскими странами в 1991–2015 г. и лишь некоторые направления сотрудничества в научной и технической сферах. В результате, обзор перечисленных работ позволяет сделать вывод о необходимости дальнейших исследований по обсуждаемой теме в целях определения эффективности осуществлявшегося научного и технического сотрудничества Беларуси со странами Европы.

Ключевые слова: историография, научно-техническое сотрудничество, этапы и направления научно-технического сотрудничества, техническая помощь, Германия, Великобритания, Польша.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 64–68)

Scientific and Technological Cooperation of Belarus with European Countries (1991–2015): Historiography of the Issue

Shishkevich V.N.

Education Establishment “Belarusian State M. Tank Pedagogical University”, Minsk

This article reflects some results of the analysis of scientific works of domestic authors in the field of scientific and technological cooperation of Belarus with European countries in 1991–2015. The list of such works is small because the study of scientific and technological contacts of Belarus with European countries became relevant after the Republic of Belarus received the status of a sovereign state. This is a relatively new direction in historical science.

The purpose of this study is a historiographical review in the field of the study of scientific and technological cooperation of Belarus with European countries in 1991–2015.

Material and methods. *The article is based on the author's own research: the search and analysis of scientific works in the field of scientific and technological cooperation between Belarus and European countries in 1991–2015. The author studied doctoral and PhD dissertations, scientific articles in periodicals by V. Froltsov, A. Rusakovich, V. Snapkovsky, E. Krivichanina, E. Gross, L. Korolenok, O. Metezh, O. Meerovskaya, V.I. Strazhev and V.V. Samokhval, A.A. Zmitrukevich and others.*

In the course of the research, the author used the following methods: chronological, historical-genetic, historical-systemic and actualization.

Findings and their discussion. *After studying the scientific works presented in the article, the author identified the most pressing issues that are raised in these scientific works, for example, the stages of scientific and technological cooperation from 1991 to 2015 and its directions. The following areas of cooperation can be noted: medicine, overcoming the consequences of the Chernobyl nuclear power plant disaster; ecology.*

Conclusion. *Scientific and technological cooperation of Belarus with some European countries is reflected in the doctoral and PhD dissertations of V. Froltsov, A. Rusakovich, V. Snapkovsky, E. Krivichanina, E. Gross, L. Korolenok, in the articles of the above-mentioned authors, as well as O. Metezh, O. Meerovskaya, V.I. Strazhev and V.V. Samokhval, A.A. Zmitrukevich. At the same time, only a small part of the scientific and technological contacts of Belarus with European countries in 1991–2015 and only some areas of cooperation in scientific and technological spheres were reflected in the national historiography. In general, a review of the listed works allows us to conclude that further research is needed on the topic under discussion in order to determine the effectiveness of the ongoing scientific and technological cooperation between Belarus and European countries.*

Key words: *historiography; scientific and technological cooperation; stages and directions of scientific and technological cooperation; technical assistance; Germany; Great Britain; Poland.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 64–68)

Исследование научно-технических и культурных связей между Беларусью и европейскими странами является сравнительно новым направлением отечественной исторической науки, как и в целом исследование внешней политики нашей страны. Научно-технические и культурные связи между странами сложно и, скорее, невозможно изучать отдельно от политических, экономических, гуманитарных, образовательных и других контактов. Поскольку развитие научно-технического сотрудничества невозможно без договорно-правовой базы, первым этапом данного сотрудничества является формирование правовой основы, образование специальных научных органов управления и комиссий, и только потом реализация совместных проектов и программ.

Цель данного исследования – историографический обзор в области изучения научно-технического сотрудничества Беларуси с европейскими странами в 1991–2015 гг.

Материал и методы. В основу статьи положены собственные исследования автора: поиск и анализ научных работ в области научно-технического сотрудничества Беларуси с европейскими странами в 1991–2015 г. Были изучены докторские и кандидатские диссертации, научные статьи в периодических изданиях В. Фрольцова, А. Русаковича, В. Snapkovского, Е. Кривичаниной, Е. Гросс, Л. Королёнок, также О. Метеж, О. Мееровской, В.И. Стражева и В.В. Самохвала, А.А. Змитрукевича и других.

При написании данной статьи были использованы методы: хронологический, историко-генетический, историко-системный и актуализация.

Результаты и их обсуждение. Первая половина 2000-х гг. отмечена ростом количества исследований в области международных отношений, экономического, научно-технического, культурного сотрудничества Республики Беларусь с европейскими странами. Это

следует объяснить становлением Республики Беларусь к этому времени как суверенного государства, реализующего самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику на международной арене.

Белорусско-германские отношения нашли отражение в докторской диссертации «Политика ФРГ в отношении постсоветских государств (1991–2005 гг.)» В.В. Фрольцова. Автор отмечает, что правовая основа сотрудничества двух стран была создана к 1998 г., а ФРГ стала одним из главных инвесторов для Беларуси [1, л. 193]. По мнению В.В. Фрольцова, главным направлением сотрудничества двух стран в 1990-е – самом начале 2000-х гг. было оказание финансовой и технической помощи Беларуси с немецкой стороны, взаимодействие по вопросам преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС, для чего в 1997 г. был создан Департамент по гуманитарной помощи при Президенте Республики Беларусь [1, с. 193]. В целом отмечено, что политика немецкого правительства в отношении Беларуси имела конкретные интересы для Германии, которые и были реализованы к концу 1990-х гг. [1, л. 194].

Результаты исследований белорусско-германских отношений отражены в многочисленных научных трудах А.В. Русаковича. К их числу относятся кандидатская диссертация «Белорусско-германские отношения в 1990-х гг.», диссертация на соискание степени доктора наук «Германия во внешней политике Беларуси (1990–2015 гг.)», монографии по теме белорусско-германского взаимодействия, статьи «Общественно-культурные связи Беларуси и Германии в 90-е гг.», «Программа поддержки Беларуси Федеральным Правительством Германии», «Белорусско-германские экономические отношения (1991–1996 гг.)» и мн. др.

А.В. Русакович показал актуальность и важность белорусско-германских отношений в 1990-х гг. Германия оказывала сильное влияние на европейскую и мировую

политику в целом. Также отметил интенсивное сотрудничество Беларуси и Германии в области научно-технических связей в 2000-х – первой половине 2010-х гг. В диссертации А. Русаковича сказано, что Германия оказывала техническую помощь Беларуси в рамках международных программ, а в 2001 г. Федеральное правительство Германии приняло Программу поддержки Беларуси [2, л. 213–214]. Автор проанализировал позиции руководства двух стран в отношении межгосударственного сотрудничества, исследовал этапы развития государственно-политических отношений, процесс формирования договорно-правовой базы, рассмотрел основные проблемы и противоречия в политической сфере. Проведя комплексное исследование взаимоотношений ФРГ и Беларуси в области политики, Русакович выделил четыре этапа в развитии государственно-политических отношений. Приведенная им периодизация основывается на качественных изменениях в эволюции государственно-политических отношений, смещении акцентов в развитии политического диалога, интенсивности и результативности межгосударственных контактов. Германия в 1990-е гг. являлась одним из основных экономических партнеров Беларуси, большое значение приобрели культурные и гуманитарные связи. Были документально подтверждены обсуждаемые вопросы по оказанию помощи жертвам фашизма, по уходу за военными могилами. Автор отмечает, что в 1990-е гг. большой общественную популярность получили акции, направленные на примирение двух народов.

Белорусско-германские связи рассматриваются в кандидатской диссертации «Навукова-тэхнічнае супрацоўніцтва Беларусі з краінамі СНД і ЕС (1991–2000 гг.)» сотрудницы Института истории НАН Беларуси Е. Кривичаниной [3]. Автор подробно изложила о научно-техническом сотрудничестве Беларуси и Германии в 1991–2000 гг.: обратила внимание на реализацию совместных проектов, сотрудничество отдельных научных учреждений, организаций, фондов, обмен кадрами, выявлена договорно-правовая основа сотрудничества. В своем исследовании Кривичанина подчеркнула, что реализации многих научно-технических проектов препятствовали как политические, так и финансовые трудности [3, л. 11]. Также были изучены отдельные работы данного автора [4–6].

Л.Г. Короленок в кандидатской диссертации в рамках рассматриваемого ею периода – 1970–2003 гг. – выделила пять этапов в развитии белорусско-английских экономических, научно-технических и культурных связей [7]. Конкретно постсоветский этап автор разделила на два периода: первый, 1991–1996 гг., формирование договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества, второй, с 1997 по 2003 г., интенсивное развитие экономических, научных и культурных связей [7, с. 101]. Л. Короленок отметила основные направления научно-технического сотрудничества Беларуси и Великобритании: компьютерные исследования, физика, электротехника, электронная и топливная инженерия, исследования в области трения, смазок и износа [7, л. 102].

Результаты исследований научно-технических связей БССР и Польской Народной Республики в 1949–1979 гг. отражены в диссертации О.Н. Важник «БССР и Польская Народная Республика: экономические, научно-технические и культурные связи в 1949–1979 гг.» [8]. В своем исследовании автор показала формирование договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества, развитие научно-технических контактов в производственной сфере, перерабатывающей, деревообрабатывающей и мн. др., обратила внимание на факторы, которые оказывали негативное влияние на двустороннее сотрудничество БССР и ПНР [8, л. 38–52].

Е.П. Гросс проанализировала основные формы, направления и результаты развития зарубежных контактов белорусских общественных организаций. В кандидатской диссертации Е.П. Гросс «Международная деятельность общественных объединений Республики Беларусь. 1991–2010 гг.» [9] подчеркнута важная роль общественных объединений Республики Беларусь в развитии международных отношений. Автор доказала, что деятельность общественных объединений Республики Беларусь на мировой арене соответствовала внешнеполитическим приоритетам страны, способствовала укреплению положительного имиджа государства и создавала условия для социально-экономического и международного сотрудничества общественных объединений с партнерами из постсоветских стран и развитых европейских государств. В диссертации Е.П. Гросс перечислила благотворительные организации, которые были созданы в Европе после аварии на ЧАЭС [9, л. 30–32].

Научные, культурные и контакты в сфере образования отражены в статье О. Метеж «Международное сотрудничество вузов Республики Беларусь и Федеративной Республики Германия в области науки, культуры и образования на современном этапе» (до 2011 г.). В статье О. Метеж приведены примеры форм международной деятельности таких, как реализация международных исследовательских проектов, организация обучения студентов и аспирантов, стажировок сотрудников, обмен специалистами и др. [10].

В статье А.А. Змитрукевич «История и культура Беларуси в исследовательской деятельности научных центров ФРГ (50-е гг. XX – начало XXI в.)» показаны этапы становления славяноведения в учебных заведениях ФРГ. Также отражено мнение западногерманского ученого, раскрывающее причины интереса к белорусской истории и культуре: создание независимой Республики Беларусь, открытие архивов РБ в 1990-е годы, историческое сообщество ФРГ отказалось от всех запретов, связанных с историей войны и оккупации [11, с. 287].

В.И. Стражев и В.В. Самохвал привели пример плодотворного научного, технического и сотрудничества в области образования Белорусского государственного университета с немецкими университетами и институтами. В статье «Перспективы совместных германо-белорусских образовательных и научно-технических программ» отражена реализация и результативность совместных научных проектов и программ [12].

Анализируя международное культурное сотрудничество нашей страны с 1991 по 2011 г., В.Е. Снапковский акцентирует внимание на том, что культурная дипломатия стала визитной карточкой Республики Беларусь, с помощью культурного диалога Беларусь смогла реализовать ряд поставленных задач. Так, удалось получить помощь в деле смягчения последствий Чернобыльской катастрофы, привлечь иностранный капитал, реализовать совместные с зарубежными партнерами культурные, образовательные и научные проекты [13].

На страницах журнала «Наука и инновации», издаваемого Национальной академией наук Беларуси, содержится ряд научных статей, в которых отражены как достижения отечественной науки, так и результаты международного сотрудничества. Результативные связи Института прикладной физики НАН Беларуси и Федерального института исследований и испытательных материалов (ВИАМ, Берлин) в начале 2000-х годов отмечает А. Мелешко в статье «Институт прикладной физики НАН Беларуси», приуроченной к 40-летию юбилею Института [14]. В статье «Белорусская школа четвертичной геологии: достижения и роль в международном научном сообществе» указаны совместные научные проекты четвертичной школы геологии и Геологической службой Германии [15]. Также о научном сотрудничестве с немецкими организациями говорится в статьях «Институт генетики и цитологии» [16], «Институт физико-органической химии» [17], «О задачах научных учреждений Республики Беларусь по реализации поручений Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко по повышению эффективности научной и инновационной деятельности» [18], «Институт биохимии НАН Беларуси» [19].

Материалы о состоянии и результатах развития международной научной кооперации напечатаны в журнале ГУ «БелИСА» «Новости науки и технологий». Так, председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь Ю.М. Плещачевский опубликовал статью, в которой подвел итоги работы возглавляемого им комитета за 2004 г. [20]. В ней он уделит внимание и сотрудничеству Беларуси и Германии в научной сфере. Начальник Управления науки и инновационной деятельности Министерства образования, доктор технических наук, профессор О.П. Реут в статье «Международное научно-техническое сотрудничество в высших учебных заведениях Министерства образования» представил пятилетний отчет международного сотрудничества Министерства образования, в котором показана динамика, количественная и качественная составляющая научных связей белорусских университетов с зарубежными партнерами [21].

В статье О. Мееровской «Международное научно-техническое сотрудничество Республики Беларусь со странами Европейского союза» нашло отражение белорусско-германское научно-техническое сотрудничество в пределах 2004 г. Автор называет основные

заключенные договоры и соглашения в области науки и техники, перечисляет значимые мероприятия, в которых принимала участие белорусская сторона [22].

С 2000 г. на базе БНТУ совместно с Университетом г. Бремена был открыт Информационно-координационный центр. В рамках научно-технического сотрудничества им с 2000 по 2004 г. издавался журнал «Мир технологий» [23]. Журнал публиковал статьи немецких и белорусских авторов. В 2003 г. вышла статья «Minsk – Bremen: 15 Jahre erfolgreicher Kooperation», посвященная 15-летию сотрудничества университетов, в которой перечислялись успешные направления сотрудничества, проведенные научные семинары и конференции, культурные мероприятия, о финансовой поддержке проектов. Отмечены важная роль взаимобмена студентами, улучшение их языковых знаний, что стимулировало развитие по направлению научно-технического сотрудничества [24].

Заключение. Таким образом, научно-технические связи Беларуси с некоторыми странами Европы нашли отражение в докторских и кандидатских диссертациях В. Фрольцова, А. Русаковича, В. Снапковского, Е. Кривичаниной, Е. Гросс, Л. Королёнок, в статьях вышеназванных авторов, а также О. Метез, О. Мееровской, В.И. Стражева и В.В. Самохвала, А.А. Змитрукевича. При этом в отечественной историографии нашло отражение лишь малая часть научно-технических контактов Беларуси с европейскими странами в 1991–2015 гг. и лишь некоторые направления сотрудничества в научной и технической сферах.

В результате, обзор перечисленных работ позволяет сделать вывод о необходимости дальнейших исследований по обсуждаемой теме в целях определения эффективности осуществлявшегося научного и технического сотрудничества Беларуси со странами Европы.

Литература

1. Фрольцов, В.В. Политика ФРГ в отношении постсоветских государств (1991–2005 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / В.В. Фрольцов. – Минск, 2016. – 431 л.
2. Русакович, А.В. Германия во внешней политике Беларуси (1990–2015 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / А.В. Русакович. – Минск, 2016. – 330 л.
3. Крывічаніна, К.А. Навукова-тэхнічнае супрацоўніцтва Беларусі з краінамі СНД і ЕС (1991–2000 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / К.А. Крывічаніна. – Мінск, 2010. – 176 л.
4. Крывічаніна, К.А. Асноўныя кірункі міжнароднага навукова-тэхнічнага супрацоўніцтва акадэмічных вучоных Беларусі (1990-я гг.) / К.А. Крывічаніна // Весці Нац. Акадэміі навук Беларусі. – 2006. – № 5, ч. 1. – С. 82–84.
5. Крывічаніна, К.А. Канферэнцыя як адна з найбольш удалых формаў міжнароднага навуковага супрацоўніцтва (1991–2005) / К.А. Крывічаніна // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 12 мая 2006 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.), С.Я. Новікаў (нам. гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2007. – С. 184–187.
6. Крывічаніна, К.А. Навуковая кааперацыя НАН Беларусі з даследчымі ўстановамі і ўніверсітэтамі Германіі (1991–1999) / К.А. Крывічаніна // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск,

- 26 крас. 2007 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.), С.Я. Новікаў (нам. гал. рэд.) [і інш]. – Мінск: МДЛУ, 2007. – С. 229–235.
7. Короленок, Л.Г. Беларусь и Великобритания: экономические, научно-технические и культурные связи в 1970–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Л.Г. Короленок. – Минск, 2004. – 138 л.
  8. Важник, О.Н. БССР и Польская Народная Республика: экономические, научно-технические и культурные связи в 1949–1979 гг.: дис. ... канд. наук: 07.00.02 / О.Н. Важник. – Минск, 2006. – 128 л.
  9. Гросс, Е.П. Международная деятельность общественных объединений Республики Беларусь. 1991–2010 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.П. Гросс, – Минск, 2016. – 139 л.
  10. Международное сотрудничество вузов Республики Беларусь и Федеративной Республики Германия в области науки, культуры и образования на современном этапе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/24439/1/413-421.pdf>. – Дата доступа: 29.09.2021.
  11. Змитрукевич, А.А. История и культура Беларуси в исследовательской деятельности научных центров ФРГ (50-е гг. XX – начало XXI в.) / А.А. Змитрукевич // Немечкая культура в контексте мировой / под ред. Г.В. Синило. – Минск: РИВШ, 2014. – С. 283–290.
  12. Стражев, В.И. Перспективы совместных германо-белорусских образовательных и научно-технических программ / В.И. Стражев, В.В. Самохвал // Системы образования в сравнении: традиции и перемены в Германии и Беларуси: сб. материалов конф. / отв. ред. Т. Кнуббен. – Минск: Пропилен, 2008. – С. 26–33.
  13. Снапковский, В. Международное культурное сотрудничество Республики Беларусь (1991–2011 гг.) / В. Снапковский, О. Лазоркина // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2011. – № 4. – С. 33.
  14. Мелешко, А. Институт прикладной физики НАН Беларуси / А. Мелешко // Наука и инновации. – 2003. – № 3/4. – С. 62–64.
  15. Матвеев, А.В. Белорусская школа четвертичной геологии: достижения и роль в международном научном сообществе / А.В. Матвеев, И.Э. Павловская // Наука и инновации. – 2004. – № 8. – С. 12–15.
  16. Институт генетики и цитологии // Наука и инновации. – 2004. – № 1. – С. 16–25.
  17. Институт физико-органической химии // Наука и инновации. – 2004. – № 1. – С. 7–10.
  18. О задачах научных учреждений Республики Беларусь по реализации поручений Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко по повышению эффективности научной и инновационной деятельности // Наука и инновации. – 2003. – № 5/6. – С. 2–9.
  19. Институт биохимии НАН Беларуси // Наука и инновации. – 2004. – № 1. – С. 32–41.
  20. Плескачевский, Ю.М. О работе Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь в 2004 году / Ю.М. Плескачевский // Новости науки и технологий. – 2005. – № 1. – С. 4–9.
  21. Реут, О.П. Международное научно-техническое сотрудничество в высших учебных заведениях Министерства образования / О.П. Реут // Новости науки и технологий. – 2007. – № 1. – С. 26–31.
  22. Мееровская, О.А. Международное научно-техническое сотрудничество Республики Беларусь со странами Европейского союза / О.А. Мееровская // Белорус. эконом. журнал. – 2005. – № 1. – С. 40–50.
  23. В рамках интегрированного обучения // Экспорт и импорт. – 2004. – № 5. – С. 27.
  24. Minsk – Bremen: 15 Jahre erfolgreicher Kooperation // Мир технологий: Образование. Наука. Производство. – 2003. – № 3. – С. 103–104.

Поступила в редакцию 11.04.2022

Рапальский договор в белорусской советской историографии

Рожкова С.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», Гомель

В статье рассматривается белорусская советская историография советско-германских отношениях в период рапальской политики.

Цель статьи – охарактеризовать отношения между СССР и Германией в рапальский период в белорусской советской историографии.

Материал и методы. Исследование проведено на материалах отечественной советской историографии, посвященной советско-германским отношениям рапальского периода. Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие исследователю всесторонне посмотреть на изучаемый объект.

Результаты и их обсуждение. В белорусской советской историографии историки определили, что Рапальский договор для обеих сторон был выходом из дипломатической изоляции, определенной альтернативой Версальской системе, способом решения целого комплекса проблем послевоенного восстановления и развития. Особый акцент делался на важности экономического сотрудничества. Германия на протяжении рапальского периода лавировала между Востоком и Западом, но это не помешало плодотворному советско-германскому сотрудничеству.

Заключение. Учеными отмечено, что в советско-германском сотрудничестве в изучаемый период намечается тенденция к улучшению отношений между СССР и Германией. Белорусские историки в общем русле советской историографии трактовали рапальский договор как опыт взаимовыгодных отношений между государствами с разными социальными системами на основе принципов мирного сосуществования, экономического, политического, культурного сотрудничества.

Ключевые слова: белорусская историография, советско-германские отношения, Германия, СССР, Рапальский договор.
(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 69–73)

Treaty of Rapallo in Belarusian Soviet Historiography

Rozhkova S.N.

Education Establishment “Francisk Skorina State University of Gomel”, Gomel

The article deals with the Belarusian Soviet historiography of the Soviet-German relations during the period of Rapallo policy.

The purpose of the article is to characterize the relations between the USSR and Germany in the Rapallo period in the Belarusian Soviet historiography.

Material and methods. The research is based on the materials of the Russian Soviet historiography related to the Soviet-German relations of the Rapallo period. The methodological basis of the work is the scientific principles of objectivity and historicism. Two groups of methods were used to conduct the research: general scientific – analysis and synthesis, induction and deduction; special historical – historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, which allowed the researcher to comprehensively consider the object under study.

Findings and their discussions. In the Belarusian Soviet historiography, historians found out that Treaty of Rapallo for both sides was a way out of diplomatic isolation, a definite alternative to the Versailles system, a way to solve a whole range of problems of post-war reconstruction and development. Special emphasis was placed on the importance of economic cooperation. Germany during the Rapallo period maneuvered between the East and the West, but this did not hamper fruitful Soviet-German cooperation.

Conclusion. Historians of Belarus pointed out that the Soviet-German cooperation in the period under study shows a tendency to improve relations between the USSR and Germany. Belarusian historians, within the general line of Soviet historiography, interpreted Treaty of Rapallo as an experience of mutually beneficial relations between states with different social systems based on the principles of peaceful coexistence, economic, political, and cultural cooperation.

Key words: Belarusian historiography, Soviet-German relations, Germany, USSR, Treaty of Rapallo.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 69–73)

Статья посвящена советско-германским отношениям в рапалльский период. Как отмечается, в данной работе белорусские историки акцентируют внимание на том, что договор, подписанный 16 апреля 1922 г. в Рапалло в период работы Генуэзской конференции является значительным событием межвоенного периода истории германо-советских отношений. Рапалльская политика – это первый опыт установления взаимовыгодных отношений государств с различными социальными системами: социалистической и капиталистической. Однако это сотрудничество сталкивалось с рядом проблем. В белорусской советской историографии распространена точка зрения, что для СССР и Германии Рапалло – это выход из дипломатической изоляции, возможность использования экономического потенциала, ослабления версальского гнета. «Дух Рапалло» выражал политическое, экономическое, культурное сотрудничество двух стран.

Рапалльская политика требует глубокого и всестороннего изучения и вызывает интерес у исследователей разных стран, в том числе и у белорусских историков. На сегодняшний день в Республике Беларусь германистика является перспективным направлением в области исследования проблем всеобщей истории, но в исторической науке практически нет работ по историографии советско-германских отношений в период Рапалло.

Цель статьи – охарактеризовать отношения между СССР и Германией в рапалльский период в белорусской советской историографии.

Материал и методы. Исследование проведено на материалах отечественной советской историографии, посвященной советско-германским отношениям рапалльского периода. Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие исследователю всесторонне посмотреть на изучаемый объект.

Результаты и их обсуждение. Белорусские историки советского периода при изучении советско-германских отношений начала XX века делают акцент на Версальском договоре, который был подписан на Парижской мирной конференции и официально завершил Первую мировую войну. Ученые отмечают униженные положения Версальского договора для Германии. Истоки тех положений были зафиксированы в тексте договора и отражали ее грабительский характер в отношении немецкого государства. Версальский договор рассматривается как элемент общей политической линии европейских государств, направленный не только против побежденных государств, но и против Советского государства. Г.М. Трухнов в этой связи пишет, что после поражения Германии в Первой мировой войне, на Парижской конференции в начале 1919 года победители продик-

товали Германии свои условия. Ей был предложен Версальский мирный договор, который поставил немецкое государство в рабское положение. Автор отмечает, что Версальский договор «уже нес в себе зародыш новой войны, так как был направлен на воссоздание германского империализма с тем, чтобы использовать его как военный таран против Советского Союза» [1, с. 5–6]. Похожую точку зрения высказывает С.И. Филиппенко. Ученый утверждает, что Версальская система означала торжество победителей над побежденной Германией и ее союзниками. Она была направлена против Советской России и носила контрреволюционный характер [2, с. 3]. По мнению Г.М. Трухнова, победители на Версальской конференции вынудили Германию признать, что она является единственной виновницей Первой мировой войны, поэтому обязана возместить странам Антанты часть убытков, причиненных войной [1, с. 12]. В сложившейся ситуации Германии нужно было найти выход из изоляции и восстановить немецкую экономику, поэтому немецкое государство решило налаживать контакты с Советской Россией. Белорусские историки обратили внимание на то, что к 1922 году происходит сближение РСФСР и Германии. Весной 1922 года открылась Генуэзская конференция, на которой был подписан Рапалльский договор. В связи с этим Г.М. Трухнов пишет, что на предстоящей конференции планировалось создать международный синдикат для экономического восстановления Европы. Под этим подразумевался консорциум, который должен был осуществить экономическое и политическое порабощение России. На Генуэзской конференции в центре внимания стоял вопрос о возмещении потерь и убытков иностранцев, вложивших свои капиталы в хозяйство дореволюционной России. Автор считает, что эти пункты были нацелены на экономическое закабаление России и превращение ее в полуколонию [3, с. 48]. Советская делегация на конференции хотела расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась в условиях мирного сосуществования. Программу мирного существования различных социальных систем, которая предложила советская делегация, не поддержали страны Запада. Германия на конференции в Генуе рассчитывала сблизиться с Западом, поэтому тормозилось советско-германское сближение, но немецкая делегация оказалась в изоляции, поэтому ей пришлось пойти на контакт с советскими представителями, как отмечает ученый [3, с. 56] 16 апреля 1922 года начались переговоры между Германией и Советской Россией, которые привели к заключению советско-германского соглашения. Основное содержание Рапалльского договора сводилось к тому, что обе стороны выступали как полностью равноправные партнеры, отвергающие взаимные претензии, возникшие в результате войны между Германией и Россией. По мнению историка, Рапалльский договор был крупнейшей победой Советской России. Политическая блокада вокруг

советского государства была прервана. Рапалло ознаменовало собой новый этап в истории развития двух стран. Помимо установления дипломатических отношений между РСФСР и Германией, был сделан огромный шаг вперед в развитии торговых, хозяйственных и правовых отношений на основе принципа наибольшего благоприятствования [3, с. 69; 1, с. 18].

В белорусской советской историографии много внимания уделено позиции сторон по поводу заключения Рапалльского договора. Г.М. Трухнов по этому поводу отмечает, что газета горнорудной промышленности Германии заявила, что без участия России нельзя возродить немецкую экономику и наладить нормальную хозяйственную жизнь. Крупные промышленники Германии, одобряя договор, считали, что он откроет широкие возможности для их хозяйственной деятельности. За плодотворное советско-германское сотрудничество выступали также канцлер Вирт, министр иностранных дел в правительстве Б. Ранцау, немецкие дипломаты Р. Надольный, А. Мальцан и другие [3, с. 9]. Коммунистическая партия Германии призвала также не отступать от Рапалльского соглашения [3, с. 69]. Г.М. Трухнов пишет, что в немецкой демократической партии (НДП) были разногласия по поводу заключения Рапалльского договора. Г. Бернгард считал, что Рапалльский договор приведет к выходу Германии из изоляции и началу сотрудничества двух стран. М.Ю. Бонн в свою очередь высказывал опасение, что Рапалло осложнит отношение с Западом [4, с. 28]. «Противниками договора были М. Гофман (член НСДАП), Э. Людендорф (немецкий генерал) и Ф. Эберт (президент Веймарской республики), некоторые деятели социал-демократической партии (Вельс, Каутский, Штампфен и др.)» [5, с. 15].

Как резюмирует Г.М. Трухнов, после подписания Рапалльского договора советско-германские отношения оставались натянутые. Руководство Германии пошло по пути удерживания равновесия между Востоком и Западом, что тормозило развитие советско-германских отношений [6, с. 32]. Германия не могла не видеть, что страна нуждается в прочных экономических и торговых связях с СССР. Советское государство было единственной страной в мире, которая стремилась помочь Германии выйти из тяжелого положения [6, с. 33]. В то же время Г.М. Трухнов пишет, что несмотря на все сложности советско-германских отношений, продолжалось взаимовыгодное сотрудничество двух государств, которое для немецкой экономики заключалось в сбыте товаров, а для Советского государства – в импорте промышленных товаров и вывозе зерна, что способствовало уменьшению разрыва между ценами на изделия промышленности и продуктов сельского хозяйства. В 1923 г. Германия вышла на первое место во внешнеторговом обороте СССР [5, с. 55–56]. Таким образом, прослеживается две тенденции в политике Германии в отношении к СССР: с одной стороны, сближение с Западом, с другой – поддержание взаимовыгодных отношений с Советским Союзом.

В белорусской советской германистике изучаются конкретные направления советско-германского сотрудничества в формате рапалльского процесса. Г.М. Трухнов и В.А. Космач освещают основные направления сотрудничества в области науки и культуры Германии и Советского Союза в рапалльский период, показав реальные достижения взаимовыгодного сотрудничества двух стран. По мнению Г.М. Трухнова, в научно-техническом и культурном сотрудничестве период рапалльской политики характеризуется усилением двусторонних контактов и появлением новых форм связей. Одна из таких форм – общества научно-технического культурного обмена (общества научных и культурных связей с Германией), в деятельности которых принимали активное участие ученые обеих стран. В Москве было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), а в Германии – Общество друзей новой России, Союз друзей Советского Союза, Комитет Союза друзей СССР и Германии. Советско-германские связи базировались на принципах мирного сосуществования государств с разным социальным строем [7, с. 19]. «Германо-советское сотрудничество проходило в следующих формах: подписание и реализация соглашений о технической помощи или книгообмене; эмиграция немецких инженеров и рабочих в СССР; проведение недель различных наук, экспедиций, ярмарок и выставок; издание печатных публикаций; обмен научной литературой. Большое взаимовлияние ощущалось в области музыкального искусства, театра, кинематографа, живописи», – пишет В.А. Космач [8, с. 16].

Историки Беларуси советского периода при изучении советско-германских отношений обратили внимание на план Дауэса, который был принят западными государствами для возрождения экономики Германии и выплаты репараций. При этом ученые в своих исследованиях показывают его возможные последствия для Советского государства. Историки считали, что с помощью плана Дауэса страны Антанты хотели оказывать влияние на Германию, чтобы оторвать ее от СССР. Однако Германия и СССР понимали важность рапалльской политики для обеих стран, и поэтому, несмотря на возникающие в отношениях между ними сложности, старались не отходить от базовых принципов рапалльского курса. В связи с этим Г.М. Трухнов отмечает, что тяжелые условия Версальского договора, выплата репараций привели экономику Германии в состояние упадка. В 1924 года был принят план Дауэса, суть которого – возрождение экономики Германии. Принятие плана Дауэса означало постепенное втягивание Веймарской республики в антисоветский фронт государств Запада [4, с. 28]. Немецкие правящие круги осознавали важность экономических, политических и культурных отношений с СССР и в целом придерживалась внешнеполитического курса с СССР, но стремились лавировать между Востоком и Западом [4, с. 29]. Г.А. Космач акцен-

тирует внимание на том, что на основе этого плана Германия заключила Локарнские соглашения, которые были направлены против Рапалльской политики и создавали предпосылки для подготовки к новой мировой войне [9, с. 14]. Похожую точку зрения высказывает Г.М. Трухнов: «План Дауэса и конференция в Локарно явились важными вехами на пути ко Второй мировой войне. Дауэсизация Европы и создание новой региональной группировки капиталистических держав с прямым участием в ней немцев были направлены против СССР». Поскольку во время проведения Локарнской конференции (октябрь 1925) страны Запада считали, что борьбу против СССР удобнее вести при помощи Лиги Наций, они требовали от Германии на вступление в Лигу Наций. Этим державы-победительницы рассчитывали добиться разрыва германо-советских экономических и политических связей и положить тем самым начало созданию единого антисоветского фронта европейских держав с участием Германии. Ученый отмечает, что, пытаясь добиться ухудшения германо-советских отношений, западные державы ставили себе целью ослабить внешнеполитические позиции не только СССР, но и Германии [10, с. 14]. Г.М. Трухнов считает, что Германское руководство, с одной стороны, было заинтересовано в продолжении рапалльского направления, а с другой – хотело сблизиться со странами Запада [10, с. 17]. Похожую точку зрения высказывает П. Андреев. Он считает, что Лига Наций играла роль не примирительного органа, а скорее органа наступательной политики западных государств, которые заботятся о своих колониях, новых территориальных захватах, репарациях и т.д. С другой стороны, создатели Лиги Наций заботились о том, чтобы превратить ее в противовес для торможения развития пролетарских революций [11, с. 55]. Эти реальные направления политики в Лиге Наций выражали антисоветский характер и нацелены были на ликвидацию большевизма. Для создания единого антисоветского блока западные державы решили включить Германию в Лигу Наций и чтобы немецкое руководство признала статью 16 о единых действиях антисоветского характера. Для этого западные державы решили смягчить Версальскую систему для Германии за счет некоторых уступок. После подписания локарнских соглашений Германии было предоставлено место в Лиге Наций. В немецкой политике началась полоса под названием «поворот к западной ориентации». С этого времени Лига Наций увеличилась еще одним членом, антисоветские намерения которого не вызывали сомнений [11, с. 56]. С.И. Филиппенко в этой связи отмечает, что вступление Германии в Лигу Наций усилило в Германии борьбу двух взаимоисключающих тенденций во внешнеполитической ориентации страны. Германия хотела вступить в Лигу Наций, но предварительно оговорив с советским руководством приемлемые условия поддержания нормальных отношений. Основная борьба в Лиге Наций развернулась вокруг обязательств Веймарской Республики согласно статьи 16.

Германская дипломатия добилась приемлемой для себя трактовки. «Каждое государство должно противодействовать любому акту агрессии в той мере, в какой это совместимо с его военным положением и учетом его географического положения» [2, с. 17]. Автор резюмирует, что вступление Германии в Лигу наций и борьба за предоставление именно ей постоянного места в Совете имело далеко идущие последствия на пути ревизии Версальского договора [12, с. 20].

Советские историки отмечают, что, несмотря на шероховатости в советско-германских отношениях, сотрудничество между двумя государствами продолжалось. Это выразилось в заключении торгового договора. По мнению историков-германистов (Г.М. Трухнов и В.А. Космач), советско-германский торговый договор (12 октября 1925 г.) служил укреплению политики Рапалло. По их мнению, положительным моментом договора было то, что Советское государство получало кредиты для закупки немецких товаров, а также торговое представительство СССР в Германии приравнялось к дипломатическому, что означало признание монополии внешней торговли СССР. Торговый договор создавал предпосылки для развития советско-германской торговли на основе принципов наибольшего благоприятствования и повышения уровня товарооборота между странами [5, с. 129; 4, с. 30].

Белорусские историки советского периода называют ряд проблем в рапалльский период в советско-германских отношениях. Это неприятие Германии советской монополии внешней торговли, стремление Германии вступить в Лигу Наций, антисоветские настроения германских правящих кругов [8, с. 19].

Высшей точкой в развитии рапалльской политики советская историография определила подписание Берлинского договора о нейтралитете. Г.М. Трухнов по этому поводу считает заключение договора о нейтралитете важным моментом в деле сохранения курса Рапалло в советско-германских отношениях [4, с. 30]. С ним солидаризируется Г.А. Космач, который пишет, что «заключение 24 апреля 1926 г. Берлинского договора о нейтралитете между СССР и Германией имело большое значение для укрепления рапалльской политики», так как отражало стремление содействовать сохранению всеобщего мира и стабильных двухсторонних отношений, основанных на полном доверии и сотрудничестве двух стран [13, с. 149].

Заключение. В результате, белорусские историки в общем русле советской историографии трактовали рапалльский договор как опыт взаимовыгодных отношений между государствами с разными социальными системами на основе принципов мирного сосуществования, экономического, политического, культурного сотрудничества. В то же время советские историки в своих исследованиях не упоминают о военном советско-германском сотрудничестве в указанный период. Советская историография выявила следующие причины, приведшие к заключению Рапалльского до-

говора: неравноправное положение в рамках Версальской системы Германии и Советской России толкало их к взаимному сближению; непризнание странами Антанты Советской России и стремление последней через заключение договора с Германией не допустить создание единого антисоветского блока. Особый акцент делался на важности экономического сотрудничества. Германия на протяжении рапалльского периода лавировала между Востоком и Западом, но это не помешало плодотворному сотрудничеству. В рапалльский период в советско-германских отношениях существовал ряд проблем. К таковым белорусские исследователи отнесли неприятие Германии советской монополии внешней торговли, стремление Германии вступить в Лигу Наций, антисоветские настроения германских правящих кругов. Таким образом, советская белорусская историография при исследовании рапалльской политики в советско-германских отношениях исходит из того, что Рапалльский договор был способом решения целого комплекса международных проблем послевоенного восстановления и развития.

Литература

1. Трухнов, Г.М. Германский вопрос на Лондонской репарационной конференции (16 июля–16 августа 1924 г.) / Г.М. Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1959. – 184 с.
2. Филиппенко, С.И. Германия и Лига Наций 1919–1926 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.И. Филиппенко. – Минск: БГУ, 1984. – 20 с.
3. Трухнов, Г.М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г.М. Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 72 с.
4. Трухнов, Г.М. Политика немецкой демократической партии в отношении СССР (1924–1926) / Г.М. Трухнов, В.А. Космач // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. – 1987. – № 2. – С. 28–30.
5. Трухнов, Г.М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.) / Г.М. Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 184 с.
6. Трухнов, Г.М. Классовая борьба в Германии в 1922–1933 годах / Г.М. Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969. – 244 с.
7. Трухнов, Г.М. Общества германо-советского научно-технического и культурного сотрудничества в период веймарской республики (1919–1933) / Г.М. Трухнов, В.А. Космач // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. – 1984. – № 3. – С. 18–19.
8. Космач, В.А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг. (из истории культурной политики Германии в отношении СССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.А. Космач. – Минск: БГУ, 1984. – 20 с.
9. Космач, Г.А. План Дауэса и немецкая национальная народная партия / Г.А. Космач // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. – 1989. – № 1. – С. 14–17.
10. Трухнов, Г.М. Локарнский сговор империалистических держав против СССР / Г.М. Трухнов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. – 1979. – № 3. – С. 14–18.
11. Андрэеў, П. Аб уступленні СССР у Лігу нацый / П. Андрэеў // Большэвік Беларусі / рэд.: К. Мінкін [і інш.]. – Мінск: Выд-ва ЦК КП(б)Б «Звязда», 1934. – С. 55–64.
12. Филиппенко, С.И. Германия и проблема реорганизации Совета Лиги наций / С.И. Филиппенко // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. – 1990. – № 3. – С. 18–20.
13. Космач, Г.А. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. Идеология и политика немецкой демократической партии в 1918–1929 гг. / Г.А. Космач. – Минск: Университетское, 1989. – 190 с.

Поступила в редакцию 28.04.2022

Политика США в отношении постсоветской интеграции в 2001–2009 гг.

Мацулевич Е.В.

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы», Минск

В начале XXI в. США столкнулись с новой прямой угрозой – терроризмом. Перед страной встала необходимость немедленного и мощного ответа. Делая акцент на ближневосточной политике, Белый дом не мог упустить из виду ситуацию в иных регионах. Усиление России и Китая, расширение их сфер влияния за счет интеграционных проектов в стратегически важном для американцев регионе бывшего СССР вынуждало Вашингтон переосмысливать свою внешнеполитическую стратегию, что позволяло бы реализовывать американские интересы в условиях новых рисков.

Цель данного исследования – проследить эволюцию политики США в отношении постсоветской интеграции в 2001–2009 гг.

***Материал и методы.** Источниками написания статьи послужили официальные документы, находящиеся в открытом доступе, аналитические статьи представителей ведущих американских неправительственных организаций. В процессе работы были использованы общенаучные и специально-исторические методы исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** Администрации Дж. Буша-мл. продемонстрировали переход США к активной внешней политике. Интеграционные проекты, инициируемые Китаем и Россией, не отвечали американским интересам, направленным на расширение зоны своего влияния. Принципы новой политики нашли отражение в «доктрине Буша» и «трансформационной дипломатии», которая обосновывала вмешательство Вашингтона в дела новых независимых государств и поддержку прозападных настроений в бывших советских республиках. Действия США прямо или косвенно были направлены на подрыв действующих и недопущение новых неамериканских интеграционных проектов в постсоветском регионе.*

***Заключение.** Концептуальным основанием американской внешнеполитической стратегии стала «доктрина Буша» и, добавившаяся к ней с 2007 г., идея «трансформационной дипломатии». Угроза международного терроризма позволила Соединенным Штатам идеологически оформить и упрочить свою мессианскую миссию защиты мира демократии. Интервенционистская политика, к которой перешел 43-й президент США, усилила американское присутствие в постсоветском регионе. В рамках новой стратегии постсоветская интеграция стала оцениваться однозначно негативно как процесс, не отвечающий интересам Вашингтона. Действия США прямо или косвенно были направлены на подрыв интеграционных проектов на постсоветском пространстве, инициируемых не Соединенными Штатами. В связи с этим американское вмешательство в дела региона стало прямым и активным.*

***Ключевые слова:** США, постсоветское пространство, новые независимые государства, постсоветская интеграция, Дж. Буш-мл., «доктрина Буша», «цветные революции».*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 74–80)

Us Post-Soviet Integration Policy in 2001–2009

Matsulevich E.V.

State Education Establishment “National Institute for Higher Education”, Minsk

At the beginning of the 21st century the United States is facing a new direct threat – terrorism. The country needed to give an immediate and powerful response. Focusing on Middle East policy, the White House could not lose sight of the situation in other regions. The strengthening of Russia and China, the expansion of their spheres of influence through integration projects in the region of the former USSR, which is strategically important for Americans, forced Washington to rethink its foreign policy strategy to implement American interests in the face of new risks.

The purpose of this study is to trace the evolution of US post-Soviet integration policy in 2001–2009.

***Material and methods.** The sources are official documents that are in the public domain and analytical articles by representatives of leading American non-governmental organizations. In the course of the work, general scientific and special historical research methods were used.*

Findings and their discussion. The administration of George W. Bush demonstrated the transition of the United States to an active foreign policy. Integration projects initiated by China and Russia did not meet American interests aimed at expanding their zone of influence. The principles of the new policy were reflected in the «Bush Doctrine» and «transformational diplomacy», which justified Washington's intervention in the affairs of the newly independent states and support for pro-Western sentiments in the former Soviet Republics. The US actions were directly or indirectly aimed at undermining existing and preventing new non-American integration projects in the post-Soviet region.

Conclusion. The conceptual basis of the American foreign policy strategy was the «Bush Doctrine» and, added to it since 2007, the idea of «transformational diplomacy». The threat of international terrorism allowed the United States to ideologically shape and consolidate its messianic mission to protect the world of democracy. The interventionist policy adopted by the 43rd US President strengthened the American presence in the post-Soviet region. Within the new strategy Post-Soviet integration began to be assessed unambiguously negatively as a process that did not meet the interests of Washington. The actions of the United States directly or indirectly aimed at undermining integration projects in the post-Soviet space that were not initiated by the United States. In this regard, American intervention in the affairs of the region became direct and active.

Key words: the USA, the post-Soviet space, New Independent States, post-Soviet integration, George W. Bush, «Bush Doctrine», «color revolutions».

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 74–80)

После победы в Холодной войне Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, вознамерившейся установить новый мировой порядок. Однако террористические атаки 11 сентября 2001 г. угрожали крахом американского доминирования в мире. Ликвидация угрозы новых нападений на страну стала главной задачей администраций Дж. Буша-мл. Вместе с тем включение новых геополитических игроков – России и Китая – в борьбу за установление и расширение сфер своего влияния не позволяло Вашингтону «замкнуться» на одном внешнеполитическом направлении. США предстояло выработать стратегию внешней политики, которая отвечала бы новым реалиям и способствовала реализации американских интересов – расширению сферы своего влияния, мировой демократизации и либерализации, обеспечению стабильности, безопасности и прочим условиям, которые не подрывали бы американскую мощь. В этом контексте происходил пересмотр отношения к неамериканским интеграционным проектам в стратегически важном для США постсоветском регионе.

Цель данного исследования – проследить эволюцию политики США в отношении постсоветской интеграции в 2001–2009 гг.

Материал и методы. Источниками написания данной статьи послужили официальные документы (в т.ч. протоколы заседаний Конгресса и материалы официального сайта госсекретаря К. Райс), находящиеся в открытом доступе, аналитические статьи представителей ведущих американских неправительственных организаций США. Были использованы общенаучные методы, которые позволили выделить факторы, повлиявшие на формирование американской внешнеполитической стратегии (метод анализа), привести в систему факты, отражающую общие тенденции и закономерности декларирования принципов политики США в отношении постсоветской интеграции (метод синтеза и обобщения), реконструировать общие тенденции изменения восприятия интеграционных процессов в постсоветском регионе американским руководством (метод индукции и сравнения). Специально-исторические методы позволили

показать динамику изменения подходов США к постсоветскому пространству и процессов в нем (историко-генетический метод), выявить преемственность и новизну курса Дж. Буша-мл. в сравнении с политикой администраций Дж. Буша-ст. и У. Дж. Клинтона, а также сопоставить первый и второй президентский срок Дж. Буша-мл., позиции ведущих политических сил страны в различные периоды времени (историко-сравнительный метод), сформулировать особенности и отличия (историко-типологический метод), компоновать материал в хронологической последовательности, в то же время выделяя для анализа наиболее важные закономерности и тенденции (историко-типологический и проблемно-хронологический методы).

Результаты их обсуждения. Победа Дж. Буша-мл. на выборах означала не просто смену человека в президентском кресле, но и изменение партийно-идеологической основы внешнеполитической стратегии страны. В отличие от сдержанного во внешнеполитических делах демократа У. Клинтона и стремящегося отстраниться от процессов распада СССР и образования СНГ республиканца Дж. Буш-ст., Дж. Буш-мл. проводил активную политику в различных регионах мира. Еще на партийных праймериз 2000 г. республиканцы в своей платформе вынесли внешнюю политику на первое место, а 19 ноября 1999 г. Дж. Буш-мл. речью в Библиотеке Рейгана обозначил свой подход к международной деятельности США как «отчетливый американский интернационализм» («*distinctly American internationalism*»), для которого будут характерны: американское глобальное лидерство; ставка на внешнеполитическую тактику и наследие Р. Рейгана; солидарность с другими представителями республиканской партии, которые отвергают изоляционизм [1].

Закрепить активную внешнеполитическую стратегию стало возможно после терактов 11 сентября 2001 г. В ответ на них была оформлена «доктрина Буша», которая сводилась к формуле: американский превентивный удар + принцип «или вы с нами, или вы против нас» + отход от доктрины Трумэна (сдерживания) + обращение к доктрине Рейгана (поддержка борцов за свободу) [2]. В содержательном плане такая полити-

ка подразумевала американские превентивные удары; односторонние действия США; руководство тезисом о том, что внешнеполитическое поведение страны зависит от политического режима (отсюда – выделение стран с недемократическими режимами в «ось зла» и утверждение о том, что необходимо установить демократию по всему миру для стабилизации международной обстановки и безопасности); реализацию идеи глобального лидерства США через право действовать вне общих правил. Новая стратегия строилась на идеях неоконсерваторов 1990-х гг. – сторонников максимально жесткого и агрессивного поведения на международной арене [3, с. 88, 91], многие из которых вошли в созданную по инициативе Белого дома в 1997 г. неправительственную организацию – Проект для нового американского века (Проект «Новый американский век») (Project for the New American Century (PNAC)).

В рамках новой концепции и под влиянием событий 11 сентября критерием, по которому США оказывали помощь и строили дружеские отношения с государствами, стало намерение той или иной страны бороться с терроризмом. Борьба с ним использовалась как средство ведения внешней политики в различных аспектах, а также являлась призмой, сквозь которую виделась обстановка в мире. Определив «ось зла», в которую были зачислены Ирак, Иран и Северная Корея, Дж. Буша-мл. подал сигнал миру, что политика Вашингтона стала более категоричной, а стать американским врагом – не в интересах любой страны. Однако последующее расширение «оси» на Россию (традиционного и набирающего силу конкурента) и Китай (который, усиливая свою региональную и мировую роль, воспринимался не как партнер, а как соперник [1]) продемонстрировало, что Соединенные Штаты не потерпят не только прямую военную угрозу в свой адрес, но и потенциальную политическую, стратегическую и экономическую конкуренцию в любом регионе.

В этом же контексте развивалась финансовая политика США в отношении бывших советских стран. Чтобы не повторилась ситуация при Дж. Буше-ст. и У. Клинтоне, когда Конгресс выступал с критикой поспешности и неоправданности оказания помощи тому или иному государству, администрация 43-го президента обозначила принцип, по которому впредь будет оказываться поддержка. Критерием отношения США к той или иной стране отныне должна была стать степень ее активности в борьбе с терроризмом. Тем не менее, помимо финансирования статей на прямую контртеррористическую деятельность, Дж. Буш-мл. предложил увеличить статьи расходов на оказание иностранной помощи по иным статьям, по принципам, схожим с теми, что были в свое время заложены в основу Альянса за прогресс при президенте Дж. Кеннеди и «план Маршалла» при Г. Трумэне [4]. В качестве аргумента для повышения сумм на внешнеполитические расходы стал выступать тезис «терроризм зарождается в бедных странах». Соответственно, Вашингтон должен оказывать помощь тем государствам, которые

не только будут сторонниками прямой борьбы с терроризмом, но и продемонстрируют свое серьезное отношение к проведению реформ (тем самым стремясь повысить благосостояние государства и граждан, что приведет к снижению вероятности зарождения на своей территории террористических идей и группировок). Данный контекст был развит из позиции У. Клинтон, продвигавшего идею распространения демократии и подкреплявшего ее тезисом, что только в окружении демократий демократия сохранится в США. По замечанию Т. Карозерса (Thomas Carothers), представителя Фонда Карнеги, в реальности такие неопределенные понятия, используемые в формулировках критериев оказания американской помощи, привели к тому, что финансирование стали получать те страны и правительства, которые высказали свою готовность стать союзником США по борьбе с терроризмом, т.е. быть полезными Вашингтону в краткосрочных неотложных интересах. По мнению эксперта, такую политику нельзя оценивать однозначно как демократический шаг руководства страны, т.к. помощь могли получать страны, далекие от демократических преобразований. Даже в случаях, когда США аргументировали оказанную помощь тем, что страна-получатель демонстрирует ход какой-нибудь реформы, существовал риск, что, иницируя одни положительные преобразования, общая политика и другие мероприятия правительства этой страны могли носить антидемократический характер [4]. Тем самым у Белого дома оставалось поле для маневра в поощрении более выгодных Соединенным Штатам союзников.

После 11 сентября 2001 г. взаимодействие с постсоветским регионом должно было укладываться в общую концепцию внешней политики США, направленную на борьбу с терроризмом. Это диктовало особый статус России как главного партнера в американской миссии. Однако ведущие эксперты страны предупреждали, что Дж. Бушу-мл. не следует «выглядеть другом» В. Путина, т.к. это не будет сдерживать антидемократические действия российского президента; американско-российским отношениям нужно «реалистичное взаимодействие», т.е. Белому дому необходимо сформулировать условия интеграции России в Запад, выработать перечень мероприятий, которые будут являться шагами в этом процессе [5]. Примечательно, что американская политическая элита, в т.ч. президент, высказывались о дружеских отношениях Вашингтона и Москвы, исходя из того, что Россия будет включена в западный мир, интегрирована в евроатлантическое сообщество. Еще при У. Клинтоне США продемонстрировали приверженность подходу, согласно которому Россию необходимо было сделать «двигателем» демократии в регионе не только через реформы, но и через западные структуры, в первую очередь Североатлантический альянс (НАТО), с помощью которого вслед за Российской Федерацией привести постсоветские государства в «западный мир». При Дж. Буш-мл. этот принцип был сохранен: США

выразили намерение содействовать вступлению России во Всемирную торговую организацию (ВТО), а также началась активная пропаганда перевода отношений НАТО–Россия из вражеских в дружеские.

Как и ранее, одной из причин, почему российско-американские отношения начали портиться, стала возрастающая непредсказуемость и усиливающаяся активность политики Москвы в постсоветском регионе, в частности активизация российских интеграционных проектов. В американских кругах появление любой такой инициативы рассматривалось как политический шаг, направленный на возвышение России среди стран бывшего СССР. После того, как в 2000 г. было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в 2002 г. – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а в 2003 г. было подписано соглашение о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), стало очевидно, что любой интеграционный проект, инициируемый Кремлем, не может отвечать американским интересам. Были затронуты не только политические (желание США быть единственным крупным игроком в любом регионе, с чем готова была конкурировать Россия), но и экономические интересы США в регионе: российско-белорусская интеграция открывала путь мощным российским нефтегазовым компаниям к строительству трубопровода на Запад через Беларусь, а азиатская политика затрагивала энергоресурсы региона Каспийского моря. Некоторыми американскими экспертами создание нового объединения под руководством России оценивалось как проект, направленный на повышение популярности В. Путина в преддверии президентской избирательной гонки [6]. Таким образом, ЕЭП не воспринимался американцами как выгодное странам-участницам объединение, в котором они были бы заинтересованы. Оно несло угрозу американским экономическим и политическим интересам в регионе бывшего СССР.

Кроме политики России в отношении новых независимых государств, опасения вызвала и активизация на постсоветском пространстве Китая со своими интеграционными проектами, затрагивающими в первую очередь центральноазиатский регион (в 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)). Однако вопрос о китайской угрозе в регионе в начале 2000-х гг. был спорным. Эксперт Фонда Карнеги выступил с аналитическим заявлением: «Китай имеет растущее присутствие в Центральной Азии, но <...> Они явно не являются прямой угрозой для США и станут косвенной угрозой только в том случае, если американские политики решат, что им по определению угрожает любое китайское присутствие в регионе Центральной Азии» («*China has a growing presence in Central Asia, but <...> They are clearly not a direct threat to the U.S. and will only become an indirect threat if U.S. policy-makers decide that they by definition are threatened by any Chinese presence in the Central Asian region*») [7].

Постсоветская интеграция вызывала опасения у Вашингтона несмотря на то, что подобные проекты 1990-х гг., по мнению ведущих экспертов-аналитиков страны, не работали. Все же потенциальная угроза того, что новые инициативы станут эффективны и будут препятствовать включению бывших советских республик в сферу влияния США, сохранялась. Одним из вариантов сдерживания развития подобных интеграционных проектов, не отвечающих американским интересам, виделось вступление новых независимых государств, в первую очередь России и Украины, во Всемирную торговую организацию [6]. Аргументом должен был стать тезис, что если страны Содружества Независимых Государств (СНГ) хотят реализовать свои планы по упрощению таможенных режимов, то способствовать этому будет ВТО, а не иные постсоветские интеграционные проекты.

В условиях активизации российских интеграционных инициатив с начала 2000-х гг. внимание ведущих американских экспертов сконцентрировалось на Беларуси и Украине, а также на центральноазиатских республиках. Некогда единый в американском восприятии постсоветский регион был разделен на более мелкие единицы, с которыми США намеревались строить отношения, учитывая особенности каждой.

Беларусь рассматривалась американцами как территория, которая соединяет Российскую Федерацию с Центральной и Восточной Европой и Калининградом, и как военный плацдарм для размещения там российской военно-оборонной техники. Значение республики возросло в связи с расширением НАТО на восток. Несмотря на то, что отношение России к Беларуси после избрания В. Путина стало прагматичным, обеспокоенность вызывало то, что Москва при нем, в отличие от ельцинского времени, стремилась стать ведущим игроком российско-белорусской интеграции. Вместе с тем «втягивание» Украины в ЕЭП несло в себе угрозу того, что она будет подвержена двойным обязательствам, т.к. участие в нем противоречило шагам по приближению законодательства Украины к стандартам Европейского союза (ЕС). Тем самым обе европейские страны посредством российских интеграционных проектов, в американском восприятии, отдалялись от Запада.

Центральноазиатский регион после терактов 11 сентября 2001 г. стал для США плацдармом для борьбы с терроризмом. Но эта территория представляла интерес и своими энергоресурсными возможностями. Нефть и газ региона являлись потенциальным резервным источником для США, дополняющим ресурсы, поступающие из стран Персидского залива. Однако при Дж. Буше-мл. присутствие в регионе стало возможным не столько экономическим (при У. Клинтоне рассматривались выгоды от строительства трубопроводов нефти и газа), сколько военным. После 11 сентября 2001 г. особому вниманию подвергался анализ угрозы исламизма и терроризма в регионе, анализировались военные и оборонные возможности

центральноазиатских республик. Такой мониторинг открывал для Соединенных Штатов перспективу оказания военной помощи и размещения баз НАТО на территории этих стран, аргументируя свои действия их недостаточной защищенностью собственными силами.

Несмотря на то, что интеграционная активность России не отвечала американским интересам, наблюдается сдержанная и осторожная политика американского руководства в ее адрес в начале 2000-х гг. Это было обусловлено тем, что на повестке дня стоял вопрос подтверждения Кремлем обязательств в сфере вооружения, взятых в годы существования СССР. Кроме того, Вашингтон нуждался в российской поддержке резолюции ООН по Ираку, а также в борьбе с терроризмом.

Чтобы не ухудшать российско-американские отношения, что могло бы «развязать руки» политическим устремлениям В. Путина в постсоветском регионе, американские эксперты предлагали не критиковать Россию за ее экономические интересы (а значит и ЕврАзЭС и ЕЭП, что являлись экономическими объединениями) и то, что она предъявляет экономические требования к новым независимым государствам [8, р. 4]. Такие законные требования, которые чаще всего выглядят и воспринимаются мировым сообществом как давление, могли бы быть выгодными Соединенным Штатам: разногласия и исключение из экономических отношений мотивов «дружбы» означало бы, что взаимодействие России и новых независимых государств не будет столь тесным и строящимся на историческом прошлом [8, р. 4–5], что отвечало бы задаче США снизить влияние России в регионе.

Еще одним вариантом не обострять российско-американский конфликт мог бы стать сценарий «уступить Россию Европе». Однако в 2004 г. беспокойство стали вызывать ее разногласия с ЕС. Расхождение позиций россиян и европейцев по поводу Украины на саммите Россия–ЕС 25 ноября 2004 г., по оценке представителей Центра стратегических и международных исследований (CSIS), знаменовало собой «рекордно низкую точку отношений России с Европой» (*«record low point in Russia's relations with Europe»*). Помимо самого этого вопроса, такой оценке предшествовала совокупность событий: перенос саммита на две недели позже по инициативе В. Путина; испорченный трехсторонний саммит В. Путина, Ж. Ширака и Г. Шредера (опоздания Ж. Ширака из-за ситуации с заложниками в Ираке, перерывы из-за теракта в Беслане); отмена В. Путиным визитов в Турцию и Германию из-за трагедии в Беслане; критика Парламентской ассамблеей Совета Европы докладов российской стороны о ситуации в Чечне; разногласия по поводу референдума в Беларуси [9, р. 1].

Напряженные отношения России с европейскими лидерами показали Вашингтону, что Москва балансирует на грани полного «отхода» от западного курса развития. Этот фактор вместе с активными интеграционными проектами России грозил исключить бывшие советские республики из американской

сферы влияния. Реальность такой перспективы была обусловлена тем, что, по американским оценкам, к концу первого президентского срока Дж. Буша-мл. инструментом расширения и упрочнения российской сферы влияния стала выступать не только экономическая интеграция, но и политические средства – «активная и беспрецедентная поддержка Москвой» пророссийских лидеров, особенно в президентских гонках [10, р. 1]. В отношении новых независимых государств Москва следовала «новому прагматизму» (*«new pragmatism»*), который американцами характеризовался как смешение экономических и политических вопросов (экономическая помощь или уступки со стороны России в обмен на решение политических вопросов с выгодой для Москвы) [8, р. 1, 4–5]. Ответной реакцией Вашингтона стала поддержка прозападных сил в бывших республиках СССР. Еще до избрания Дж. Буша-мл. президентом этим целям отвечал поддерживаемый Вашингтоном проект ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие), куда вошла наиболее прозападно настроенная группа государств (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова). В начале 2000-х гг. в ГУАМ также входил Узбекистан, а организация носила аббревиатуру ГУУАМ. В 2001 г. была подписана ее Хартия. При 43-м президенте поддержка прозападных сил стала более активной и конкретной, что способствовало «цветным революциям» в ряде бывших советских республик.

Грузинская «революция роз» 2003 г., украинская «оранжевая революция» 2004 г., «тюльпановая революция» 2005 г. в Киргизии, акции протеста 2006 г. в Минске – ключевые события для США, демонстрирующие прозападные настроения в бывших советских странах. Американские эксперты подтверждали причастность США к этим событиям. Например, анализируя «оранжевую революцию», представитель Фонда Карнеги отметил: «Вмешивались ли американцы во внутренние дела Украины? Да. Американские агенты влияния предпочли бы другой язык для описания своей деятельности – демократическая помощь, продвижение демократии, поддержка гражданского общества и т.д. – но их работа, как бы она ни называлась, направлена на то, чтобы повлиять на политические изменения в Украине» (*«Did Americans meddle in the internal affairs of Ukraine? Yes. The American agents of influence would prefer different language to describe their activities – democratic assistance, democracy promotion, civil society support, etc. – but their work, however labeled, seeks to influence political change in Ukraine»*) [11]. Основным механизмом выступила деятельность фондов, спонсирующих демократические изменения [11]. Подтвердила американскую причастность к «цветным революциям» и госсекретарь 2005–2009 гг. К. Райс. На слова журналиста о том, что «Буш признал, что правительство США напрямую поддерживает революции в Грузии, Украине и Киргизии. Вы действительно думаете, что кыргызская революция произошла с американской помощью?» она ответила,

что «Соединенные Штаты поддерживают народы этих стран, когда они решают добиваться демократии – в Украине, в Грузии, а также в Кыргызстане», но подчеркнула, что эта поддержка не прямая, а опосредованная: «Соединенные Штаты оказали поддержку в построении гражданского общества, в содействии развитию политических партий, но мы абсолютно не играем никакой роли в выборе лидеров Кыргызстана, в выборе того, как будет выглядеть конституция Кыргызстана. Это вопросы только для кыргызского народа. И Соединенные Штаты хотят быть моральной поддержкой, экономической поддержкой, политической поддержкой, но мы не те, кто осуществил революцию, “тюльпановую революцию”. Это был кыргызский народ» («*The United States has provided support to build civil society, to help the development of political parties, but we absolutely do not have any role in choosing Kyrgyzstan's leaders, in choosing what Kyrgyzstan's constitution will look like. These are issues only for the Kyrgyz people. And the United States wants to be a moral support, of economic support, of political support, but we are not the ones who carried out the revolution, the Tulip Revolution. That was the Kyrgyz people*») [12].

Второй президентский срок Дж.Буша-мл. был направлен на закрепление успеха первой администрации. Уверенно выиграв переизбрание, он своей инаугурационной речью «дал понять, что продвижение свободы во всем мире будет в центре внимания его второго срока» («*Bush made clear that advancing freedom and liberty around the world is going to be the foreign policy focus of his second term*») [13]. За этим объявлением последовали визиты госсекретаря в страны, в которых прошли «цветные революции». Поощрением выгодного для США режима и победы прозападных сил должно было стать продвижение включения страны в западные структуры и интеграционные процессы. Демократические преобразования были встречены одобрением и заверениями К. Райс о поддержке Вашингтоном стремлений этих стран стать членами европейских и евроатлантических структур.

Уроки сценариев «цветных революций» Белый дом должен был запомнить и определить как отработанный эффективный механизм осуществления смены режима в стране. Итоги «цветных революций» заставили американцев сделать вывод: «Наши “кнуты” оказались неэффективными, поэтому сфокусируемся на “прянике”» («*Our “sticks” have been ineffective, so let us focus on the “carrots”*») [14]. К таким «пряникам» относились средства «мягкой силы», по сути, ведущие к вестернизации, демократизации, либерализации и включению стран бывшего СССР в западные структуры, что отвернуло бы их от китайских и российских интеграционных инициатив.

Со стороны США произошло разделение стран постсоветского пространства по принципу «добро–зло»: Вашингтон поддержал демократические стремления и революционные настроения Украины, Грузии, Кыргызстана, в стадию кризиса политического диалога

перевел отношения с Беларусью и Узбекистаном, все чаще критика стала звучать в сторону России [3, с. 91]. Строгая и агрессивная «доктрина Буша» постепенно стала уступать место «трансформационной дипломатии» (Transformational Diplomacy), теоретически представленной в Стратегическом плане на 2007–2012 гг., согласно которому, демократические режимы должны были объединиться в усилиях по мировой демократизации и либерализации [15]. В то же время новая администрация не собиралась ослаблять военное присутствие в Центральной Азии, аргументируя это тем, что миссия в Афганистане не завершена. Неофициальная же причина крылась в растущей мощи Китая. В 2006 г. эксперт Фонда Карнеги Марта Олкотт (Martha Brill Olcott) опубликовала аналитический доклад о китайских инвестициях и энергоресурсной политике в центральноазиатском регионе, заключив, что Китай стремится расширить там свое присутствие и разрабатывать местные энергоресурсы [7]. Таким образом, вторая администрация Дж. Буша-мл. стала сочетать как механизмы «мягкой силы», так и элементы силового воздействия, что отражало гибкость американской внешней политики.

Заключение. Таким образом, угроза терроризма, с которой столкнулся мир демократии 11 сентября 2001 г., позволила Соединенным Штатам идеологически оформить и упрочить свою мессианскую миссию защиты и покровительства мира свободы, права и демократии. Внимание Вашингтона в постсоветском регионе сосредоточилось на центральноазиатских странах и российско-американских отношениях, а борьба с терроризмом стала инструментом и обоснованием избирательного подхода в построении отношений с тем или иным государством. В отношении постсоветского пространства и интеграционных процессов в регионе наблюдается концептуально новый дискурс, однако стратегия была основана на тех концепциях, которые зародились при 41-м и 42-м президентах США. Дж. Буш-мл. выступил сторонником идей Дж. Буша-ст. и У. Клинтона, согласно которым новые независимые государства должны были быть интегрированы в западное сообщество через такие структуры, как НАТО и ВТО, а также должен был быть сохранен американский интеграционный проект ГУАМ. Продолжая поддерживать идею демократического мессианства, Соединенные Штаты, несмотря на первостепенную значимость военных действий в Афганистане и на Ближнем Востоке, продолжили внимательно следить за реформами в бывших республиках СССР и региональной обстановкой, резко выступая с критикой интеграционных проектов, которые способствовали бы усилению региональных игроков – России и Китая.

Интервенционистская политика, к которой перешел 43-й президент США, усилила американское присутствие в постсоветском регионе и отразилась на позиции Вашингтона в отношении интеграционных процессов в нем. В рамках новой стратегии, характеризующейся своей радикальностью, открытым

провозглашением американских интересов и прямой деятельностью, постсоветская интеграция стала оцениваться однозначно негативно как процесс, не отвечающий интересам Вашингтона. Любые инициативы стали восприниматься как политические, связанные с намерением страны-инициатора интеграционного проекта доминировать в регионе. Действия, которые обосновывались принципами, заложенными в основе «доктрины Буша» и «трансформационной дипломатии», и вели к американскому вмешательству в дела бывших республик СССР, прямо или косвенно были направлены на подрыв интеграционных проектов на постсоветском пространстве, инициируемых не Соединенными Штатами. В связи с этим американское вмешательство в дела региона стало прямым и активным и выразилось в поддержке прозападных настроений внутри республик, что способствовало «цветным революциям»; увеличению контактов с руководством стран Центральной Азии; анализе военных и оборонных возможностей центральноазиатских республик, что позволяло обосновывать необходимость размещения баз Североатлантического альянса на их территории; поддержке Организации за демократию и экономическое развитие (ГУ(У)АМ); одобрении энергоресурсных проектов, альтернативных предложениям России или Китая; прямом декларировании К. Райс законности интересов США на постсоветском пространстве.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР – «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

Литература

1. Kagan, R. Distinctly American Internationalism [Electronic resource] / R. Kagan // Carnegie Endowment for International Peace. – 1999. – November 29. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/1999/11/29/distinctly-american-internationalism-pub-237>. – Date of access: 14.02.2022.
2. The Bush Doctrine [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. – 2002. – October 7. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2002/10/07/bush-doctrine-pub-1088>. – Date of access: 21.02.2022.
3. Гвоздков, С.Ю. Формування концептуальних засад політики адміністрацій Дж. У. Буша щодо держав пострадянського простору / С.Ю. Гвоздков // Гілея. – 2015. – Вип. 99. – С. 88–92.
4. Carothers, T. The New Aid / T. Carothers // Carnegie Endowment for International Peace. – 2002. – April 16. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2002/04/16/new-aid-pub-953>. – Date of access: 21.02.2022.
5. Mcfaul, M. West or East for Russia? [Electronic resource] / M. Mcfaul // Carnegie Endowment for International Peace. – 2001. – June 9. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2001/06/09/west-or-east-for-russia-pub-718>. – Date of access: 25.03.2022.
6. Cohen, A. U.S. Should Promote WTO as Substitute to Eurasian Common Economic Space [Electronic resource] / A. Cohen // The Heritage Foundation. – 2003. – October 16. – Mode of access: <https://www.heritage.org/europe/report/us-should-promote-wto-substitute-eurasian-common-economicspace>. – Date of access: 10.03.2022.
7. Olcott, M. Is China A Reliable Stakeholder in Central Asia? [Electronic resource] / M. Olcott // Carnegie Endowment for International Peace. – 2006. – August 04. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2006/08/04/is-china-reliable-stakeholder-in-central-asia-pub-18606>. – Date of access: 13.04.2022.
8. Sokov, N. Russia's Policy in the Former Soviet Union and the New Challenges to the United States Eurasia Policy [Electronic resource] / N. Sokov // CSIS. – 2002. – January 25. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0229.pdf. – Date of access: 08.02.2022.
9. Baev, P. Putin's European Project. Derailed or Set Back in Reformatting? [Electronic resource] / P. Baev // CSIS. – 2004. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0331.pdf. – Date of access: 10.03.2022.
10. Kobrinskaya, I. Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Space: New Priorities for New Challenges? [Electronic resource] / I. Kobrinskaya // CSIS. – 2004. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0332.pdf. – Date of access: 09.03.2022.
11. Mcfaul, M. 'Meddling' In Ukraine: Democracy is not an American plot [Electronic resource] / M. Mcfaul // Carnegie Endowment for International Peace. – 2004. – December 21. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2004/12/21/meddling-in-ukraine-democracy-is-not-american-plot-pub-16292>. – Date of access: 11.04.2022.
12. Interview With Kiyas Moldokasymov of Kyrgyz National TV // 2001–2009 Archive for the U.S. Department of State. – Mode of access: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/54670.htm>. – Date of access: 18.04.2022.
13. Mcfaul, M. Advancing Bush's Liberty Doctrine in Russia [Electronic resource] / M. Mcfaul // Carnegie Endowment for International Peace. – 2005. – May 9. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2005/05/09/advancing-bush-s-liberty-doctrine-in-russia-pub-16881>. – Date of access: 13.04.2022.
14. Olcott, M. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II) [Electronic resource] / M. Olcott // Carnegie Endowment for International Peace. – 2006. – April 26. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2006/04/26/u.s.-policy-in-central-asia-balancing-priorities-part-ii-pub-18277>. – Date of access: 13.04.2022.
15. Strategic Plan. Fiscal Years 2007–2012 [Electronic resource] / U.S. Department of State; U.S. Agency for International Development // U.S. Department of State. – 2007. – May 7. – Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/86291.pdf>. – Date of access: 04.05.2022.

Поступила в редакцию 11.05.2022

Профессионализм историка в исторической культуре первой четверти XXI века

Румянцева М.Ф.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Анализируются критерии профессионализма историка в исторической культуре постпостмодерна.

Цель – эксплицировать те составляющие актуальной исторической культуры, методологически выверенная рефлексия по поводу которых составляет основу профессионализма историка 20-х годов XXI в.

Материал и методы. *Методологическая основа анализа проблемы – неоклассическая феноменологическая концепция источниковедения, основной принцип которой – принцип признания чужой одушевленности, рассматриваемый в единстве эпистемологической и этической составляющих. Базовый концепт исследования – историческая культура, определяемая как система получения и презентации исторического знания, формирования исторических представлений, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников.*

Результаты и их обсуждение. *Выявлены системообразующие составляющие актуальной исторической культуры: философские – постнеклассическая модель науки, социокультурные – глокализация и манипуляционный характер социума постпостмодерна, историографические – процесс ренарративизации.*

Заключение. *Процесс ренарративизации / войны нарративов, сложность которого усугубляется разрывом научного исторического знания и социально ориентированного историописания на фоне продолжающегося процесса фрагментации исторической науки, требует от историка понимание целеполагания в конструировании нарратива / исторической репрезентации, а главное – ответственность историка перед социумом за позиционируемый в общественном сознании нарратив.*

Ключевые слова: *профессионализм, ответственность, профессиональная этика, историческая культура, постнеклассическая наука, ренарративизация, война нарративов, фрагментация.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 81–85)

Professionalism of the Historian in the Historical Culture of the Early 21st Century

Rumyantseva M.F.

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The criteria of the historian's professionalism in the historical culture of post-postmodernity is analyzed.

The aim is to explicate those components of the current historical culture, methodologically verified reflection on which underlies the professionalism of the historian of the 20s of the 21th century.

Material and methods. *The methodological basis of the analysis of the problem is the neoclassical phenomenological concept of source studies, the main principle of which is the principle of recognition of another soul, considered in the unity of epistemological and ethical components. The basic concept of the study is historical culture, which is defined as a system of obtaining and presenting historical knowledge, forming historical representations, characteristic of a certain social and cultural community and presented by a system of types of historiographical sources.*

Findings and their discussion. *The system-forming components of the current historical culture are revealed: philosophical, which is the post-nonclassical model of science, social-cultural, which is the glocalization and manipulative nature of the postmodern society, historiographical, which is the process of renarrativization.*

Conclusion. *The process of renarrativization / war of narratives, the complexity of which is aggravated by the discontinuity between scientific historical knowledge and socially oriented historiography against the background of the ongoing process of fragmentation of historical science, requires the historian to understand the goal-setting in the construction of narrative / historical representation, and most importantly – the historian's responsibility to society for the narrative positioned in the public consciousness.*

Key words: *professionalism, responsibility, professional ethics, historical culture, post-nonclassical science, renarrativization, the war of narratives, fragmentation.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 81–85)

*Нам не дано, увы, узнать,
чем наше слово обернется,
когда последний день прервется...
Нам не дано, увы, узнать.*

Федор Тютчев (1869)

Преподаю в высшей школе не одно десятилетие и постоянно сталкиваюсь с ситуацией, – а в последнее время все чаще, – когда студенты и, между прочим, аспиранты, не только не знают / не понимают, но и, проучившись фактически семь лет (речь об аспирантах первого года обучения), ни разу не задумывались о социальных функциях истории, а значит и о социальной ответственности историка... Перу Владимира Борисовича Кобрин (1930–1990), замечательного советского ученого, входившего в несколько диссидентствующий круг Александра Александровича Зимина (1920–1980), принадлежит книга «Кому ты опасен, историк?» (посмертно изданная в 1992) [1]. Вероятно, этот вопрос заслуживает обсуждения и сегодня, но прежде, по нашему глубокому убеждению, следует ответить на другой вопрос: «Кому и, – главное, – зачем ты нужен историк?» Ответ на этот вопрос, – причем ответ адекватный, точно соответствующий как запросу социума (который, впрочем, сам же историк во многом и формирует), так и актуальной исторической культуре, – неотъемлемая составляющая, а скорее даже основа профессионализма историка, потому что именно понимание смысла своей работы обеспечивает и качественную постановку актуальной проблемы (неслучайно студенты / аспиранты испытывают такие сложности с обоснованием актуальности своих квалификационных работ), и выбор адекватных средств ее решения.

Итак, *исходный тезис* наших размышлений: понимание социальной функции истории и социальной ответственности историка – имманентное свойство его профессионализма, причем как в эпистемологическом, так и в этическом плане при несомненной связи и взаимообусловленности этики и эпистемологии [2]. Естественно, что есть инвариантные критерии профессионализма историка, существующие с момента профессионализации исторического знания в XIX века, но есть и такие составляющие профессионализма, которые если не свойственны исключительно, то актуализируются в разных исторических культурах.

Цель работы – эксплицировать те составляющие актуальной исторической культуры, методологически выверенная рефлексия по поводу которых составляет основу профессионализма историка 20-х годов XXI в. Конечно же, *хронология*, вынесенная в название статьи, очень условна: первая четверть XXI в. еще длится, а начало периода требует обоснования нижней границы актуальной исторической культуры.

Несмотря на очевидную свою значимость, *проблема профессионализма* не часто привлекает внимание историков. Не ставя задачу системно проанализировать имеющуюся литературу, обозначим только репер-

ные точки, ограничив это предметное поле, с одной стороны, книгой французского мыслителя Жюльена Бенда (1867–1956) «Предательство интеллектуалов» (1927) [3], а с другой – работой шведского историка Рольфа Тоштендаля (р. 1936) «Профессионализм и историческое знание» (2014, но включает и статьи 1990–2000-х годов) [4]. Если Ж. Бенда, в условиях нарастающего презентизма в контексте становления неклассической модели исторической науки, ставит вопрос о профессионализме интеллектуала в гносеологически-этической плоскости (что мне близко), то Р. Тоштендаль ограничивается более-менее формальным определением профессионализма историка, акцентируя внимание на складывании дисциплинарных норм. Бельгийский историк Антоон де Баец, предложивший в 2009 г. к обсуждению «Кодекс историка» (из 20 статей), высказал идею разработки теории «злоупотребления историей», отметив социальную опасность такого злоупотребления и актуальность разработки такой теории [5].

Из советских / российских историков нельзя не отметить размышления о профессионализме (в сопряжении с этикой) В.Б. Кобрин в эссе «Опасная профессия» из вышеупомянутой книги и статью Арона Яковлевича Гуревича (1924–2006) об ответственности историка [6]. Оба исследователя обратились к проблеме профессионализма историка и его ответственности в условиях кризиса и смены ориентиров, переживаемых поздней советской и постсоветской исторической наукой.

Материал и методы. Методологическая основа анализа проблемы – неоклассическая феноменологическая концепция источниковедения, восходящая к русской версии неокантианства (А.И. Введенский, 1856–1925; А.С. Лаппо-Данилевский, 1863–1919), основной принцип которой – принцип признания чужой одушевленности, рассматриваемый в единстве эпистемологической и этической составляющих, что принципиально важно для нашей темы. Базовый концепт настоящего исследования, – концепт «историческая культура». Терминологический словарь, подготовленный Институтом всеобщей истории РАН, предлагает определение: «Историческая культура – понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. Историческая культура – та часть культуры, которая связана со временем как сущностным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ» [7, с. 165]. Но в рамках

задействованной источниковедческой парадигмы я бы предложила более простое определение: «Историческая культура – система получения и презентации исторического знания, формирования исторических представлений, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников». При этом важно подчеркнуть, что, в соответствии с используемой источниковедческой парадигмой, историографический источник определяется как произведение «... реализующее функции презентации и позиционирование исторического знания как научного, так и социально ориентированного» [7, с. 209], и – в рамках своего функционала – может пониматься предельно широко: от монографии до художественного фильма на историческую тему.

Что касается границы перехода к новой исторической культуре, то сложность ее определения обусловлена тем, что она может быть по-разному прочерчена в зависимости от того, какую ее составляющую мы признаем базовой / точнее – системообразующей, поскольку здесь наблюдается некоторый разброс, который трудно фокусируется. Составляющие этого перехода рассматриваются чуть ниже, а здесь заявим гипотезу: актуальная историческая культура формируется при выходе из ситуации постмодерна и во многом обусловлена началом процесса ренарративизации примерно с середины 2000-х годов.

Результаты и их обсуждение. Не претендуя, естественно, на сколько-нибудь полное описание актуальной исторической культуры, постараемся выявить ее системообразующие составляющие.

Философская составляющая. Наиболее эффективной интерпретационной схемой осмысления знания, – включая научное, но и не только, – которую нам предоставляет философия науки, является схема смены типов рациональности / моделей науки: классическая – неклассическая – постнеклассическая. В советской / российской философии науки эта проблематика, – правда, по преимуществу, в отношении естественнонаучного знания, – наиболее отчетливо разработана В.С. Стёпиным (1934–2018) и Л.А. Микешинной. Применительно к историческому познанию эта схема детально разработана Анатолием Владимировичем Лубским (1947–2020) [8], хотя мы и не во всем можем с ним согласиться: если А.В. Лубский связывает неоклассическую модель исторической науки с выходом из ситуации постмодерна [8, с. 250], то заявленная нами в качестве методологической основы феноменологическая источниковедческая парадигма заставляет предположить, что неоклассическая модель исторической науки проходит становление параллельно с неклассической (являясь, по сути, альтернативной ей) и фундирована уже в работе Э. Гуссерля (1859–1938) «Философия как строгая наука» (1911). Но не можем не согласиться с А.В. Лубским в том, что неоклассическая модель предлагает альтернативный вариант выхода из ситуации постмодерна, доминирующей мо-

делью науки в котором является наука постнеклассическая, предполагающая, – согласно знаковой работе американского социолога австрийского происхождения Питера Л. Бергера (1929–2017) и немецкого социолога словенского происхождения Томаса Лукмана (1927–2016) по социологии знания (1966), – «социальное конструирование реальности».

Обращение к этой интерпретационной схеме принципиально важно при рассмотрении проблемы профессионализма историка в сопряжении с его социальной ответственностью. Вполне очевидно, что любая модель науки предполагает профессионализм историка, – условно скажем, «первого уровня», – в его работе с историческим источником и конструировании исторического факта на этой основе, но *классическая модель* этим и ограничивается – историку достаточно быть просто профессионально грамотным и добросовестным и в результате он получит знание, которое соответствует «объективной» (то есть не зависящей от исследователя) реальности прошлого, за которую, естественно, историк не может нести ответственность: она такова, какова она есть. *Неклассическая модель* предполагает личностный выбор историка, что провоцирует развитие презентистских подходов в историописании первой трети XX в.: от Бенедетто Кроче (1866–1952) до американского релятивизма Карла Л. Беккера (1873–1945) и Чарлза О. Бирда (1874–1948, президент Американской исторической ассоциации с 1933). И совсем не случайно размышления Ж. Бенда о «предательстве интеллектуалов» находятся в контексте неклассической рациональности. Совершенно очевидно, что социальное конструирование реальности в контексте *постнеклассической рациональности* предполагает радикально иной уровень осознания историком социальной ответственности и, – во взаимосвязи, – иной уровень профессионализма. Подчеркнем, что речь именно об осознании того, что историк конструирует / репрезентирует реальность прошлого (не будем в рамках настоящей работы останавливаться на различии *конструирования* и *репрезентации*, – в данном контексте это непринципиально), а не описывает ее (воспользуемся «словарями исторической науки» Ф.Р. Анкерсмита [9, с. 169–177]), поскольку убежденность историков XIX в., – эпохи господства классической рациональности, – в том, что историк изучает / описывает историческое прошлое «как было на самом деле» (согласно формуле Л. фон Ранке, хотя она и не совсем корректна в русском переводе, но приобрела практически характер идиомы), вовсе не означает, что творцы метанарративов этой эпохи, – от Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева до Огюстен Тьерри и Франсуа Гизо, – не конструировали национально-государственное прошлое.

Социокультурная составляющая. Ситуация постпостмодерна имеет, на наш взгляд, две системообразующие характеристики: (1) переход от глобализации к глокализации, то есть нарастание ценностных и культурных различий между разными социокультур-

ными общностями на фоне продолжающегося до конца 2010-х годов, но, кажется, начинающего затухать процесса глобализации; (2) переход от информационного общества к манипуляционному. Обе эти составляющие фокусируются в трансформацию исторической культуры, существенным для которой, если не определяющим является процесс ренарративизации. В российской общественном дискурсе можно наметить две реперные точки такого перехода, маркирующие создание нового национально-государственного нарратива: функционирование (впрочем, мало-заметное) Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте Российской Федерации (2009–2012) и инициатива Президента Российской Федерации В.В. Путина создания единой линейки учебников истории России для средней школы (2013). Не можем здесь не акцентировать внимание читателя на нашем сугубо положительном, – в отличие от некоторых (многих?) «коллег», – отношении к этим инициативам (попытаемся отделить сами инициативы от не очень удачной, на наш взгляд, реализации), поскольку абсолютно убеждены, что они отвечают как вызовам социума, так и сути актуальной исторической культуры.

Историографическая составляющая. Маркером ситуации постмодерна был кризис доверия к историческому метанарративу, на который обратил внимание французский философ-постструктуралист Жан-Франсуа Лиотар [10, с. 10]. Но уже в конце 2000-х годов, – в новой социокультурной ситуации постпостмодерна, – американский историк (канадского происхождения) Аллан Мегилл дает два варианта ответа на вопрос: обладает ли нарратив собственной познавательной ценностью? Причем, ответ «нет» А. Мегилл рассматривает как все еще наиболее распространенный в обществе историков, но сам обосновывает ответ «да»: «Роль историописания в конфигурировании наших способов видения мира и жизни в нем действительно существенна <...>. Ответ “Да” заключает в себе тот несомненный факт, что историописание связано со временем историка и его читателей <...> нарратив оценивается по тому способу, которым он передает, облекая в специфические и яркие образы, некоторые важные аспекты нашего совместного бытия в рамках общественного порядка» [11, с. 173, 175].

Процесс ренарративизации осложняется, как минимум, двумя факторами: продолжающейся фрагментацией научного исторического знания (что, вероятно, не требует комментария) и противоборством двух «парадигм» в историческом познании. Второй фактор отмечала Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007) – автор концепции когнитивной истории и концепта «эмпирическая реальность исторического мира»: размышляя в середине 2000-х годов о состоянии профессионального сообщества историков, она характеризовала его через противостояние нарративной логики историописания и истории как строгой науки [12, с. 15–16]. В целом соглашаясь с О.М. Медушевской

(считаю себя ее ученицей и, естественно, принадлежу к той же научной школе), все же позволю себе одно уточнение в связи с проблематикой предлагаемых размышлений: на мой взгляд, речь идет не о противостоянии двух «парадигм», а о разрыве социально ориентированного историописания с его нарративной логикой и строго научного исторического познания, все больше ориентирующегося, – при выходе из ситуации постмодерна, – на неоклассическую модель науки.

И в связи с процессом ренарративизации необходимо упомянуть актуальные (если не сказать модные) для исторической культуры конца XX – первой четверти XXI в. проекты глобальной истории. Конечно, существуют разные подходы к глобальной истории (в частности, перспективным представляется подход, нацеленный на анализ сетевых взаимодействий), но в целом такие проекты реализуются через создание нарративов. И здесь уместно вспомнить предостережение А. Мегилла: «Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу – это попытки навязать интерпретацию. Вполне законно приводить доводы в пользу какой-то отдельной интерпретации как интерпретации. Но это не относится к презентации определенной интерпретации в качестве волшебной нити синтезирования» [11, с. 256–257]. И складывается впечатление (которое, естественно, требует верификации в ходе отдельного исследования), что нацеленная на преодоление европоцентризма всеобщей истории история глобальная этот самый европоцентризм только усугубляет, навязывая иным культурам европейский дискурс.

Заключение. Актуальная историческая культура, сформировавшаяся при выходе из кризиса постмодерна, характеризуется, в первую очередь, процессом ренарративизации / войны нарративов, сложность которого усугубляется оформившимся в ситуации постмодерна разрывом научного исторического знания и социально ориентированного историописания на фоне продолжающегося процесса фрагментации научного исторического знания. И, конечно же, в основе профессионализма во все времена существования профессии историка лежит понимание философских / эпистемологических оснований получения исторического знания, понимание его внутреннего устройства, социальной функции. И главное – ответственность историка перед социумом. В наших условиях профессионализм историка предполагает не замыкаться в «башне из слоновой кости», отдавая создание нарратива на откуп непрофессиональным / малопрофессиональным авторам, а, понимая устройство и функционирование исторического знания, роль нарратива в формировании исторической памяти и, соответственно, коллективной идентичности, реализовывать научный подход к социально ориентированному историописанию, не допуская, или хотя бы минимизируя, «злоупотребление историей». Таким образом, что касается слов Тютчева, вынесенных в эпиграф, то профессиональный историк не должен занимать снобистскую позицию: я получаю чистое знание и не отвечаю

за его использование, а стараться все-таки понять, как отзовется в социуме его слово, оформленное в нарратив, какую историческую память и, соответственно, идентичность, он формирует.

И последнее: вполне очевидно, что предложенная статья – не решение проблемы, а приглашение к дискуссии...

Литература

1. Кобрин, В.Б. Кому ты опасен, историк? / В.Б. Кобрин. – М.: Моск. рабочий, 1992. – 223, 1 с.
2. Румянцева, М.Ф. Этика и эпистемология: «четвертый постулат практического разума» А.И. Введенского / М.Ф. Румянцева // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історик на зламах історії : досвід переживання : [міжвуз. зб. наук. праць] / редкол.: О.І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. – Дніпро : Видавництво «Пороги», 2017. – С. 58–83.
3. Бенда, Ж. Предательство интеллектуалов / Ж. Бенда; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. – М.: ИРИ-СЭН, Мысль, Социум, 2009. – 310 с. – (Сер. Политическая наука).
4. Тоштендаль, Р. Профессионализм историка и историческое знание / Р. Тоштендаль; пер. с англ. А.Ю. Серегинной. – М.: Новый Хронограф, 2014. – 346 с.
5. Баэс, А. де. Злоупотребление историей: границы, определения и исторические перспективы [Электронный ресурс] / А. де Баэс // Гефтер: интернет-журнал. – Режим доступа: https://culturahistorica.org/wp-content/uploads/2020/02/2baets-abuse_of_history_russian.pdf. – Дата доступа: 13.05.2022.
6. Гуревич, А.Я. Двоякая ответственность историка / А.Я. Гуревич // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
7. Теория и методология исторической науки: термин. словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аквилон, 2016. – 543 с.
8. Лубский, А.В. Альтернативные модели исторического исследования / А.В. Лубский; отв. ред. Ю.Г. Волков. – М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. – 339 с.
9. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.
10. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шмагко. – М.: «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – 159 с.
11. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
12. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.

Поступила в редакцию 13.05.2022

ФИЛОСОФИЯ

Роль политико-институциональной и ценностно-идеологической сфер в жизни белорусского общества

Орлов В.И.

Учреждение образования «Витебская ордена «Знак Почета»
государственная академия ветеринарной медицины», Витебск

Развитие современного белорусского общества представляет собой результат взаимодействия трех сфер общественной жизни: экономической, политико-институциональной и ценностно-идеологической.

Цель статьи – изучение влияния политико-институциональной и ценностно-идеологической сфер на жизнь белорусского общества.

Материал и методы. Теоретической основой работы являются труды американских философа Ф. Фукуямы, экономиста Д. Норта, британских социологов З. Баумана и Э. Гидденса. В исследовании использованы методы единства исторического и логического, идеализации.

Результаты и их обсуждение. В политико-институциональной сфере выделяют такие основополагающие элементы, как «государство», «гражданское общество», «основные социальные институты» и «власть». В переходный период очень важно, чтобы государство управлялось лидером, имеющим безусловный авторитет у собственного народа. В ценностно-идеологической сфере выделяются такие категории, как «мировоззренческие основания», «ценности» и «идеалы». Идеология является главным регулятором социального поведения больших групп людей.

Заключение. Социально-экономические институты устанавливают определенный порядок в обществе. Для реализации своей роли эти институты должны обладать властью. В современных условиях в мире одновременно существуют не только отдельные общенациональные, но и глобальная идеология. Для нашей республики государственную идеологию как раз и необходимо создавать путем диалектического синтеза основных положений многовековой национальной Традиции с новыми идеями, получившими распространение в последние десятилетия.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, власть, ценности, идеалы.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 87–93)

Role of Political-Institutional and Value-Ideological Spheres in the Life of Belarusian Society

Orlov V.I.

Education Establishment

“Vitebsk State Order of Badge of Honor Academy of Veterinary Medicine”, Vitebsk

The development of modern Belarusian society is the result of the interaction of three spheres of public life: economic, political-institutional and value-ideological.

The purpose of the article is to study the influence of the political-institutional and value-ideological spheres on the life of the Belarusian society.

Material and methods. The theoretical basis of this work is the works of the American philosopher F. Fukuyama, economist D. North, British sociologists Z. Bauman and A. Giddens. The study used the methods of the unity of the historical and logical and of idealization.

Findings and their discussion. In the political-institutional sphere, such fundamental elements as “state”, “civil society”, “basic social institutions” and “power” are distinguished. During the transition period, it is very important that the state is governed by the leader who has unconditional authority for his people. In the value-ideological sphere, such categories as “ideological foundations”, “values” and “ideals” are distinguished. Ideology is the main regulator of the social behavior of large groups of people.

Conclusion. Social and economic institutions establish a certain order in society. To fulfill their role, these institutions must have power. In modern conditions in the world there is simultaneously not only separate national, but also global ideology. For our republic, it is precisely necessary to create state ideology through a dialectical synthesis of the main provisions of the centuries-old national Tradition with new ideas that have spread in recent decades.

Key words: state, civil society, power, values, ideals.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – 87–93)

Крушение мировой системы социализма привело не только к появлению новых независимых государств, но и к созданию особых типов социальных систем – переходных обществ, т.е. обществ, находящихся в состоянии институционального неравновесия. Трансформационные процессы в реформируемых обществах исследованы в работах таких зарубежных ученых, как К. Штайльман, Л. Клейн, Г. Саймон, Н. Смелзер, А. Стен, Дж. Тобин, К. Эрроу, А. Этциони, – основателей и приверженцев социэкономии, отличительной чертой которой является синтез идей и результатов всех социальных наук, изучающих экономическое поведение людей, в том числе в условиях трансформации общества. Среди зарубежных, российских и ученых стран СНГ проблемы трансформации общества представлены в работах О.Т. Богомолова, И. Валлерстайна, М.С. Восленского, Е.Т. Гайдара, А.Х. Гелба, С.Ф. Гребенченко, А.Н. Данилова, Л.П. Евстигнеевой, И.Ю. Заринова, Т.И. Заславской, В.Л. Иноземцева, Е.Е. Крухмалева, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, Г.В. Смирнова, Н.Е. Тихоновой, Э. Тоффлера, А. Турена, М.Б. Щепакина.

В некоторых странах, возникших на постсоветском пространстве, появилась объективная необходимость усиления роли государства в построении эффективной рыночной экономики. Данную необходимость применительно к Беларуси можно объяснить воздействием как внутренних, так и внешних причин. К внутренним, в первую очередь, нужно отнести стремление органов государственной власти придать экономической системе нашей страны импульс устойчивого роста, для чего необходимо направить основные усилия в сторону вектора структурно-технологической модернизации всего производства. Важнейшими внешними причинами являются переходное состояние мирового сообщества, его глобальная нестабильность, выражающаяся не только в борьбе за природные и человеческие ресурсы (новый передел мира в условиях системного экономического кризиса), но и в формировании новой архитектоники мирового порядка. В этой архитектонике особое место занимают наднациональные институциональные структуры как политического, так и экономического характера, стремящиеся своей деятельностью ослабить роль национальных органов власти, что может привести к утрате фактической независимости многих государств. Противостоять данным тенденциям в мировой политике способны лишь те страны, в которых государственная власть оказывает существенное влияние на все экономические процессы [1].

Развитие современного белорусского общества представляет собой результат взаимодействия трех сфер общественной жизни: экономической, политико-институциональной и ценностно-идеологической.

Цель статьи – изучение влияния политико-институциональной и ценностно-идеологической сфер на отношение общества и государства.

Материал и методы. Теоретической основой данной работы являются труды американских философов Ф. Фукуямы, экономиста Д. Норта, британских социологов З. Баумана и Э. Гидденса. Базисной основой работы являются принципы историзма, системности, структурности. В исследовании использованы методы единства исторического и логического, идеализации.

Результаты и их обсуждение. Развитие современного белорусского общества представляет собой результат взаимодействия трех сфер общественной жизни: экономической, политико-институциональной и ценностно-идеологической.

В политико-институциональной сфере выделяются такие основополагающие элементы, как «государство», «гражданское общество», «основные социальные институты» и «власть». По мнению французского философа А. Турена, между обществом и государством в эпоху доиндустриального развития человека существовала практически полная тождественность, в наибольшей степени проявившаяся в древнегреческих Афинах и Риме [2]. В индустриальной цивилизации дистанция между национальным государством и обществом стала на порядок больше, однако говорить именно о гражданском обществе еще не приходится. И, наконец, в постиндустриальном, так называемом «программируемом обществе», пирамидальная система заменяется на несколько самоорганизующихся и самоизменяющихся центров принятия решений. Таким образом, можно считать гражданское общество детищем современной постиндустриальной цивилизации.

Роль государства была решающей в традиционном обществе. Благодаря социальной модернизации его руководящая функция намного уменьшилась, государство в большей степени стало выполнять роль арбитра и координирующего центра. Некоторые авторы считают, что в постсовременной цивилизации приоритет должен принадлежать гражданскому обществу, последнее приобретает черты глобальности, а государство превращается лишь в один из субъектов социально-политического процесса. Данное утверждение не в полной мере адекватно реальному положению дел. Как отмечал Ф. Фукуяма, «гражданское общество может вырождаться в группу лиц, ищущих доходов для себя, чья цель не более достойна доверия, но кажется более важной в рамках правительственных субсидий или при замещении правительства гражданским обществом. Каждое из этих сообществ в результате добивается своего, рассчитывая не столько на общественное планирование, сколько на природу гражданского общества как таковую» [3, с. 60].

Кроме того, идея о превращении государства в один из многих субъектов политического процесса в настоящее время не применима к Беларуси и некоторым странам постсоветского пространства. Дело в том, что мы не прошли второго этапа в своем развитии, а соответственно еще крайне далеки от третьего.

Беларуси нужен скачок, но не революционного, а эволюционного типа. Совершить данный скачок возможно лишь при руководящей роли государственной власти. В данном случае речь идет не о феномене архаики, не о возврате в традиционное общество, а о насущной социальной необходимости. Государство, таким образом, должно временно усилить свое влияние на общественную жизнь. Причем, сам процесс должен происходить в хронологически уплотненном темпе. То, на что Западной Европе понадобились столетия, нам необходимо выполнить в течение нескольких десятилетий. В переходный период очень важно, чтобы государство управлялось лидером, имеющим безусловный авторитет у собственного народа. О важнейшей роли подобного лидера и его технократических советников в осуществлении экономических реформ упоминает Ф. Фукуяма [3, с. 56].

В качестве основных социально-политических институтов мы будем рассматривать такие, как 1) политические; 2) экономические; 3) социально-культурные; 4) научно-образовательные; 5) религиозные; 6) семейно-бытовые; 7) юридические. Д. Норт отмечал, что «институты влияют на тип экономической системы, на тот путь, по которому развивается экономика. Институты определяют в совокупности с используемой технологией транзакционные издержки и издержки производства, тем самым влияя на экономическую ситуацию» [4, с. 1]. В социологической науке под институтами обычно понимаются, во-первых, правила социального поведения, т.е. совокупность социальных норм и культурных образцов, определяющих устойчивые формы человеческой деятельности. При данном понимании необходимо считать, что институты включают в себя набор формальных и неформальных правил, а также механизмы их добровольного или принудительного осуществления. Естественно, что эти правила создаются какими-то конкретными людьми или группами, а для наблюдения за исполнением правил также необходимо наличие организованных социальных групп.

Традиционно к политическим институтам относят государство, политические партии и другие организации. Но государство является также важнейшим экономическим институтом. Причем даже в тех странах, где построено достаточно развитое гражданское общество, экономическая роль государства очень велика. По мнению российского ученого Б.З. Мильнера, «принципиально важно исходить из того, что политика и экономика неразрывно связаны в любом понимании экономической деятельности. Множество институциональных ограничений и соответствующих организаций регулируют взаимоотношения обмена и поэтому определяют механизм функционирования политико-экономической системы. Не только политика специфицирует и принуждает к соблюдению прав собственности, создающих базисную структуру сти-

мулов в экономике. В современном мире ключевыми факторами повышения экономической эффективности являются доля внутреннего валового продукта, перераспределяемая исполнительной властью, а также постоянно изменяющиеся правила регулирования, которые эта власть вводит» [5, с. 9].

Кроме государства к экономическим институтам можно отнести банки, различные предприятия и фирмы. Важным институтом выступает институт частной собственности. Отметим, что данный институт, являвшийся стержнем классического капитализма, претерпел существенные изменения. Возникли новые виды собственности: коллективная собственность персонала фирмы, совладение на основе передачи акций персоналу и, наконец, так называемый государственный капитализм. Обычно для стран постсоветского пространства в качестве универсального средства для эффективной перестройки экономики указывают на приватизацию. Однако такие экономисты, как Д. Норт и М. Фридмен предостерегают от подобного заблуждения. Еще в 2001 году глава экономистов свободного рынка М. Фридмен отметил, «что соблюдение законности может быть важнее приватизации» [3, с. 41]. Д. Норт в нобелевской лекции, произнесенной в декабре 1993 г., подчеркнул, что для стран Восточной Европы «приватизация не является панацеей от экономической отсталости» [6, с. 8].

Право собственности – это не чисто юридическая или экономическая категория. Дело в том, что оно должно быть подкреплено совокупностью определенных культурно-идеологических ценностей, способствующих его эффективному практическому воплощению в жизнь. Речь в данном случае идет не о творческом опровержении концепции М. Вебера, а лишь о том, что с течением времени уровень религиозности на Западе резко понизился и на смену протестантской этике пришли другие, не религиозные культурные механизмы регулирования частнопредпринимательской деятельности. Большую роль в реализации этих механизмов сыграла система государственного образования. Роль специфического религиозного образования на Западе резко уменьшилась, а соответственно выросла роль государственного.

Конечно, современный М. Веберу западный капитализм вышел из совершенно нового мировоззрения, основой которого являлась протестантская религия, и принципы его были сформулированы еще Б. Франклином в «Автобиографии». Это – вера, честность, трудолюбие, умеренность. Кроме того, согласно М. Веберу, капитализм становится современным в результате обуздания «авантюристических», иррациональных устремлений и соединения рациональной деятельности с новым «духом», в результате преодоления прежнего «духа» традиционализма.

Юридические институты играют огромную роль в развитии общества. О роли законов в обществе

писал еще Аристотель. Однако важны не только законы сами по себе, но и повседневная практика их применения. Д. Норт отмечал, что «в абсолютно совершенном (с точки зрения осуществления сделок и их регулирования) мире должна была бы существовать некоторая третья сторона, которая бы абсолютно беспристрастно (и с наименьшими издержками) оценивала и разбира- ла споры, и назначала бы компенсацию пострадавшей стороне в случае нарушения контракта. В этом мире не было бы ни оппортунистического поведения, ни обмана. Но такого мира не существует. Ведь на самом деле создание относительно беспристрастной судебной системы явилось одной из самых серьезных проблем в экономическом развитии» [4, с. 3]. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что капиталистическая система привела к разрушению традиционных семей- ных институтов. На самом же деле эти институты не в меньшей степени разрушались и в социалистическом обществе. Речь, скорее всего, в данном случае должна идти о целом комплексе причин, в ряду которых необ- ходимо выделить технологическую революцию.

Социально-экономические институты устанавли- вают определенный порядок в обществе. Для осу- ществления своей роли эти институты должны обла- дать властью. Отметим, что этимологически само сло- во «власть» как раз и происходит от слова «лад» (лег- че всего данную этимологию увидеть в белорусском слове «ўлада»), то есть «порядок». Такое понимание власти характеризует все социальные институты, но в первую очередь государство. Вот почему З. Бауман, давая определение понятия «государство», указывает, что последнее превращает «случайность в предопре- деленность, двусмысленность в однозначность, бес- порядочность в регулярность – одним словом, пер- вобытный лес в тщательно высаженный сад, хаос – в порядок. Привести в порядок некий уголок мира озна- чало создать там государство, наделенное властью» [7, с. 90]. По мнению ученого, одной из причин возник- новения «индивидуализированного общества» являет- ся ослабление государственной власти, что в первую очередь приводит к отрицанию форм социальности, известных в прошлом. «Частное сегодня вторглось на территорию общественного, но отнюдь не для того чтобы взаимодействовать с ним» [8, с. 257]. Данный феномен, согласно З. Бауману, приводит не просто к недостаткам в общественном развитии человечества, но и характеризуется высоким уровнем опасности для всего человечества.

Как отмечал Э. Гидденс, «деятель перестает быть деятелем, если он или она теряют способность “пре- образовывать”, т.е. реализовывать определенный вид власти» [9, с. 56]. Обладание властью является высшим смыслом деятельности для многих бизнесменов. «Во всех долгоживущих обществах, – отмечает Л. Туроу, – экономическая и политическая власть шли рука об руку... Не случайно капиталистические общества

устроили политические системы, где экономическое богатство может переходить в политическую власть... большинство из ста сенаторов США – миллионеры. Не случайно Америка построила систему, где люди с политической властью, но без богатства имеют “воз- можность” превращать свою политическую власть в богатство» [10, с. 297–298]. Возможность подобного превращения во многом объясняется онтологическим статусом капитала. Обычно достигнув определенного уровня материального богатства, люди стараются не увеличить материальное потребление, а уже стремят- ся к власти. Ведь «власть – это высший потребитель- ский продукт. Это почти единственное, чего можно желать и что можно потреблять в неограниченном ко- личестве. В некоторой мере, но не полностью, власть политического деятеля может возместить ему недо- статок денег, а экономическая власть бизнесмена мо- жет возместить ему недостаток политической власти» [11, с. 293].

Важной сферой является *ценностно-идеологиче- ская*. Именно идеология – главный регулятор соци- ального поведения больших групп людей: сословий, классов и даже целых народов. Вот почему идеологию некоторые исследователи называют «формой обще- ственного сознания». Разумеется, такое регулирова- ние носит также и индивидуальный характер, а сле- довательно, человек, по некоторым объективным ха- рактеристикам принадлежащий к определенной соци- альной группе, может и не являться носителем господ- ствующих в этой группе идеологических установок. Для того чтобы преодолеть указанное несоответствие, ему необходимо предварительно пройти процесс иде- ологической групповой социализации.

Конечно, если рассматривать человека только лишь в качестве рационально мыслящего существа, то можно прийти к выводу о том, что идеология не в состоянии оказать никакого влияния на его поведение. Последнее будет целиком зависеть от логики. При- менительно к экономической сфере жизни общества можно утверждать, что в условиях рыночной экономи- ки общество, построенное на таких сугубо рациональ- ных основаниях, очень быстро было бы ввергнуто в состояние коллапса всей экономической деятельно- сти. Человеческое поведение регулируется не только логикой. Одним из наиболее важных его регуляторов является идеология. Причем степень такого регулиро- вания может достаточно широко варьироваться при- менительно к различным сферам человеческой жизне- деятельности. На наш взгляд, экономическая сфера – одна из тех, которая в наибольшей степени подверга- ется этому регулированию.

Неомоментно, роль идеологии в эволюции данной сферы на различных этапах развития общества суще- ственно изменялась. Так, например, в эпоху Средневе- ковья идеология по существу была тождественна ре- лигии, а, следовательно, не имела своего собственного

значения. В наибольшей же степени ее роль возрастала в периоды социальных революций, сопровождавшихся коренными изменениями в способе экономического производства. В этом случае *новая идеология* служила важнейшим внеэкономическим основанием для *нового способа производства*. Во времена же достаточно стабильного общественного развития изменения в идеологическом влиянии связаны с иными факторами. По мнению Д. Норты, в такие хронологические периоды «роль идеологии возрастает по мере увеличения издержек, связанных с измерением, спецификацией прав собственности и составлением контракта. Если эти издержки достаточно низкие, то не важно, считают ли люди правила игры справедливыми или нет, но именно потому, что издержки спецификации прав собственности и составления контракта высоки, идеология играет не последнюю роль» [4, с. 2–3].

Для анализа отмеченного феномена необходимо предварительно привести определение самого термина «идеология». Понимая, что в современной науке существуют самые различные подходы к дефиниции данного термина, мы в дальнейшем будем использовать подход, получивший наиболее широкое распространение в нашей республике. В его рамках идеология определяется как «социально значимая, теоретически оформленная система идей, в которой отражаются интересы определенных слоев и которая служит закреплению или изменению общественных отношений. Идеология есть объединяющий систематизированный способ социально-группового мышления. Это систематизирующий и интегративный феномен, имманентно присущий современному социально и классово стратифицированному обществу» [11, с. 11].

В ценностно-идеологической сфере можно выделить различные понятийные единицы. Наиболее важное значение имеют такие категории, как «мировоззренческие основания», «ценности» и «идеалы».

Необходимо рассматривать любую человеческую деятельность в качестве совокупности целенаправленных социальных действий, посредством которых происходит радикальное изменение природного бытия, его переход в «очеловеченное» состояние. Согласно такому подходу экономика является одной из форм культуры. Важно подчеркнуть, что каждая культура имеет свои мировоззренческие основания, на которых она строится. Специалисты в области культурологии в качестве основных выделяют два типа культуры: сотериологический (основанный на идее спасения человеческой души после телесной смерти) и эвдемонический (в основе которого лежит идея достижения человеком состояния счастья в земной жизни) [12, с. 5]. С точки зрения М.М. Дунаева, «переходом от первого ко второму в европейской истории стала, как известно, эпоха Возрождения, возродившая именно пристальное внимание к земным сокровищам – и предпочтение их. На Руси это совершалось гораздо позднее» [12, с. 5].

В практической жизни общества одновременно существуют элементы обеих типов культур. Речь, таким образом, может вестись лишь о преимуществе одного типа над другим. Кроме того, по нашему мнению, утверждение российского ученого не в полной мере применимо к эпохе становления капитализма в Западной Европе. В данном случае произошел не переход от сотериологической культуры к эвдемонической, а лишь расширение той сферы человеческой жизнедеятельности, на которую оказывала свое регулирующее влияние сотериологическая культура. В рамках господствующего в средневековой Европе сотериологического мировоззрения экономическая жизнь рассматривалась в качестве сотериологически нейтральной (то есть не способствующей спасению человеческой души). Эвдемоническая же направленность этой жизни считалась греховным проявлением человеческой природы.

Переход к новой религии (а значит, и к новой, господствующей в обществе идеологии) позволил взглянуть на экономическую деятельность с совершенно иных позиций. Дело в том, что в эпоху становления протестантизма была предпринята попытка усиления влияния религии на все сферы обыденной человеческой жизни. Особое внимание уделялось экономике. В рамках протестантского мировоззрения труд окончательно лишился своей сотериологической нейтральности (а соответственно, и некоторой самостоятельности, в небольшой степени присутствующей у католиков) и был провозглашен одним из важнейших средств спасения человеческой души. В результате произошло не уменьшение, а напротив – экстенсивное расширение сотериологической культуры.

Итак, любые мировоззренческие основания для развития частнопредпринимательской деятельности могут носить сотериологический или эвдемонический характер. Автор считает, что в современных исторических условиях Республике Беларусь необходимо выработать такие мировоззренческие основания, которые бы оказались приемлемыми как для носителей преимущественно сотериологического, так и преимущественно эвдемонического мировоззрения. Эти основания не могут иметь ярко выраженный идеальный характер, но, с другой стороны, они не должны быть и чисто материалистическими.

Система ценностей в каждом социуме носит структурно-иерархический характер. Существование же иерархии подразумевает и присутствие некоторого критерия, с помощью которого можно провести сравнительную аксиологическую оценку любого объекта, обладающего с точки зрения данного социума ценностью. Наличие подобного критерия возможно лишь в том случае, когда общество признает что-то в качестве высшей абсолютной ценности, служащей эталонной меркой для иерархического ранжирования относительных. Важно понимать, что с изменением исходного эталона происходят существенные изменения и

во всей аксиологической системе. Сами абсолюты по своей аксиологической природе также неоднородны. В свою очередь их можно разделить на два уровня по степени общности. К первому уровню относятся те, которые применяются без исключения ко всем видам человеческой жизнедеятельности. Во второй лишь те, абсолютность которых имеет значение в границах какой-то конкретной деятельности. Кроме того, с помощью абсолютов первого уровня сами виды деятельности также иерархически структурируются в общественном сознании по своей аксиологической значимости.

Как известно, в период возникновения капитализма в Западной Европе господствовало теоцентрическое мировоззрение, а затем оно было вытеснено антропоцентрическим. Соответственно, вместо Бога абсолютной ценностью по существу стал человек. Что же касается абсолютной ценности второго уровня, то она осталась неизменной. Для частных предпринимателей – это прибыль, без наличия которой никакой бизнес не может существовать в принципе. Для рабочих – это наличие высокооплачиваемых рабочих мест, а для потребителей – разнообразные, качественные и дешевые товары. Все это можно объединить в единое целое с помощью категории «экономическая эффективность».

Для нашей республики экономическая эффективность системы частного предпринимательства также является абсолютной ценностью второго уровня. В этом отношении мы схожи с другими странами. Отличие должно существовать лишь для абсолютной ценности первого уровня. Мы полагаем, что данный абсолют станет восприниматься в качестве такового большинством жителей Беларуси лишь только в том случае, когда будет в потенциальной форме включать в себя элементы как теоцентрического, так и антропоцентрического мировоззрения. В результате люди ярко выраженного теоцентрического мировоззрения сумеют актуализировать из определенной потенции один смысл, а люди антропоцентрического – прямо противоположный.

По нашему мнению, указанными свойствами обладает высшая ценность, о которой неоднократно упоминал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. В качестве таковой глава республики указывал на независимость и суверенитет белорусского государства. Именно данная идея как раз и включает в себя необходимую для развития бизнеса потенциальную амбивалентную направленность. Будучи идеологически обоснованной, она способна стать объединяющим весь народ интеллектуальным феноменом.

Понятие «идеал» по своему объему и содержанию достаточно близко к понятию «ценность». Всякий идеал, с одной стороны, представляет собой тот первообраз, на основе которого и для более близкого достиже-

ния которого строится вся осмысленная человеческая деятельность. Идеал в таком значении представляет собой особую модель, с помощью которой можно сравнить степень приближенности к первообразу реально существующих объектов. С другой же стороны, в нем заключена та самая абсолютная аксиологическая составляющая, что позволяет проводить иерархическое структурирование всей системы ценностей.

Применительно к предпринимательской деятельности наибольшее значение имеют идеалы как этой деятельности в качестве относительно самостоятельного феномена, так и самого частного предпринимателя. Дело в том, что при определенных условиях честное поведение для бизнесмена может быть экономически более выгодным, чем нечестное. Вот почему государство должно способствовать формированию таких условий, для того чтобы изменить господствующий в обществе взгляд на практическую нецелесообразность приближения к идеальному прообразу частного предпринимателя.

Наряду с чисто экономическим необходимо и идеологическое обоснование реальной возможности достижения идеала в сфере частного предпринимательства. Подобное обоснование должно исходить из положения о том, что любой бизнесмен в первую очередь является человеком, гражданином своего государства, и в этом качестве обязан служить стране. Соответственно в качестве такового его необходимо воспринимать и самому государству.

Заключение. Таким образом, в современных условиях «позднего модерна» (термин Э. Гидденса) в мире одновременно существуют не только отдельные общенациональные, но и глобальная идеология. Для анализа данного феномена Э. Гидденс предложил оригинальную категориально развитую и последовательно рационалистическую концепцию современной цивилизации как продукта двух взаимосвязанных процессов глобализации и рациональной детрадиционализации социальной жизни [9].

На наш взгляд, теория Э. Гидденса не в полной мере соответствует реальному положению дел. Во многих странах, активно включившихся в глобализационные процессы, детрадиционализация не получила существенного распространения. Напротив, в них сохранились главные элементы Традиции. Конечно, эти Традиции претерпели некоторую модернизацию, но в целом их системно-структурное ядро сохранилось. Для нашей республики государственную идеологию как раз и необходимо создавать путем диалектического синтеза основных положений многовековой национальной Традиции с новыми идеями, получившими распространение в последние десятилетия. Частнопредпринимательская деятельность (по крайней мере, в некоторых своих формах) не противоречит нашей национальной Традиции,

---

следовательно, для ее идеологического обоснования необходимо дополнить Традицию новыми идеологическими элементами, соответствующими нынешним историческим условиям бытия Республики Беларусь.

Литература

1. Орлов, В.И. Философия бизнеса в обществах переходного типа: монография / В.И. Орлов. – Минск: Экономпресс, 2012. – 288 с.
2. Турен, А. Возвращение человека действующего: очерк социологии; пер. с фр. / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
3. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке; пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО Изд-во «АСТ МОСКВА», 2010. – 222 с.
4. Норт, Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики: лекционное выступление 7 марта 1997 г. / Д. Норт; пер. В.Б. Кутилиной, 2000 // Экономика и финансы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finansy.ru/publ/north.html>. – Дата доступа: 06.09.2010.
5. Мильнер, Б.З. Предисловие научного редактора / Б.З. Мильнер // Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики; пер. с англ. / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 5–11.
6. Норт, Д. Функционирование экономики во времени: Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года); пер. с англ. / Д. Норт // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2004. – № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?ozid=21&oznumber=6>. – Дата доступа: 13.09.2010.
7. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества; пер. с англ. / З. Бауман. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 188 с.
8. Бауман, З. Индивидуализированное общество; пер. с англ. / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
9. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академ. проект, 2005. – 528 с.
10. Туроу, Л. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л. Туроу; пер. с англ. А.И. Федорова. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 1999. – 432 с.
11. Основы идеологии белорусского государства: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 491 с.
12. Дунаев, М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках / М.М. Дунаев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 1056 с.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Конституирование социальных смыслов исторической памяти в контексте принципов феноменологического реализма

Малахов Д.В.

Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск

В условиях современного развития социума актуализация исторической памяти рассматривается в качестве форм конституирования лично и социально значимых смыслов.

Цель статьи – выявить структуры и специфические контуры конституирования социального смысла исторической памяти интенциональным сознанием.

Материал и методы. *Материалом исследования выступают методологические и онтологические принципы феноменологического реализма. Используются феноменологические и общелогические методы научного познания.*

Результаты и их обсуждение. *Феноменологический реализм определяется исходя из единства имманентного и трансцендентного содержания интенционального сознания, различающего смысл в модусах ноэтического переживания и ноэтического конституирования. На основе анализа особенностей интенционального и неинтенционального понимания онтологической специфики феноменальной сферы определяется эвристика феноменологического реализма для теории и практики актуализации исторической памяти.*

Заключение. *Негация трансцендентного сознанию сущего события в модусе его достоверной феноменальной данности в неинтенциональной феноменологии не может выступать в качестве принципа социального конституирования. Конститутивная активность интенционального сознания, рассмотренного в контексте принципов феноменологического реализма, обеспечивает единство исторической памяти о событии прошлого в контексте его личного и социального смыслополагания.*

Ключевые слова: *феноменологический реализм, социальный смысл, историческая память, сознание, интенциональность, феномен, переживание, ноэзис, ноэма, имманентная трансцендентность.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 94–101)

Constitution of Social Meanings of Historical Memory in the Context of the Principles of Phenomenological Realism

Malakhov D.V.

State Scientific Institution (SSI) "Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk

In the context of the modern development of society, the actualization of historical memory is considered as forms of constituting personal and socially significant meanings.

The purpose of the article is to identify the structures and specific contours of the constitution of the social meaning of historical memory by intentional consciousness.

Material and methods. *The material of the study is the methodological and ontological principles of phenomenological realism. Phenomenological and general logical methods of scientific cognition are used.*

Findings and their discussion. *Phenomenological realism is determined on the basis of the unity of the immanent and transcendental contents of intentional consciousness, which distinguishes the meaning in the modes of noetic experience and noematic constitution. Based on the analysis of the features of the intentional and non-intentional understanding of the ontological specificity of the phenomenal sphere, the heuristics of phenomenological realism is determined for the theory and practice of actualization of historical memory.*

Conclusion. *The negation of a transcendental event in the mode of its reliable phenomenal givenness in non-intentional phenomenology cannot act as a principle of social construction. The constitutive activity of infantile consciousness, considered in the context of the principles of phenomenological realism, ensures the unity of historical memory of the event of the past in the context of its personal and social meaning-making.*

Key words: *phenomenological realism, social meaning, historical memory, consciousness, phenomenon, intentionality, experience, noesis, noema, immanent transcendence.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – 94–101)

Историческая память существует в сознании в качестве проявляющего, дающего себя личностного и социально значимого смысла. В этом утверждении заключается основной посыл настоящей работы. Самоданность события в человеческой памяти обуславливает «живость», «жизненность» последней; в случае рассмотрения прошлого как индифферентного к познанию и собственной актуализации исторически-событийного «субстрата» памяти, конституирование его истинного смысла представляется невозможным. Как будет показано далее, феноменологическое схватывание смысла отличается от формирования комплексов *представлений* о событии прошлого, а его конституирование – от непосредственного аналогизирующего переноса извлекаемого из прошлого смысла в социальное пространство. В соответствии с жизненной интуицией мы понимаем, что акт надления смыслом имманентен человеческому мышлению и праксису. Вместе с тем мы испытываем серьёзные затруднения с общезначимой дефиницией самого понятия «смысл».

Цель статьи – выявить структуры и специфические контуры конституирования социального смысла исторической памяти интенциональным сознанием.

Материал и методы. Понятие смысла имеет множество коннотаций, сама специфика этого термина не позволяет редуцировать его к комплексу однозначно употребляемых значений. С высокой степенью достоверности можно заключить, что понятие смысла темпорально опосредовано, т.е. может быть определено только в контексте *историчности* мышления и социально-культурных контекстов человеческого бытия. Но означает ли это, что понятию «смысл» неизбежно *присущ* релятивизм? Из истории возникновения феноменологии известно, что это не так. Согласно Эдмунду Гуссерлю, смысл абсолютен и неизменен, релятивизм неизбежен лишь в *естественном* модусе мышления, основными чертами которого выступают психологизм и натурализм. Речь идёт о синкретическом, наивном в контексте существования эмпирического Я и элиминации из процесса познания специфических комплексов *переживаний*, которые являются источником конституирования комплексов смысловых единств в феноменологии. Отсюда возникает проблемное поле настоящей работы: что представляют собой *переживания* смысла в структурном плане, каков их статус в аспектах социальной онтологии и социальных форм актуализации исторической памяти в практиках коммеморации? Для прояснения данных проблем мы рассмотрим базовую для феноменологии структуру интенционального сознания, в рамках которой осуществляется субъективное и интересубъективное смыслополагание. Интенциональная структура при этом выступает своего рода критерием истинности социальных контекстов смыслообразования в отношении отдельных проектов т.н. *неинтенциональной* феноменологии, что найдёт своё обоснование по ходу исследования.

Результаты и их обсуждение. Рассматриваемый в контексте классического феноменологического по-

нятия интенциональности, смысл не является *естественным* продуктом разума, его опора на трансцендентную предметность объективной реальности носит сложный, опосредованный характер. В гуссерлевском проекте феноменологии трансцендентность означает подлинную вещную реальность мира, но в конститутивном плане она оказывается вторичной по отношению к интенциональным актам и предметам конституирования. Априорно первичной полагается именно *ноэзо-ноэзматическая* структура интенциональности, актуализируемая особыми процедурами, именуемыми «воздержанием от суждений», или «эпохе» (*Ἐποχή, Epoche*) и «заключением мира в скобки» (феноменологическая, или трансцендентальная, редукция). Значение феноменологической редукции заключается в выведении сознания субъекта познания как эмпирического Я за пределы естественного познания и полагания мира, не требующего выделения специфического *эгологического* слоя сознания, в установку, в которой присущие ему, эмпирическому Я, переживания естественно данной онтологической истинности устройства миропорядка радикально проблематизируются и центрируются в модусе Я трансцендентального. При этом и данный момент является определяющим для феноменологического реализма, естественное сознание эмпирического субъекта познания, непосредственно связанное с трансцендентностью сущего, не отменяется, но восполняется новым онтологическим измерением *чистого* сознания, в котором естественные переживания трансцендентности мира (впечатления, восприятие, эмоции) редуцируются к переживаниям, связанным с возникновением *имманентного сознания феномена* как формы явленности, или данности, сущей вещи, *отличного* от её объективно наблюдаемого и трансцендентного сознанию образа. Вследствие этого возникает действительно новое онтологическое измерение *отношения* сознания и мира, известное как *имманентная трансцендентность*.

Одновременно с осуществлением феноменологической редукции в сознании возникает интенциональная структура, в которой акты, или переживания, «схватывания» феномена сущего как его, сущего, смысла, т.е. «направленности на интенционально осознаваемое» [1, с. 71] в предмете, скоррелированы с интенциональными предметами как конституируемыми сознанием идеальными комплексами значений (*сущностями, эйдосами*), или целостным смыслом. Данное различие, при котором сознание удерживает в единстве собственные переживания данности смысла сущего и акты его идеального конституирования именуется *ноэзо-ноэзматической* структурой различённого единства мыслительных актов и мыслимого содержания, где «ноэзис» (от *древнегреч.* νοεσις – «мышление», «умозрение») обозначает интенциональные переживания, в то время как «ноэзма» (от *древнегреч.* νοεμα – «мысль», «содержание мышления») обозначает идеальные предметы, единство которых конституируются чистым сознанием *исходя из* ноэтических актов.

Таким образом, имманентное и трансцендентное содержания связаны между собой и существуют как *имманентная трансцендентность*. Важно отметить, что онтологический статус естественной установки сознания в полной мере сохраняет значение координации необходимого трансцендентного миропорядка, данного сознанию в качестве исходной *синтетической* формы, т.е. априорного *единства* сущего, имея в виду которое чистое сознание трансцендентального Я формирует единство *своих* конститутивных ноэматических синтезов. Единства эти не тождественны, но определённым образом сопряжены между собой, коррелятивны друг другу.

Подобный подход к соотношению трансцендентности и имманентности образует *реалистический* модус феноменологии. Справедливости ради следует отметить, что указанное направление оценивается в истории феноменологии неоднозначно, подтвердить или опровергнуть его методологические позиции с ассерторической достоверностью не представляется возможным, поскольку многие фрагменты сочинений основателя феноменологии, непосредственно относящиеся к данной проблеме, имеют поливалентные позднейшие интерпретации. Вместе с тем существуют веские основания рассматривать феноменологический реализм в качестве действенного методологического принципа, образуемого такими константами феноменологии, как трансцендентный порядок дорефлексивного восприятия при конституировании имманентной временности и, как было сказано выше, ноэматическое конституирование идеальной предметности при постоянной *корреляции* между ноэтико-ноэматическим единством и единством трансцендентного, реального сущего. В значительной мере сам Гуссерль посредством уточнения смысла первоначального нерелексивного впечатления, или трансцендентной «материи» восприятия (*hyle*), внёс серьёзные коррективы в мысль об абсолютно трансцендентальном характере конститутивного процесса: «Нерелексивное окружение необходимо. К нерелексивному окружению с необходимостью относится гиле, и мы можем говорить об относящихся к необходимой сущностной форме сферы внутреннего гилетического окружении в качестве безусловной первой необходимости. Ни одна точка имманентного времени невозможна без этого первого объективного содержания, как и никакое Теперь в ориентированном имманентном времени без гилетического прото-впечатления, которое затем переходит в (ретенциальные и протенциальные) модификации необходимой, конституирующей гилетические временные предметы (*Zeitgegenstände*) жизни» [1, с. 161]. В дальнейшем мы проиллюстрируем ещё один весьма существенный для конституирования социальных смыслов исторической памяти принцип, связанный с особенностями самой феноменальной сферы.

В целом в феноменологическом реализме как имманентно-трансцендентном единстве интенционального сознания и сущего понятие смысл может быть дополнено следующими чертами.

Во-первых, переживания смысла носят интенциональный характер, т.е. направлены на предмет познания как на *иное* по отношению к сознанию, но в весьма специфическом смысле. Трансцендентный объект, или трансцендентное событие, *присваивается* сознанием в качестве имманентного ему феномена, т.е. становится его достоянием и условием его, сознания, *жизненно-сти*. Именно к превращению сегментов мира в феномены (а вовсе не их «отмену»), т.е. в способы их данности сознанию, и стремится феноменология. Хавьер Субири, к примеру, настаивает на первостепенной важности новой онтологической сферы переживаний трансцендентального Я, осуществляющего имманентизацию феноменов как *сосредоточения* в себе феноменальной предметности: «Все переживания суть *мои* переживания то есть переживания моего *ego*. *Ego* – не внешний субстрат переживаний, а их субъективный полюс. *Ego* и его переживания суть соотносительные термины: все переживания – мои, то есть принадлежат *ego*; и наоборот, *ego* всегда означает только то, что “я пребываю в переживании как вот это или вон то”» [2, с. 177]. Согласно же Мартину Хайдеггеру, феноменологическая «коррекция» онтологического статуса трансцендентной предметности означает акт присвоения сущего сознанием как имманентно-онтологического достояния: «Познание в обладании воспринятым, т.е. в знании, обладает познанным, сохраняет его в качестве своего достояния, причём даже тогда, когда не обращено к нему актуально» [3, с. 170–171]. Это означает, что переживание собственного (*при-своенного*, *при-обретённого*) интенционального отношения к предмету познания фундирует не только сознание субъекта научного познания в привычном смысле этого слова (представляющее, экспериментирующее, исчисляющее, конструирующее теоретический образ реальности сознание), но тип мышления, которое *про-живаёт* предмет познания в качестве абсолютно значимого условия собственного бытия.

Во-вторых, дефиниция смысла как единства феноменологических переживаний и конституируемых на их основе систем значений подразумевает, что смысл инициируется *самими* вещами, событиями, формами существования как преданными трансцендентальному опыту сознания трансцендентными *единствами*. Релятивизм в данном случае возможен настолько, насколько несовершенным образом сознанием имманентизируются собственный и единый порядок самораскрытия сущего в качестве его, сознания, феноменов. Критерием того, что смысл не превращается в фантазию, произвольно конструируемую систему значений и образов, является реализация в процессе познания сложной *системы корреляции* способов самоданности вещи сознанию, ноэтических переживаний, ноэматических актов конституирования и последовательно выполняемых актов их «возвратного» соотношения с формами самоданности сущего. Данный порядок корреляции именуется «эйдетической» редукцией и призван обеспечить гносеологическую достоверность и единство жизни интенционального сознания [4, с. 386].

В-третьих, необходимо выделить intersубъективный, т.е. собственно социальный, аспект смыслополагания. Интенциональная структура, актуализирующая для сознания его абсолютную онтологическую значимость, зачастую именуется Гуссерлем *жизнью* сознания. «Жизнь» в данном случае означает реализацию сознанием имманентного творческого акта, в котором осуществляется смыслополагание как полагание способов бытия феноменов вещей, событий, других сознаний и, следовательно, социума. Иначе говоря, сознание наделяет смыслом *сущие феномены*, а, значит, и определённые модусы существования самого сущего. Трудно отрицать, что интенциональному сознанию и его онтологическому «средоточию» – трансцендентальному Я – недоступно творческое полагание самой жизни как субстанциальной формы: человек не в состоянии субстанциально воспроизвести акт творения или эволюции жизни и мышления. Вместе с тем не подлежит сомнению, что в актах *со-переживания* человек в состоянии полагать не *что*, а *как* иного бытия и мышления. Действительно, наделяние смыслом деятельности ученика в педагогическом процессе или высшим смыслом в акте дарения или любви изменяет *формы существования* иного сущего, переживающего своё бытие как имеющее смысл. В феноменологии (и не только в феноменологии) эти модусы бытия-как зачастую рассматриваются в качестве *вос-полняющих* бытие иного сущего, создающих экзистенциальный *пре-избыток переживаний-смыслов*, актуализирующих его силы, желания, побуждения, стремления, размышления.

Зададим вопрос: возможно ли конституирование переживаний в контексте наделяния смыслом феномена исторической памяти и его социальной значимости? Исходя из вышесказанного, возможность подобного конституирования представляется вполне реальной и обоснованной. При этом, генезис феноменологической философии показывает, что проект интенциональной феноменологии в аспекте её социального конституирования претерпевает серьёзные и, в значительной степени, фатальные изменения, ставящие под сомнение саму возможность осуществления сознанием достоверного феноменального схватывания смысла. Разрыв интенциональной структуры сознания, как мы увидим далее, приводит к трудно поправимым, хотя и неизбежным, последствиям, выражающимся в маргинализации смысла социального конституирования. Истоком рассматриваемого явления, на наш взгляд, выступает манифестация *фантазии* как неинтенциональной формы социального конституирования, результатом чего становится гносеологическая *недостоверность* социальных конструктов в плане неразличимости в них способов данности смысла и способов его конституирования, а также синкретизм социально обусловленных переживаний и предметной сферы социального конституирования. С целью прояснения данного тезиса обратимся к отдельным проектам неинтенциональной феноменологии в контекстах, имеющих отношение к исторической памяти.

Если возможность трансцендентного несуществования предмета в интенциональной феноменологии (скажем, кентавра) предполагает своего рода санкцию на *интенсификацию* ноэтического аспекта жизни интенционального сознания, в котором коррелятивный ему ноэтический образ предмета не разрывает связи с образами реальной предметности, утверждая их в синтетическом модусе *их же* чистой модальности [5, с. 62] (к примеру, рассмотрение кентавра как образной формы схватывания чистой возможности сопряжения двух онтологически различных начал в одной субстанциальной форме), то в неинтенциональной феноменологии несуществование феномена как реального сущего становится своего рода *уделом, судьбой* феноменов, мышления и, как следствие, конструктивных социальных практик. К примеру, в проекте неинтенциональной феноменологии Марка Ришира описывается особый тип феноменов, приводящихся фантазией субъекта к формам явленности *собственного бытийного несуществования*. Процедура, в результате которой феноменальность обретает указанную черту, именуется *мерцающим эпохе*, которое «приостанавливая всё само собой разумеющееся, изначально при помощи некоей уловки рассматривает всё данное в явлении как некий более или менее согласованный сон, близкий скорее “режиму” “дикой” (в смысле “безудержной”) фантазия, чем образному сознанию, в основе которого уже лежит определённый тип учреждения (Stiftung)» [6, с. 216]. Посредством такого «мерцающего» воздержания от суждений субъект фантазии переходит не к феноменологической, а *архитектонической* редукции, выступающей следующим шагом на пути к сопряжению сознания и феноменов, которые, в результате проведения указанных процедур, теряют онтологически определённую интенциональную («различённость в единстве») значимость *друг для друга*: «Судя по всему, посредством этого приёма, хотя и отличного от гуссерлевского уничтожения мира, но тем не менее близкого к нему, мы оказываемся в неустойчивости, в *тени-не-бытия*. Измышление, Fingieren означает в данном случае скорее некую уловку, чем “воображение”, и противопоставляется тем самым Fingieren Гуссерля» [6, с. 216].

Действительно, трудно оспорить тот факт, что гуссерлевские фантазия или воображение имеют много общего с воображением научного типа, целью которого является всестороннее раскрытие предметной области посредством комплексов гипотетических предположений. Однако гуссерлевская трансцендентальная редукция отнюдь уничтожает мир, как это представляется Риширу, но, о чём говорилось выше, *вос-создаёт* его в чистой эгологической сфере имманентных сознанию феноменов, в которой сущий мир переводится в ранг феноменальной *собственности* сознания. Но *что* можно подтвердить или опровергнуть сознание в «феноменальном» универсуме *организованного им же, сознанием*, феноменального не-сущего – своеобразного царства игры сумрачного света

в деформированных зеркалах, порождающих подобия подобий образов своего собственного сознания и другого сущего? Такая схема *неинтенциональной* феноменологии бесспорно результативна в отношении конституирования индивидуальных творческих состояний, эвристики экспериментальной психологии и психиатрических практик. Она, по-видимому, оказывается успешно реализуемой в социальном конструировании определённого типа, а именно *маргинализации* смыслов социального действия, размывающей рациональные основания социального бытия. На наш взгляд, это тот случай, когда сознанием легитимируются абсолютно произвольные и не подлежащие достоверному обоснованию формы его самотрансцендирования, будь то социальные конструкты, квазинаучные концепты знания или теории и практики коммеморации. Интеллектуальная изощрённость выступает в данном случае своеобразным критерием трансцендирования фантазий, а по сути – *не-сущих фантомов*, в социальную эпистемологию в качестве конституирующего элемента смыслополагания.

Хотелось бы обратиться к примеру, который, вероятно, приобрёл в социальной философии характер притчи. Речь идёт о действительно *дикой* фантазии, конструируемой общественное сознание и практику социального реваншизма в движении *Black Lives Matter*. В тотальной социальной хаотизации, привнесённой этим движением, актуализация исторической памяти об эпохе рабовладения в южных штатах Америки до 1865 г. осуществлялась в контексте неопосредованного *аналогизирующего* переноса «смысла» рабовладения на чернокожее население современных США. С точки зрения социокультурной самоидентификации подобный перенос означает, что современными наследниками и правопреемниками чернокожих рабов *естественным* образом становятся американцы именно этого цвета кожи, несмотря на то, что в аспектах своего правового статуса, норм поведения, социальных перспектив и факта гражданства они никоим образом не воспроизводят социальную и экзистенциальную тотальности своего *протообраза*. Их самоидентификация в качестве наследников в действительности носит фантазийный, феноменально *не-сущий* характер конструируемого, но с достоверностью не переживаемого единства судеб. Примечательно, что манифестируемые в рамках данного социально-политического движения требования милосердия, справедливости и равенства не распространяются на всех тех, кто действительно испытывает на себе социальное неравенство и насилие, но не является чернокожим. Социальный же смысл действий по актуализации памяти, к примеру, уничтожение памятников военачальникам армии Юга и Христофору Колумбу основывается на *современных* переживаниях неравенства как его *неестественности* в ретроспективе результатов гражданской войны 1861–1865 годов. В целом же социальный смысл движения *BLM* зачастую имеет вид *мест* как *превращённой формы* памяти, притом, что социальная

и экзистенциальная тотальности жизни чернокожих рабов переносятся на современное чернокожее население США механически, по формальному признаку, который в контексте маргинальных социальных действий манифестируется как сущностный.

Указанный пример иллюстрирует общую тенденцию, присутствующую в современных западных формах актуализации исторической памяти. Наследование историческому событию или людям, осуществившим судьбоносные для истории деяния, принимается в контексте фактов воспроизведения события или повествования о конкретных судьбах в знаково-символических формах коммеморации, а также конструирования памяти как комплексов музейно-мемориальной культуры, причастность к социальным действиям в отношении которой служит подтверждением социальной «имманентизации» события. Между тем, подобная актуализация зачастую основывается на естественном, внешне мотивированном характере усвоения памяти. Трансцендентность события не рефлексируется в качестве смыслового *единства* сознания, экзистенции и социальной сферы посредством методологии воспитательно-образовательного процесса, деятельности социальных институтов или принципов семейного воспитания, т.е. нормативность форм актуализации исторической памяти преобладает над их императивными формами. Иными словами, событие не становится внутренним достоянием личности и социума (вспомним цитируемые выше слова Хайдеггера о *при-своении* предмета знания), воспроизводимым по образцу интенционального различения смысла в схватываемых историческое событие переживаниях и в конститутивных порядках его осовременивания внутренним сознанием временности.

Следует уточнить, что приведённая выше схема *неинтенциональной* организации феноменальной сферы, будучи позитивно эффективной в отношении психологии творчества, хотя и в весьма специфическом контексте, в гносеологическом плане может быть справедливой разве что в качестве экспликации *момента* мышления, переживающего собственную доксихескую ограниченность, но вряд ли может рассматриваться в качестве примера научно-философского мышления, цель которого состоит в приобретении достоверного знания – будь то знание о конститутивных структурах сознания или о законах физического универсума. Можно сказать, что вещи в качестве феноменов выводятся не *в свет* достоверности переживаемого и конститутивного сознания временности, как в классической феноменологии, а низводятся до уровня *вне-временного*, или *все-временного*, *не-сущего* – темпоральной *тени* сущего/события. И хотя Рихтер манифестирует весьма заманчивые перспективы раскрытия горизонтов сознания, следовало бы задать вопрос, в какой мере эти горизонты могут считаться деструктивными для сознания и социального конституирования? Иными словами, не призываемся ли мы к тому, чтобы, заменив предметный интенциональный

акт схватывания и переживания на *сон о не-сущем* феномене-симулякре, как бы возводящем феноменальную сферу к своей непостижимой *протоданности*, раз и навсегда отказаться от достоверных предметных корреляций личностного и социального смысла? И что именно означает подобная трансформация «предпочтений» в социально-культурном измерении, особенно в отношении феномена исторической памяти?

Полагаем, что социальная актуализация памяти о событии, которое присутствует в сознании в ранге *не-сущего* феномена в результате деятельности *самого же* сознания, обречена на ситуативность, избирательность, релятивизм. Осмелимся предположить, что подобный род памяти будет фиксировать смутные представления о подлинных смыслах событий – их *оболочки*, из которых будет элиминирован *единый* смысловой компонент истории, сосредоточенный в *конкретном* времени и пространстве события. Наше предположение может быть отчасти подтверждено судьбой выдвинутого исходя из принципов интенциональной феноменологии требования Поля Рикёра об организации институционального воплощения в пространстве послевоенного европейского социума «обликов искупления» [7, р. 126]. Ход искупления, которое действительно потребовалось после того, как стали известны подробности осуществлённого нацистами и их пособниками Холокоста и масштабы соучастия в нём «просвещённого» европейского человечества, привёл к трансформации социальных смыслов обликов искупления в *превращённые формы*, воспроизводящие не факты и горизонты нравственного искупления вины в контексте парадигмы ответственности за будущее человечества, но формы социально-политического конструирования *перераспределения* исторической вины. Так, виновником современного военно-политического и социально-экономического кризиса признаётся не сформировавшийся с молчаливого согласия коллективного запада в отдельных регионах постсоветского пространства радикальный национализм и неонацизм, в рамках которых марши легионеров-ветеранов СС воспринимаются в качестве легитимной формы коммеморации, а российская и белорусская государственности, в отношении которых потребность в искуплении выступила индифферентными, если не сказать враждебным, конституентом исторической памяти и социально-политической реальности. Осознание нацизма как чудовищного исторического прошлого Европы, таким образом, трансформировалось в призрачный и ситуативно актуализируемый социальный и ценностно-мировоззренческий феномен, основным содержанием которого выступает произвольно трактуемая «борьба с тоталитаризмом», не имеющая ничего общего с универсальным характером искупления.

Возникают сложные и важные для современного белорусского и российского социума вопросы. Какова духовная, или, лучше сказать, ментальная природа социальной актуализации феноменальности подобного типа? С каким событием она осознанно или неосоз-

нанно вступает во внутреннюю связь? Что является целью вызывания к жизни феноменов подобного, *безжизненного*, типа? И, наконец, что представляет собой тип мышления, определяющий социально-культурную нормативность предметной развоплощённости и неопределённости смыслов?

С нашей точки зрения, целью выступает конструирование особой формы социального сознания, обеспечивающего режим функционирования интеллектуальной и экзистенциальной *страстности*, основанной на поглощённости сознания *фантазийно, фантомно* организуемым *им самим* феноменально *не-сущим* универсумом смысла. Как известно, страсть преобладает там, где её предмет не дан в обладании, т.е. не существует в действительности. Предмет страсти недостижим или труднодостижим, но вожделен как «повелитель» самой страсти, к примеру, господство и власть в различных формах, жажда искупления эфемерной или реальной вины. Тогда страстность сознания как бы делегирует, перепоручает формы призрачного существования *своих* феноменов личностным и социальным формам бытия, трансцендирует их как сущие, достоверные, эталонные. Сознание, тем самым, оказывается в состоянии осуществить своего рода *нисхождение в антими́р*, в котором смыслы вещей, самости, людей, событий существуют в «эмбриональном» модусе *прото-феноменальности*, но не в состоянии родиться в качестве доступных достоверным схватыванию и имманентизации сознанием, т.е. не могут быть обнаружены в модусах данности в актах интенционального переживания. Эти *прото-феномены* вещей, самости, людей, событий оказываются в принципе недоступны для интенционального сознания, изолированы от него, поскольку схватывать в них просто нечего, поскольку не может быть самоданности сознанию того, что не имеет под собой подлинной, конкретной, сущей реальности, что «смонтировано» самим сознанием. Таким образом, сфера феноменов, обеспечивающая в интенциональной феноменологии извлечение смысла посредством самораскрытия сущего, в феноменологии *неинтенциональной* превращается в сферу *подавления* порядков самораскрытия сущим, а в нашем случае – сущего события, своего смысла, восполняемого далее в конститутивной нозматической достоверности.

Какие порядки социального конституирования скрывает в себе *неинтенциональная* страстность, или, по точному выражению Анри Мальдине, *сверх-страстность* сознания? Мальдине, к примеру, говорит о весьма необычном истоке и катализаторе сверхстрастного состояния сознания в отношении психически больного человека – таинственном «немислимом», которое, как *не пережитые* история, опыт или память, пронизывает личностное бытие [8, с. 194]. Преобладание в сознании фантомных феноменов сущего является, как известно, признаком психопатологии. Однако Мальдине в действительности эксплицирует глубокую философскую мысль о том, что сверхстрастность сознания обуславливается

необходимостью в укрытии, охранительном чувстве *гомогенности* окружающего его и конституирующего его социального пространства. В этом пространстве, как в телесной полости матери, для сознания-эмбриона не существует нетождественной, внутренне разделённой реальности, к примеру, реальности разделения на субъект и объект, феномен и феноменальность или, в контексте нашей темы, переживания смысла и конституирования его идеальной формы. Тогда подобная эмбриональная онтология феноменов, которую Ришир полагает посредством процедур мерцающего эпохе и архитектурной редукции, может получить весьма необычное сопряжение с эмбриональным состоянием самого социального сознания и, шире, человеческого существования. Получается, что сверхстрастное состояние сознания выступает экспликацией непреодолимой им внутренней потребности в гомогенности, в т.ч. и в первую очередь конструктивной гомогенности события и памяти о нём.

Сверхстрастность в таком контексте означает, по всей видимости, *само*-страстность претерпевающего сознания – существование в ситуации внутреннего *разрыва*, в котором страсть к бытию как желание прожить жизнь сталкивается с невозможностью данную страсть осуществить. И хотя термин Ришира «мерцание» непосредственно не связан с указанной работой Мальдине, он весьма точно, на наш взгляд, отражает характер деятельности сознания, перенаправляющего свою страстность в пространства различных «эмбриональных полостей» в поисках лакун. Согласно Мальдине, осуществление жажды бытия сознанием предполагает необходимость в сверхстрастной попытке помыслить то самое *личностно-историческое* «немыслимое», а в парадигме феноменологии это означает ни много ни мало, как необходимость *пережить* его, получив благодаря *осуществлённым* актам переживания возможность и право прожить собственную жизнь [8, с. 194]. Тогда внутренний социальный нерв *неинтенциональной* феноменологии предстаёт в ином, более сложном и неоднозначном свете: сознание *просто не располагает* той интенциональной структурой, в рамках которой оно могло бы *схватить* и *пережить* «немыслимое» как определенный им же, «немыслимым», смысл.

Судя по тому, что Мальдине выходит за рамки экспликации психопатологических состояний, таинственное «немыслимое» не связано лишь с неуловимой основой *лжепредметной* навязчивости шизофренического сознания. Дело в другом – в самом бытии, самой историчности, самом прошлом человечества, и человечества именно европейского. «Немыслимое» – это *сама* причина, *сам* исток борьбы человека с открывающейся перед ним «пропастью» бытия. Историчность «немыслимого» рисуется Мальдине следующим образом: «...ни одно поколение не является обладателем бытия. Отношение ребёнка и матери – не исток, а выражение первой, изначальной и постоянной зависимости, в которой самость страстна, подвержена

самому бытию. Бытие являет себя в форме или, точнее, в бесформенности пропасти только в том случае, если самость, страстная бытию, а значит, и бесконечному, ещё не расплатилась за бытие, просуществовав его. Поскольку агония – это борьба, точнее, борьба с пропастью, борьба против агонии является формой агонии, которая не может устранить пропасть, не преобразовав её. Падение в пропасть имеет место в прошлом, которое не является ретенцией [момента] настоящего, имевшего место в истории, ни оторвано от него в результате разрыва ретенциональной цепи. <...> Будучи зависимым от абсолютного прошлого, лежащего в основе времени нашей истории, мы страстны бытию, которое предшествует самости и ускользает от всякого наброска. Оно есть основание, воздействию которого я подвергаюсь и которое не могу предвидеть. Его неотложность не может ждать какого-либо *a priori*. Тому, кто парит над пропастью – подобно своему отражению в зеркале, – может быть знаком ужас, но не дух» [8, с. 195].

Но чем может быть это «немыслимое» в действительности? С нашей точки зрения, оно имеет *историческое* измерение, затрагивает глубинные архетипические слои личности и культуры, актуализирующие в европейской истории «чудовищные» формы деяний. Оно повествует об имплицитно присутствующем в европейской истории и, пожалуй, европейском духе *преступлении*, совершение которого вновь и вновь ставит европейского человека перед «бездной» необходимостью рефлексии о *собственном* преступлении и невозможности эту рефлексию осуществить в полной мере, поскольку *ужас застилает зрение духа*. Речь может идти как о «метафизическом» преступлении – интеллектуальном *уничтожении* трансценденции [9], так и о вполне реальных преступлениях против человечности, совершённых в недавней истории. Примечательно, что Ульрих Бек недвусмысленно указывает на осознание исторической вины за Холокост как на конститутивную парадигму социально-культурной жизни современной Европы [10, с. 69]. Если принять утверждение Бека как имеющее под собой основания, то стремление европейских мыслителей трансформировать феноменальную сферу столь радикальным образом представляется *вынужденным* социально-философским проектом, *необходимой* уловкой разума, и в этом Ришир, безусловно, прав. В противном случае достоверное переживание подобного события и своего места в нём в модусе его интенционально данного смысла превращается в *непереносимое* для сознания переживание, приводящее к личностной и социальной фрустрации. Возникающая перспектива тотального самоосуждения, за исключением, естественно, бесчувственной памяти, может быть преодолена, пожалуй, лишь на уровне проективной социальной онтологии и в пространстве намерений. Обнаружить же подлинные действенные формы социально-культурного преодоления негативного наследия памяти, даже в институциональном конституировании обликов

искупления, оказывается гораздо труднее вследствие неизбежного, судя по всему, превращения их в отчуждённые, индифферентные к истине события социальные доминанты и образы настоящего.

С феноменологической точки зрения неинтенциональная установка облечённого страстью сознания означает, что сознание в беспрецедентном темпе наращивает не опосредованные интенциональным различием смыслов негативные корреляции с прошлым. Предельно негативный смысл исторической фактичности, диктующий тотальное присутствие форм *Немыслимого* в культуре, не может быть оторван, отличён от смысла конститутивного, универсального, воплощающего в себе фундаментальные интенции историчности духа и человечества. В этом случае негативность прошлого диктует порядок трансформаций сознания, культуры, социума, в которых «опосредующий момент становится самостоятельным, претендует на место непосредственности и превращается в ложную форму таковой – неопосредованная непосредственность есть “возвращённая регрессия”, тщетность ложной самоидентификации. Такая инверсия является причиной тавтологичности и несостоятельности современных “идентификаций”, какой бы области познания и бытия они ни касались» [11, с. 112–113]. Тогда поглощённость *сверх*-страстного сознания своим немислимым истоком эксплицируется в социальном плане «болезнью духа» – осознанием растерянности, которая, как верно отмечает М.А. Шкепу, «охватила современный мир перед его смысловым распадом», уникального своей «превращённостью в наличное бытие негативности основания истории и культуры» [11, с. 112].

Заключение. Интенциональная структура извлечения и конституирования социального смысла представляется необходимым условием актуализации исторической памяти в отношении тех форм государственности и социального устройства, которые не испытывают на себе её *гниёта*. Если поглощённое *не-сущей* феноменальностью события сознание оказывается не в состоянии отличить негативные смыслы фактичности прошлого от его истинного, лишённого *естественного* присутствия негативности смысла, то интенционально организованное сознание предпринимает именно такой шаг, различая естественные и трансцендентально-эгологические, ноэтические и ноэматические способы смысловой данности и конститутивные горизонты смыслополагания события прошлого. В этом случае историческая память актуализируется имманентно-трансцендентным образом, осознание смысла события не подвергает деструкции темпоральное и ценностное *единство* памяти как памяти *об одном и том же* событии. Можно сказать, что интенциональная перспектива задаёт формам актуализации исторической памяти новое, в значительной

степени историософское, *вос*-полнение исторической фактичности смыслом бытия-как и бытия-для-чего рассматриваемой фактичности. Подводя итог, хотелось бы назвать читателю нашу работу, посвящённую феноменологической герменевтике события Холокоста [12], в которой предлагается способ установления интенционального единства феноменально данного и конститутивного смысла этого события.

Литература

1. Гуссерль, Э. Бернау-манускрипты о сознании времени (1917/1918) / Э. Гуссерль // Феноменология времени; пер. с нем. Г.И. Чернавина; под ред. М. Белоусова. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – С. 43–173. – (Сер. «Феноменология: Современные переводы»).
2. Субири, Х. Пять лекций по философии / Х. Субири; пер. с исп. Г.В. Вдовиной. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 200 с.
3. Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер; пер. с нем. Е.В. Борисова. – Томск: Изд-во «Водолей», 1998. – 384 с.
4. Штрёкер, Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки / Э. Штрёкер // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада (хрестоматия); сост., пер., вступ. ст., введ. замеч., ком. А.А. Печёнкина. – М.: Логос, 1996. – С. 376–392.
5. Васюков, В.Л. Формальная феноменология / В.Л. Васюков. – М.: Наука, 1999. – 223 с.
6. Ришир, М. ‘Елохл, мерцание и редукция в феноменологии / М. Ришир // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская; пер с фр. Г.И. Чернавина. – М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2014. – С. 209–226. – (Философские технологии).
7. Ricoeur, P. History and Truth / P. Ricoeur. – Chicago: Northwestern University Press, 1965. – 333 p.
8. Мальдине, А. О сверхстрастности / А. Мальдине // (Пост) феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами; сост.: С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская; пер с фр. С.А. Шолоховой. – М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2014. – С. 151–203. – (Философские технологии).
9. Бодрийяр, Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – 347 с. – (Сер. Фигуры философии).
10. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
11. Шкепу, М.А. Феноменология истории в трансформациях культуры: монография / М.А. Шкепу. – Киев: Книжное издательство НАУ, 2005. – 360 с.
12. Малахов, Д.В. Феноменологическая герменевтика события Холокоста на основе «Tenebrae» Пауля Целана / Д.В. Малахов // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2022. – № 1. – С. 196–202.

Поступила в редакцию 26.04.2022

Харизма как элемент конструирования имиджа

Чикиндин М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В современном информационном обществе возрастает роль знаково-символических структур, выступающих основой социальных взаимодействий. Одним из семиотических проявлений этого является имидж политического лидера. В данной статье мы проанализируем его харизматическую составляющую и ее влияние на восприятие образа того или иного лидера.

Цель исследования – выявить уровень влияния харизмы на реализацию программы построения имиджа, пояснить ситуативную обусловленность харизмы в процессе восприятия лидера в массовом сознании и экспектации граждан.

Материал и методы. *В качестве материала исследования использованы исторические данные, фиксирующие процесс выражения лидерских качеств харизматичными личностями в политике и их восприятие в массовом сознании, с выстраиванием в нем соответствующего образа. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.*

Результаты и их обсуждение. *В статье рассматриваются вопросы харизматической составляющей имиджа политического лидера. Соотносятся понятия «харизма» и «популярность». Обсуждается феномен ситуативной обусловленности возникновения харизмы, раскрыта сложность претворения в жизнь ее искусственной формы, проанализированы социальные факторы нахождения такого типа лидера у власти на протяжении длительного времени.*

Заключение. *Харизма выступает как инновационный и революционный элемент восприятия в массовом сознании с преобладанием эмоциональной составляющей, что приводит к нестабильности и контрастности восприятия и экспектации, особенно при динамично развивающейся ситуации. Наиболее оптимальная ситуация для демонстрации элемента харизмы в рамках имиджа – это время политического или социокультурного кризиса.*

Ключевые слова: харизма, лидер, имидж, ситуативность, популярность, массовое сознание.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 102–106)

Charisma as an Element of Image Construction

Chikindin M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The role of sign-symbolic structures, which are the basis of social interactions, is growing in the modern information society. One of the semiotic manifestations of this is a political leader's image. In the article we will analyze its charismatic component and its influence on the perception of the image of a particular leader.

The purpose of the study is to determine the level of influence of charisma in the framework of building an image model and to explain the situational conditionality of the manifestation of charisma in the process of perceiving the leader in the mass consciousness and people's expectations.

Materials and methods. *The material of the study is historical data that fix the process of manifestation of charismatic personality leadership qualities in politics and their perception in the mass consciousness with building an appropriate image in it. The main methods are analysis, synthesis, interpretation, comparison, typology.*

Findings and their discussion. *The article deals with the issues of the charismatic component of the image of a political leader. The concepts of "charisma" and "popularity" are correlated. The phenomenon of situational conditioning of the emergence of charisma is discussed. The complexity of implementing its artificial form is revealed, and the social factors of this type of the leader who is in power for a long time are analyzed.*

Conclusion. *Charisma acts as an innovative and revolutionary element of perception in the mass consciousness with a predominance of the emotional component, which leads to instability and contrast of perception and expectation, especially in a dynamically developing situation. The most proper situation for demonstrating an element of charisma within the framework of an image is political or social and cultural crisis.*

Key words: charisma, leader, image, situationality, popularity, mass consciousness.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 102–106)

В современном информационном обществе возрастает роль знаково-символических структур, выступающих основой социальных взаимодействий. В связи с этим актуализируется проблема объяснения коммуникативных кодов в рамках различных культур, которые должны обеспечить оптимальное восприятие поступающей информации. Коммуникативный код – это средство понимания и передачи культурных смыслов в обществе. Одним из проявлений коммуникации выступает имидж политического лидера. При его формировании большое внимание уделяется харизме личности, чему и будет посвящено наше исследование.

Цель исследования – выявить уровень влияния харизмы на реализацию программы построения имиджа, пояснить ситуативную обусловленность харизмы в процессе восприятия лидера в массовом сознании и экспектации граждан.

Материал и методы. В качестве материала исследования использованы исторические данные, фиксирующие процесс проявления лидерских качеств харизматичными личностями в политике и их восприятие в массовом сознании, с выстраиванием в нем соответствующего образа. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.

Результаты и их обсуждение. Специфика взаимодействий власти и общества во многом обусловлена особенностями социокультурного пространства, которое уникально для каждого народа в разные эпохи и не сохраняется в первозданном виде, а подвергается постоянной корректировке со стороны общества и складывающейся социально-политической ситуации. В этой связи имидж предстает как иллюзия, которую мы создаем, она привлекательна, так как проблематично проверить правдивость иллюзии – следовательно, нельзя разочароваться; иллюзорный мир иррационален – воспринимается как безальтернативная данность и притягательна; иллюзия гармонична, целостна, непротиворечива; иллюзорный мир доброжелателен, направлен на благо.

Имиджевые характеристики задаются субъектом и определяются ситуативным фактором. Имиджирование выступает основным приемом создания социальных иллюзий, направленных на конструирование и последующее управление социальной реальностью. Все это определяет необходимость онтологического восприятия имиджа во всех его многообразных аспектах. Политический имидж – это многомерный, технологический, амбивалентный коммуникативно-управленческий феномен социокультурного пространства знаково-символической природы, возникающий в процессе восприятия субъектом или массой людей закодированного послания, актуализирующего в их сознании и подсознании соответствующие мотивы поведения и приводящего в действие механизмы идентификации, самоидентификации и самопрезентации. Коммуникативно-управленческая составляющая

имиджа выступает в качестве семиотического образования, включающего в себя визуальный и вербальный компоненты, которые формируются в сложной системе «субъект-объектных» отношений. В основе имиджа всегда находится кодовая информация, которая может быть понята и расшифрована носителем той или иной культуры, обладающим «дешифрующим ключом» к данной коммуникативной информации. В этом и заключается его социокультурная направленность и значимость. На основе культурной «дешифровки» представленных элементов имидж переходит в образ, формирующийся в сознании и подсознании субъекта восприятия. Исходя из различных трактовок понятия «имидж» можно выделить два противоборствующих и, с нашей точки зрения, дополняющих, мнения о времени возникновения имиджа как такового. Согласно первой точке зрения, имидж как присущая человеку, компании, региону характеристика существовал во все времена, а согласно другой – понятие «имидж» возникает только в начале XX века путем введения его в политическую терминологию англичанином Г. Уоллесом, который писал о роли «нерациональных факторов» в политике [1, с. 369]. Мы считаем, что дефиниции понятия «имидж» действительно не существовало в Античности, Средних веках, Новом времени, но сам феномен «имиджа» в виде стремления привлечь внимание публики и понравиться ей с целью дальнейшей реализации своих амбиций и решению поставленных задач путем формирования где-то на искусственной и симуляционной основе образа себя, безусловно, присутствовал. Л. Фейербах в произведении «Сущности христианства» был очень близок к раскрытию симуляционной природы окружающей нас действительности, утверждая: «В наше время, предпочитающее образ самой вещи, копию – оригиналу, представление – действительности, видимость – сущности, такое превращение является разочарованием и, следовательно, абсолютным отрицанием или, по крайней мере, дерзкой профанацией, ибо священна только видимость, истина же нечестива» [2, с. 18]. В неклассической философии упор делается на внутриличностные особенности, примером чему может служить концепция сверхчеловека Фридриха Ницше. Кроме того, немецкий философ указывал, что всякий гений носит маску [3]. Ретранслируя это на предмет нашего исследования, мы приходим к выводу, что имидж создает впечатление, в котором нуждается тот или иной человек в данной ситуации. С появлением и развитием средств массовой информации и коммуникации сам процесс становления имиджа значительно ускорился и стал более разнообразным, но в то же время значительно усложнился. В наши дни донести информацию до аудитории значительно проще и быстрее, однако информационная перегруженность и возможность быстро донести негативную информацию конкурентом, используя те же, а может и более действенные, средства значительно усложняет целенаправленное создание имиджа. Схема воздействия имиджа следую-

щая: метафора (выразительный, запоминающийся образ); герой (олицетворяет реальность); знак (символ, внешнее поведение). В исследовании мы анализируем феномен харизмы в рамках процесса создания имиджа политического лидера.

В процессе имиджирования большое внимание следует уделять такому элементу, как харизма. Стоит отметить, что постоянно меняющаяся картина мира, уровень социального, экономического, культурного развития обуславливают различное восприятие харизмы и ее воздействие на политические события и социокультурное пространство того или иного региона в ту или иную эпоху. Феномен харизматичной личности очень важен для изучения, хотя бы потому, что такой лидер не оставляет массы равнодушными. Его можно любить или ненавидеть, преклоняться или проклинать, но быть нейтральным невозможно. Появление харизматического лидера, как правило, социально и ситуативно обусловлено. Исторический опыт демонстрирует, что период перестройки политической системы, возникающих кризисов и нестабильности – положительная основа для зарождения различных случайных факторов, в том числе и возникновение лидера-харизматика, что обуславливают те или иные исторические обстоятельства. Это очень важно оценивать в процессе выстраивания имиджевой стратегии.

Понятие «харизма» обозначает в буквальном переводе «божья благодать». Первоначально внимание данному феномену уделялось в античной политико-философской мысли. Древние мудрецы стремились выявить условия зарождения этого божественного качества. Затем, в эпоху Средневековья, когда власть лидера государства (а в большинстве своем государства были монархические, хоть и раздробленные) обожествлялась, монарх считался помазанником Божьим, что, учитывая царившее тогда религиозное мировоззрение, положительно работало на его образ, и любой монарх изначально, при восшествии на престол, обладал определенным ореолом, и поданные были обязаны выполнять его указания. Одним из самых страшных наказаний Средневековья для монарха считалась анафема. Отлучение от Церкви лишало монарха одной из самых главных имиджевых черт – он становился «одним из...», хотя и продолжал обладать определенным авторитетом. В эпоху Возрождения многие мыслители обращаются к мысли о роли великих личностей в истории. Следует выделить таких мыслителей, как Н. Макиавелли, Дж. Вико. Все они пытались установить взаимосвязь между происходящими историческими событиями и появлением выдающихся личностей [4]. Во многом эту традицию поддержали и представители новоевропейской философии, такие как Т. Гоббс [5], Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, немецкие классики философии. В большинстве своем деятельность выдающихся личностей трактовалась как заранее ситуативно обусловленная внеличностными основаниями.

Сам термин «харизма» в научный оборот вводит немецкий мыслитель М. Вебер в работе «Хозяйство и общество». М. Вебер изучал проявление того или иного типа легитимного господства (в том числе и харизматического) и взаимодействия в рамках социума. Вот как он это описывает в своем произведении: «Господством называется возможность встречать повиновение определенных групп людей специфическим (или всем) приказам... Каждое господство старается возбудить веру в свою “легитимность” и позаботиться о ней. В зависимости от вида легитимности различается и тип повиновения, тип обеспечивающего его штаба управления, характер осуществления господства, его эффективность. Следовательно, виды господства целесообразно различать по типичной для них претензии на легитимность» [6, с. 10]. «Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, что последние подчиняются не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам “вождь” живет своим делом, “жаждет свершить свой труд”, если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев» [7, с. 647].

Необходимо рассмотреть вопрос происхождения харизмы. Является ли она врожденной или приобретается в процессе жизнедеятельности? М. Вебер утверждал, что харизма – это свойство, малодоступное обычному человеку, она присуща только избранным личностям, чаще всего от рождения [6]. С. Московичи во многом соглашается с немецким социологом относительно происхождения харизмы, но добавляет возможность ее искусственного создания [8]. С нашей точки зрения, харизма закладывается в человеке от рождения, но, подобно таланту, должна взращиваться путем развития позитивных лидерских качеств.

Большое внимание уделяется и вопросу искусственной харизмы, которая возникает в процессе формирования имиджа. Харизма может быть сформирована в результате взаимодействия участников политических кампаний, например, избирательной, общественных масс и ретранслироваться через каналы средств массовой информации и коммуникации. Харизматическая составляющая имиджа должна заинтересовать обывателя, привлечь его на свою сторону, а это достигается во многих сферах социальных взаимодействий, в том числе и политических, эффектом новизны и обещанием определенных изменений. Стоит признать, что проявление искусственной харизмы довольно сложное и опасное мероприятие. Если навязывать такую роль человеку, который не обладает определенными качествами от рождения, то это может привести к отрицательным последствиям, ввиду фальшивости выполняемой им роли. Харизматики способны

влиять на многие исторические процессы и надолго оставаться в памяти как своих сторонников, так и своих противников. Они появляются в своеобразной точке «невозврата» и меняют этот мир в лучшую или худшую сторону. Уровень решительности при совершении политического действия в непростой пограничной ситуации выбора и результат этих действий способны поднять лидера до уровня выдающегося деятеля своего времени или окончательно похоронить его политическую карьеру.

Стоит уделить внимание соотношению понятий «харизматичность» и «популярность», так как формирование позитивного имиджа обуславливается необходимостью повышения уровня популярности и привлечения большего количества сторонников, и очень часто эти термины отождествляют. С нашей точки зрения, это делать не правомерно. Безусловно, эти два понятия связаны, но связь здесь наблюдается односторонняя: харизматичный лидер популярен, но далеко не всегда популярная личность харизматичная. Общественный резонанс, вызванный появлением того или иного лидера, может выступать причиной ощущения кризиса или экзистенциальной черты, особенно, если это вызвано искусственной харизмой имеющегося лидера. Так как в этом случае может возникать и иллюзорная проблема, которую и вызывается решить данный лидер. Говоря языком законов рынка, мы должны оценить спрос (имеющаяся ситуация с возникающими проблемами, целями и ограничениями) и предложение (лидерские черты и качества, умение их проявлять в сложившейся ситуации). Харизматичный лидер – часть коллектива, но он и над этим коллективом. В западноевропейской культуре лидер располагается вне остальных: «вне и над» (при публичных выступлениях), «вне и впереди» (будучи во главе шествия). В восточных обществах лидер воспринимается как первый среди равных. Многими воспринимается это на интуитивном уровне. Более того, оценка тех или иных качеств политиков существенно варьируется в зависимости от ситуативного контекста. Изменение социально-политической ситуации приводит к тому, что харизматический лидер оказывается не нужным массам и, в итоге, свергается. Поэтому для него актуальны сменяемость ситуации, появление новых вопросов и проблем, которые нужно решать, выдвижение новых целей, необходимых для достижения. Если оценивать тип политической системы и харизматическую составляющую, то мы можем обнаружить следующее: в демократических системах наблюдается принцип конкуренции элит, а вследствие этого и соревновательность имиджей и харизм. В тоталитарных и авторитарных системах харизма применяется для удержания установленного политического статуса, что поддерживается и крепостью сложившихся политических институтов. Кроме того, харизматическая составляющая в более жесткой системе будет более устойчивой в период потрясений, кризисов и катаклизмов, нежели чем при демократии. При этом обя-

зательно харизматику необходимо реализовывать свой гносеологический потенциал в рамках познания специфики традиций, стереотипов и особенностей общества, в котором он находится и претендует на лидирующие позиции. Полиэтническое общество требует от лидера проявления большей политической гибкости. Политическая харизма – это нормативный атрибут любой социальной системы. Как справедливо отмечает О.В. Данилевская, «политическая харизма служит лишь признаком кризиса традиционных структур, агонии традиционной психологии, она отражает движение части утративших психологическую стабильность масс и является попыткой примирить непримиримое – объективную потребность в модернизации общества с сохранением и искусственным оживлением традиционных социальных институтов» [9]. Таким образом, мы можем отметить, что вопрос появления харизматической личности обусловлен особенностями устройства политической системы, политической волей и целями лидирующей группы. Большое значение имеет и экономическая сфера, так как экономическая эффективность его управления тоже определяет степень жизнестойкости власти харизматического лидера.

Харизма – весьма важное понятие в научном аналитическом инструментарии. Лидер воспринимается как сверхчеловек, люди слепо верят его высказываниям, безоговорочно выполняют его директивы, выказывают неизъяснимую эмоциональную преданность. Харизматический лидер преисполнен чувством миссии радикального изменения или особого предназначения спасти нацию. Он должен быть притягательным для масс. Во время ускоренных изменений люди больше склонны к состоянию аномии, утрате ценностей и чувства социальной принадлежности. Они, испытывая вакуум идентичности, оказываются открытыми для влечения к лидерам, предлагающим радикальные идеологические альтернативы. Сложные события могут настроить людей к поиску утешения в вере в сильного лидера, способного контролировать мощные силы и гарантировать спасение. Большое значение имеет и традиция сильной власти. Некоторые отдельные характеристики также могут помочь становлению имиджа харизматического лидера. Можно привести пример из французской истории. Не будучи способным соперничать со своим оппонентом в элегантности и изяществе, Фр. Миттеран предлагает свою идею, благодаря которой его грузность и неповоротливость могли стать преимуществом при выборе лидера кризисной на тот момент Франции. И он идет на выборы 1981 года под логаном «Спокойная сила». Крепкий и основательный Миттеран показался избирателям более способным справиться со сложной экономической ситуацией, чем его политический конкурент интеллигентный и худощавый Ж. Д'Эстен. Очень перспективным для многих харизматических лидеров будет являться идея возрождения. Само понятие «возрождение» достаточно сильно воздействует на народные массы и позволяет получить новых странников и последователей.

Возрождение означает, что где-то что-то происходило, какие-то достижения были реализованы, это исчезло (при чем, несправедливо, на что харизматик обязательно должен делать упор в своих выступлениях) и это необходимо вернуть. Именно идея реставрации героического прошлого и выступает здесь объединяющим элементом. Примерами может выступать идея возрождения Германии А. Гитлером либо возвращение Италии в границы могущества Римской империи, предложенная Б. Муссолини. Мы можем утверждать, что эффект харизмы формируется исключительно в коллективном представлении. Харизма подразумевает положительное отношение, возвеличивание того или иного деятеля со стороны определенных людей в определенный период времени. При изменении ситуации и с течением времени воздействие может изменяться вплоть до полного исчезновения харизматичной составляющей. Харизма находится в реципиенте, в наибольшей степени требует проявления в непростых кризисных ситуациях. Для лидера-харизматика будет характерна профицитная энергетика, а харизматическая аттрактивность определяется аксиологическим восприятием (харизматичный лидер должен иметь среди своих качеств «правильные» с точки зрения оценивающих), надежностью и выгодой (должен иметь определенный опыт достижений и успешных действий). Заметим в этой связи, что достаточно вульгаризированное понятие «харизматичности» элементарно редуцируется к символизму политического «мы», в отсутствие которого (или которых – «мы» может быть несколько) никакой субъект политического действия не может стать политическим деятелем.

Заключение. Стоит отметить, что харизма очень часто играет инновационную и революционную роль, имеет эмоциональную основу восприятия, как и имидж, и со временем может теряться или уступать первенство в случае прихода еще более сильного лидера. Харизматичный лидер – это тот, кто не испугается взять ответственность на себя, тот, кого массы ищут подсознательно, в надежде, что он сможет навести порядок и привести общество к светлой и благой цели. По социальному типу харизматики в большинстве своем идеалисты, т.е. люди, у которых сильно выражены независимость, критическое отношение к традиционным нормам, установки на саморазвитие и пренебрежение авторитетами. Они проявляются там, где образуется разрыв в ткани общества. Для них характерно умение эмоционально зажечь других и повести их за собой. Их отличает демонстрируемое желание начать те действия, за которые раньше никто не хотел брать ответственность. Они кладут конец старому и заставляют подчиняться себе при новом устройстве, пока их не свергнут новые харизматики, или

историческая ситуация не развернется таким образом, что они впадут в немилость народных масс. Тем не менее, история показывает нам, что лидеры-харизматики достаточно долго, как правило, находятся у власти. Созданный ими имидж позволяет нивелировать диссонанс, который образуется на стыке эпох. В то же самое время, как мы указывали, восприятие массами харизматического лидера очень нестабильно. Они будут поддерживать его на волне успеха. При наступлении серии неудач, внутривнутриполитического и, особенно, внешнеполитического характера, происходит моментальное снижение авторитета такого лидера. Причем, на контрасте с предыдущими успехами это падение становится более резким и стремительным, нежели чем у лидера традиционного или рационально-легального типа.

Таким образом, мы приходим к выводу, что харизма является важной составляющей в процессе формирования имиджа политика и образа, закрепляемого в сознании масс. Возникновение харизматичной личности ситуативно обусловлено политическим или социокультурным кризисом, необходимостью слома традиционной устаревшей системы. Харизматичный лидер должен постоянно выполнять свою миссию, его неудачи способствуют очень быстрому спаду популярности и будущей потере власти и авторитета. Создание искусственной харизмы без характерных свойств личности имеет пагубные последствия, что необходимо учитывать в процессе имиджирования.

Литература

1. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. / под ред. Д. Джери. – М.: Вече, АСТ, 1999. – Т. 2 (П-Я). – 528 с.
2. Фейербах, Л. Сочинения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Наука, 1995. – Т. 2. – 424 с.
3. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше; пер. с нем. – М.: Астрель, Харвест, 2014. – 320 с.
4. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли; пер. с ит. – М.: ЭСКМО-Пресс: Фолио, 1998. – 656 с.
5. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: «Азбука», 2022. – 704 с.
6. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019. – Т. 4. – 2019. – 542 с.
7. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.
8. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи; пер. с фр. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 480 с.
9. Данилевская, О.В. Теория и практика харизматического лидерства. Опыт двадцатого века: дис. ... канд. полит. наук / О.В. Данилевская. – СПб., 1999. – 185 с.

Феномен «массы» как фактор формирования тоталитарного общества

Голубев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Идея массы – понятие относительно новое. Оно широко использовалось в XX веке в государствах, где сформировались тоталитарные режимы. С точки зрения современности понятие «масса» может рассматриваться как неотъемлемая часть понятия «тоталитарное государство».

Цель статьи – проанализировать феномен массы как фактор формирования и развития тоталитарного общества.

Материал и методы. В процессе написания статьи использовались труды итальянских социологов В. Парето и Г. Моска, внесших весомый вклад в формирование «теории элит», разделившую общество на элиты и массу; французского философа Ж. Сореля, стоявшего у истоков революционного синдикализма и предложившего 3 ключевых звена в цепи формирования массы для создания революционно настроенной толпы и достижения определенных целей элитами; испанского философа Х. Ортега-и-Гассета, описавшего впервые, как принято считать, формирование массовой культуры и массового общества в целом; австрийского культуролога и мыслителя Э. Канетти, исследовавшего основные черты, присущие массам и взаимодействие внутри масс.

Результаты и их обсуждение. Мысль о существовании властвующей элиты, насильно реализующей свою волю различными методами и способами подчиняющейся массе, очень многими на сегодняшний день не может быть воспринята положительно. Манипулирование массами и сознанием людей, как правило, ассоциируется с диктаторскими тоталитарными режимами, существовавшими в 20–40-х гг. XX в.

Идея того, что вне зависимости от формы и типа государственного устройства, идеологии и общественного строя, в государстве всегда у власти находится меньшинство (элита), а большинство (масса) изолировано от влияния на принятие решений, существует относительно долгое время. Одними из тех, кто внес значительный вклад в формирование «теории элит», были Г. Моска и В. Парето. Именно их принято считать родоначальниками современной теории элит и основными представителями итальянской школы элитизма. Несмотря на существование масс при демократической форме правления наиболее прочно термин «масса» прижился в государствах, где установились тоталитарные режимы. Тоталитарные режимы наглядно показали, что в крайнем своем состоянии масса не способна была терпеть инакомыслия, т.е. неравенства среди себе подобных.

После Второй мировой войны, оправившись от пережитых разрушений и потерь, мир вышел на новый уровень, в основе которого укрепились демократические ценности. На новый уровень вышли и идеи «массы», актуализовавшись уже также в новых формах.

Заключение. Идеи создания «массы» и формирования тоталитарного общества не ушли в прошлое. По мере совершенствования технологий методы для формирования массы приобретают новые формы, становятся более удобными для восприятия людьми.

Ключевые слова: массовое сознание, элита, тоталитарное общество, пропаганда.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 107–111)

The Phenomenon of the Mass as a Factor of Shaping a Totalitarian Society

Golubev V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The idea of the mass is a comparatively new phenomenon. It was widely used in the 20th century in countries where totalitarian regimes were shaped. From the contemporary point of view the concept of the mass can be considered as an integral part of the concept of totalitarian state.

The purpose of the article is to analyze the phenomenon of the mass as a factor in the formation and development of a totalitarian society.

Material and methods. Works of Italian social scientists V. Pareto and G. Moska, who contributed to shaping the theory of elites, which split the society into the elite and the mass, were used as well as of the French philosopher J. Sorel, who was the founder of revolutionary syndicalism and proposed 3 key chains in shaping the mass for creating a revolutionary crowd and gaining certain goals by elites. We also used works of the Spanish philosopher X. Ortega-and-Gassett, who was considered to be the first to describe the shaping of mass culture and mass society in general; of the Austrian cultural scientist and thinker E. Kanetti, who studied main features inherent in the mass as well as the interaction within masses.

Findings and their discussion. *The idea of the existence of the ruling elite which imposes its will by various methods on the subjected mass can not be accepted positively by many people today. Manipulation of masses and people's consciousness is associated as a rule with dictatorial totalitarian regimes of the 1920s-1940s.*

The idea of the minority (elite), which is always in power, regardless the form and the type of the state organization, ideology and public structure, while the majority (the mass) is isolated from decision taking, has existed for a long time. Those who contributed considerably to shaping the theory of elites were V. Pareto and G. Mosca. It is them who are considered the founders of the contemporary theory of elites and the main representatives of the Italian school of elitism. In spite of the existence of masses in a democratic form of government, the term of mass rooted deeply in states with totalitarian regimes. Totalitarian regimes demonstrated how mass in its extreme state could not bear the otherwise minded, i.e. inequality among those who are like them.

After World War II, having survived after the losses and devastations, the world reached a new level the basis of which was democratic values. The ideas of mass also reached a new level and got contemporary forms.

Conclusion. *The conclusion, thus, is the following: the ideas of shaping the mass and creation of the totalitarian society are not outdated. With technological advance methods of shaping the mass acquire new forms, become more convenient for public perception.*

Key words: *mass consciousness, the elite, totalitarian society, propaganda.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 107–111)

Идея массы – понятие относительно новое. Оно широко использовалось в XX веке в государствах, где сформировались тоталитарные режимы. С точки зрения современности понятие «масса» может рассматриваться как неотъемлемая часть понятия «тоталитарное государство».

Уже в первой половине XX в. «массовым» стало именоваться все, что было предназначено для широкого круга людей. В противовес «массовому» ставилось «элитарное». Такая дифференциация несколько стирала социальные различия между людьми, которые принадлежали к категории массы. Понятие «массы» стало распространяться и на социально-политическую жизнь. Благодаря более четкому разделению общества на массу и меньшинство появилась возможность формировать определенные иллюзии, которые могли бы внушить широкому кругу людей их значимость и важность в решении государственных и политических вопросов. В первую очередь, это касалось каких-либо идей или суждений, более выгодных правящим элитам. Например, демонизация коммунизма и левых взглядов, которые несли, по мнению правящих элит, непосредственную угрозу им самим, совпадала с поддержкой радикальных настроений, открыто выступавших за уничтожение людей по национальному, социальному и политическому признакам. Представленные в виде понятных обывателю слов, символов или мыслеформ, они наиболее точно достигали сознания широких масс ввиду своей простоты и лаконичности. Людям не нужно было анализировать предлагаемую им информацию, если она подавалась уже отформатированной и обработанной в виде символов, лозунгов, музыки или литературы.

Следует отметить, что в XX в. в межвоенный период государство, открыто применявшее репрессии против оппозиции, было вполне естественным явлением. Такое наблюдалось даже в странах с демократической формой правления. Но, в первую очередь, это касалось тех государств, где были установлены фашистские и профашистские режимы.

Цель статьи – проанализировать феномен массы как фактор формирования и развития тоталитарного общества.

Материал и методы. В процессе написания статьи использовались труды итальянских социологов В. Парето и Г. Моска, внесших весомый вклад в формирование «теории элит», разделившую общество на элиты и массу; французского философа Ж. Сореля, стоявшего у истоков революционного синдикализма и предложившего 3 ключевых звена в цепи формирования массы для создания революционно настроенной толпы и достижения определенных целей элитами; испанского философа Х. Ортега-и-Гассета, описавшего впервые, как принято считать, формирование массовой культуры и массового общества в целом; австрийского культуролога и мыслителя Э. Канетти, исследовавшего основные черты, присущие массам и взаимодействие внутри масс.

При написании работы использовались методы анализа, синтеза и общелогический метод теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Мысль о существовании властвующей элиты, насильно реализующей свою волю различными методами и способами подчиняющейся массе, очень многими на сегодняшний день не может быть воспринята положительно. Манипулирование массами и сознанием людей, как правило, ассоциируется с диктаторскими тоталитарными режимами, существовавшими в 20–40-х гг. XX в. Однако следует определить, что такое «масса» и кого к ней можно причислить. Наиболее точно определение понятию «масса» дал Х. Ортега-и-Гассет: «Масса – это всякий, кто ни в добре, ни в зле, не мерит себя особой мерой, а ощущает себя, как все, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [1, с. 18.]

Идея того, что вне зависимости от формы и типа государственного устройства, идеологии и общественного строя, в государстве всегда у власти находится меньшинство (элита), а большинство (масса) изолировано от влияния на принятие решений, существует относительно долгое время. Мысль, что управление государством и обществом осуществляется меньшинством, т.е. элитой, высказывалась еще Платоном в античности, Н. Макиавелли в эпоху Возрождения.

Позднее, по мере развития капиталистических отношений и появления национальных государств, в конце XIX в. сформировалась теория элит. Ее основателями принято считать итальянских социологов. Г. Моска и В. Парето. Однако на тот момент их теория не получила широкого распространения. Мир конца XIX века – это мир, который был полон иллюзий касаясь будущего XX века, когда казавшаяся идеалом правления демократия должна была прийти на смену монархиям и традиционным обществам. Тем не менее социальные, политические и экономические процессы, которые завершились в итоге Первой мировой войны и последующим социокультурным хаосом в ряде государств, особенно побежденных, заставили пересмотреть отношение к демократическим ценностям. В государствах-победителях также произошли изменения. В них капитализм вошел в свою новую фазу, сформировав общество потребления. Тогда же впервые с политических трибун прозвучало слово «масса», которая применялась ко всем, кто не был задействован в жизни элит. Иными словами, мы снова можем сделать отсылку на слова Х. Ортеги-и-Гассета относительно того, что массы – это все, кто ощущает себя как все.

Позже международное сообщество взяло за стандарт общественного и политического устройства демократию, т.е. режим, обеспечивающий своих граждан определенными правами и свободами. Основное условие его функционирования – это свободное развитие и существование личности. Относительно того, насколько современная демократия оставила в прошлом идеи разделения общества на «массы» и «элиты», на сегодняшний день идут ожесточенные споры, а реальность порой показывает, что никакие идеи бесследно не исчезают.

Одними из тех, кто внес значительный вклад в формирование «теории элит», как уже было описано выше, были Г. Моска и В. Парето. Именно их принято считать родоначальниками современной теории элит и основными представителями итальянской школы элитизма. Основным отличием их теории от предшествующих трудов античности и последующих эпох является то, что Г. Моска обозначил способы обновления правящих кругов и создал логично выстроенную систему. Так, он выделил выборы, наследование и кооптацию (замена или введение новых людей в правящие круги без выборов по воле тех, кто правит).

Выборы, по его мнению, были характерной чертой демократических государств с парламентскими системами. Выборы позволяли своевременно обновлять правящие элиты в соответствии с требованиями социокультурной реальности. Но большая часть общества все равно не имела доступа к управлению государством. Она лишь делегировала свои полномочия избирающимся элитам, которые, в конечном итоге, решали государственные дела в пользу своих интересов. Соответственно и выборы носили формальный характер.

Наследование было отличительным признаком консервативных государств и монархий. Его отличие

заключалось в том, что элиты при такой форме правления не могли обновляться постепенно, в соответствии с изменяющимися процессами. Обновление происходило резко, скачкообразно, в основном посредством социальных потрясений, революций, войн и т.д. В пример он ставил Великую французскую революцию, которая закончилась установлением новой монархии и диктатуры Наполеона Бонапарта.

Кооптация же была характерна для полудемократических государств или государств, где не была сильна власть монарха. Параллельно с вышеописанным, в одном из своих трудов «Начало аристократическое и демократическое в прошлом и будущем» Г. Моска писал о вреде и невозможности правления народных масс и предлагаемого ими народовластия: «...Непосредственно с демократией, о которой рассуждал Руссо, когда правитель государства должен избираться численным большинством голосов граждан, новейшая доктрина, анти-аристотелевская по своей сути, не считает нужным бороться, но отрицает ее, поскольку считает ее реализацию невозможной» [2, с. 27].

Согласно вступительному слову «Новейшей доктрины» (как он сам ее называл), его теория предназначалась для людей, которые смогли бы в будущем разумно реализовать ее на практике. Тогда демократия окончательно ушла бы в прошлое как пережиток. Свои рассуждения о невозможности народовластия Г. Моска подкреплял, проводя параллель между функционированием общества и живого организма. В частности, он писал: «Давайте не будем забывать, что общество – это живой организм, в котором индивидуумы соответствуют клеткам. Будем помнить, что функционирование одной клетки неотделимо от функционирования другой. И если одна клетка вдруг начинает выполнять функции другой, то организму придется выполнять бесполезную работу, чтобы заменить данную клетку другой, выполняющую свои функции» [2, с. 31].

С Г. Моска согласился другой итальянский социолог В. Парето, скептически относившийся к необходимости существования в обществе широких политических прав и свобод, предлагаемых демократией. Демократия, на его взгляд, провозглашала бессмысленное и невозможное на практике политическое равенство, поскольку «трудящиеся отдают предпочтение более осязаемым материям, таким как повышение заработной платы, прогрессивные налоги, сокращение рабочей недели, хотя не отказываются и от собственных мифов о блаженном пролетариате, о духе зла, воплотившемся в капиталистическом строе, об идеальной власти советов рабочих и солдат и т.д.» [3, с. 31].

Однако для того чтобы элита смогла реализовывать свои стремления в обществе, необходимо было стимулировать данное общество к принуждению. В первую очередь, необходимостью являлось привить индивидам данного социума то, что кажется аморальным, деструктивным. Но принуждение не должно было быть жестко насильственным. Напротив, оно преподносилось как проявление воли большинства.

Методы насилия как способа воздействия на массы довольно ярко описал основатель революционного синдикализма, духовный наставник фашистского лидера Б. Муссолини Ж. Сорель. Фундамент его рассуждений составили три понятия. Первое – миф. Мифом, по его словам, могло бы служить то, что движет людьми, побуждает их к действию. Миф, используя слова простого языка, одновременно трансформировал бы их в язык политический. Примером может служить «Всеобщая стачка», которая, по мнению Ж. Сореля, должна в теории положить конец старому обществу и порядку. Вторым понятием можно назвать утопию. Утопия – это образ будущего, который закладывался любой политической силой, находящейся у власти. Утопию следует рассматривать как одно из средств обмана, потому как она составляла бы только часть будущего. Третьим понятием выступает идеология. В отличие мифа или утопии, идеология являлась рационально осмысленной, а потому важно, чтобы каждый индивид воспринимал идеологию как свои собственные взгляды. Идеология – это основные принципы правящего класса, а потому идеологами могли быть только интеллектуалы. При этом переход от утопии к идеологии невозможен без насилия. Ж. Сорель посвятил проблеме насилия и его пониманию в целом свой главный труд – «Размышление о насилии», в котором он отмечал: «Воздействие насилия следует рассматривать, исходя не из непосредственных результатов, которые оно может принести, но из его отдаленных последствий. Не нужно выяснять, может ли оно принести нынешним рабочим больше или меньше прямой выгоды, чем умелая дипломатия, – следует поставить вопрос о том, к чему приводит введение насилия в отношения пролетариата с обществом. Мы не сравниваем два реформистских метода – мы хотим знать, что значит сегодняшнее насилие для грядущей социальной революции» [4, с. 61].

Несмотря на существование масс при демократической форме правления наиболее прочно термин «масса» прижился в государствах, где установились тоталитарные режимы. Для более успешного формирования необходимой массы их лидеры и сторонники использовали определенную символику, которая выражала бы их основные идеи, а заодно отражала бы значимые моменты истории их государств или нации, имела бы сакральное и даже религиозное значение (например, свастика или древнеримская фасция). Символы транслировались практически повсеместно, становились неотъемлемой частью атрибутики правящего режима, что нередко искажало их первоначальное значение. В первую очередь, это относилось к Италии, Германии, позже Испании. Здесь символы стали своеобразным проводником необходимых идей, неким катализатором. Любая информация, вне зависимости от вида, несущая в себе необходимый смысл, могла быть принята людьми без какого-либо критического осмысления. Не всегда символами являлось изображение. Символами становились личности (Б. Муссолини и

А. Гитлер), которые смогли повести за собой миллионы людей. В данном случае их слова воспринимались как истина, руководство к действию. На поздних этапах формирования «массы» уже не было важно, что говорилось. Было важно, кто говорил. Среди визуальных образов это могла быть свастика, сочетание определенных цветов, герб и т.д.

Тоталитарные режимы наглядно показали, что в крайнем своем состоянии масса не способна была терпеть инакомыслия, т.е. неравенства среди себе подобных. Масса в определенном своем состоянии потенциально могла уничтожить любого, кто попытался бы отличиться от нее, приняв иные идеалы и ценности. Тотальное равенство среди субъектов массы, которое в тоталитарных обществах именовалось более мягким термином «порядок», позволяло проводить необходимые манипуляции со стороны элит. Порядок и равенство абсолютны и неоспоримы, и самой массой никогда не ставились под вопрос. Они были фундаментально важны, настолько, что «массовое состояние можно было бы определить именно как состояние абсолютного равенства» [5, с. 34]. Однако равенство как свойство массы – это, в первую очередь, равенство перед элитами.

Превращению общества в «массу» способствовал и научно-технический прогресс, который предлагал новые формы и виды воздействия на людей в виде кинематографа, радио, а впоследствии и телевидения. По замыслу определенных элит, люди все больше превращались в «массу». «Масса» не могла и не желала бороться за свободу, права и гарантии, за будущее, которое разнилось бы с представлениями элит. «Масса» могла лишь следовать за идеями, потому что «массы всегда обратятся к тем, которые им будут говорить об абсолютных истинах и вполне основательно отвернутся от других» [6, с. 76]. Инертность сформировавшейся в фашистских государствах массы позволяла с легкостью определить цели правящих элит как вектор движения самой массы.

Важное значение имели исторические условия, в которых формировалось то или иное общество, форма государственного устройства, напрямую влиявшая на сознание людей. Например, в Германии были сильны традиции единоличной власти, там «вплоть до XX в. господствовало монархическое государство, успешно прививавшее своим гражданам верноподданнический образ мышления» [7, с. 43]. Также важным элементом выступала религия, формировавшая в массах смирение и покорность перед властью светской и властью духовной.

Немаловажную роль в формировании массы играла пропаганда необходимых ценностей и идеалов, которые общество воспринимало как абсолют либо истину. Пропаганда, в каком обществе бы она ни проводилась, всегда апеллировала к существующим на тот момент ценностям и стремлениям большинства людей. Если рассматривать европейские страны, в которых у власти установились диктаторские и фашистские

режимы, то здесь, в первую очередь, шла отсылка к великому прошлому, которое, по стечению многих факторов и при участии конкретных лиц и социальных групп, а зачастую и этнических меньшинств, завершилось упадком и стагнацией. Поэтому крайне важно было придерживаться избранного режимом курса, чтобы пройти данный этап и достигнуть не менее великого будущего.

Инструментами пропаганды же наиболее часто являлись искусство, религия, наука и литература. Например, в Италии существовали массовые передвижные театры, демонстрировавшие спектакли на т.н. «патриотические» сюжеты, в которых транслировались идеалы фашизма. Заключение ряда договоров с католической церковью привело к тому, что на проповедях в церквях прихожанам нередко внушалось, что фашизм есть спасение от уничтожителя христианства – коммунизма. Например, наиболее заметной религиозная пропаганда была в Испании, начавшаяся с 1936 г. и после 1939 г. ставшая одним из основных рупоров режима Ф. Франко.

В Германии же идея Тысячелетнего Рейха и особой миссии немецкой нации как арийской расы ярко отражалась в факельных шествиях, публичном сжигании трудов неугодных авторов, сакрализации фюрера и нацистской верхушки. Написанный А. Гитлером труд «Майн кампф» ставился на одно место с Библией, а сам автор объявлялся мессией для немецкого народа. Все это привело к крайне печальным последствиям – уничтожению сотен тысяч людей как на территории самих этих государств, так и за их пределами в ходе развязанной ими же Второй мировой войны.

После Второй мировой войны, оправившись от пережитых разрушений и потерь, мир вышел на новый уровень, в основе которого укрепились демократические ценности. На новый уровень вышли и идеи «массы», актуализировавшись уже также в новых формах. Глобализация окончательно завершила формирование массового общества с новыми идеалами и ценностями. Стандартом политического режима стал режим демократический, формально защищающий общечеловеческие права, свободы и ценности, но на деле будучи лояльным внегосударственным элитам (в первую очередь, крупному капиталу). Общество же, ослепленное иллюзией свободы и транслируемых ценностей, сформировалось в управляемую массу, зачастую не способную узреть истинное положение дел.

Более того, общество само готово было стать контролируемым объектом, потребляя необходимый продукт массовой культуры и подаваемую в нужном виде информацию. Научно-технический прогресс, с одной стороны, облегчил условия труда людей, но одновре-

менно сделал его более монотонным, позволил иметь людям гораздо большее количество свободного времени, нежели это было 20–30 лет назад. Человек погрузился в мир массовых развлечений, параллельно впитывая в свое сознание нужные образы и восприятие. То есть, человек лишился любых индивидуальных эмоций, способности чувствовать что-то, отлично от толпы или предполагаемых эмоций, которые должен был вызвать тот или иной продукт массовой культуры. В политическом плане идеологическая и политическая борьба также приобрела новые формы, успешно синтезировав методы и способы, созданные еще в начале XX в.

Заключение. Идеи создания «массы» и формирования тоталитарного общества не ушли в прошлое. Сохраняется разделение социума на массы и элиты, в новых формах проводится деструктивная пропаганда. По мере совершенствования технологий методы для формирования массы приобретают новые формы, становятся более удобными для восприятия людьми. Современные технологии и Интернет позволяют осуществлять то, что было невозможно ранее – быстро формировать необходимую «массу» и консолидировать людей, создавать и посылать огромные потоки нужной информации. А значит, для того чтобы активно противостоять всем деструктивным воздействиям, необходимо формировать критическое мышление, в первую очередь, у подрастающего поколения, следить за источниками информации и за ее характером. В противном случае, часть общества может оказаться «массой» в руках чьих-то элит, проводящих свою волю, что может привести к социальной катастрофе.

Литература

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «АСТ», 2002. – 509 [3] с.
2. Mosca, G. Il Principio aristocratico ed il democratico nel passato e nell'avenire / G. Mosca // Discorso inaugurale. Letto nell'aula magna della Regia Università di Torino, 1902. – 28 p.
3. Парето, В. Трансформация демократии / В. Парето; пер. с ит. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского». – 208 с.
4. Сорель, Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. – М.: Фаланстер, 2013. – 293 с.
5. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти; пер. с нем. и вст. сл. Л. Ионин. – М.: Ad marginem, 1997. – 515 с.
6. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: «Макет», 1995. – 179 с.
7. Прозектор, Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели / Д.М. Прозектор. – М.: «Наука», 1985. – 535 с.

Поступила в редакцию 05.05.2022

Особенности социализации молодежи в условиях информационного общества

Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Проблемы молодежи невозможно рассматривать, изолируясь от комплекса тех процессов, которые связаны со всепроникающими информационными технологиями.

Цель статьи – анализ особенностей социализации молодежи в информационном обществе.

Материал и методы. Материалом исследования являются масштабные, глобальные процессы, оказывающие влияние на процесс социализации подрастающего поколения. Используются общелогические, общепринятые методы теоретического познания, а также данные эмпирического социологического исследования.

Результаты и их обсуждение. Изменились механизмы социализации, уменьшилась роль традиционных ее агентов, возрастает значение новых социальных посредников: социальных сетей, неформальных объединений. Особую актуальность приобретает проблема формирования информационной культуры молодежи, которую нельзя трактовать в узкоутилитарном, сугубо технологическом контексте.

Заключение. Информационную культуру молодежи следует рассматривать в тесной связи с духовной культурой общества. Это важнейшее условие противодействия тотальной дегуманизации современного мира, политике «культуры отмены», которая все активнее навязывается Западом.

Ключевые слова: социализация, информационное общество, информационная культура, ценностная война.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 112–115)

Features of the Socialization of the Young In Information Society

Rudkovski E.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Issues of the young can not be considered without the complex of processes which are linked with the penetrating information technologies.

The purpose of the article is an analysis of young people socialization in information society.

Material and methods. Wide-range global processes which influence young people socialization became the research material. General logical methods, generally accepted methods of theoretical cognition as well as empiric sociological study data were used.

Findings and their discussion. Socialization mechanisms have changed, the role of traditional socialization agents has reduced, while the significance of new social agents, which are social networks and informal unions, has increased. The issue of shaping young people's information culture, which should not be interpreted in a narrow, purely technological context, becomes especially relevant.

Conclusion. Young people's information culture should be considered in a close link with the spiritual culture of the society. This is a significant condition for opposing total dehumanization of the contemporary world, the policy of culture deleting, which is actively imposed by the West.

Key words: socialization, information society, information culture, war of values.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 112–115)

Молодежь является не столько объектом социализации, сколько активным участником, субъектом обновления общества, его инновационным потенциалом, существенным гарантом его развития. К. Монгейн отмечал, что молодежь выполняет роль оживляющего посредника общественной жизни. Эта роль сопряжена с неполной включенностью в социальный статус общества, а также с определенными возрастными и психологическими характеристиками.

Цель исследования – анализ особенностей процесса социализации молодежи в современном информационном обществе.

Материал и методы. Материалом исследования являются многообразные грани и факторы информационного общества, влияющие на процесс становления личности молодого человека. Используются общелогические, общепринятые методы теоретического познания, а также данные эмпирического социологического исследования.

Результаты и их обсуждение. Проблемы молодежи невозможно рассматривать в отрыве от всего комплекса социальных процессов, происходящих внутри страны, так и процессов глобализации современного мира, всепроникающих информационных технологий.

Молодежь – социальная группа, отличающаяся динамизмом, изменчивостью, мобильностью, склонностью к новаторству, решительностью, бескомпромиссностью, максимализмом. Эти черты делают ее сильной и надежной группой населения, с которой связывают будущее [1].

С выделенными автором чертами молодежи можно согласиться. Однако нельзя не отметить, что молодежь может стать надежной социальной группой лишь при определенных условиях. И важнейшей среди них является социализация, которая в современном обществе имеет свои особенности, что кардинально отличают ее содержание от прошлых исторических эпох и даже десятилетий. Современный мир вступает в новую историческую эпоху масштабных, глобальных преобразований. Все большую роль играет экономическая глобализация, информационные процессы, диалог культур, взаимозависимость стран и народов во всех сферах жизни.

Как известно, во время первичной социализации (детство, отрочество, юность) закладывается «фундамент» человеческой личности. Показателем перехода от первичной ко вторичной социализации является самостоятельная трудовая деятельность, финансовая и социальная независимость. Однако следует учитывать, что в условиях рыночной экономики трудовая деятельность не ведет однозначно к материальному самообеспечению человека. И в этом проявляются одна из особенностей социализации в современных условиях.

Господство потребительской психологии, преклонение перед его «величием “золотым тельцом”» часто ведут к пренебрежительному отношению к необходимости соблюдения норм морали.

Одна из особенностей социализации молодежи в современных условиях выражается в расширении многообразия социализационных моделей [2]. Изменились механизмы социализации. Уменьшилась роль традиционных ее агентов: семьи, школы, государственных СМИ. Возрастает значение новых социальных посредников: социальных сетей, неформальных объединений, новых политических организаций. Трансформация социальных институтов ведет к тому, что часто молодые люди не могут выбрать адекватную модель образа жизни. Отсутствие упорядоченной системы в распространении социально ценной информации, порой, поражает негативную, неадекватную реакцию на происходящие общественные процессы.

Нельзя не отметить, что на процессы социализации негативно оказывает трансформация духовных ориентиров, традиционных нравственных ценностей. Исчезли идеологические ориентиры, образовался идейный вакуум. Былая коммунистическая идеология ушла в прошлое, новая пока не сформирована. Во всей остроте встал вопрос: во что верить, к каким берегам плыть? Кроме того, нельзя не учитывать, что с ростом социальной и территориальной мобильности постепенно утрачивается чувство малой родины, которое тесно связано с чувством любви к Родине «большой», с сознанием и чувством патриотизма. Данная тенденция тесно связана с процессом урбанизации.

Очевидно, что в современном социуме динамика изменения структуры и содержания общественных отношений опережает процесс становления личности в рамках привычных (и не только) моделей социализации. Отсюда возникает «духовная ломка» молодого человека, отказ от привычных моделей поведения.

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением: «Изменился характер воспроизводства молодежью родительского поколения. Молодые люди оказались в условиях, когда для успешной адаптации к современной социальной среде необходимо не столько усвоение, сколько отрицание опыта старших». Безусловно, копировать полностью опыт старшего поколения не следует. В противном случае вообще нельзя вести речь о каком-либо развитии. Однако и отрицание всего и вся, что мы и наблюдаем в странах Запада, – это исторический тупик, когда рвется живая ткань общества, распадается связь времен.

Нельзя не учитывать тот факт, что в современном мире идет ценностная война. Страны коллективного Запада пытаются навязать миру либеральный миропорядок. При этом пользуется авторитарными методами. В первые годы создания интернета главным его достоинством в глазах пользователя была свобода в самом широком ее понимании, отсутствие контроля со стороны государства. Но сегодня социальные сети демонстрируют не только свои «плюсы», но и «минусы», свою неприглядную сторону. Вместо анархии возникла цифровая диктатура, тотальный контроль со стороны IT-компаний над своими пользователями и

тотальное отрицание всего того, что не укладывается в рамки неолиберальной модели общества. Парадокс заключается в том, что, борясь с «драконами» (однополыми браками, христианскими ценностями), сами в драконов и превращаются. Восточнославянская цивилизация для них становится идеологической угрозой. Стержень идеологии данной цивилизации – это бережное отношение к исторической памяти, традиционным ценностям. Возникает вопрос: почему, к примеру, США негативно относятся к традиционным ценностям? Одна из причин этого в том, что для них многовековая история многих стран – это нечто застывшее и довольно абстрактное. Они признают только свою короткую историю, историю короткого, двухсотлетнего отрезка. Отсюда и ревизия института семьи, религии. Важно при этом помнить, что они свою историю не удлинят, а мы свою не сократим. Историческая память для нас священна.

Все это надо учитывать в процессе социализации молодежи, которая живет в качественно новом социальном и информационном пространстве, в условиях цифровизации жизнедеятельности. Речь в данном случае идет о киберсоциализации, являющейся составной частью социализации в целом, о которой речь шла ранее. Для характеристики данного процесса используются и другие понятия: киберсоциализация, цифровая социализация, информационная социализация. Часто киберсоциализацию трактуют как совокупность процессов, связанных с восприятием культуры электронной коммуникации, приобщением к ценностям и нормам общения в киберпространстве.

Компьютерная среда диктует новые правила и способы коммуникации. Р. Айсина и А. Нестерова справедливо отмечают, что процессы киберсоциализации и традиционной социализации могут быть как взаимодополняющими, так и не согласующимися друг с другом: существует вероятность, что человек окажется специализированным в киберпространстве: будет успешно общаться в социальных сетях на форумах, понимая и разделяя нормативы электронной коммуникации, ценности тех или иных сетевых обществ, но при этом ему будут присущи дезадаптивные паттерны за пределами интернет-среды, в реальной действительности [4]. В век информационных технологий социальная активность молодежи все больше перемещается в виртуальную реальность, что сопровождается трансформацией интересов и ценностных ориентаций. Виртуальная коммуникация через социальные сети создает предпосылки для личностной и профессиональной самореализации молодого человека.

Распространение Интернета, социальных сетей привело не только к трансформации приоритетов в оценке жизненных ценностей, но и к тому, что на второй план перемещаются, как уже отмечалось, такие агенты социализации, как школа, вуз, семья, традиционные СМИ (радио, печать, телевидение). Современное поколение можно назвать «цифророжденным». В Древней Греции пифагорейцы предложили цифро-

вую модель мира, в основе которой лежит число. Современное поколение воспринимает цифровизацию общественной жизни как естественный процесс. Он ведет к экономии времени, изменению правил, облегчающие жизнь, увеличивающие маневренность, скорость принятия решений и т.д. Говорят, что современный «Smart-человек» обладает такими качествами, как энергичный, быстрый, умный, модный. Однако следует помнить: технологии создаются не для того, чтобы заменить человека, а помочь ему.

Новые информационные технологии, социальные сети конструируют мир, который не совпадает с устоявшимися жизненными представлениями.

Важно учитывать, что интернет виртуализирует общение, «затягивает» индивида в мир виртуальной реальности, где в условиях анонимности можно быть свободным от норм и ограничений реального мира [5]. ИКТ формируют новые негативные социальные практики: киберзапугивание, троллинг и др. Интернет-зависимость чревата полным разрывом социальных связей, а виртуальный мир не даст четких жизненных ориентиров. В рамках одного поколения был разрушен привычный медиапорядок, который имеет многовековую историю и в центре его находилось письмо и чтение. Произошел уход от письменной культуры. Девальвировалось содержание понятия «истинные знания» в условиях отсутствия его верификации в социальных сетях. Постепенно разрешаются традиционные модели интерпретации событий, которые формировались национальными культурами, усилилась манипуляция сознанием пользователей. Интернет насыщен бесполезной и низкокачественной информацией. Фейковые новости могут быть полезны лишь в том отношении, что по их неадекватности можно судить, в какой степени умственной и нравственной убогости находятся иные создатели того или иного контента. Вот почему любому благоразумному человеку придется рассчитывать на более надежные источники, а также на собственные знания и способность к политическому и критическому мышлению.

В силу указанных обстоятельств, особую актуальность приобретает проблема формирования информационной культуры молодежи, которая характеризует уровень киберсоциализации. Последняя порой определяется степенью овладения пользователем системы правил норм, знаний и навыков, позволяющих успешно функционировать в киберпространстве [4, с. 49]. На наш взгляд, акцент в самом определении сделан на «технологическом» аспекте явления. Но можно ли им ограничиться?

С целью изучения уровня информационной культуры студенческой молодежи нами был проведен социологический опрос. Результаты исследования показали, что основным источником новостей для молодежи являются социальные сети (93,%) и мессенджеры (67,1%). Меньше трети опрошенных (30,4%) смотрят телевизионные передачи, еще меньше слушает радио (3,5%) и используют для этих целей газеты (4,7%).

Таким образом, традиционные СМИ перестают быть главным источником информации. Вместе с тем следует отметить, что 2/3 опрошенных не доверяет безоглядно любой информации, появляющейся в социальных сетях, пытаются найти один заслуживающий доверия источник.

Показательно отношение молодежи к трансформации духовных ценностей в информационном обществе. 17,5% опрошенных полагают, что происходит девальвация духовных ценностей, 48,4% с этим согласны лишь частично. Противоположных позиций придерживаются 34,8% респондентов: по их мнению, в новое время появляются и новые ценности (26,2%), а некоторые из этих ценностей трансформируются в лучшую сторону (8%). Определенная корреляция данных показателей существует с теми показателями, которые характеризуют оценку опрошенных современного поколения. 28,9% респондентов полагают, что современная молодежь под влиянием интернета превращается в легко манипулируемую массу; 49,6% участников опроса считает, что современное поколение является просто другим; 13% указали на положительное влияние информационных технологий на формирование креативных, знающих специалистов. 2/3 респондентов в той или иной мере беспокоит проблема формирования у молодежи клипового мышления. В то же время треть из них видят в клиповом мышлении средство приспособления к нарастающему потоку информации. В этой связи следует отметить, что подлинная информационная культура не имеет ничего общего с клип-культурой. Клип-культура влечет за собой и клиповые сознания, в котором нет места креативности, отражению окружающего мира во всем его богатстве и многообразии.

Можно выделить следующие новые формы социокультурной деятельности молодежи: зарождаются новые стили и модели активности, тесно связанные с виртуальными коммуникациями (чаты, блоги, рассылки и т.п.). Однако очень часто молодые люди являются лишь потребителями контента, а не его создателями, начинают смотреть на жизнь как в компьютер. Появляется иллюзия, что ее можно переделать как угодно.

Информационную культуру нельзя трактовать в узкоутилитарном, технологическом контексте лишь как

процесс эффективной информационной деятельности по получению, хранению, переработке и передаче информации, так как возникает опасность формирования своеобразного технократа. В данном случае применительно к информационному обществу. Речь идет о том, что информационный контекст необходимо дополнить ценностями нравственными и гражданскими. Возникает потребность в разработке эффективных механизмов защиты от манипулятивного воздействия, средств верификации распространяемой информации. Работа зарубежных IT-компаний должна быть «приземлена», т.е. осуществляться в соответствии с законами страны и контролироваться государством.

Заключение. Информационную культуру молодежи следует рассматривать в тесной связи с духовной культурой социума в целом, мировоззренческими позициями его членов. Только в этом случае можно противостоять тотальной дегуманизации современного мира, влиянию деструктивной субкультуры. Люди по всему миру живут не для того, чтобы обгонять и учить другие страны и общества, а для того, чтобы существовать в гармонии со своими традициями, ценностями и идеалами.

Литература

1. Магауова, А.С. Социализация молодежи и современные молодежные субкультуры: учебное пособие / А.С. Магауова. – Алматы: Козак университет, 2018. – 160 с.
2. Панкратова, Л.Э. Особенности социализации современной Российской молодежи [Электронный ресурс] / Л.Э. Панкратова. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/196503693>. – Дата доступа: 04.05.2022.
3. Социология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/bguit/145/folder:8429/#3712143>. – Дата доступа: 27.01.2022.
4. Айсина, Р.М. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникативном пространстве современного мира: эффекты и риска / Р.М. Айсина, А.А. Нестерова // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 42–57.
5. Козырева, Л.Д. Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе / Л.Д. Козырева, С.А. Зверькова // Социодинамика. – 2017. – № 4. – С. 94–104.

Поступила в редакцию 06.05.2022

Патриотическое сознание и информационная культура студенческой молодежи

Давлятова Е.В., Рудковский Э.И., Далимаева Е.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Предметом социально-философской рефлексии в современном обществе по-прежнему остаются вопросы гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи, формирования духовной культуры и системы ценностей, которая бы способствовала обеспечению единства народа, политической и экономической стабильности.

Цель статьи – определение уровня патриотического сознания молодежи, выявление ее мировоззренческих позиций.

Материал и методы. *Использованы данные эмпирического социологического исследования. Материалом исследования явились данные опроса, проводившегося среди студентов и магистрантов ВГУ имени П.М. Машерова в январе – феврале 2022 года. В анкетировании принимали участие 320 респондентов. Применены общелогические методы сбора, обобщения и анализа полученного эмпирического материала. Методологическую базу составили общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение.*

Результаты и их обсуждение. *Определены базовые ценностные ориентации и мировоззренческая позиция студенческой молодежи Беларуси. Представлены предложения по улучшению социальных программ в области гражданско-патриотического воспитания.*

Заключение. *Результаты исследования показали достаточно благополучное состояние духовного здоровья молодых людей в контексте патриотических ценностных ориентаций. В сознании белорусской молодежи высок уровень значимости патриотизма, осознания себя патриотом связывается с деятельностью на благо Родины. Полученные результаты и выводы могут быть учтены при разработке молодежной политики и при создании социальных программ по решению молодежных проблем.*

Ключевые слова: *Патриотизм, патриотическое сознание, духовные ценности, идеология, гражданско-патриотическое воспитание, информационное общество.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 116–121)

Student Patriotic Consciousness and Information Culture

Davliatova E.V., Rudkovski E.I., Dalimayeva E.O.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The object of social and philosophic reflection in the contemporary society is still issues of civil and patriotic education of children and the young, of shaping spiritual culture and a system of values which would provide unity of the people, political and economic stability.

The purpose of the article is identification of the level of young people’s patriotic consciousness, finding out their world outlook positions.

Material and methods. *Empiric sociological research data were used. The research material was data of Vitebsk State University student and master student questionnaire held in the winter of 2022. 320 students participated in the questionnaire. General logical methods of collecting, generalizing and analyzing the obtained empiric material were used. General scientific research methods of analysis, synthesis, comparison and generalizing became the methodological base.*

Findings and their discussion. *Basic value landmarks and world outlook positions of Belarusian student youth were identified. Proposals to improve social programs in the field of civil and patriotic education were presented.*

Conclusion. *The research findings manifested rather favorable state of young people’s spiritual health in the context of patriotic value landmarks. In the consciousness of Belarusian youth, the level of the significance of patriotism, thinking about oneself as a patriot is high. The obtained findings and conclusions can be taken into account while developing youth politics and creating youth social programs.*

Key words: *patriotism, patriotic consciousness, spiritual values, ideology, civil and patriotic education, information society.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 116–121)

Анализируя научные исследования современных российских и белорусских ученых относительно проблемы гражданской социализации молодежи, можно выделить несколько сложившихся точек зрения и несколько проблемных моментов, относительно которых нет единого мнения. Первое утверждение, с которым нельзя не согласиться, состоит в том, что невозможно создать современную инновационную экономику, минуя человека, его состояния и качества внутренней жизни. Темпы и характер развития общества непосредственным образом зависят от гражданской позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей. Воспитание человека, формирование свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития страны [1].

Второй подход заключается в том, что в современном обществе, с одной стороны, вопросы формирования духовной культуры молодежи приобрели чрезвычайную актуальность, а с другой – отсутствует консенсус относительно той системы ценностей, на основе которой должно происходить данное формирование. Сосуществуют и конкурируют два варианта общественной идеологии, которые условно можно обозначить как «неозападничество» и «неославянофильство», имея при этом в виду, что на условном «Западе» также отсутствует гражданское согласие относительно насаждаемых новых ценностей, однако контроль над информационными ресурсами в большей степени находится в руках сторонников так называемой «новой этики», что приводит к одностороннему освещению в СМИ, а подчас и просто откровенному шельмованию тех, кто осмеливается высказаться в поддержку традиционных ценностей. В ситуации утраты прежних четких, достаточно однозначных принципов и ориентиров, которые были основой формирования ценностных ориентаций, процесс социализации личности происходит под большим влиянием западной культуры, которая в значительной мере не соответствует традиционным ценностям белорусского народа. На этот процесс оказывает мощное воздействие информационное общество, характерными чертами которого являются стандартизация жизнедеятельности, господство массовой культуры и потребительской психологии, проблема одиночества. Возникли принципиально новые общественные феномены: киберпреступность, информационный терроризм и информационное насилие. Сетевые технологии часто используются для манипулирования сознанием людей. Меняется система образования, которая становится все более индивидуализированной, с одной стороны, и более интернациональной – с другой. Появляются новые альтернативные формы организации жизни людей (однополые браки, или, уже более современные варианты – полиаморные отношения, а по факту – групповые сожительства, как в первобытном обществе в

эпоху промискуитета). Понятно, что вся система образования и воспитания должна адекватно реагировать на изменившиеся реалии современного социума.

С этими обстоятельствами связана и третья точка зрения: сложилось убеждение, что именно система образования, в том числе – высшего, несет основную нагрузку по формированию личности патриота и гражданина. К примеру, приоритетными направлениями социальной, воспитательной и идеологической работы в Республике Беларусь в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании, Государственной программой «Образование и молодежная политика на 2021–2025 годы», Программой непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 годы и иными нормативными правовыми актами выступает «формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания детей и учащейся молодежи на основе государственной идеологии» [2; 3].

Что же касается проблемной составляющей системы патриотического воспитания, то существующий комплекс проблем, на наш взгляд, можно условно разбить на три группы: методологические, процедурные и аксиологические. К методологическим проблемам можно отнести отсутствие критериальной базы, закрепленной в законе, для оценки качества патриотического воспитания, а также патриотических настроений в обществе; слабую методическую подготовку специалистов в области патриотического воспитания (несмотря на очевидную и постоянно повторяющуюся мысль о важности и значимости патриотического и гражданского воспитания, в системе образования Республики Беларусь нет отдельного соответствующего направления, как и соответствующей специальности). К процедурным проблемам можно отнести отсутствие налаженного взаимодействия между субъектами патриотического воспитания и государственными органами, отсутствие организации государственного контроля за материалами, распространяемыми в молодежной среде посредством СМИ, социальных сетей, интернет-сообществ, недостаточность финансирования сферы патриотического воспитания. Первые две группы проблем закономерно влекут за собой третью – гражданский нигилизм (безразличие) к проблемам патриотического воспитания, заполнение духовного вакуума псевдоценностями и антикультурой, транслируемой через социальные сети новыми «кумирами» молодежи типа А. Моргенштерна или Д. Милохина.

Цель статьи – определение уровня патриотического сознания молодежи, выявление ее мировоззренческих позиций.

Материал и методы. Исследование проводилось среди студентов и магистрантов в январе – феврале 2022 года.

При осуществлении исследования мы исходили из того, что патриотизм является неременной составной частью подлинной духовности человека. Для получения объективных результатов использовался

качественный и количественный анализ данных опроса. Сами вопросы были ориентированы на то, чтобы с разных сторон оценить патриотические ориентации изучаемой аудитории. В анкетировании сделана попытка изучить не только ценностный срез представлений студентов, но и оценить практическое воплощение данных ценностей, проанализировать, какие методы и формы работы по воспитанию патриотизма можно считать наиболее эффективными.

Высокая репрезентативность исследования обусловлена тем, что при генеральной совокупности в размере шести тысяч человек студентов и магистрантов, обучающихся в ВГУ имени П.М. Машерова, выборочная включает 320 респондентов, равномерно представляющих 9 факультетов вуза, отсюда, при принятой доверительной вероятности 95% – погрешность составляет $\pm 5,33\%$. То есть при проведении 100 исследований с такой выборкой (320 человека) в 95% случаев получаемые ответы по законам статистики будут находиться в пределах $\pm 5,33\%$ от исходного. Таким образом, репрезентативность исследования достаточна для того, чтобы сделать определенные выводы и сформулировать рекомендации, которые могут иметь серьезное практическое значение в работе по формированию сознания и чувства патриотизма, гражданских позиций студенческой молодежи.

Результаты и их обсуждение. Молодежь, как известно, является переходной стратификационной группой с еще неопределенным статусом в современном обществе. Это связано не столько с возрастными, психо-физиологическими особенностями этапа социализации, сколько с формированием ценностей в период сложных процессов современности. Молодежь занимает важное место в социально-демографической структуре общества, его общественно-политической жизни, обеспечивает преемственность, воспроизводство и мобильность социального организма.

С целью определения уровня патриотического сознания и нравственных ориентаций студенческой молодежи был проведен социологический опрос, результаты которого показали, что респонденты вкладывают позитивный смысл в определение самого понятия «патриот»: 63,4% связывают его смысл с гордостью за принадлежность к своей нации, 40,3% – со стремлением трудиться для процветания своей родины, 64% – с верностью национальной культуре, традициям, укладу жизни, 0,9% опрошенных отождествляют патриотизм и национализм. О гражданской культуре респондентов свидетельствует и тот факт, что 67% участников опроса полагают, что каждый гражданин должен знать Конституцию своей страны. Участники исследования высоко оценили роль таких мероприятий в формировании патриотизма, как встречи с ветеранами труда и ветеранами локальных войн (52,1%), фестивали и конкурсы патриотической направленности (44%), личный пример авторитетных людей (43,8%), участие в волонтерской деятельности (36,9%).

Отвечая на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, в большей степени повлиял на формирование ваших патриотических чувств?», респонденты на первое место поставили родителей (32%). Семья – основная ячейка общества, в которой идет наиболее глубокое усвоение ценностей. Ребенок учится тому, что видит у себя в доме. Именно значимый близкий человек эффективно передает уважение к истории и любовь к Отечеству (рис. 1).

Кто, на ваш взгляд, в большей степени повлиял на формирование ваших патриотических чувств?

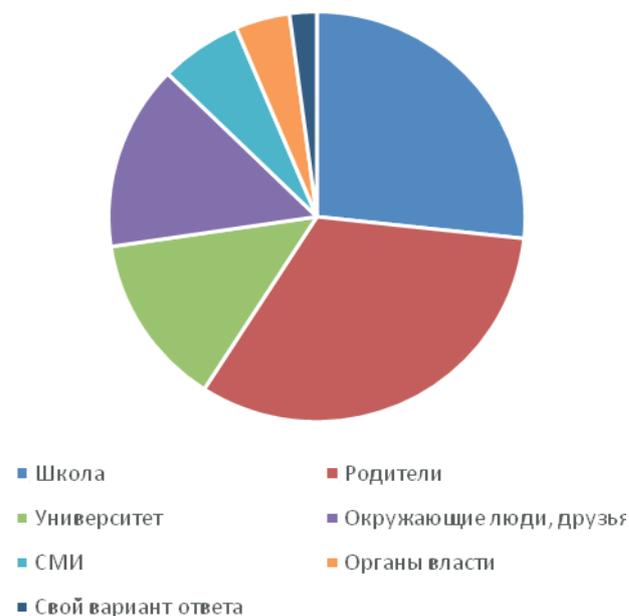

Рис. 1. Основные агенты патриотической социализации молодежи

На втором месте по силе убеждения находится школа, этот вариант ответа выбрали 27% опрошенных. Университет (14%) и окружающие люди, друзья (13%) делят третье и четвертое место. Подобная расстановка закономерна, поскольку совпадает с этапами социализации и основными агентами социализации, которые оказывают решающее воздействие на формирование личности индивида. В детстве самыми важными и влиятельными людьми выступают родители и педагоги, в юности ведущую роль в становлении личности подхватывают друзья и преподаватели, окружающая среда. Вместе с тем нельзя не отметить, что очень низкое ранговое место занимают СМИ: на их роль указали лишь 6% опрошенных. Часть респондентов дали свои ответы на данный вопрос, указав, что на формирование их взглядов повлияли они сами (2 человека) и по одному ответу «Всё вместе», «Собственное представление», «Самобытность культуры, нежелание терять истоки своей страны», «Территория», «Белорусская литература», «Спорт», «Кадетское училище».

Отражая роль вузовской социальной среды в формировании целостной личности студента, необходимо особенно подчеркнуть, что процесс социализации личности будущих специалистов в вузе должен носить комплексный характер, охватывать все направления духовного становления личности: нравственное, эстетическое, трудовое, гражданско-патриотическое, политическое воспитание; включать не только собственно воспитательное мероприятие во внеучебное время, но и быть органической составной частью учебного процесса. Субъектами идейно-воспитательного процесса не могут быть только воспитательный отдел университета, кафедры социально-гуманитарных дисциплин (такая практика сложилась еще в советские времена). В него следует более активно вовлекать коллективы всех кафедр и подразделений, молодежные и самоуправленческие студенческие подструктуры вуза. Важными задачами администрации, кафедр социально-гуманитарных дисциплин являются повышение их роли в духовном становлении будущих специалистов, качества преподавания, сохранения их места в структуре учебных планов. Очевидно, что формирование сознания и чувства патриотизма молодежи тесно связано с особенностями процесса ее социализации в современных условиях. Речь, прежде всего, идет о быстро меняющемся мире, влиянии информационного общества на все аспекты жизнедеятельности современного человека. Драматизм сложившейся ситуации обусловлен, главным образом, беспрецедентной в истории кратковременностью периода наступающих перемен, скачкообразным сжатием социального времени, что внесло некоторый хаос в привычную нам шкалу ценностей. Культура не успевает за развитием технических основ цивилизации. Это и порождает остроту проблемы в формировании духовного облика сегодняшней молодежи. В современных условиях нельзя опираться только на опыт предшествующих поколений по принципу «Делай как я».

Полагаем, что в условиях качественно нового социального и информационного пространства с большим объемом фейковой информации очень важно научить молодежь верифицировать получаемые из Интернета данные, научить умению «отделять зерна от плевел». В современных условиях, на наш взгляд, чрезвычайно актуальным станет введение в учебный процесс спецкурса «Информационная и политическая культура молодежи». Его нужно ввести за счет вузовского компонента, отводимого на спецкурсы (цикл социально-гуманитарных дисциплин). Структура данного цикла призвана формировать гражданскую, политическую и нравственную культуру, что весьма актуально в современных условиях. Основные дисциплины социально-гуманитарного блока, безусловно, важны и это не может служить предметом для обсуждения. Но очевидно и другое: нет прямого однозначного соответствия между философскими, историческими, политэкономическими знаниями и политической позицией человека, его нравственной культурой. Однако этика и

политология к разряду образовательных дисциплин не относится, даже на педагогических специальностях, не говоря уже о естественнонаучных. В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи также отмечается, что «политическая культура – важнейшая составляющая общей культуры личности, одна из основных форм проявления общественного сознания в виде устойчивой мировоззренческой позиции и практических действий, в которых выражается социальный выбор личности. Политическая культура зависит от степени понимания личностью процессов, происходящих в обществе и государстве» [4, с. 9]. Также в Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи указывается, что формирование информационной культуры «направлено на выработку самостоятельного, критического восприятия информации, умений пользоваться информационными ресурсами, критически воспринимать, оценивать информацию, анализировать ее, выделять главное, превращать полученную информацию в собственное знание, проявлять инициативу, находить решение проблем» [5, с. 11]. Жизнь современного общества подбрасывает молодому человеку целый ряд проблем и сложных вопросов: какова технология и механизм власти, что есть демократия, свобода, каковы пределы политического плюрализма, государственного суверенитета и многое другое. На эти вопросы студент должен находить ответы в вузе. Политическое участие, способность к разумному выбору требуют специальных знаний. В противном случае вакуум заполнится знаниями, мифами и стереотипами, почерпнутыми из Интернета. Это особенно важно, так как в вузовские аудитории приходит так называемое «Поколение Z», родившееся в информационном обществе. Оно чрезвычайно зависимо от цифровых технологий, обладает информацией, но часто не обладает пониманием сути общественных элементов. Вот почему курс «Информационной и политической культуры» представляет чрезвычайную актуальность. При этом культуру нельзя трактовать в узком, утилитарном, технологическом контексте, – лишь как процесс эффективной информационной деятельности по получению, хранению, переработке и передаче информации, так как возникает опасность формирования своеобразного технократа, только в данном случае применительно к информационному обществу. Речь идет о том, что информационный контент необходимо наполнить ценностями – гражданскими, политическими, нравственными. Информационная культура не может не включать и мировоззренческие компоненты. Преодоление рисков в современных информационных технологиях для духовной культуры общества возможно лишь при совместной работе с органами госуправления, учебных заведений, СМИ и общественных организаций. Важно помнить, что информационная культура неразрывно связана с информационной безопасностью как фактора сохранения идентичности нации, преемственности ее развития.

Опрос показал высокий рейтинг (второе место среди субъектов формирования патриотического

сознания) родителей и школы. В этой связи следует подчеркнуть, что для сознания студенческой молодежи характерна определенная противоречивость, амбивалентность. Как уже отмечалось, подавляющее большинство респондентов гордятся историческим прошлым страны. В то же время лишь 41% из них полагают, что хорошо знают ее историю. Только 19% участников опроса участвуют регулярно в мероприятиях патриотического характера, а остальные выбрали вариант «редко» или «никогда».

Не могут, в известной мере, не тревожить проективные ориентации молодых людей: треть респондентов указала, что они готовы переехать за границу на постоянное место жительства, 45% респондентов указали, что готовы уехать за границу лишь при определенных обстоятельствах. Подобное распределение может быть объяснимо не только недоработками в организации воспитательного процесса, но и тем обстоятельством, что свобода перемещения в сознании современного человека превратилась не только в базовое право, но и онтологическую ценность. Известный британский социолог Джон Урри, изучая общество XXI в. утверждает, что оно столкнется с необходимостью осмысления и теоретизирования по поводу постоянного перемещения людских и символично-материальных потоков. «Физическая мобильность стала и для богатых, и для некоторых бедных “образом жизни” [1, с. 86]. Однако Джон Урри предупреждал, что «мобильная жизнь для миллионов может оказаться недолговечным явлением» [7, с. 34]. Экологические и энергетические проблемы затормозят развитие мобильности как образа жизни, что воспримется тем более болезненно, что в сознании индивида свобода перемещения и выбора места жительства будут связаны со специфически понимаемым жизненным успехом.

Более пристального внимания в гражданско-патриотическом воспитании заслуживает пропаганда позитивного исторического прошлого и настоящего белорусского народа, изучения биографии знаменитых людей земли белорусской. Историческая память – это фактор сохранности, это духовно-стратегическое оружие государства. Если его разрушить, то социум останется не только без прошлого, но и без будущего. Вместе с тем следует учитывать, что предметом гордости может быть не только героическое прошлое страны, но и ее достижения в науке, спорте, народном хозяйстве. К сожалению, развитие названных индикаторов ниже тех, которые характеризуют только исторический контекст патриотического сознания. К примеру, 86% опрошенных студентов ВГУ имени П.М. Машерова осознают себя представителем белорусской нации и около 10% затруднились с выбором. При этом для 37% студентов осознанию своей национальной идентичности способствует гражданская принадлежность; 24% осознают себя белорусами, потому что гордятся национальными традициями, историей и страной. 17% видят, что являются носителями белорусского менталитета. 12% ориентируются на свой род, опре-

деляют идентичность по семье. К сожалению, на последнем месте оказался такой критерий идентификации, как национальный язык – его выбрали лишь 8% респондентов. В то же время мы видим, что впервые очередь, чувство гордости у белорусов вызывает природа (80,3%) и победа в Великой Отечественной войне (71,3%). На третьем месте культура и традиции Беларуси (67,8%). Также тех, кто гордится природой Беларуси, почти в 2,5 раза больше, чем тех, кто гордится ее наукой, и на 20% меньше, чем тех, кто гордится ее культурой и традициями. Однако природа лишь в малой степени зависит от прикладываемых усилий гражданина (что не отменяет необходимости ее беречь и защищать), а вот сферы, в которых хотелось бы, чтобы молодежь активнее принимала участие, поводом для гордости являются в наименьшей степени.

Историей своей страны гордятся 49,3% опрошенных. На вопрос о самых важных событиях в истории народа на первом месте оказалась «Победа в ВОВ», ее указали 78% респондентов. На втором месте с существенным отрывом – 34% – распад СССР; на третьем – выборы Президента (32%). В качестве важных событий упоминали принятие Конституции, новых государственных символов, провозглашение независимости Республики Беларусь, строительство БелАЭС, образование БССР, аварию на Чернобыльской АЭС, участие в военных действиях в Афганистане. Подавляющее большинство указывает в качестве важнейших – события новейшей истории, лишь несколько человек назвали раздел Речи Посполитой, восстание К. Калиновского (рис. 2).

Заключение. Таким образом, актуальность и неослабевающий интерес общества и государства к проблемам формирования патриотизма остается важной задачей в воспитании современной молодежи. Сложность проведения представленной работы обусловлена духовно-ценностным кризисом и конкуренцией двух идеологических систем на постсоветском пространстве. При этом в сознании белорусской молодежи высок уровень значимости патриотизма, осознание себя патриотом связывается с деятельностью на благо Родины. В целом можно констатировать достаточно благополучное состояние духовного здоровья молодых людей в контексте патриотических ценностных ориентаций. 68% опрошенных считают себя патриотами Беларуси, подавляющее большинство (84%) гордится ее историческим прошлым, а 86% относят себя к представителям белорусской нации.

Для совершенствования духовной культуры и уровня патриотизма необходимо систематизировать данную деятельность, выработать и принять на государственном уровне критерии патриотизма, сделать рассмотренную сферу воспитательной деятельности профессией, ввести в образовательный процесс предмет «Информационная и политическая культура молодежи».

Чем Вы, как гражданин Беларуси, могли бы гордиться?

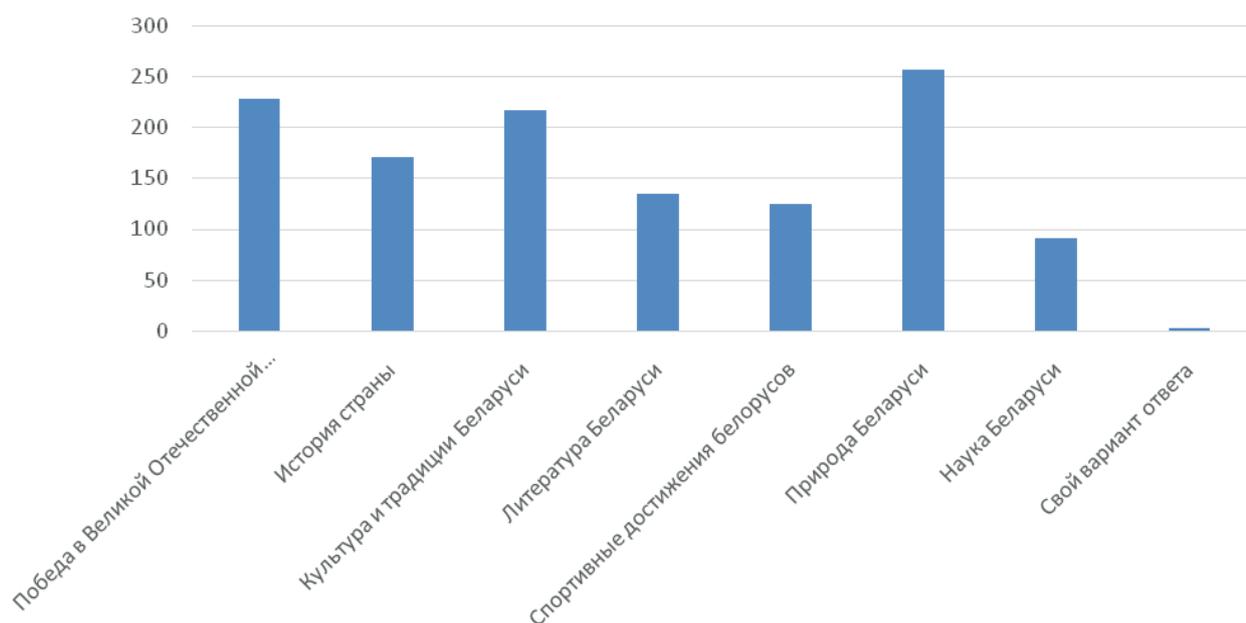

Рис. 2. Объекты национальной гордости белорусской молодежи

Работа выполнена на кафедре философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 года «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства 4.04» НИР ГПНИ «Антропологические угрозы глобализирующегося мира и социокультурные средства их минимизации».

Литература

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи (утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15.07.2015 № 82) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/organizatsiya-vospitaniya-2021-2022.html>. – Дата доступа: 25.03.2022.
2. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 годы (утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 31.12.2020 № 312) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/organizatsiya-vospitaniya-2021-2022.html>. – Дата доступа: 24.03.2022.
3. Суменков, И.А. Критерии сформированности патриотизма и гражданственности у студентов / И.А. Суменков // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 278–283.
4. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи (утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15.07.2015 № 82). – С. 9 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/organizatsiya-vospitaniya-2021-2022.html>. – Дата доступа: 21.04.2022.
5. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи (утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15.07.2015 № 82). – С. 11 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/organizatsiya-vospitaniya-2021-2022.html>. – Дата доступа: 21.04.2022.
6. Денисов, Ю.В. Изменение взглядов на социальную мобильность в свете теории Джона Урри / Ю.В. Денисов // Вестн. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Сер. № 3. Гуманитар. и обществ. науки. – 2015. – № 2. – С. 86–91.
7. Урри, Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия / Д. Урри. – М.: Высш. шк. экономики, 2012. – 336 с.

Поступила в редакцию 10.05.2022

ФИЛОЛОГИЯ

Прыватныя метады філалагічнага аналізу тэксту

Пісарэнка А.М.

Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны
ўніверсітэт культуры і мастацтва”, Мінск

Вывучэнне мовы твораў мастацкай літаратуры з’яўляецца адным з прыярытэтных накірункаў сучаснай лінгвістычнай навукі, паколькі, з аднаго боку, скіроўвае да ўдумлівага асэнсавання слоўных твораў як аднаго з відаў мастацтва, развівае эстэтычнае бачанне навакольнага свету, моўны густ і творчы патэнцыял асобы, а з другога – выяўляе нацыянальную спецыфіку мовы і асаблівасці аўтарскага ідыястылю.

Мэта артыкула – на падставе наяўных навуковых даследаванняў прапанаваць і ахарактарызаваць новыя прыватныя метады філалагічнага аналізу тэксту, з дапамогай якіх праводзіцца інтэрпрэтацыя твора, яго комплексны аналіз.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам сталі мастацкія тэксты розных жанраў праявічнага і паэтычнага падстыляў. Метад увадна-кампазіцыйны дазваляе ахарактарызаваць жанр твора, тэму, ідэю, сюжэт і яго складнікі; з дапамогай метадаў супастаўляльна-стылістычнага і лінгвістычнага эксперыменту праводзіцца дыягностыка словаўжывання адносна зместу твора. Метад “слова-вобраз” дэманструе сэнсавыя прырашчэнні слоў і іх трансфармацыю ў мастацкі вобраз. Інтэртэкстуальны метады дэманструюць сувязь аналізуемага твора з творамі іншых аўтараў, магчыма іншых відаў мастацтва (інтэрмедыйны метады).*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У артыкуле разглядаецца сістэма прыватных метадаў філалагічнага аналізу, з дапамогай якіх робіцца ўсебаковае даследаванне літаратурных твораў. Вынайздзеныя спосабы працы з мастацкім тэкстам дазваляюць ахарактарызаваць экспрэсіўна-вобразныя сродкі, інтэрпрэтаваць тэкст, выяўляць яго эстэтычныя вартасці, усведамляць як твор мастацтва ў адзінстве формы і зместу.*

Заклучэнне. *Прааналізаваны і сістэматызаваны навуковыя палажэнні адносна метадаў філалагічнага аналізу. Прапанавана ўласная сістэма прыватных метадаў філалагічнага аналізу, з дапамогай якіх ажыццяўляецца комплекснае, дасканалое вывучэнне твораў, прадеманстравана іх прымяненне. Кожны метады мае этапы, некаторыя з якіх, як і самі метады, падчас працы з тэкстамі могуць актуалізавацца, ці, наадварот, не выкарыстоўвацца. Паказана, што ўнікальнасць мастацкага твора як аб’екта даследавання, прыналежнасць да аднаго з літаратурных накірункаў прадвызначае спецыфіку адбору і аналізу маўленчых сродкаў розных узроўняў у аўтарскай манерай пісьма.*

Ключавыя словы: *філалагічны аналіз тэксту, агульнанавуковыя і агульнафілалагічныя метады, прыватныя метады: увадна-кампазіцыйны, семантыка-стылістычны, супастаўляльна-стылістычны, інтэртэкстуальны / інтэрмедыйны, “слова-вобраз”, кампаратыўна-вобразны, біяграфічна-фактычны, лінгвістычны эксперымент, тэксталагічны аналіз.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 35. – С. 123–133)

Private Methods of the Philological Analysis of the Text

Pisarenko E.M.

Education Establishment “Belarusian State University of Culture and Arts”, Minsk

The study of the language of works of fiction is one of the priorities of modern linguistics, because on the one hand, it leads to a thoughtful interpretation of verbal works as an art form, develops an aesthetic vision of the world, language taste and creativity, and on the other - reveals the national specificity of the language and features of the author's idiosyncrasy.

The purpose of the article is to propose and characterize new private methods of philological analysis of the text on the basis of the available scientific researches, by means of which the interpretation of the work, its complex analysis is carried out.

Material and methods. *Artistic texts of various genres of prose and poetic backgrounds became the material. The introductory-compositional method allows to characterize the genre of the work, theme, idea, plot and its components; with the help of methods of comparative stylistic and linguistic experiment the diagnosis of word usage in relation to the content of the work is carried out. The word-image method demonstrates the semantic increments of words and their transformation into an artistic image. The intertextual method demonstrates the connection of the analyzed work with the works of other authors, possibly other arts (intermedia method).*

Findings and their discussion. *The article considers the system of private methods of philological analysis, with the help of which a comprehensive study of literary works is made. The invented methods of working with artistic text allow to characterize expressive and figurative means, to interpret the text, to reveal its aesthetic values, to realize as a work of art in the unity of form and content.*

Conclusion. *Scientific provisions on methods of philological analysis are analyzed and systematized. The own system of private methods of philological analysis by means of which complex, perfect studying of works is carried out is offered, their application is shown. Each method has stages, some of which, like the methods themselves, can be updated or, conversely, not used when working with texts. It is shown that the uniqueness of a work of art as an object of study, belonging to one of the literary directions predetermines the specifics of the selection and analysis of speech means of different levels in accordance with the author's style of writing.*

Key words: *philological analysis of the text, general scientific and general philological methods, private methods: introductory-compositional, semantic-stylistic, comparative-stylistic, intertextual / intermedial, "word-image", comparative-image, existential-analysis, biographical-textual, biographical-factual.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 123–133)

Філалагічны аналіз тэксту прадугледжвае інтэрпрэтацыю мастацкіх твораў, выяўляе іх адметныя характарыстыкі, якія робяць яго з’явай культуры, а таксама скіроўвае носьбіта мовы да ўдмлівага карыстання словам. Калі разглядаць прыкладны характар дадзенага спосабу працы з тэкстам, то ён выпрацоўвае, акрамя ўсяго, умненне аналізаваць і самастойна ствараць тэксты розных стыляў з улікам экстралінгвістычных фактараў (сферы зносін, сітуацыі, узросту адрасата, мэты і задач зносінаў і інш.). Навыкі і ўменні практычнай тэкставай дзейнасці неабходны кожнаму культурнаму чалавеку незалежна ад сферы дзейнасці. Філалагічны аналіз аб’ядноўвае лінгвістычны, стылістычны аналіз і літаратуразнаўчы, прычым лінгвістычны з’яўляецца пачатковым этапам; яго дапаўняе, паглыбляе, канкрэтызуе стылістычны аналіз; што да літаратуразнаўчага аналізу, у яго межах тэкст якраз і разглядаецца як твор слоўнага мастацтва ў літаратурным і ў сацыяльна-гістарычным кантэксце.

Мэта артыкула – на падставе наяўных навуковых даследаванняў прапанаваць і ахарактарызаваць новыя прыватныя метады філалагічнага аналізу тэксту, з дапамогай якіх праводзіцца інтэрпрэтацыя твора, яго комплексны аналіз.

Матэрыял і метады. Матэрыялам сталі мастацкія тэксты розных жанраў праявічнага і паэтычнага падстыляў. Метад уводна-кампазіцыйны дазваляе ахарактарызаваць жанр твора, тэму, ідэю, сюжэт і яго складнікі; з дапамогай метадаў супастаўляльна-стылістычнага і лінгвістычнага эксперыменту праводзіцца дыягностыка словаўжывання адносна зместу твора. Метад “слова-вобраз” дэманструе сэнсавыя прырашчэнні слоў і іх трансфармацыю ў мастацкі вобраз. Інтэртэкстуальны метады дэманструе сувязь аналізуемага твора з творамі іншых аўтараў, магчыма, іншых відаў мастацтва (інтэрмедыйны метады).

Вынікі і іх абмеркаванне. Метадалагічныя ўстаноўкі аналізу, інтэрпрэтацыі мастацкіх твораў выпрацаваны такімі навукоўцамі, як А.А. Пацябня, А.Н. Весялоўскі, Р.В. Якабсон, В.Б. Шклоўскі, В.М. Жырмунскі, Ю.Н. Тынянаў, Л.В. Шчэрба, Б.А. Ларын, А.М. Пяшкоўскі, Г.В. Вінакур, В.У. Вінаградаў, Ю.М. Лотман, М.М. Шанскі, Л.А. Новікаў і інш. Даследчыкі мовы мастацкіх тэкстаў акцэнтуюць увагу на тым, што твор – гэта цэласная сістэма, усе складнікі якой узаемазвязаны і пры яе аналізе трэба зыходзіць з адзінства формы і

зместу; некаторыя навукоўцы падкрэсліваюць, што мова – першаэлемент літаратуры. На думку В.У. Вінаградава, напрыклад, “лінгвістычна абгрунтаваная стылістыка мастацкай літаратуры вывучае стыль як унутрана суцэльную і адзіную сістэму ўзаемазвязаных структурных элементаў, якія знаходзяцца паміж сабой у розных формах сувязі, суадносінаў і ўзаемадзеянняў. Аднак яна не можа па характары сваіх прыёмаў, задач і метадаў прывесці да разумення і ўсведамлення літаратурна-мастацкага твора як ўвасаблення адзінацэласнага сэнсу, «задумы» пісьменніка” [1, с. 79]. В.В. Адзінцоў зазначае, што стылістычны аналіз павінен паглыбляць успрыманне мастацкага тэксту; аснову яго стылістычнага аналізу павінен скласці “працэс выяўлення мастацкіх прыёмаў і вызначэнне іх функцый” [2, с. 161, 166]. У сваю чаргу М.М. Шанскі лічыць неабходным разглядаць “кожны аналізуемы моўны факт”, які “павінен быць вылучаны як асобная лінгвістычная адзінка, акрэслены як элемент наяўнай сістэмы, а затым ужо – праз супастаўленне, параўнанне з іншымі фактамі – дакладна ўсвядомлены ў сваім лінгвістычным і эстэтычным значэннях, функцыях; аналізуемы моўны факт павінен быць разгледжаны “пад лінгвістычным мікраскопам” у кантэксце нарматыўных фактаў літаратурнай мовы і мовы мастацкай літаратуры [3, с. 25]. Б.А. Ларын перасцерагае, што залішнее драбленне мастацкага маўлення пры аналізе прыводзіць да падзелу тэксту на кавалачкі, што абясцэньвае твор: “За некаторай мяжой ізаляцыі наступае поўная страта эстэтычнага значэння” [4, с. 31]. Л.А. Новікаў слухна падкрэслівае: “Цэласны лінгвістычны аналіз мае сваёй задачай комплекснае шматаспектнае філалагічнае вывучэнне мастацкага тэксту”, асноўным прыёмам якога з’яўляецца даследаванне тэксту шляхам “раскрыцця яго вобразнай паэтычнай структуры ў цесным адзінстве з ідэйным зместам і сістэмай моўных выяўленчых сродкаў” [5, с. 25]. З.К. Тарланаў даследуе, распрацоўвае метадыку вывучэння моўных адзінак усіх лінгвістычных узроўняў у сінхранічным і дыяхранічным аспектах. Кожнаму ўзроўню мовы (яго структурным адзінкам – сказам, часцінам мовы, словам, марфемам, фанемам – іх вылучэнню і метадам вывучэння, умовам функцыянавання) прысвячаецца асобны раздзел [6, с. 13–131]. Навукоўца зазначае, што стылістычны аналіз як адзін з відаў лінгвістычнага аналізу супрацьстаіць усім тыпам аналізу і па змесце, і па мяркуемых канчатковых выніках, і па метадах, і

прынцыпах даследавання, вывучэння, кваліфікацыі адпаведных фактаў, і па характары непасрэдна назіраемага матэрыялу. На думку аўтара, усе іншыя тыпы аналізу суадносяцца з канкрэтнай адзінкай мовы; стылістычны аналіз ахоплівае матэрыялы ўсіх узроўняў (вядзецца на змешаным матэрыяле) ці на матэрыяле любога з выдзеленых узроўняў (ярусаў); стылістычны аналіз заўсёды скіроўваецца да зместу, які пастаянна паглыбляецца; з’яўляючыся філалагічным па сваёй прыродзе, стылістычны аналіз прадугледжвае зварот да эстэтыкі, культуры, вопыту сацыяльных адносін грамадства [6, с. 132–148]. Сутнасць жа філалагічнага аналізу ў тым, каб паказаць эстэтычныя магчымасці твора, спосабы яго ўплыву / уздзеяння на чытача, таму мастацкая літаратура – разглядаецца як “адзін з відаў мастацтва (тэатр, кіно, музыка, жывапіс) і патрабуе вывучэння на аснове агульных законаў мастацтва”, але “з улікам спецыфікі сродкаў выражэння – слоў, форм, словазлучэнняў, сінтаксічных канструкцый, якія, акрамя камунікатыўнай, маюць эстэтычную функцыю” [7, с. 4]. Для разгляду мастацкага твору як феномену культуры і як выніку мастацкай слоўнай творчасці неабходна спецыяльная яго інтэрпрэтацыя: “Твор як феномен мастацтва валодае самакаштоўнай і самабытнай эстэтычнай інфармацыяй, якая не ляжыць на паверхні, а патрабуе яе «дабывання», у гэтым сэнсе аналіз – гэта заўсёды інтэрпрэтацыя” [8, с. 8]. У любым выпадку задачы, якія ставяцца і вырашаюцца падчас любога аналізу тэксту, у тым ліку і філалагічнага, прадвызначаюць наяўнасць сістэмы метадаў даследавання.

Прыватныя метады філалагічнага аналізу шырока даследаваны і апісаны ў дапаможніках па лінгвістычным, філалагічным аналізе тэксту: так, напрыклад, А.І. Рэвуцкі звяртае ўвагу на даследаванасць дадзенага пытання; вызначае як асноўныя метады семантыка-стылістычны, супастаўляльны, эксперымент; сярод відаў метадаў аналізу даследчык вылучае парадковы, скразны, комплекснага разгляду; акцэнт уе ўвагу на тым, што пры аналізе мастацкага тэксту павінны ўлічвацца камунікатыўны, экстралінгвістычны, моўны, логіка-сэнсавы, вобразна-інфарматыўны аспекты [9, с. 48–53]. І.Я. Лепешаў сярод асноўных відаў аналізу мастацкага тэксту вылучае такія, як тэксталагічны, лінгвістычны, стылістычны і літаратуразнаўчы, якія павінны суправаджацца рэальна-гістарычным каментарыем, праводзіцца пры ацэнцы моўных з’яў з улікам прынцыпу гістарызму [10, с. 14–64]. В.А. Маслава звяртае ўвагу на тое, што, беручыся аналізаваць тэкст, “неабходна аднавіць шырокі гістарычны фон, г.зн. уявіць канкрэтны мастацкі тэкст у гістарычным развіцці, у эстэтычнай цэласнасці”; гэты этап аналізу навукоўца кваліфікуе як датэкставы, ці ўводны каментарый [11, с. 135]. Безумоўна, ёсць шэраг мастацкіх твораў для разумення зместу якіх, для больш дакладнага ўспрымання мастацкай інфармацыі і больш аб’ёмнага ўспрымання створаных

пісьменнікамі вобразаў, такі каментарый надзвычай важны: напрыклад, для аналізу твораў на гістарычную тэматыку (А. Дудараў “Чорная панна Нясвіжа”, Я. Сіпакоў “Веча славянскіх балад”, У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім” і інш.). Дадзены прыём некаторыя даследчыкі кваліфікуюць як *гісторыка-літаратурны каментарый*, які “ўключае ў сябе характарыстыку эпохі, часу, месца стварэння твора, жанра, крыніцы, прататыпы, чарнавыя варыянты, месца твора ў кантэксте творчасці, блізкатэмныя творы дадзенага аўтара і іншых аўтараў [8, с. 22]. У сваю чаргу Г.М. Малажай вылучае тры метады ЛАТ (лінгвістычны аналіз тэксту): семантыка-стылістычны, лінгвістычны эксперымент, супастаўляльна-стылістычны [12, с. 23–40; 49–64; 72–87].

У апошніх даследаваннях метадалогію і метады вывучэння мастацкага тэксту прапануе Н.М. Балотнава: навукоўца вылучае метады агульнанавуковыя (назіранне, колькасна-статыстычны, мадэляванне, эксперымент, параўнальна-супастаўляльны), агульнафілалагічныя (трансфармацыйны, дыстрыбутыўны, кантэксталагічны, кампанентны, кампазіцыйны, структурны, семіятычны, канцэптальны) і прыватныя (семантыка-стылістычны, супастаўляльна-стылістычны, інтэртэкстуальны / інтэрмедыяльны, “слова-вобраз”, метады, блізкі да эксперыменту, біяграфічны, матыўны аналіз) [13, с. 413]. Агульнафілалагічныя метады дапамагаюць даследаваць слова ў мастацкім кантэксте, яго магчымасць-немагчымасць замены, асаблівасці кантэкстуальных сэнсазмяненняў, выявіць характар іх вобразнага ўзаемадзеяння, звязанага з пашырэннем валентнасці. Відавочна, што прыватныя метады “філалагічнага аналізу”, прапанаваныя даследчыцай, што бачыцца нам правамерным і лагічным, актыўна выкарыстоўваюцца пры лінгвістычным і літаратуразнаўчым аналізе; яны не толькі пашыраюць змест самога паняцця “філалагічны аналіз”, але і мастацкую прастору тэксту праз яго ўзаемадзеянне з іншымі слоўнымі творамі, творамі іншых відаў мастацтва. Так, *метады “слова-вобраз”* вызначаецца дынамікай слова і вобраза, які ствараецца ў тэксте з дапамогай сродкаў іншых узроўняў; гэта паслядоўны аналіз слоў у мінімальным, разгорнутым, пашыраным і максімальным кантэкстах на ўзроўні сем, моўных сродкаў іншых узроўняў, прыёмаў іх шчаплення з выяўленнем іх функцыі [13, с. 475, 479]. *Матыўны аналіз* у сваю чаргу дапамагае выявіць матыў / матывы творчасці таго ці іншага аўтара (даследчыкі вылучаюць універсальныя сюжэтныя матывы: сацыяльныя, палітычныя, філасофскія, псіхалагічныя і інш.); у такім выпадку тэрмін “матыў” збліжаецца з паняццямі “тэма” і “праблема” [13, с. 482]. Думаецца, што вызначэнне матыву творчасці такое ж важнае, як і вызначэнне жанра і іншых літаратуразнаўчых паняццяў твора, развіццё сюжэта, выбар кампазіцыі, адбор маўленчага матэрыялу. Матывы маюць ува-сабленне і ў тэме, праяўляюцца ў пастаўленай

проблеме. Дадзены тэрмін, на наш погляд, зважае ўступную частку філалагічнага аналізу. Сутнасць *метаду, блізкага да эксперыменту*, навукоўца бачыць у супастаўленні “чарнавых варыянтаў радкоў з іх аўтарскім каментарыем”; слухназначаецца, што метады рэдка запатрабаваны, паколькі даследчык не заўсёды мае чарнавы варыянт тэксту, які аналізуе [13, с. 479]. Верагодна, гэта назва метаду прыўносіць двухсэнсоўнасць у тэрмінасістэму, паколькі ахарактарызаваны спосаб працы з тэкстам мае даўнюю традыцыю і кваліфікуецца як тэксталагічны. *Біяграфічны* метады шырока ўжывальны ў літаратуразнаўстве; гэты спосаб вывучэння літаратуры, літаратурных твораў, пры якім высвятляецца, як жыццёвы шлях, фарміраванне асобы аўтара паўплывала на яго творчасць. Робіцца такі аналіз шляхам вывучэння аўтабіяграфічных звестак, магчымай наяўнай эпісталаярнай спадчыны, дзённікаў пісьменнікаў, мемуарнай літаратуры пра аўтара. Удакладняецца таксама, што жыццёвыя факты не павінны супадаць з падзеямі мастацкага тэксту, паколькі ў творы прысутнічае мастацкі вымысел, прыдумка пісьменніка як вынік яго фантазіі [13, с. 481].

Назвы метадаў, якія адлюстроўваюць змест паняццяў, тэрмінаў, на наш погляд, падлягаюць пэўнай карэкціроўцы: некаторыя з іх вымагаюць пашырэння аб’ёму (матыўны аналіз), іншыя – звужэння (біяграфічны метады). З улікам наяўных навукова-тэарэтычных распрацовак, а таксама практыкі філалагічнага аналізу тэкстаў розных падстыляў мастацкага стылю, разнастайных жанраў намі вылучаны наступныя прыватныя метады:

I. *Уводна-кампазіцыйны метады.*

II. *Семантыка-стылістычны*, у межах якога адбываецца лінгвістычнае каменціраванне.

III. *Супастаўляльна-стылістычны.*

IV. *Лінгвістычны эксперымент.*

V. *Біяграфічна-фактычны метады.*

VI. *Тэксталагічны аналіз.*

VII. *“Слова-вобраз”, з дапамогай якога робіцца кантрасны-вобразны аналіз і ў межах якога праводзяцца этымалагічны і асацыятыўны экскурсы.*

VIII. *Інтэртэкстуальны* (у тым ліку *інтэрмедыяльны*) метады.

I. *Уводна-кампазіцыйны метады.* З нашага пункту гледжання, дадзены метады не можа быць зведзены да акрэслівання матыву / матываў творчасці пісьменніка ці выяўлення, якія канкрэтна матывы актуалізуюцца ў адным аналізуемым творы. Літаратуразнаўчы аналіз як складнік філалагічнага аналізу прыўносіць шэраг пазіцый, неабходных для раскрыцця аўтарскай задумы: гэта вызначэнне праблемы, якая ставіцца ў творы, а таксама тэмы, ідэі, жанра. Усе пералічаныя кампаненты прадвызначаюць лексічную напэўняльнасць твора, яго структуру, скіроўваюць чытача да пэўных думак, адпаведнай настраёнасці. Не аспрэчваецца, што трэба ўстанавіць / вызначыць

“у выглядзе гіпотэзы ідэю тэксту, якая пацвярджаецца ці аправаргаецца ў працэсе дальнейшага аналізу. Тэма – гэта тое, пра што гаворыцца ў тэксце. Ідэя – гэта тое, дзеля чаго аўтар пісаў гэты тэкст” [11, с. 136]. Навукоўцы адзначаюць неабходнасць вызначэння асаблівасцей сюжэта, кампазіцыі, структуры тэксту [11, с. 136]. Таму, на наш погляд, такое вызначэнне метаду, як матывы, пазбаўляе ўсебаковасці аналізу тэксту на першапачатковым этапе. Лічым неабходным вызначыць дадзены метады як *уводна-кампазіцыйны*, сутнасць якога заключаецца ў акрэсліванні матыву / матываў, тэмы, ідэі, праблемы, характарыстыкі жанра, кампазіцыі, асаблівасцей сюжэта (у тым ліку, пры наяўнасці, вызначэнне завязкі, кульмінацыі, развязкі; пралога, эпілога ці інш.), сістэмы вобразаў персанажаў у межах канкрэтнага твора / творчасці аўтара. Складнікі дадзенага метаду – яго этапы – могуць вар’іравацца ў залежнасці ад пастаўленых даследчыкам задач, ад самога тэксту, яго аб’ёму, у прыватнасці ад колькасці сюжэтных ліній, ад колькасці персанажаў / лірычных герояў і г.д. Н.А. Ніколіна ў сваю чаргузначае, што кампазіцыя – гэта “пабудова твора, якая вызначае яго цэласнасць і завершанасць; яна абумоўлена аўтарскімі інтэнцыямі жанраў, зместам літаратурнага твора; кампазіцыя ўяўляе сістэму злучаных паміж сабой элементаў: архітэктоніка, ці знешняя кампазіцыя тэксту, падзел на часткі (главы, абзацы, падглавы, строфы), іх паслядоўнасць, узаемасувязь; сістэма вобразаў персанажаў мастацкага твора, сістэма яго матываў; змена пунктаў погляду ў структуры тэксту; сістэма дэталей, прадстаўленых у тэксце; суаднесенасць аднаго з адным і з астатнімі кампанентамі тэксту яго пазасюжэтных элементаў (устаўных навел, аповядаў, лірычных адступленняў і г.д.)” [14, с. 45]

II. *Семантыка-стылістычны* метады дапамагае патлумачыць словы і выразы, якія ці ўжо з’яўляюцца кампанентам моўнай тканіны твора, ці стануць матэрыялам / інструментам напісання / стварэння тэксту. Кожнае слова валодае не толькі значэннем, але і стылістычнай афарбоўкай, якая з’яўляецца пашпартам слова ці яго пропускам у пэўны стыль, падстыль, жанр. Да слова ўвогуле трэба ставіцца з увагай, павагай і асцярожнасцю, паколькі, па-першае, ёсць шмат розных тыпаў памылак, якія вынікаюць з няведання значэння слова (змяшэнне паронімаў – *экспрэса* замест *эспрэса*, *адресант* – *адресат*, *статус* – *статут*; змяшэнне міжмоўных амонімаў, каб не *скакалі лошады* замест аўтарскага *стракаталі конікі*; лексічны анахронізм – *Скарына меў фундаментару*, а не *спонсарау*. Няўменне вызначыць ці адчуць стылістычную афарбоўку слова прыводзіць да такой памылкі, як змяшэнне стыляў, якая толькі ў мастацкім маўленні можа быць стылістычна апраўданай, а ва ўсіх іншых стылях паказвае на нізкі культурамоўны ўзровень, а значыць, на нізкі ўзровень культуры асобы. Што да стылістычнай афарбоўкі, то яна вызначаецца, як правіла, шляхам стварэння лексіка-стылістычнай

парадыгмы, якая прадугледжвае супастаўленне сінанімічных слоў з адным – тоесным / блізкім значэннем, але з рознай стылістычнай маркіроўкай: стылістычна нейтральнаму *ісці* адпавядае кніжнае *кrotchыць* і гутарковыя словы *цягнуцца*, *шкандыбаць*, нейтральнаму *есці* адпавядае кніжнае *трапезнічаць* і рад сінанімаў прастамоўнага характару і г.д. Размоўная, і, тым больш, прастамоўная, афарбоўка не дазваляюць слову адвольна функцыянаваць у мове; такія лексемы могуць быць элементам мастацкага стылю (як сродак стылізацыі маўлення персанажа) і часам гутарковага, калі трэба паказаць нюансы значэння слова ці перадаць настрой апавядальніка. Адзін з самых распаўсюджаных прыёмаў дадзенага метаду – лінгвістычнае каменціраванне – “гэта вытлумачэнне слоў і выразаў, якія ўжываюцца ў творы”; “можа дапаўняцца экстралінгвістычным каментарыем, пры якім даюцца тлумачэнні жыццёвых рэалій, абставін, гістарычных падзей, што прыгадваюцца ў тэксце” [12, с. 26]. Лінгвістычнага тлумачэння звычайна патрабуюць незразумелыя словы, напрыклад, устарэлыя (архаізмы, гістарызмы часу і стылістычнага ўжывання) і новыя (неалагізмы агульнамоўныя і аказіянальныя); словы абмежаванага ўжывання: спецыяльныя (тэрміны і прафесіяналізмы), дыялектныя і жаргонныя лексемы; варварызмы і экзатызмы ці інш. Для іх дасканалага вытлумачэння выкарыстоўваюцца самыя разнастайныя лексікаграфічныя даведнікі. Сярод якіх тлумачальныя слоўнікі, этымалагічныя, перакладныя, слоўнікі сінанімаў, паранімаў, амонімаў і інш.: *Іхня Нёманскае Сто ў Полацку і ў Ноўгарадзе між мясцовых купцоў-багаццяў вялікую падтрымку мае* (Л. Дайнека “Жалезныя жалуды”) – *Сто* – купецкія арганізацыі, якія існавалі ў старадаўніх усходнеславянскіх гарадах; *О юнацтва маё! Як забуду цябе? / Almamater і догмы, навука і тлум* (У. Караткевіч) – *Almamater* – навучальная ўстанова, дзе вучыўся аўтар / лірычны герой.

Вытлумачэння могуць патрабаваць таксама словы з пераносна-вобразным значэннем – эпітэты, метафары, параўнанні, перыфразы і г.д.: *А ўвосень, калі дрэвы выпраўляюць у вырай сваё апошняе лісце, як хочацца захаваць на зіму гэтыя жоўтыя крылы прыроды* (Я. Сіпакоў “Па зялёную маланку”) – *жоўтыя крылы прыроды* – індывідуальна-аўтарская перыфраза, паэтычны выраз, сінанімічны да словазлучэння *асенняе лісце*. Многія лінгвісты з мэтай папаўнення слоўнікавага запаса прапаноўваюць весці слоўнікі, у якіх раяць запісваць новыя невядомыя лексемы разам з тлумачэннем іх значэнняў, перыядычна перачытваць запісы, паўтараць і выкарыстоўваць словы ў залежнасці ад сітуацыі.

III. Метад *супастаўляльна-стылістычны*, шляхам якога вырашаецца падабенства і адрозненне ў моўным афармленні аднолькавага ці блізкага зместу (у тым ліку пры супастаўленні арыгінала і перакладу). Пры выкананні заданняў перакладнога кшталту гэты метада дапамагае выбраць з шэрагу магчымых

(у адпаведнасці з сінанімічным багаццем, з наяўнасцю варыянтных формаў) толькі адзін варыянт, толькі адну лексему, якая будзе адпавядаць стылю, жанру, зместу тэксту, канкрэтнай маўленчай сітуацыі (можна адчыніць дзверы, але варта правесці дзень адкрытых дзвярэй). Узорным нам уяўляецца супастаўленне арыгінальных і перакладных тэкстаў у кнізе Т.М. Трыпуцінай:

А голас дзяўчынкі з косамі дрыжыць, як у нейкай чудоўнай птушкі (Я. Брыль “У Забалоцці днее”) і *А голас дэвочки з косамі звенит, как у чудесной птички*. Менавіта гэты від аналізу дазваляе паказаць недакладнасць мастацкага перакладу, паколькі ў семантыцы слова *дрыжыць* ёсць сема ‘трывогі, хвалявання, няўпэўненасці’, што пацвярджаецца кантэкстам; дзеяслоў *звенит* адлюстроўвае гучнасць голасу, нават вяселья інтанацыі, відавочна, што аўтарская псіхалагічнасць вобраза ў перакладзе не адлюстравана [15, с. 75]. Нягледзячы на тое, што даследчыкі мовы мастацкага тэксту сцвярджаюць, што “ўзровень эквівалентнасці ў перакладных праявітых тэкстах аказваецца вышэйшым, чым у перакладах вершаў”, паколькі ўся ўвага перакладчыкаў не скавана патрабаваннямі захавання структуры і рытмічнага малюнка верша [9, с. 174], зазначым: любы тэкст патрабуе пры перакладзе пільнай увагі пры пошуку лексіка-стылістычных, граматычных ці іншых адпаведнікаў.

Параўнаем урывак арыгінальнага і перакладнога тэксту аповесці В. Быкава “Жураўліны крык”: *Гэтак жа стрымана паціснуў халодную камбатаву далонь і “вучоны” – у акулерах, высокі баец Фішар; без крыўды, ичыра зірнуў на камандзіра другі няўдака, на якога скардзіўся старшыня, – малады, са свежымі сумнымі вачыма радавы баец Глечык – Такжэ сдержанно пожал халодную руку комбата и “ученый” – высокий, сутулый боец Фишер; без обиды, открыто взглянул на командира новичок, на которого жаловался старшина, – молодой, с наивными глазами, рядовой Глечик* [Быков, В. Журавлиный крик: повести: для ст. шк. возраста / В. Быков; пер. с белорус. В.Д. Рудовой [и др.]. – Минск: Юнацтва, 1984. – 272 с.]. Пераклад у параўнанні з арыгіналам губляе важныя характарыстыкі вобразаў: так, напрыклад, баец Фішар, які ў перакладчыка застаўся без *акулераў* і стаў *сутулым*, магчыма, можа добра бачыць мішэн і выдатна страляе; вынайздзеная сутуласць ставіць пад сумненне яго высокі рост; што да радавога Глечыка, то ён, страціўшы эпітэты-характарыстыкі вачэй – *свежыя, сумныя*, становіцца юным няўдакам. Аднак менавіта яго вочы праз аўтарскія азначэнні гавораць пра стаўленне да вайны і прадчуванне хуткага завяршэння жыццёвага шляху маладога байца: ён не выжыве, ён не вернецца, а малады журавок як сімвал падстрэленай вайной маладосці няхай даляціць, няхай даганяе.

Цяжкасці ўзнікаюць пры перакладзе ўстойлівых выразаў: паколькі яны адлюстроўваюць нацыянальную спецыфіку мовы, яе каларыт, то кампанентны

(паслоўны) пераклад можа разбурыць адзінку. Варта шукаць адпаведнікі (сэнсавыя і стылістычныя) у мове, на якую твор перакладаецца: *пераначуем – болей пачуем – утро вечера мудренее, абое рабое – два сапога пара, на скрут (злом) галавы – сломя голову*, але *сложя руки – склаўшы рукі, той (тае) бяды – только и делов то*.

Супастаўляльна-стылістычны метада дапамагае выявіць асаблівасці стылю пісьменніка ці правесці любое супастаўленне на ўзроўні узус – тэкст; выкарысталны пры супастаўленні загаловаў тэкстаў на адну тэму, пры аналізе суаднесенасці загаловаў і зместу канкрэтнага твора, пры супастаўленні тых месцаў у тэксце, тэмы ці змест якіх пераклікаюцца; метада актыўна прымяняецца пры аналізе тэкстаў розных стыляў пра той самы прадмет гутаркі, калі сітуацыя “дыктуе” адбор маўленчых адзінак: можна супаставіць дакладнае апісанне прадметаў, звязаных з бытам беларусаў – *граблі, верацяно, ліштва, акно, каса, жорны* і інш. [16] і адпаведныя мастацкія апісанні дадзеных прадметаў у вершаках А. Разанава. Безумоўна, навуковае апісанне і мастацкае асэнсаванне адрозніваюцца задачамі, функцыямі, а значыць, і маўленчай напаяльнасцю тэкстаў. Аднак часам магчыма супаставіць тэксты розных стыляў для таго, каб лепш зразумець вобраз, створаны мастаком слова. Пры азнаямленні з навуковым і мастацкім тэкстамі на адну тэму відавочнае пераўвасабленне рэчаў, прадметаў у прыладу працы, а затым – у асобу, жывую істоту. Такія метамарфозы дэманструюць аўтарскія асацыяцыі, вобразны погляд на звычайны прадмет: талент аўтара бачыць нябачнае, чуе нячутнае, што пацвярджаецца супастаўленнем дакладнага і экспрэсіўна-вобразнага апісанняў слова *граблі*. У вершаках А. Разанава дзякуючы прыёму персаніфікацыі *граблі* становяцца дзейнай асобай. Іншыя вобразныя сродкі таксама працуюць на іх пераўвасабленне-перастварэнне: яны *набываюць бляск “адукаванасці”* (метафара), *губляюць “рабое” аблічча* (метафара, эпітэт), *не грэбуюць ніякай работай* (метафара), хаця *іх пальцы-нязграбы* (эпітэт) і самі яны *худыя* (эпітэт) – *адно хрыбет і рэбры* (метафары), яны дзякуючы гэтаму *ўвіхаюцца на двары, храбра ўграбуюцца ў бруд* (метафары), таму і *абагаўляюцца гурбамі курэй і вераб’ёў* (метафары), і нават *пеўні калі-нікалі схіляюць перад імі свае ганарлівыя галовы* (метафара, эпітэт). Навуковае апісанне акцэнтуюе ўвагу на памеры прылады працы, матэрыяле, з якога зроблены, іх функцыі і інш. характарыстыках нявобразнага зместу: *Граблі, прылада працы д/заграбання сена, саломы, скошанай канюшыны і г.д. Выкарыстоўваліся таксама ў час малацьбы на таку д/выграбання каласкоў, цёртай саломы з зерневай кучы. Вядомы з глыбокай старажытнасці. Драўляныя г. складаліся з галоўкі з 8 – 14 зубамі і грабільна, ці ручкі. Зубы даўж. 7 – 10 см выразалі з цвёрдых парод дрэва (дубу, ясеню, грабу) і ўстаўлялі ў галоўку на адлегласці 5 – 5,5 см адзін ад аднаго і г.д. [16].*

Часам нават для таго, каб лепш уявіць сабе мастацкі вобраз, варта азнаёміцца з дакладным, навуковым апісаннем прадмета: напрыклад, *нерату* паэтычным асэнсаванні А. Разанава – гэта жывая істота, якая, *прапускаючы раку праз сябе, затрымлівае яе жыхароў – рыбін* (перыфраза); калі ён *парожні* – адчувае сябе *ракою* (параўнанне), а калі з *рыбай* – дык *рыбай* (параўнанне). *Нерат не рады ўдачы* (увасабленне): *стаўшы пасткай для рыбы, ён сам становіцца пасткай ракі, сам нерат трапляе ў нерат: ні ўзад цяпер яму, ні ўперад*. Гэта прыказка поўнасцю ці часткова, але скарыстана і паэтам, і навукоўцам, каб экспрэсіўна і дакладна перадаць сутнасць прадмета: *Нерат нікому не дароўвае неабачлівасці, і хто ў яго раптам трапляе, таму няма ходу ні ўзад, ні ўперад – Рыба ў Н. пранікала праз горла, якое перашкаджала ёй выходзіць назад (“Папаўся ў нерат, – ні ўзад, ні ўперад”, – гаворыць нар. прымаўка)* [16, с. 368].

Дадзены метада магчыма прымяніць як пры аналізе цэлых завершаных тэкстаў, так і іх частак, напрыклад, на прадмет выразнасці маўлення: у вучэбнай літаратуры часам сцвярджаецца, што толькі тэкст, насычаны вобразнымі сродкамі мовы, будзе экспрэсіўным. Аднак у выніку супастаўлення тэкстаў на прадмет наяўнасці / адсутнасці тропай высвятляецца, што моц уражання, уплыву тэксту залежыць і ад іншых фактараў. Супаставім радкі з вершаў трох паэтаў: *Ты, мабыць, добра ведаеш сама, / Што ні ў дарозе, ні ў сваім пакоі, / Мне без цябе ні радасці няма, / Ні шчасця, ні ратунку, ні спакою* (С.Грахоўскі) – *Каляноггараць брусніцы* (метафара), – / *Нібы ў красках летні луг* (параўнанне). / *Ад цілінькання сініцы / Ельнік здзіўлены аглух* (метафара, эпітэт) (Г. Бураўкін) – відавочна, што адсутнасць эпітэтаў, параўнанняў, метафар не робіць першыя прыведзеныя радкі менш эмацыянальнымі за другія, у якіх тлустым вылучаны маўленчыя сродкі стварэння вобразнасці і выразнасці.

IV. *Лінгвістычны эксперымент* – метада, які дазваляе назіраць за функцыянаваннем слова як моўнай з’явы ў канкрэтных умовах: гэта пошук магчымасцей замены адной моўнай адзінкі на другую (варыянтную ці сінанімічную – слова, перыфразы, фразеалагізма ці сінтаксічнай адзінкі пэўнай структуры ці інш.) у межах тэксту. Навукоўцы адзначаюць: “Пры гэтым ставіцца мэта выявіць сэнсавую, стылістычную, эмацыянальную і эстэтычную нагрузку таго моўнага сродку, які прыцягнуў увагу чытача або даследчыка” [12, с. 49]. Гэты метада мае шэраг прыёмаў, якія дапамагаюць даказаць шляхам штучных, наўмысных прыдумванняў стылістычных/лексіка-фразеалагічных/граматычных варыянтных адзінак дасканаласць ужо скарыстанай аўтарам адзінкі, яе неабходнасці ўжывання ў акрэсленым кантэксце, сітуацыі ці цэлым творы. Найбольш ужывальныя прыём замены, прыём перастаноўкі, прыём пропуску, прыём сінтаксічнай замены і трансфармацыі [12, с. 49–72]. Як слушна сцвярджаюць навукоўцы, “усялякі мастацкі тэкст,

паколькі ён сапраўды мастацкі, не церпіць замены аднаго слова іншым, адной граматычнай формы – іншай, аднаго парадку слоў – інакшым і г.д.” [17, с. 125]. Праілюструем прымяненне дадзенага метада: *Ія чакаю – даўнім, юнацкім чаканнем, – што за ракою, на стозе і на пакошы, за нас і за нашай радасцю вось-вось запляскаюць-заклякочуць у яснае неба буслы* (Я. Брыль). Калі правесці лінгвістычны эксперымент і прапусціць / апусціць выдзеленыя тлустым прыметнікі, то тэкст губляе вобразна-мастацкую канкрэтнасць, якае дае магчымасць чытачу даведацца, наколькі даўняе чаканне (яшчэ шчырае *юнацкае!*), і дамаляваць эпізод светласці ўспамінаў, *яснае* неба – шчаслівае неба;

Ваенны год на службе лічыцца за тры. Салдату. Дзецям і маці, якія ў той час былі разлучаны, трэба лічыць, прынамсі, яшчэ раз утрая. Час чакання, тугі, невядомасці... (Я. Брыль). Вядома, што парцэляваныя сінтаксічныя адзінкі – адметнасць праяўленага маўлення Янкі Брыля. Калі, напрыклад, перабудаваць прыведзены тэкст, не выносячы ў постпазіцыю да галоўнага выказвання ўдакладняльныя лексемы, то губляецца нязмушанасць, шчырасць, экспрэсіўнасць: *Ваенны год на службе салдату лічыцца за тры. Дзецям і маці, якія ў той час чакання, тугі, невядомасці былі разлучаны, трэба лічыць, прынамсі, яшчэ раз утрая.*

Прадэманструем прымяненне прыёму пропуску / замены на прыкладзе фальклорнага тэксту: *Божа мой, божа, / Жаль мне маладосці. / Даў мне Бог мужа / Не па любосці. / Ростам маленькі, / Як серп крывенькі. / Вочкі заспаны, – / Як у старога пана. / Валасы рыжэнькі, / Як ля пня апенькі.* Калі зняць эпітэт *рыжэнькі*, то здымаецца не толькі апісанне знешняга выгляду персанажа, але псіхалагічная характарыстыка вобраза: этымалогія народная гаворыць пра тое, што рыжы – ‘хітры’. Шмат што можна дараваць чалавеку: “з твару ваду не п’юць”, гаворыць народная мудрасць, але хітрасць у сям’і, у адносінах, адсутнасць даверу ўскладняюць жыццё, не спрыяюць вырашэнню сумесных спраў. Можна змяніць на эпітэт *ліхенькі, старэнькі* – і гэтыя эпітэты напоўняць вобраз іншымі характарыстыкамі.

V. **Біяграфічна-фактычны метада** выкарыстоўваецца пры вывучэнні мастацкай літаратуры; ён дапамагае акрэсліць ступень праўдзівасці мастацкага тэксту, якая падтрымліваецца / забяспечваецца біяграфічнымі звесткамі, веданне якіх яшчэ больш паўплывае на ўражанне чытача, яго эмацыянальнае стаўленне да зместу твора. Лічым неабходным звучіць, канкрэтызаваць тэрмін біяграфічны метада, прапанаваны іншымі навукоўцамі, які можна прымяніць пры вывучэнні праяўленага, паэтычных, драматургічных тэкстаў розных пісьменнікаў: Янка Купала “Раскіданае гняздо”, Якуб Колас “Новая зямля”, Янка Брыль “Птушкі і гнёзды”, Іван Шамякін “Трывожнае шчасце”, Васіль Быкаў “Жураўліны крык”, Георгій Марчук “Каноны” і інш. Названыя творы з’яўляюцца калі не класікай беларускай літаратуры,

то хрэстаматычнымі і вывучаюцца ў сярэдняй ці ў вышэйшай школе. Пры іх вывучэнні варта ўзгадаць біяграфічныя звесткі, аднак аналіз некаторых тэкстаў вымагае ведання не ўсёй біяграфіі, а толькі ўзгадвання асобных жыццёвых эпізодаў, фактаў, неабходных для больш дакладнага ўсведамлення ідэі. У сувязі з гэтым прадстаўлены метада вызначаецца намі як **біяграфічна-фактычны**. Напрыклад, пры вывучэнні канонаў Г. Марчука (у прыватнасці “Канон маці”) не трэба раскадваць усю біяграфію пісьменніка, дастаткова ўгадаць журботны факт жыццяпісу пісьменніка – тады становіцца зразумелым яго сум і боль: *Я ад цябе далёка, у іншым горадзе. Ты нават не ведаеш, калі б прыйшла ў свой дзень анёла адтуль, адкуль яшчэ ніхто не вяртаўся, якімі б словамі я цябе сустрэў. Я здагадваюся, чым пацікавілася б ты, угледзеўшы мае трохі азызлыя шчокі і глыбокія маршчыны на лбе: “Ці не хварэеш, сыноч?” Папрасіла б паказаць праўнучку, якую назвалі тваім імем, пацікавілася б: “Дзе ўсе нашыя, як хата?”* (Г. Марчук “Канон маці”) – канон-маналог памяці маці пісьменніка насычаны шчымлівым пачуццём болу; асаблівае гучанне вобразныя і нявобразныя маўленчыя адзінкі набываюць, калі чытач даведваецца, што пісьменнік страціў маці ў дзяцінстве.

VI. **Тэксталагічны аналіз**. З мэтай пазбегнуць двухсэнсоўнасці *метада*, блізка да *эксперыменту* [13, с. 479], сутнасць якога заключаецца ў супастаўленні чарнавых варыянтаў радкоў з іх аўтарскім каментарыем і які дапамагае пры сэнсавай інтэрпрэтацыі вобраза пранікнуць у “лабараторыю” слоўнай аўтарскай творчасці, трактуецца намі ўслед за І.Я. Лепешавым як **тэксталагічны**. Як вядома, тэксталагічны аналіз як від працы з тэкстам – гэта параўнанне розных рэдакцый аднаго і таго ж твора, аўтарскіх чарнавікоў, рукапісаў. Гэтым займаюцца спецыялісты-тэксталагі, але іх апублікаваныя назіранні і вывады, безумоўна, можна і трэба выкарыстоўваць пры вывучэнні твораў, бо на іх аснове лёгка паказаць творчыя пошукі “пакуты слова”: як пісьменнік шукаў і нарэшце знайшоў самае неабходнае, адзіна магчымае слова ці выраз для пэўнай маўленчай сітуацыі [10, с. 14]. Тэрмін *лінгвістычны эксперымент* прымяняецца намі (ўслед за Г.М. Малажай), да іншага метада вывучэння, інтэрпрэтацыі тэксту.

Тэксталагічны аналіз рэдка выкарыстоўваецца праз адсутнасць чарнавога варыянта даследуемага тэксту, адпаведна мае неабавязковы характар [13, с. 479]. Дадзены метада, напрыклад, выкарыстоўваецца пры супастаўленні арыгінала тэксту апавядання Якуба Коласа “У старых дубах” з адаптаваным тэкстам для хрэстаматыі “Родная літаратура” (IV клас): *Рыбак падбег першы. Скінуўшы адзежу, адважна рынуўся ён у ваду. А якраз насунуўся ляснік і Рыбак падбег першы. Скінуўшы адзежу, адважна кінуўся ён у ваду. А якраз падышоў ляснік* [18, с. 161]. Як слушна зазначае даследчык, нейтральнае *падышоў* не трывожыць уяўлення; *насунуўся ляснік* – нараджае

вобраз змрочнага лесу і грозную постаць лесніка, якая нечакана з’яўляецца. Відавочна, што праз адаптацыю тэкст згубіў шмат сэнсавых і эмацыянальных нюансаў, неабходных для ўспрымання тэксту, яго ідэі, вобразаў.

Дадзены від аналізу дазваляе нам супаставіць дзве выдавецкія рэдакцыі аднаго тэксту – заключнае чатырохрадкоўе верша “Спадчына”: Жыве з ім дум маіх сям’я / І сніць з ім сны нязводныя... / Завецца ж спадчына мая / Ўсяго *Старонка й Роднаю* (Купала, Я. З кутка жаданняў: вершы, паэмы, п’есы: для сярэд. і ст. шк. узросту / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 446 с.) – Жыве з ім дум маіх сям’я / І сніць з ім сны нязводныя... / Завецца ж спадчына мая / Ўсяго *Старонка й Роднаю* (Купала, Я. Выбранае / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 224 с.). Лічым, што ў першай рэдакцыі графічна вылучаныя разбіўкай словы – правільна аформлены тэкст, паколькі курсіў паказвае на фігуру рэмінісцэнцыя, сутнасць якой у цытаванні слоў іншых аўтараў, знакамітых асоб.

VII. Метад “*слова-вобраз*” з’яўляецца адным з самых важных метадаў філалагічнага аналізу, паколькі з яго дапамогай выяўляецца змест мастацкіх вобразаў, іх паўнаважнасць, даецца мастацкая ацэнка. Слова ў кантэксце мастацкіх твораў рэалізуе пэўныя значэнні як агульнамоўныя пераносныя, так і аўтарскія, што прыводзіць у сваю чаргу да стварэння самых разнастайных тропай, іх відаў, а таксама стылістычных прыёмаў. Дадзены метады, як адзначалася, дазваляе прасачыць дынаміку сэнсаў і эмацыянальных адценняў слова (лексічны ўзровень), яго пераўтварэнне ў мастацкі вобраз. Прычым у гэтым рухомым працэсе вобраз паступова можа мяняць характарыстыкі, для яго стварэння аўтар можа актывізаваць сродкі розных моўных узроўняў – фанетычнага, графічнага, фразеалагічнага, граматычнага ці інш. Для прыкладу возьмем апавяданне Міхася Стральцова “Жураўліная песня”, дзе ствараецца аднайменны вобраз праз выкарыстанне розных стылістычных фігур і тропай. Якой чуюцца пісьменніку жураўліная песня, якія эмоцыі і пачуцці яна выклікае? На гэтае пытанне можна адказаць толькі пасля ўважлівага азнаямлення з тэкстам, магчыма, нават з прымяненнем статыстычнага метада, каб вызначыць дакладную колькасць лексем, якія ў аўтара асацыююцца з радасцю, а яна бывае рознай. Лексема *радасць* ужываецца ў невялікім па памеры тэксце 7 разоў, словы *вясна, вясновы* – 9 разоў; аўтар гаворыць, што *радасць нараджаецца*, калі становіцца *вясновай душой*, аднак гэта *можа быць з чалавекам неабавязкова вясной: ёсць яшчэ лета і зіма, ёсць восень, і ёсць яшчэ дзень і ноч, усход і захад сонца*. У розную пару, у розны час і радасць будзе рознай: зімою – ад таго, што *ўночы трашчыць на рэках лёд, і гул ідзе высока, аж да неба, а раніцай ляжаць снягі, ружовыя і чыстыя* (эпітэты), *як радасць* (параўнанне). Познім летам, у жніўні, напрыклад, сэрца радуе *яблык, пераспелы і светлы* (эпітэты), *як даўняя журба* (параўнанне); *ён упадзе* (сінекдаха) – *і надыдзе восень* (метафара), *а восенню*

хлопчукі пякуць на полі бульбу, і ўвосень прыходзяць да чалавека ўспаміны (метафара) *пра маленства* – і гэта таксама будзе радасць: магчыма, ва ўспамінах будзе і сум, але сум будзе светлы і не азмрочыць радасць. Аўтар пераконваецца і пераконвае, што калі радасць запазнілася, то можа прыйсці з жураўлінай песняй, і тады магчыма *спазнаць і трывогу, і шкадаванне, і журбу*, але *ўсё адно гэта будзе радасцю*. І чалавека будзе хваляваць і радаваць усё: як у *вадасцёчнай трубе грывіць, як гром* (параўнанне), абвальваецца намёрзлы лёд, як *трубяць журавы* (метафара), як ралля ў полі стане шэрай, *як жураўлінае крыло* (параўнанне), *як стаіць маладзічок* (метафара) у *купцы тоненькіх воблачкаў* (эпітэты, метафара), *стаіўшыся* (метафара), *як рыбіна ў траве* (параўнанне) і г.д. Якія складнікі ні былі б у пачуцця радасці, аўтар / лірычны герой упэўнены, што пачуццё мае розныя адценні, і яна ў дробязях, у звычайных рэчах і ў кожнага свая: радуецца *запозненыя пасажыры ў адзіночкіх трамваях*, бо вяртаюцца дадому, *хлопчык*, які спіць і *сніць сябе вялікім*; маладосць радуецца *пяшчотнай музыцы*, што чуецца з *радыёпрыёмніка*; *стары, апрануты ў кажух, вартаўнік на будоўлі* радуецца спакою і шкадуе, што *дошкі трэба на дрэвы аддаваць*, а ў вёсцы ён зрабіў бы з іх *весніцы ці плот*... Пісьменнік не хоча лічыць свае гады, не хоча думаць, як усялякі шчаслівы чалавек, колькі яму яшчэ жыць, але ён ведае: жыццё – гэта радасць, і гэтыя два паняцці не статычныя, іх сутнасць у руху, у імкненні наперад да большага, да светлага і прыгожага, як жураўліная песня: *Цякуць рэкі ў моры, і вырастаюць у неба дрэвы. Цякуць, як рэкі, дарогі на зямлі* (метафара, параўнанне), *і на сініх* (эпітэты) *лугах маленства* (метафара) *вырастаюць надзеі* (метафара). *І вырастае радасць* (метафара), *і Млечны Шлях сплывае ў вечнасць* (метафара), *і ляцяць, ляцяць сваёй млечнай дарогай* (метафара) *над цёмнай вясновай зямлёю журавы*. Для больш дакладнага выяўлення эмацыянальнага складніка вобраза і настрою аўтара варта разгледзець фігуры іншых маўленчых узроўняў: напрыклад, у аналізуемым апавяданні прадуктыўныя паўторы (словы: *радасць, вясна / вясновы, журавы / жураўліны*; выраз *стаяла ноч*); аднародныя члены сказа – *яблык пераспелы і светлы, падиэрхлая і гулкая зямля, вясёлай і шумнай дарогай*; антытэза – *дзень і ноч, усход і захад сонца*; анафара – *цякуць рэкі / цякуць, як рэкі...*, *Стаяла ноч*) і інш. Гукавы малюнак пяшчотнай цішы, ціхай радасці ўвасобіўся ў паўторах глухіх зычных гукаў, звонкіх і глухіх свісцячых, галосных гуках, абазначаных літарамі **і, я, е, ё**: *Стаяў маладзічок у купцы тоненькіх воблачкаў, стаіўшыся, як рыбіна ў траве...*; ... **і** *здавалася, ад гэтага далёкага суцішнага гуду трапяталася мясячнае святло, і здалося, што разам з гэтым трапятаннем ідзе да зямлі жураўліная песня*. Дадзены метады, як нам падаецца, з’яўляецца цэнтральным у вынаходніцтве і інтэрэтацыі аўтарскіх лексічных навацый, якія нанізваюцца, накладваюцца адна на адну, сашчапляюцца і ўтвараюць мастацкі вобраз.

Пры аналізе першаснага ці другаснага зместу слоў-назваў, лексічных паўтораў, ключавых слоў ці інш. можнарабіць **этымалагічны асацыятыўны** экскурсы (з дапамогай адпаведных даведнікаў), што, на нашу думку, спрыяе, з аднаго боку, узбагачэнню вобразаў новымі сэнсавымі нюансамі, эмацыянальнымі адценнямі, а з другога – такія экскурсы адначасова выяўляюць адметнасць ідыястыліяў, нацыянальную спецыфіку мовы [19, с. 211–218].

З дапамогай прапанаванага метаду праводзіцца **кантрастыўна-вобразны аналіз**, шляхам якога магчыма супастаўляць тоесныя вобразы, створаныя рознымі аўтарамі ў межах аднаго ці розных відаў мастацтва. Так, Г.С. Сырыца, падставай для супастаўляльнага аналізу трох вершаў (Е. Баратынскі «Дорога жизни», М. Лермонтов «Чаша жизни», А. Пушкин «Телега жизни») лічыць блізкі час іх напісання, ідэйна-тэматычную агульнасць вершаў (філасофская лірыка), а таксама падабенства іх вобразнай сістэмы, паколькі ўсе тры вершы ўяўляюць сабой разгорнутую метафару, накіраваную на асэнсаванне жыццёвага шляху чалавека [8, с. 274]. Аднак В.У. Вінаградаў адзначае, і мы не можам не пагадзіцца, што “супастаўленне мастацкіх твораў, калі яно матывуецца толькі храналагічна і псіхалагічна, застаецца знешнім. Яго вынік у лепшым выпадку – дадатак да каталога літаратурных супастаўленняў. А сам гэты каталог – у сваім імкненні звесці да абмежаванай колькасці абстрактных схем усю разнастайнасць індывідуальна-стылістычных варыяцый увасаблення той ці іншай тэмы – выконвае функцыі «бальнічнага ліста» ў псіхалогіі мастацкай творчасці” [20, с. 51].

Лічым магчымым супастаўляць нават аднатэмныя творы, што дазволіць выявіць падобнае, вынайсці рознае, адзначыць істотнае, акрэсліць найбольш характэрнае ў вобразах аднаго ці розных відаў мастацтва. Дадзены метады, на наш погляд, мае тры віды, якія вылучаюцца ў адпаведнасці з аб’ектам і прадметам супастаўлення: 1) вобразы твораў аднаго аўтара; 2) мастацкія вобразы розных аўтараў аднаго віда мастацтва; 3) вобразы розных відаў мастацтва [19, с. 229–234]. Параўнанне вобразаў розных відаў мастацтваў, аднолькавых ці падобных, заўсёды ўзмацняе іх эстэтычную функцыю, пацвярджае ўспрыманне аўтара ці даследчыка, папаўняе веды і адначасна не прэтэндуе на поўнае ўзаемапранікненне аб’ектаў параўнання, а толькі адлюстроўвае іх узаемадзеянне.

VIII. **Інтэртэкстуальны метады.** Даследаванне інтэртэкстуальных адзінак мае на мэце выявіць “іншародныя” тэкставыя ўкрапленні, пачынаючы нават з лексем-прозвішчаў знакамітых асоб, рэальных геаграфічных назваў, імёнаў літаратурных персанажаў ці герояў міфаў, узгаданых у творы – так званыя, “кропкавыя цытаты” [14, с. 226], устойлівых выказаў як фразеалагічнага характару – узуальных і аказіянальных, так і аўтарскага паходжання (афарызмы), таксама назваў, якія дэлігіруюць чытача

да назваў іншых твораў, у тым ліку твораў іншых відаў мастацтва, эпіграфай, розных відаў стылізацыі (магчыма, рытміка-сітаксічныя паралелі), наўмыснае аднаўленне шляхам парадзіравання твораў іншых аўтараў, цытаванне, у тым ліку самацытаванне, жанравая ўзаемасувязь разглядаемага твора з жанрамі-папярэднікамі падобнага кшталту (праз супастаўленне структуры твораў, сюжэткампазіцыйных характарыстык). На ўзаемасувязь тэкстаў, іх мастацкі дыялог звяртаецца ўвага пры лінгвістычным аналізе тэксту: пры аналізе твораў “яго істотным кампанентам павінен быць так званы рэальна-гістарычны каментарый, г.зн. тлумачэнне забытых імёнаў, фактаў, падзей, якія ўпамінаюцца ў творы, расшыфроўка магчымых аўтарскіх намёкаў, паказанне крыніц літаратурных і іншых яўных і прыхаваных цытат і г.д.” [10, с. 35].

Філалагічны аналіз тэксту як комплексны від даследавання мастацкага ці любога іншага тыпу тэксту прадугледжвае ўсебаковае, дакладнае апісанне ўсіх яго складнікаў. Паколькі “ў мастацкім тэксце ўсё імкнецца стаць матываваным” (Р.В. Вінакур), то пільнай увагі патрабуюць і ўкрапленні з тэкстаў іншых асоб (так званыя, “чужыя тэксты”). Выяўленне і апісанне “чужых” тэкстаў у складзе аналізуемых твораў, вызначэнне іх семантыкі і функцый складае прадмет інтэртэкстуальнага метады. Інтэртэкстуальныя элементы ў складзе мастацкага твора не маюць фіксаванага месца і з’яўляюцца разнастайнымі як паводле размяшчэння ў структуры тэксту (пачатак твора, узгаданне ў тэксце, скразныя паўторы, якія могуць пранізваць увесь твор, завяршальныя радкі, асобныя главы / часткі твора), так і па функцыях, якія аўтар ускладае на працытаваныя элементы (стварэнне камічных эфектаў; стварэнне вобразных асацыяцый; парадзіраванне; арнаментальная, ці функцыя «упрыгожвання» тэксту; характаралагічная мэта; абагульнення створаных сітуацый / выказаных ці нявыказаных думак; выражэнне аўтарскай ацэнкі ці ацэнкі персанажа) [14, с. 227; 9, с. 64]. Дадзены метады складаецца з двух асноўных этапаў і ўяўляе шлях апісання айсбергавых глыбін: на паверхні толькі частка “чужога” кампанента, скарыстанага аўтарам, аднак, каб выявіць глыбінныя сэнсы, трэба пранікнуць у сутнасць узгаданых слоў, рэчаў, з’яў і інш. Навукоўцы адзначаюць таксама, што азнаямленне з прыкладамі інтэртэкстуальнага аналізу дазваляе вылучыць наступныя яго больш дробныя “этапы: 1) выяўленне эстэтычных сігналаў «чужога» ў тэксце, які разглядаецца, 2) вызначэнне іх статуса, 3) правядзенне семантызацыі, 4) аналіз шматаспектных сувязей з тэкстам-крыніцай, 5) вывучэнне магчымых сэнсавых трансфармацый і функцый у даследуемым тэксце. Пры гэтым устанаўліваецца даследчыкам сувязь з тэкстам-крыніцай, якая служыць важным фактарам для фарміравання эстэтычнага сэнсу вывучаемага твора праз далучэнне да падтэкставай інфармацыі, якая ў ім утрымліваецца” [13, с. 472].

Трэба заўважыць, што інтэртэкстуальныя сувязі могуць дапаўняцца інтэрмедыяльнымі – сувязямі літаратурнага твора з творамі іншых відаў мастацтва: напрыклад, у рамане І. Шамякіна “Злая зорка” ёсць глава “Гракі не прыляцелі”. Гэта назва скіроўвае чытача да супастаўляльнага аналізу з назвай карціны, а значыць, з вобразамі самой карціны А. Саўрасава «Гракі прыляцелі». Паралель, праведзеная пісьменнікам, а затым чытачом і таксама філолагам-даследчыкам, дапамагае больш поўна ахарактарызаваць вобразы менавіта літаратурнага твора, а супастаўляльны аналіз вобраза неба, створанага Саўрасавым, і неба, створанага Шамякіным, выклікае кантрасныя пачуцці, узмацняе эстэтычны эффект пры ўспрыняцці літаратурнага твора і дае магчымасць больш уважліва паставіцца да творчасці нават вядомых мастакоў, магчыма, пераасэнсаваць успрыняцце іншых вобразаў, у такім выпадку, выяўленчага мастацтва [19, с. 234–239].

Інтэртэкстуальны і інтэрмедыяльны аспекты як складнікі філалагічнага аналізу тэксту ў выніку спрыяюць больш глыбокаму ўспрыняццю твора: з іх дапамогай выяўляецца так званая “зместава-падтэкставая інфармацыя твора”, якая скіроўвае думкі і пачуцці чытача ў семантычную прастору і пашырае, узбагачае яго эмацыянальны свет. Праілюструем дадзены тэзіс з дапамогай твора У. Караткевіча “Ідылія ў духу Вато”, мастацкую задуму якога неабходна вызначаць з улікам інтэртэкстуальных і інтэрмедыяльных сувязей. У пэўным канкрэтным выпадку экскурс мастацтвазнаўчага характару і літаратуразнаўчага зместу дазваляе адказаць на шэраг пытанняў, якія дапамогуць выявіць глыбінныя сэнсы аўтарскай задумкі: па-першае, ці толькі восеньскай парой тлумачыцца колеравая гама твора; па-другое, з якой мэтай пісьменнік узгадвае радкі М. Багдановіча, якія з’яўляюцца адным з эпиграфаў (“*Прыгожы парк, які любіў Вато...*”); па-трэцяе, які тон апавядання задаюць два эпиграфы; на якія думкі і пачуцці скіроўвае другі эпиграф (*Кіпяць жаданні. І няма жаданняў: / Як вогнішча пад сонечным дажджом* – радкі М. Заранка; на нашу думку, за гэтым прозвішчам схаваны Тамаш Зан (1796–1855), паэт-рамантык, прадстаўнік філаматаў). “Кропкавыя цытаты” з’яўляюцца, на наш погляд, вызначальнымі носьбітамі падтэкставай інфармацыі: Жан Антуан Вато (1624–1721) – французскі мастак, які быў адным з заснавальнікаў мастацтва ракако. Спадчыну яго складаюць каля 1 000 малюнкаў і больш за 200 карцін, характэрнай асаблівасцю якіх з’яўляецца іх невялікі памер: “Урок каханню” (1717; 44 x 61), “Сюрпрыз” (1718; 36 x 28); “Перспектыва” (1715; 46,5 x 55); “Купідоны” (1710; 13 x 17,8); “Капрызуля” (1718; 42 x 34) і інш. Даследчыкамі мастацкай творчасці Вато адзначаецца, што яго карціны будуецца не на дзеянні, а на адценнях пачуццяў, настройў; мастак адкрывае тонкія / кволяыя нюансы пачуццяў, якія ледзь улоўна змяняюцца, што адлюстроўваецца праз вочы персанажаў; на карцінах яны паказаны на фоне

дрэў, паркаў; колеравая гама сціплая, някідка – белы, чырвоны, чорны, (нам бачыцца цёмна-зялёны), дзякуючы чаму пануе меланхалічны сум. Падобная колеравая гама, “гаваркія” вочы дзейных асоб, сум незбытковай мары пранізваюць увесь твор У. Караткевіча: *Яна апусціла вочы ўніз. Лімонныя, барвяныя, іржава-чырвоныя лісты клёнаў стракатай мазаікай ляжалі на зямлі; ...двума каменнымі хвастамі ўзяталі за спіной у наветра жоўтыя і барвяныя лісты; Каля самога партэра было відаць некалькі дрэў, лістота якіх была бледна-зялёнай, але сярод вогненнага індзейскага пажару астатніх дрэў здавалася слаба-блакітнай; Хлопец працягнуў ёй велічэзны, зялёны, у пунсовых кропках ліст; Дрэвы былі нейкія ненатуральныя. Вільгаць прасякла іхнюю кару, і яны здаваліся чорнымі, абвугленымі ў полімі ўласнай лістоты; А ўнізе трапятаў залатымі і зялёнымі манетамі ўвесь пранізаны касым сумным святлом бярозавы гай.* Відавочна, што Вато – пэндзалец, а Караткевіч словам малюе прастору ўзаемаадносін, якая раскрываецца праз колеры: душа і настрой у колерах.

Караткевіч таксама акцэнтуюе ўвагу на вачах, у іх люструецца настрой дзейных асоб, які нікому больш не бачны (ні выпадковай жанчыне, ні міліцыянеру, ні людзям з санаторыя), ён ледзь улоўны, заўважны ім самім, адчувальны толькі імі дваімі: *Затое вочы былі дзівосныя: вялізарныя, чорныя, з глыбокім бляскам; І тут ён прачытаў у вачах дзяўчыны нешта такое, чаго нельга было не заўважыць; ...вынес яе на сухі бераг і наблізіў да яе вачэй жорсткія, пірацкія вочы; Добра, – у яго загарэліся вочы. – І я таксама.*

Ідылія як жанр накіравана на светлыню, на разуменне, на ідэальнасць адносін, аднак “*ідылія ў духу Вато*” пра восеньскае вогнішча, што праз дождж не можа разгарэцца; так і дзейныя асобы праз пэўныя жыццёвыя абставіны, праз ўласную пазіцыю галоўнага персанажа не могуць дазволіць свайму каханню разгарэцца на ўсю моц. Як восеньскае вогнішча будзе затушана дажджом, так і каханне праз хваробу не спраўдзіцца.

На пашырэнне фонавых меж нелітаратурнага характару паказвае таксама трансдысцыплінарны накірунак у развіцці навукі, які вызначаны часам і рознымі магчымасцямі культуры і мастацтва, у прыватнасці выяўленчага і музычнага.

Інтэртэкстуальнасць, інтэрмедыяльнасць – дыялагічнасць твораў аднаго ці розных відаў мастацтва, для выяўлення глыбінных сэнсаў якіх неабходна як лінгвістычная, так і экстралінгвістычная інфармацыя, якая і вынаходзіцца шляхам дадзенага метаду.

Відавочна, інтэртэкстуальная прастора мастацкага тэксту можа пашырацца за кошт вобразаў літаратурных і нелітаратурных твораў (інтэрмедыяльнасць). Адпраўной кропкай можа стаць інтэрмедыяльны метаду як складнік філалагічнага аналізу тэксту з мэтай выяўлення сутнасці мастацкага твора (вобраза) і твора (вобраза), які дапаможа ў выніку супастаўлення

вылучыць агульныя / падобныя рысы ці, наадварот, вылучыць непадобнасць (кантраснае ўзаемадзеянне). У любым выпадку такое супастаўленне мае на мэце пазнавальнасць, пашырэнне мастацкага кругагляду, узмацненне эстэтычнага эфекту, што паспрыяе развіццю вобразнага мыслення.

Заклучэнне. Такім чынам, прапанаваныя метады філалагічнага аналізу скіроўваюць на ўсебаковае, дасканалое вывучэнне твораў. Кожны метады мае этапы прымянення, некаторыя з якіх, як і самі метады, падчас працы з тэкстамі ці з асобнымі словамі могуць актуалізавацца, ці, наадварот, не выкарыстоўвацца. Унікальнасць мастацкага твора як аб'екта даследавання, прыналежнасць да аднаго з літаратурных накірункаў прадвызначае спецыфіку адбору і аналізу маўленчых сродкаў розных узроўняў у адпаведнасці з аўтарскай манерай пісьма. У сваю чаргу адметнасць канкрэтнай нацыянальнай мастацкай літаратуры, яе формаў, зместу, маўленчай напэўняльнасці, створаных вобразаў, індывідуальных пісьменніцкіх стыляў, а таксама непаўторнасць ідэйнай задумкі, жанравая спецыфіка і кампазіцыя, увасобленыя ў кожным асобным творы, прадвызначаюць немагчымасць выпрацоўкі адзінай схемы аналізу: «Не, даследаванне, якое займаецца індывідуальным і інтуітыўным у паэзіі, павінна само заставацца індывідуальным і інтуітыўным, а не выраджацца ў жаргон. «Не імкніцеся мяне пераймаць», павінна было б стаць эпиграфам над кожнай сістэмай навуковых поглядаў» [21, с. 216]. Сістэматызуючы, удакладняючы тэрміналагічны падмурак філалагічнага аналізу, мы прытрымліваемся думкі навукоўцаў, якія правамерна зазначаюць, што «стварэнне метамовы з вялікай колькасцю тэрмінаў, якая ўсё павялічваецца ў розных галінах філалагічнай навукі, робіць апарат даследчыка мастацкага тэксту далёка не дасканалым. Багацце тэрмінаў, якія часта дубліруюць адзін другі, у вобласці лінгвапаэтыкі садзейнічае адцягненню, адводзіць ад непасрэднага ўспрымання» [8, с. 12], а вялікая колькасць тэрмінаў прыводзіць да «засушвання», лагізацыі зместу.

Праца з арыгінальным літаратурным ці фальклорным тэкстам на занятках як у сярэдняй, так і вышэйшай школе фарміруе ўдумлівую, гарманічную, неаб'якавую асобу, яе моўную кампетэнцыю, пашырае кругагляд, выходзіць эстэтычны густ. Аднак практычная вартасць дадзенага віду працы з тэкстам больш шырокая: філалагічны аналіз твора папярэднічае напісанню кінасцэнарыя, тэатральнай пастаноўцы, стварэнню лібрэта, сустрэчы з пісьменнікам у бібліятэчнай зале, выкананню песні, таму не толькі філолагу, але і спецыялісту сферы культуры авалоданне прыватнымі метадамі бачыцца нам важным, неабходным.

Літаратура

1. Виноградов, В.В. *Стилистика: теория поэтической речи. Поэтика* / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.

2. Одинцов, В.В. *Стилистика текста* / В.В. Одинцов; отв. ред. А.И. Горшков. – М.: URSS: Либроком, 2014. – 263 с.

3. Шанский, Н.М. *Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов пед. институтов по спец. № 2101 «Русский язык и литкратура в национ. школе» и «Русский язык и литература» с дополн. специальностью «Педагогика»*. – Л.: Просвещение, 1984. – 270 с.

4. Ларин, Б.А. *Эстетика слова и язык писателя: избранные статьи* / Б.А. Ларин. – Л.: Худож. лит., 1973. – 288 с.

5. Новиков, Л.А. *Художественный текст и его анализ* / Л.А. Новиков. – 3-е изд. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. – 301 с.

6. Тарланов, З.К. *Методы лингвистического анализа: для вузов* / З.К. Тарланов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 236 с.

7. *Лінгвістычны аналіз тэксту: зборнік артыкулаў / пад рэд. Ф. Янкоўскага* – Мінск: Мін. педінстытут імя А.М. Горскага, 1978. – 81 с.

8. Сырица, Г. Ф. *Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие* / Г.Ф. Сырица. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 342 с.

9. Ревуцкий, И. *Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие* / И. Ревуцкий. – Минск.: РИВШ, 2006. – 320 с.

10. Лепешаў, І.Я. *Лінгвістычны аналіз тэксту: вучэб. дапаможнік* / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Выш. шк., 2009. – 287 с.

11. Маслова, В.А. *Филологический анализ текста: учеб. пособие* / В.А. Маслова – Минск: Университетское, 2000. – 173 с.

12. Малажай, Г.М. *Лінгвістычны аналіз тэксту: вучэб. дапаможнік* / Г.М. Малажай. – 2-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск: Выш. шк., 1992. – 367 с.

13. Болотнова, Н.С. *Филологический анализ текста: учеб. пособие* / Н.С. Болотнова. – 4-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 520 с.

14. Николина, Н.А. *Филологический анализ текста: учебник для студ. учреждений высш. образования* / Н.А. Николина. – 4-е изд., испр. – М.: Изд. центр «Академия», 2014. – 272 с.

15. Трыпуціна, Т.М. *Аналіз слова- і фразеаўжывання ў мастацкім тэксце (з нарыса пра мову Янкі Брыля): вучэб. дапаможнік*. – Мінск: Мін. педінстытут імя А.М. Горскага, 1984. – 75 с.

16. *Этнаграфія Беларусі: Энцыкл. (Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.].* – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.

17. Пешковский, А.М. *Вопросы методики родного языка лингвистики и стилистики* / А.М. Пешковский. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1930. – 176 с.

18. *Основы культуры маўлення і стылістыкі: вучэб. дапаможнік* / У.В. Анічэнка, У.Д. Еўтухоў, В.А. Ляшчынская, Т.І. Тамашэвіч; пад рэд. У.В. Анічэнка. – Мінск.: Універсітэцкае, 1992. – 254 с.

19. Пісарэнка, А.М. *Стылістыка беларускага мастацкага маўлення: манаграфія* / А.М. Пісарэнка. – Мінск: БДУКМ, 2020. – 263 с.

20. Виноградов, В.В. *Поэтика русской литературы* / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 511 с.

21. Шпитцер, Л. *Словесное искусство и наука о языке // Проблемы литературной формы: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. В.М. Жирмунского.* – Изд. 2-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 240 с.

Паступіў у рэдакцыю 18.04.2022

Репрезентация категории пассивности в современном английском языке

Бирюк И.Б.

Учреждение образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова», Могилев

Категория пассивности в английском языке иерархично представлена компонентами морфологического, лексического и синтаксического уровней, которые способны осуществлять взаимодействие на основе содержательной соотносительности. Такой подход позволяет рассмотреть средства выражения пассивности в английском языке в свете теории полевой структуры.

Цель статьи – реконструкция микрополя пассивности в составе функционально-семантического поля залоговости.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили примеры предложений, содержащие разноуровневые языковые единицы с пассивным значением, которые были отобраны методом целенаправленной выборки из учебной и учебно-методической литературы лингвистической направленности.

Результаты и их обсуждение. Конструируя микрополе пассивности (МП), мы представили его 4 зонами: ядерной, околоядерной зонами, а также зонами ближней и дальней периферии. Основным критерием для попадания конститuentов поля в указанные зоны является степень раскрытия специфического семантического признака категории пассивности – объектно-предикативная направленность, или центристремительность, действия. Другими критериями являются полнота и качество проявления категориальных морфологических признаков – внешняя маркированность значения пассивности – и синтаксических параметров МП – возможность распространения пассивной конструкции косвенным дополнением со значением логического субъекта и противопоставленность активной конструкции.

Заключение. Расположение элементов микрополя пассивности в определенной зоне – от ядерной до периферийной – не свидетельствует об их неравноправии или разной значимости в языке. Средства выражения пассивности являются равноправными членами функционально-семантической категории в системе общения, но в иерархической структуре категории пассивности они занимают свое место. Это дает определенную упорядоченность в структуризации категории пассивности.

Ключевые слова: залоговость, пассивность, функционально-семантическое поле, микрополе, ядерные компоненты, элементы периферии.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 134–138)

Representation of the Category of Passivity in Modern English

Biryuk I.B.

Education Establishment "Mogilev State A.A. Kuleshov University", Mogilev

The category of passivity in English is hierarchically represented by components of the morphological, lexical and syntactic levels, which interact on the basis of semantic correlation. This approach makes it possible to consider the means of expressing passivity in English in the light of the theory of field structure.

The purpose of the article is the reconstruction of the micro-field of passivity as part of the functional-semantic field of voice.

Material and methods. The material for the study was examples of sentences containing multilevel language units with the passive meaning, which were selected by means of targeted sampling from English linguistic textbooks.

Findings and their discussion. Constructing the micro-field of passivity (MP) we presented it with 4 zones: the nuclear zone, the near-nuclear zone, as well as the zones of near and far periphery. The main criterion for the field constituents to fall into these zones is the degree of manifestation of a specific semantic feature of the category of passivity – an object-predicative orientation, or centripetality, of the action. Other criteria are the entirety and degree of manifestation of the morphological property – external marking of passivity – and the syntactic parameters of the MP – the possibility of extending a passive construction by an indirect complement with the meaning of a logical subject and the opposition to an active construction.

Conclusion. Constituents' entering a certain zone of the MP – from nuclear to peripheral – does not indicate their inequality or different significance in the language. The means of expressing passivity are equal members of the functional-semantic category in the communication system, but in the hierarchical category structure they take their place. This contributes to a certain order in structuring the category of passivity.

Key words: voice, passivity, functional-semantic field, micro-field, nuclear components, elements of the periphery.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 134–138)

В современном языкознании хорошо изучены и описаны многие факты и явления. Категория пассивности хоть и является предметом постоянного исследования лингвистов, все же оставляет возможности для новых наблюдений и суждений.

Пассивность привлекала внимание исследователей с античных времен. Так, еще Аристотель сформулировал 10 понятий «свойств бытия» – субстанция, количество, качество, отношение, пространство, время, состояние, обладание, действие и претерпевание. Как понятийная категория пассивность происходит из противопоставления действия претерпеванию.

Пассивность рассматривается, прежде всего, как лингвистическая категория. Историей развития пассива в английском языке занимались такие исследователи, как Л.И. Андриевская, Б.М. Гусейнов, М.М. Гухман, Л.Л. Иофик, Л.П. Чахоян, Н.А. Дмитриева, Т.А. Расторгуева, Н.Н. Сигарева, М.В. Хвесина, И.Г. Шавкун, М.Я. Блох, О. Есперсен, М.М. Вруант, G.O. Curme, J. Layons, F.R. Palmer, H.A. Sweet и другие. Современные исследования пассива направлены на рассмотрение различных языковых средств, используемых для его выражения. Так, исследованием маркированного и немаркированного пассива, передаваемого личными формами глагола, занимались И.Б. Долинина, Э.Г. Шубная, Н.А. Знаменская и другие, неличными формами – Е.А. Корнеева, Н.Б. Басова и другие. Более полное и системное представление разноуровневых средств выражения пассивности можно встретить в работах Н.А. Аверьяновой, М.А. Римской, А.М. Ключиной и других.

Существует три основных подхода к трактовке пассивности в лингвистике: структурный, функциональный и когнитивный [1].

С точки зрения структурного подхода пассивность – один из членов оппозиции, передающей субъектно-объектную направленность действия. При этом возможность субъектно-предикативных или объектно-предикативных отношений в предложении рассматривается в рамках категории залога. Залог можно определить как грамматическую категорию, отражающую в нашем сознании представление отношений между действием и его участниками, имеющих различное формальное выражение. Средствами выражения данной категории являются залоговые формы глагола.

Однако определение пассивности терминами и понятиями структурной лингвистики не включает разнообразные языковые явления, имеющие переходный характер. Не все средства выражения пассивности укладываются по форме и содержанию в жесткие рамки классической категории. Многочисленные единицы функционального уровня остаются вне поля зрения структурного подхода и требуют дополнительного толкования [1].

Существенно шире границы пассивности (в том числе и активности) определяются в рамках функционального подхода. Особенно успешно в таких случаях работает метод функционально-семантического

поля (ФСП), разработанный такими учеными, как В.Г. Адмони, Е.В. Гульга, Е.И. Шендельс, А.В. Бондарко. В свою очередь, ученый А.В. Бондарко определяет функционально-семантическое поле как «особого рода единство средств выражения однородного функционально-семантического содержания в форме взаимодействия и особой организации элементов разных уровней языка» [2, с. 12–13].

Так, ФСП залоговости охватывает разноуровневые средства, служащие для выражения различных типов отношения глагольного действия-предиката к субъекту и объекту как семантическим категориям, которым соответствует тот или иной элемент синтаксической структуры предложения. Пассивность определяется как семантическая категория, образующая микрополе в составе ФСП залоговости, и характеризуется как исходно-объектная ориентация действия предиката. Следовательно, основным критерием отнесения языковых единиц к микрополю пассивности может считаться их семантическая категоризация.

Цель статьи – реконструкция микрополя пассивности в составе функционально-семантического поля залоговости.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили примеры предложений, содержащие разноуровневые языковые единицы с пассивным значением, которые были отобраны методом целенаправленной выборки из учебной и учебно-методической литературы лингвистической направленности.

Результаты и их обсуждение. На данный момент у исследователей сложилось представление о категории пассивности как о сложно организованной системе разноуровневых средств выражения: морфологических, синтаксических, лексических и словообразовательных. Наиболее полное представление о систематических связях внутри языка дает описание языковых единиц в свете теории полевой структуры.

Под термином «поле» обычно понимается совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Для английского языка концепцию полевой структуры разработала проф. И.П. Иванова на материале частей речи и словообразования. Лингвистами выделяются различные поля, а именно: морфосемантические поля, для элементов которых помимо семантической близости присуще наличие общего аффикса или основы (П. Гиро); ассоциативные поля, исследуемые в рамках психолингвистики и психологии, для которых характерно объединение вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов (Ш. Балли); грамматические поля (к примеру, залоговое поле М.М. Гухман, А.В. Бондарко). Возможны и разноуровневые поля [3, с. 85].

А.В. Бондарко определяет функционально-семантическое поле (ФСП) как особого рода единство средств выражения однородного функционально-

семантического содержания в форме взаимодействия и особой организации элементов разных уровней языка. В ФСП взаимодействие лексических и грамматических компонентов осуществляется благодаря их содержательной соотносительности и способности объединяться в одном семантическом комплексе. Ядром такого поля выступает семантическая категория, на периферии сосредотачиваются определенные лексико-грамматические разряды слов, связанные с ядром общностью содержания в каком-то одном конкретном аспекте и характеризующиеся градацией их содержательной стороны по принципу убывания их грамматических признаков и возрастания семантических [2, с. 12–13].

М.М. Гухман, А.В. Бондарко на материале английского языка выделяют функционально-семантическое поле залоговости. Залоговость – это ФСП, которое охватывает разноуровневые средства языка, передающие субъектно-объектную направленность действия. ФСП залоговости включает в свой состав различные микрополя, например, микрополя активности и пассивности, отражающие субъектно-предикативную, или центробежную, и объектно-предикативную, или центростремительную, ориентацию действия; микрополе возвратности, представляющее предикат как действие, при котором деятель является и субъектом и объектом действия; микрополе взаимности, представляющее предикат, как действие, при котором участники одновременно являются объектом действия, и т.д.

Так, микрополе пассивности (далее МП) образует сложную структуру в составе функционально-семантического поля залоговости, которая строится по принципу оппозиции «центр – периферия» и представлена в языке как грамматическими (морфологизованными), так и синтаксическими единицами, находящимися на грани парадигматики и синтагматики (свободными и полусвободными словосочетаниями), характеризующимися семантической совместимостью их компонентов [4, с. 135].

Конструируя МП, мы представили его 4 зонами: ядерной зоной, околядерной зоной, а также зонами ближней и дальней периферии. Основным критерием для попадания конститuentов поля в указанные зоны является степень раскрытия специфического семантического признака категории пассивности – объектно-предикативная направленность действия. Иными словами, семантические компоненты исследуемой полевой структуры соотносятся с признаками логического понятия претерпевание, или пассивность. Другими критериями служат полнота и качество проявления категориальных морфологических и синтаксических параметров МП.

Центр МП – пассивные формы грамматической категории залога. Ядерные конститuentы – наиболее типичные и устойчивые представители МП, наделенные характерными для большинства элементов свойствами. Их семантический признак уже упоминался – это исходно-объектная ориентация действия предиката.

Синтаксический признак этих элементов – возможность распространения пассивной конструкции косвенным дополнением со значением логического субъекта и противопоставленность активной конструкции.

С точки зрения морфологического критерия элементы ядра МП в английском языке составляют парадигму пассивных форм глагола с включением в ее состав различных категориальных признаков финитного глагола. К ним относятся абсолютное время, выражаемое простыми (неопределенными) формами (Present, Past and Future Indefinite Passive); временная отнесенность, выражаемая перфектными формами (Present, Past and Future Perfect Passive); вид, выражаемый длительными формами (Present and Past Continuous Passive), следование, выражающее относительную будущность (формы Future-in-the-Past Passive). Перечисленные формы составляют парадигму маркированных пассивных форм.

Формы маркированного пассива употребляются в следующих типах структур:

1) в пассивных конструкциях, где объект действия выражен эксплицитно, и в его роли выступает знаменательное слово: *Attempts have been made to add three more Voice forms to English verbs;*

2) в атрибутивных придаточных предложениях, где объектность действия выражается косвенно, так как ее носителем выступает не знаменательная часть речи, а ее заменитель – определяемое слово в придаточном предложении: *Ch.Fries applied the approach that was appreciated by many other scholars;*

3) в условно безличных пассивных конструкциях с невыраженным логическим объектом и формальным подлежащим *It*: *It is commonly accepted that Tense denotes time;*

4) в субъектно-предикативных комплексах с инфинитивом или причастием, где грамматический субъект действия не является его логическим исполнителем. Субъект пассивного действия скрыт в структуре предложения: *Programmed instruction is considered to have many advantages. They were heard discussing the issue.*

Семантическая инвариантность ядерных конститuentов поля проявляется в неизменности и независимости категориального значения пассивности от конкретных ситуаций, в которых оно устанавливается. Это наиболее частотные представители всего микрополя.

Околядерные компоненты МП – зона образований разной количественной емкости с факультативным наличием основных категориальных признаков. Околядерная зона представлена конститuentами, характеризующимися семантическими и синтаксическими свойствами ядерных элементов, но имеющими отличия на уровне морфемного строения. Сюда мы относим пассивные аналитические формы, образованные с помощью вспомогательного глагола *to get*: *They never get invited anywhere.*

Семантика пассивных конструкций с вспомогательными глаголами *to be* и *to get* во многом схожая, тем не менее образования с глаголом *to get* обладают

дополнительными семами – «неожиданности действия»: *The player got hit by a cricket ball*, «случайности произошедшего»: *The criminal got caught by the police during a routine speed check*, «намечающейся тенденции»: *More and more people are getting attacked in the underground these days*.

В ряде случаев пассивные конструкции с глаголом *to get* характеризуются семой «направленности на себя». Такое созначение можно встретить в структурах *get washed, get dressed, get lost, get confused, get married* и др. Однако сема «направленности на себя» коррелирует со значением возвратности действия, и в этом случае пассивная структура приближается к зоне микрополя возвратности. Данные образования отдаляются от околядерной зоны МП из-за ослабления их базового семантического признака.

К единицам околядерной зоны МП следует отнести и нефинитные формы глагола, составляющие пассивные парадигмы в своих классах слов – Indefinite Passive Infinitive, Perfect Passive Infinitive: *This rule ought to be memorized. You might have been hurt*; Indefinite Passive Gerund, Perfect Passive Gerund / Participle I: *Nobody likes being interrupted. Having been rejected by everybody he became a monk*.

Еще одним представителем околядерной зоны МП можно считать прошедшие причастия (Participle II), образованные от переходных длительных глаголов. Семантическая структура таких причастий всегда содержит пассивный компонент, независимо от того, употребляются эти причастия самостоятельно: *The data presented here were collected by us* или в сочетании с глаголом *to be*: *He was confused by that sort of question*. Дополнительной семой в таких единицах является «признак» или «состояние».

Таким образом, элементы околядерной зоны МП отличаются от ядерных конститuentов МП не только внешним оформлением, но и неоднородностью их семантической структуры. При этом их синтаксические признаки остаются наиболее устойчивыми. Единицы этой зоны вне зависимости от контекста употребления сохраняют способность принимать косвенное дополнение со значением логического субъекта и вступать в оппозицию к активной конструкции.

Конститuentы периферийной зоны характеризуются неустойчивостью категориальных признаков и способностью легко перемещаться из одного поля в другое. В периферийные зоны МП следует отнести элементы лексического и синтаксического уровней, отличающиеся ярко выраженным семантическим значением объектно-предикативной направленности действия как наиболее устойчивым категориальным признаком. Поскольку единицы периферийной зоны неоднородны по своему составу, целесообразно их дифференцировать и выделить участки ближней и дальней периферии.

В зоне ближней периферии располагаются лексические единицы, представленные непереходными глаголами, способными в определенных контекстах

развивать пассивное значение. Ряд исследователей, например А.Э. Черенда, называет их инактивными глаголами. Такие глаголы характеризуются имплицитным проявлением пассивности [5, с. 12–13]. Употребляясь в активной форме залога, они передают центростремительный характер действия. Сохраняя синтаксическую связь лишь с субъектом, инактивные глаголы выражают действие, замыкающееся в сфере субъекта: *These parts of speech combine well. The article reads easily*.

Поскольку инактивные глаголы представляют из себя глагольные лексемы, способные конвертировать в лексемы с переходным значением, данные лексические единицы часто именуется как глаголы двойной переходности. Способность глаголов быть переходными в одном контексте *boil the water* и непереходными в другом *the water boils* связана с их семантической и синтаксической неустойчивостью. В свете полевого анализа можно сказать, что такие глаголы отступают от принципа семантической инвариантности, передавая центростремительное действие, исходящее от грамматического субъекта и замыкающегося в рамках данного субъекта. Следовательно, синтаксические связи этих глаголов сокращаются, делая инактивные глаголы, как правило, моноактантными.

В современном английском языке глаголы двойной переходности характеризуются незначительной частотностью употребления в устной коммуникации, что связано с трудностью выявления вторичного, непереходного, значения у переходных глаголов. Однако такие глаголы наиболее часто встречаются в учебно-методической, научной и публицистической литературе. Это объясняется отсутствием в структуре текстов указанных функциональных стилей исполнителя или инициатора действия либо по причине его объективного отсутствия, либо из-за очевидности деятеля [6, с. 177].

К компонентам дальней периферии следует отнести как глагольные, так и именные разноуровневые образования. Между ними нет структурного равенства, но их семантическое тождество зачастую можно установить в результате трансформации поверхностной структуры в глубинную, семантическим признаком которой всегда будет пассивность. Поскольку сами поверхностные структуры не содержат пассивных форм глагола, их можно отнести к имплицитно-пассивным конструкциям. Имплицитная пассивная сема выявляется в результате синтаксического преобразования, помогающего толкованию исходной структуры.

Таким преобразованиям могут подвергаться герундиальные глагольно-объектные конструкции: *The book was worth reading* → *The book was read*; *The problem requires considering* → *The problem will be considered*; инфинитивные глагольно-объектные конструкции: *That was an interesting problem to solve* → *The problem was solved*; причастные глагольно-объектные конструкции: *He had his computer repaired* → *The computer was repaired*; конструкции с производными именными

частями речи или наречиями, словообразовательные элементы которых обладают пассивной семантикой в структуре значения: *The disease is incurable* → *The disease is not cured*; предложно-именные конструкции, реализующие пассивное значение в результате трансформации: *The matter is under control* → *The matter is controlled*. *The approach is full of significant details* → *The approach is filled with significant details*. *The style of the letter was above expectations* → *The style of the letter was not expected*.

В отдельных случаях отнесение к средствам выражения пассивности может подтверждаться наличием в лексической единице потенциальной пассивной перспективы, т.е. объектно-предикативной направленности действия, являющейся частью семантической структуры исследуемой единицы. К данному ряду можно причислить глагольные и именные лексемы, связанные объектными отношениями с грамматическим субъектом: *He received a blow. He suffered. He was a victim. These units undergo grammatical changes*; финитные глагольные образования, основанные на метонимичном переносе: *These arguments sound reasonable. The stomach twisted with hunger*.

Морфосинтаксическое поведение глаголов этой группы схоже с поведением переходных глаголов в активном залоге. Они способны в отдельных случаях принимать прямое дополнение, при этом возможность составлять оппозицию активной структуре отсутствует. Это свидетельствует об ослаблении морфологических и синтаксических признаков конститuentов этой зоны МП и их наибольшем удалении от центра. Ослабевает и основной семантический признак его конститuentов, поскольку раскрытие значения пассивности действия требует дополнительного толкования, синтаксической трансформации или анализа более широкого контекста.

Заключение. Человек отличается способностью представлять себе и описывать одну и ту же ситуацию разными языковыми формами. Особенно ярко это проявляется в межкультурной коммуникации, где значимыми являются именно категориальные сущности и их конкретные проявления. Категория пассивности в этом отношении выступает важным средством проекции окружающего мира в сознании говорящего и элементом формирования перспективы высказывания с точки зрения говорящего.

Категория пассивности иерархично представлена компонентами морфологического, лексического и синтаксического уровней языка. Все включенные компоненты имеют единый семантический стержень – пассивность. Таким образом, основным критерием отнесения отобранных единиц к микрополю пассивности может считаться их семантическая категоризация.

Расположение конститuentов МП в определенной зоне МП – от ядерной до периферийной – не свидетельствует об их неравноправии или разной значимости в языке [7, с. 150]. Средства выражения пассивности являются равноправными членами функционально-семантической категории в системе общения, но в иерархической структуре категории пассивности они занимают свое место. Это дает определенную упорядоченность в структуризации категории пассивности.

Принцип полного охвата языковых средств лежит в основе функциональной грамматики А.В. Бондарко – «грамматики в широком смысле». Функциональный, как и когнитивный, подход позволяет воспринимать равноуровневые языковые средства во взаимодействии и интеграции. Глубинные свойства изучаемых объектов и сам предмет исследования приводят к сближению системных принципов анализа, относящихся к различным школам и направлениям.

Литература

1. Римская, М.А. О статусе категории пассивности в современной лингвистике [Электронный ресурс] / М.А. Римская // Царскосельские чтения. – 2010. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-kategorii-passivnosti-v-sovremennoy-lingvistike>. – Дата доступа: 18.02.2022.
2. Бондарко, А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 12–28.
3. Бирюк, И.Б. Грамматические единицы в свете теории полевой структуры / И.Б. Бирюк // Материалы науч.-метод. конф. преподавателей и сотрудников по итогам науч.-исслед. работы в 2010 г., Могилев, 3–4 февр. 2011 г. / под ред. А.В. Иванова. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2011. – С. 85–87.
4. Бондарко, А.В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – С. 125–141.
5. Черенда, А.Э. Английская инактивная структура в диакронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Э. Черенда; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 1998. – 16 с.
6. Бирюк, И.Б. Становление в английском языке глаголов, выражающих среднезалоговые отношения / И.Б. Бирюк, Н.П. Бугаева, А. В. Динькевич // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч. конф., Могилев, 14–15 окт. 2011 г. / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2012. – С. 176–179.
7. Бирюк, И.Б. Репрезентация категории состояния в современном английском языке / И.Б. Бирюк // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – Сер. А, Гуманитар. науки. – 2018. – № 10. – С. 144–150.

Поступила в редакцию 15.04.2022

Лингвопрагматические черты англо- и русскоязычного дискурса COVID-19

Чалова О.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины», Гомель

В статье рассматриваются вопросы лингвопрагматической (тактико-стратегической) организации такой разновидности медийного дискурса, как дискурс COVID-19.

Цель статьи состоит в выявлении и сравнении тактико-стратегической организации англо- и русскоязычных новостных интернет-статей коронавирусной тематики.

Материал и методы. *Материал исследования – англо- и русскоязычные новостные интернет-статьи, занимающие верхние позиции в новостных лентах следующих поисковых систем: mail.ru, yandex.ru, google, yahoo!, Alta-vista, bing.*

Метод исследования – контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. *Основными разновидностями новостного интернет-дискурса коронавирусной тематики являются следующие: оперативный дискурс, научно-популярный, селебрити-дискурс (типичен только для русскоязычного медийного пространства) и социально ориентированный дискурс. Как в англо-, так и русскоязычном дискурсе COVID-19 наиболее сложной тактико-стратегической организацией отличаются социально ориентированные новостные статьи, направленные на убеждение населения в соблюдении мер безопасности на фоне коронавируса. Так, ведущей стратегией данной разновидности новостного дискурса COVID-19 является аргументативная, которая реализуется в целом ряде тактик, ведущими из которых стоит признать следующие: статистическая, рекомендательная, обвинительная, поощрительная и некоторые др.*

Заключение. *В заключение отметим, что тактико-стратегическую систему дискурса COVID-19 можно считать устоявшейся, поскольку в нем одни и те же коммуникативные приемы и ходы используются регулярно. Это свидетельствует о том, что дискурс COVID-19 – это не надуманный или вымышленный феномен, специально сконструированный в научных целях, а реально существующее социальное и коммуникативное явление, требующее пристального внимания и тщательного изучения со стороны исследователей.*

Ключевые слова: *лингвопрагматика, медийный дискурс, интернет-дискурс, новостная статья, речевая стратегия, речевая тактика.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 139–142)

Pragmalinguistic Features of Both the English and the Russian Covid-19 Discourse

Chalova O.N.

Education Establishment "Francisk Skorina Gomel State University", Gomel

The article considers the problem of pragmalinguistic (strategic and tactical) organization of the Covid-19 discourse as a type of media discourse.

The work aims at characterizing and comparing the systems of strategies and tactics of both the English and Russian Internet news articles about the Coronavirus.

Material and methods. *The research is carried out on the basis of the Internet news articles found in mail.ru, yandex.ru, google, yahoo!, Alta-vista, bing).*

Contextual analysis has been chosen as a method of interpretation of the discourse under study.

Findings and their discussion. *The main types of the Internet news discourse about the Coronavirus are the following: operational discourse, popular science discourse, celebrity discourse (typical only of the Russian-speaking media space) and socially oriented discourse. The most popular and pragmatically complex type of discourse is socially oriented news articles aimed at convincing the public to observe safety measures against the Coronavirus. The leading strategy of this type of Covid-19 news discourse is argumentative, which is implemented in a number of tactics, the leading ones of which are as follows: statistical, advisory, accusatory, encouraging tactics, and a few others.*

Conclusion. *To conclude, the tactical and strategic system of Covid-19 discourse can be considered as well-established since it is characterized by a regular use of the same communicative tactics and speech acts. This indicates that Covid-19 discourse is not a fictional phenomenon deliberately constructed for scientific purposes, but a real social and communicative phenomenon that requires researchers' close attention and careful study.*

Key words: *pragmalinguistics, media discourse, the Internet discourse, news article, speech strategy, speech tactics.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 139–142)

Сегодня одним из наиболее популярных в современном социуме видов дискурса является **дискурс COVID-19**, под которым в рамках настоящей работы понимается любое общение (как бытовое, так и статусно-ролевое) коронавирусной тематики. Востребованность такого типа коммуникации в обществе вполне понятна и, на наш взгляд, объяснений не требует.

В качестве объекта нашего исследования используется такая разновидность дискурса COVID-19, как новостной интернет-дискурс (статьи, занимающие верхние места в новостных лентах ведущих англо- и русскоязычных интернет-порталов: mail.ru, yandex.ru, google, yahoo!, Alta-vista, bing и др.), освещающий социально значимые вопросы, связанные с вирусом SARS-CoV-2 и заболеванием, которое он вызывает.

Актуальность подобного анализа обусловлена устойчивым интересом современной лингвистики к прагмалингвистической составляющей самых разных типов и видов общения, прежде всего недавно появившимся, и повышению их эффективности: тед-толкам, дискурса мигрантов, санкционному дискурсу, дискурсу Brexit, дискурсу грантовой деятельности и т.д. [1–5].

Цель данной статьи состоит в выявлении и сравнении тактико-стратегической организации англо- и русскоязычных новостных интернет-статей коронавирусной тематики.

Материал и методы. Материалом исследования послужили англо- и русскоязычные новостные интернет-статьи (mail.ru, yandex.ru, google, yahoo!, Alta-vista, bing). Основной метод интерпретации полученных данных – контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. По нашим наблюдениям, все представленные в популярных поисковых системах новостные статьи о коронавирусе можно условно разделить на четыре основных вида:

– **оперативный дискурс** – новостные тексты, незамедлительно сообщающие о количестве заболевших, выздоровевших и под. (*За прошедшие сутки в России зарегистрировали 25 140 случаев заражения коронавирусом, это на 0,43% больше, чем накануне (25 033), сообщил оперативный штаб по борьбе с COVID-19. Общее число заразившихся достигло 5 808 473*); их основной задачей является безотлагательное информирование населения о текущем положении дел, а ведущей стратегией, соответственно, является информационная; однако наряду с оперативным распространением информации собственно новостные статьи преследуют и другие цели, а именно предупредить читателя о росте или снижении заболеваемости,

о приближении или отступлении очередной «волны», повысить бдительность населения в случае увеличения числа заболевших: *Health experts say that Omicron generally causes milder symptom than previous variants. But the death count is high because Omicron spreads quickly and is infecting a large number of people;*

– **научно-популярные статьи** передают объективную и научную информацию о коронавирусе в популярной манере (*After being infected with SARS-CoV-2, the virus that causes COVID-19, most people develop antibodies against the virus. Antibodies are proteins produced by the immune system that can help fight off the virus if it's encountered again*); основная коммуникативная стратегия научно-популярного «коронавирусного» дискурса – просветительская;

– **селебрити-дискурс** посвящен описанию истории болезни и выздоровления или ухода из жизни известных людей (*Народный артист России Борис Щербаков госпитализирован в Москве, врачи обнаружили у него коронавирус, но артист уже идет на поправку, сообщила "Интерфаксу" его супруга, актриса Татьяна Бронзова*); селебрити-дискурс носит сенсационный характер и нацелен на шокирование читательской аудитории с целью увеличения количества просмотров статьи, а следовательно, повышения рейтинга конкретного издания и / или автора (журналиста);

– **социально ориентированные статьи** содержат прямые или косвенные побуждения соблюдать меры предосторожности и безопасности в условиях коронавируса (социальное дистанцирование, масочный режим, локдауны и проч.: *Не носить маску сейчас – это вести себя безответственно и подвергать большой опасности окружающих*); другими словами, социально ориентированный дискурс – это разновидность персуазивного (суггестивного) дискурса, призванная убедить граждан в необходимости введенных ограничений, а также сделать требующуюся прививку, носить защитные маски и под.;

Лингвопрагматический анализ новостного интернет-дискурса COVID-19 показал, что в русскоязычных поисковых системах представлены все четыре типа новостных текстов, в то время как в англоязычных – только три: статистические, социально ориентированные (пропагандистские) и научно-популярные. Говоря иначе, селебрити-дискурс как новостной дискурс полностью отсутствует в англоязычной информационной среде. Это не значит, что в сети Интернет в принципе невозможно обнаружить сообщения о состоянии здоровья медийных персон: целенаправленный запрос информации о конкретном человеке позволит интернет-пользователю легко обнаружить

соответствующую статью. Однако англоязычная новостная лента как постоянно обновляющаяся сводка новостей ссылок на такой контент не дает, что, вероятно, объясняется строгими этическими принципами англосаксонской журналистики, правилами неприкосновенности частной жизни, неукоснительным соблюдением кодекса чести профессиональных репортеров.

Что касается **оперативного дискурса**, то его тактико-стратегическая организация в русском и английском языках полностью совпадает. Так, в обоих национальных разновидностях статистических новостных текстов можно обнаружить следующие тактики, которые в совокупности реализуют **оперативно-информативную стратегию** (направленную на молниеносную и четкую, краткую, но при этом весьма содержательную передачу информации): **тактика генерализации / обобщения данных** (предоставление суммарной информации об определенном положении дел), тактика **речевой экономии / текстовой компрессии** (устранение избыточных языковых и содержательных элементов), а также тактика **детализации информации** (уточнение пространственно-временных характеристик события) и **тактика апелляции к эксперту** (ссылки на специалистов). Использование всех этих тактик можно наблюдать в следующем фрагменте новостной статьи: *Итак, данные по коронавирусу, которые пришли несколько минут назад от оперативного штаба. За сутки в России госпитализировали более 17 тысяч человек. А выписали 48 с половиной тысяч. Выявили со вчерашнего дня еще 141 883 новых случая.*

Обращаясь к вопросу **научно-популярных статей**, следует отметить, что то их национальные варианты (англо- и русскоязычный) также имеют общую тактико-стратегическую структуру: основной стратегией научно-популярного «коронавирусного» дискурса является просветительская, которая в обоих языках актуализируется в идентичном наборе тактик:

– **разъяснительная / пояснительная тактика**, которая выражается в сообщениях фактов о коронавирусе и заболевании, которое он вызывает, в максимально доступной для обывателя форме, а также дозированной и упрощенной подаче информации: *У нас есть антиген – вирусный белок, который сначала попадает в так называемую антиген-презентирующую клетку <...>. Дальше эта клетка должна получить сигнал опасности. Это не такая маленькая чихухауа, которая лает на всех подряд, а хорошая тренированная сторожевая собака: она знает, где есть опасность, где нет;*

– **сенсационная тактика**, в которой реализуется развлекательная функция научно-популярных интернет-статей посредством сообщения любопытных фактов о коронавирусе и ковиде: *SARS-CoV-2, the virus that causes COVID-19, may appear to evolve more mutations due to the fact that it's much more transmissible than other common viruses, resulting in many more cases;*

– **аргументативная тактика** – приведение общепонятных доводов в поддержку той или иной точки

зрения (*Еще один важный аргумент в пользу лабораторной утечки – то, что за год с лишним так и не было найдено животное с достаточно похожим вирусом, который в теории мог бы передаваться человеку*);

– **дефиниционная тактика**, актуализирующаяся в приведении доступных определений используемых в статье терминов и обывательском толковании сложных слов (*A lineage is a genetically closely related group of virus variants derived from a common ancestor*);

– **апелляция к эксперту**: как и в любом медийном дискурсе, в научно-популярных статьях активно используются ссылки на специалистов, что придает вес и убедительность сообщаемому (*A critical question is whether people who were infected in the BA.1 wave will be protected from BA.2, said Dr. Egon Ozer, an infectious disease expert at Northwestern University Feinberg School of Medicine in Chicago*);

– **рекомендательная тактика**, обнаруживающаяся в случае, когда автор научно-популярной статьи стремится не только осветить определенные вопросы, связанные с коронавирусом, но и дать конкретные советы о том, как вести себя в волнующих читателя ситуациях (*Подобные состояния требуют психотерапевтической помощи*);

– **статистическая тактика**, реализующаяся в приведении числовых данных о коронавирусе и ковиде; стоит сразу отметить, что статистическая информация в рамках научно-популярного дискурса отличается от свежей статистики, приводимой в оперативных статьях, и включает цифровые факты не столько предупреждающего характера, сколько повышает осведомленность населения: *According to a recent report, the common clinical manifestations of COVID-19 included fever (88,7%), cough (67,8%), fatigue (38,1%), sputum production (33,4%), shortness of breath (18,6%), sore throat (13,9%), and headache (13,6%). A minor number of patients manifested gastrointestinal symptoms, with diarrhea (3,8%) and vomiting (5,0%).*

Что же касается **социально ориентированного (пропагандистского / аргументативного) дискурса**, то, в отличие от оперативного и научно-популярного, он характеризуется более сложной тактико-стратегической организацией в обоих языках. Так, ведущей стратегией данного типа общения является персуазивная (убеждение в необходимости соблюдения определенных мер), что реализуется в целом ряде коммуникативных тактик, подавляющее большинство которых совпадает в русском и английском языках. В числе основных тактик, составляющих стратегию убеждения в обоих языках, являются следующие:

– **статистическая тактика**, проявляющаяся в приведении устрашающих статистических данных, показывающих всю сложность сложившейся в обществе ситуации с коронавирусом (*Выживает 1 из 10!*);

– **тактика «ставка на негативное развитие событий»**, предполагающая представление событий в трагическом свете в случае отказа от соблюдения соответствующих мер предосторожности и манифести-

рующаяся в активном использовании отрицательно-оценочной лексики, а также слов с негативным денотативным и коннотативным значением (*We only have two choices, we are either going to get vaccinated and end the pandemic or we are going to accept death*);

– **апелляция к здравому смыслу**, предполагающая приведение ряда логичных доводов, причинно-следственных цепочек, подчеркивающих важность использования защитных средств, введения локдаунов и т.д.: *В мире начинается третья волна пандемии коронавируса, заявил глава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Аданом Гебрейесус. Он пояснил, что после прошлого всплеска заболеваемости COVID-19 в мире усилия Европы и Северной Америки по вакцинации своих граждан начали приносить результаты и случаи заболевания и смертность стали снижаться;*

– **тактика открытого призыва (прямой рекомендации)** к соблюдению мер предосторожности, актуализирующаяся посредством побудительных предложений, а также средств деонтической модальности: *The academy also “strongly recommends” in-person learning and urges all who are eligible be vaccinated to protect against COVID-19;*

– **тактика апелляции к эксперту**: данная тактика представляет собой характерную особенность практически любого новостного дискурса, и «коронавирусный» дискурс не является исключением, поскольку ссылки на специалистов в области медицины, биологии, политики, экономики или даже целые организации (см. пример выше: *The academy also “strongly recommends” <...>*) почти всегда оказывают серьезное перлокутивное воздействие на адресата и выигрышно смотрятся в новостных текстах, так как ориентированы на достижение сразу нескольких целей: информирование, усиление эффекта достоверности предоставляемой информации, снятие с себя (журналиста) ответственности за определенные слова и проч.

– **обвинительная тактика** – осуждение и дискредитация людей, нарушающих правила поведения в условиях пандемии (*He носить маску сейчас – это вести себя безответственно и подвергать большой опасности окружающих*).

Можно привести и другие примеры тактик, реализующих стратегию убеждения в социально ориентированном дискурсе COVID-19 (тактика ссылки на положительный опыт других стран, тактика поощрения и др.), но и описанных выше достаточно, чтобы увидеть, что, во-первых, социально ориентированный дискурс отличается более широким диапазоном коммуникативных приемов и ходов по сравнению со статистическим и научно-популярным дискурсом и характеризуется, таким образом, более сложной лингво-

прагматической организацией, а во-вторых, англо- и русскоязычный социально ориентированный дискурс COVID-19 имеют общие цели и коммуникативные способы их достижения.

Кроме того, стоит отметить, что в новостных лентах встречаются и смешанные типы дискурса COVID-19, сочетающие элементы, например, социально ориентированных текстов и селебрити-дискурса (ссылки на печальную участь известных людей, отказавшихся от принятия мер безопасности: *В Чехии скончалась вокалистка фолк-группы «Asonance» Гана Горка, которая заразилась коронавирусом специально, чтобы после болезни получить возможность посетить общественные заведения <...>. Пытаться убедить ее сделать прививку было бесполезно, поскольку на подобные разговоры она реагировала очень эмоционально, добавил он [сын певицы]*).

Заключение. Как видим, тактико-стратегическую систему дискурса COVID-19 можно считать устоявшейся, поскольку в нем одни и те же коммуникативные приемы и ходы используются регулярно. Это свидетельствует о том, что дискурс COVID-19 – это не надуманный или вымышленный феномен, специально сконструированный в научных целях, а реально существующее социальное и коммуникативное явление, требующее пристального внимания и тщательного изучения со стороны исследователей.

Литература

1. Бойко, А.В. Санкционный дискурс как формат политического дискурса [Электронный ресурс] / А.В. Бойко // Studium Juvenis: межвуз. сб. трудов молодых ученых / Н.Н. Кошкарлова (отв. ред.). – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44049911>. – Дата доступа: 11.02.2022.
2. Буренина, Н.В. Характеристика англоязычного дискурса международной грантовой деятельности / Н.В. Буренина, Е.В. Содатова // Границы жанра: текст и дискурс / И.М. Басовец [и др.]; под общ. ред. Е.В. Сажиной; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 119–137.
3. Войтишенко, Е.В. Особенности структуры жанра интерактивной телебеседы на белорусском и английском языках / Е.В. Войтишенко // Границы жанра: текст и дискурс / И.М. Басовец [и др.]; под общ. ред. Е.В. Сажиной; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 103–118.
4. Ипатьева, В.А. Форматы и жанры видеоблогов / В.А. Ипатьева // Молодой ученый. – 2018. – № 25(211). – С. 369–373.
5. Оломская, Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н.Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5(17): Филология. – С. 250–259.

Поступила в редакцию 01.03.2022

Нацыянальная адметнасць найменняў іхтыя- і герпетафаўны Беларускага Паазер'я

Грачыха Т.А.

Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Артыкул прысвечаны актуальным у айчынным мовознаўстве пытанням даследавання такіх лексіка-семантычных груп, як іхтыялагічныя і герпеталагічныя намінацыі ў народных гаворках Беларускага Паазер'я.

Мэта артыкула – раскрыць спецыфіку функцыянавання народнай іхтыялагічнай і герпеталагічнай наменклатуры Беларускага Паазер'я як цэласнай сістэмы ў слоўнікавым складзе беларускай нацыянальнай мовы.

Матэрыял і метады. Даследаванне пабудавана на аснове фактычнага матэрыялу, сабранага паводле дыялектных слоўнікаў і атласаў, а таксама ў час экспедыцыйных дыялекталагічных практык. Метады даследавання – апісальны, параўнальна-супастаўляльны і лінгвагеаграфічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У працы праведзена сістэматызацыя і класіфікацыя фактычнага матэрыялу паводле тыпаў супрацьстаўленых лексічных адрозненняў на прыкладах намінацый рыб, земнаводных і паўзуноў. Даследаваны лексіка-семантычныя асаблівасці дадзеных прадметна-тэматычных груп, разгледжаны праблемы варыянтнасці, сінаніміі, дублетнасці, аманіміі на аснове полінайменных радоў народнай іхтыялагічнай і герпеталагічнай наменклатуры Беларускага Паазер'я. Вызначана спецыфіка функцыянавання беларускай народнай фаўністычнай наменклатуры ў гаворках Віцебшчыны, выяўлены прычыны яе полінайменнасці ў параўнанні з літаратурнымі найменнямі і народнымі назвамі іншых гаворак Беларусі.

Заклучэнне. Для народных іхтыялагічных і герпеталагічных намінацый Беларускага Паазер'я характэрна з'ява полінайменнасці. У гаворках назіраюцца тыя ж лексіка-семантычныя працэсы, што і ў агульналітаратурнай мове: сінанімія, варыянтнасць, полісемія, аманімія. Аналіз супрацьстаўленых адрозненняў прадстаўленых намінацый выяўляе семантычнае багацце і разнастайнасць слоў, указвае на іх спецыфіку і нацыянальную адметнасць.

Ключавыя словы: паўночна-ўсходні дыялект, групы гаворак, іхтыялагічныя намінацыі, герпеталагічныя намінацыі, супрацьстаўленыя лексічныя адрозненні, варыянтнасць, сінанімія, дублетнасць, аманімія.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 143–147)

National Features of Ichthyological and Herpetological Names of Belarusian Lake District (Paazerye) Fauna

Grachykhа T.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article deals with current domestic linguistic issues, which are studies of such lexical and semantic groups as ichthyological and herpetological nominations in folk dialects of Belarusian Lake District (Paazerye).

The article aims at revealing the specificity of functioning of folk ichthyological and herpetological nomenclature of Belarusian Paazerye as an entire system in the vocabulary composition of the Belarusian national language.

Material and methods. The research is based on factual material collected from dictionaries and atlases as well as during expedition dialectical practices. The research methods were the description, the comparative and the linguistic and geographical.

Findings and their discussion. Systematization and classification of factual material of types of opposing lexical differences based on the examples of fish, amphibians and reptiles are conducted in the paper. Lexical and semantic features of the above-mentioned object and thematic groups are studied; issues of variants, synonymy, doubling, homonymy on the basis of polynome gender of folk ichthyological and herpetological nomenclature of Belarusian Paazerye are considered. Specificity of functioning of Belarusian folk fauna nomenclature in dialects of Vitebsk Region is identified; Reasons of its polynome character compared to standard names and folk names of other dialects of Belarus are singled out.

Conclusion. Folk ichthyological and herpetological nomenclature of Belarusian Paazerye is of polynome character. Dialects are characterized by the same lexical and semantic processes as those in the standard language: synonymy, variants, polysemy, homonymy. The analysis of the opposing distinctions of the presented nominations demonstrates semantic richness and variability of words, identifies their specificity and national character.

Key words: north-eastern dialect, dialect groups, ichthyological nominations, herpetological nominations, opposed lexical distinctions, variant, synonymy, doubling, homonymy.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 143–147)

Вызначэнне асаблівасцей функцыянавання беларускай народнай фаўністычнай наменклатуры ў гаворках Беларускага Паазер'я, якія адносяцца да паўночна-ўсходняга дыялекту, з'яўляецца актуальнай задачай для вырашэння праблем беларускай дыялекталогіі. Даследаванне народных найменняў рыб, земнаводных і паўзуноў Беларускага Паазер'я дазваляе выявіць іх спецыфіку, нацыянальную адметнасць, вызначыць дыялектныя ўласналексічныя, лексіка-фанетычныя, лексіка-марфалагічныя, лексіка-семантычныя супрацьстаўленыя дыялектныя адрозненні, сінанімію і варыянтнасць, а таксама прычыны разнастайнасці і адрозныя асаблівасці гэтых намінацый у параўнанні з літаратурнымі найменнямі і народнымі назвамі іншых гаворак Беларусі.

Іхтыялагічныя і герпеталагічныя намінацыі беларускіх гаворак з'яўляюцца састаўной часткай лексічнай сістэмы дыялектнай мовы. Назвы іхтыя- і герпетафаўны ўтвараюць асобныя тэматычныя і лексіка-семантычныя групы заалагічнай лексікі, уваходзяць у склад беларускай народнай іхтыялагічнай і герпеталагічнай наменклатуры.

Пачынаючы з 2-й паловы ХХ ст. беларускімі дыялектолагамі было выдадзена шмат рэгіянальных слоўнікаў. Фактычны матэрыял па заалагічнай лексіцы ў асноўным занатаваны ў грунтоўных акадэмічных лексікаграфічных і лінгвагеаграфічных працах: “Агульнаславянскі лінгвістычны атлас”, “Лексічны атлас беларускіх народных гаворак”, “Жывёльны свет: Тэматычны слоўнік”, “Лексічныя ландшафты Беларусі: Жывёльны свет”. Дыялектолагамі праведзена значная работа па збіранні і вывучэнні заалагічнай лексікі Беларусі, асабліва лексікі Палесся. Так, да праблем рыбалоўнай лексікі звярталіся ў сваіх працах А.А. Крывіцкі, А.Я. Баханькоў, І.Я. Яшкін і інш. Між тым Беларускае Паазер'е мае спецыфічныя адметнасці ў заагеаграфічным і лінгвагеаграфічным планах.

Мэта артыкула – раскрыць спецыфіку функцыянавання народнай іхтыялагічнай і герпеталагічнай наменклатуры Беларускага Паазер'я як цэласнай сістэмы ў слоўнікавым складзе беларускай нацыянальнай мовы.

Матэрыял і метады. Даследаванне пабудавана на багатым фактычным матэрыяле, сабраным паводле дыялектных слоўнікаў і атласаў, а таксама ў час экспедыцыйных дыялекталагічных практык. Лексіка інтэрпрэтуецца праз скарыстанне апісальнага, параўнальна-супастаўляльнага і лінгвагеаграфічнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Беларускае Паазер'е (Падзвінне) – гэта фізіка-геаграфічны і гісторыка-этнаграфічны рэгіён, размешчаны на поўначы Беларусі, да якога адносіцца Віцебшчына, паўночныя раёны Міншчыны і Гродзеншчыны [1, с. 255]. Народныя гаворкі Падзвіння ўваходзяць у паўночна-ўсходні дыялект беларускай мовы, у якім вылучаюць заходнюю (полацкую) і ўсходнюю (віцебска-магілёўскую) групы.

Даследаванне народнай іхтыя- і герпетанаменклатуры Паазер'я паказала, што асаблівасці фаўністычнай лексікі рэгіёна адпавядаюць асаблівасцям груп гаворак, зон паўночна-ўсходняга дыялекту.

Так, для назваў жывёл заходняй Віцебшчыны (полацкая група гаворак) характэрна недысімільнае аканне (яканне): *мянёга* ‘мінога’ мёр., глыб.; *ляпéнь* ‘харыус’ докш.; *карушка* ‘корушка’ мёр.; *сляпéц* ‘галец’ ушац., леп., шарк., мёр.; *лягéнь* ‘шчыпоўка’ чаш., глыб.; *апралéўка* ‘шчупак’ глыб.; *сляпáк* ‘вэраценніца’ астр.; *яшчараца* ‘яшчарка’ глыб. і інш. З другога боку, характэрна дысімільнае аканне (яканне): *змія* ‘гадзюка’ брасл., мёр.; *яшчырыца* ‘яшчарка’ шарк., глыб., мёр., рас.; *уклія* ‘верхаводка (укляя)’ пол.; *гусьціра* ‘гусцяра’ пол. [2; 3]. Характэрна цвёрдая фанема /р/: *вугóрыч* ‘вугор’ глыб., брасл.; *ласкúрына* ‘гусцяра’ глыб.; *вугрыца* ‘мінога’ чаш.; *фарэ́лька* ж. ‘стронга (фарэль)’ беш.; *трытóн* ‘трытон’ пол., шарк., глыб., мёр., брасл., в.-дзв., рас.; *яшчырыца* ‘яшчарка’ шарк., глыб., мёр., рас. [2; 3]. Сустрэкаюцца формы на -а (-я) сярод варыянтаў з адрознымі формамі роду: *вужáка* ‘вуж’ аг.-вяд. – *вужáк* (*ужáк*) ‘тж’ ашм., мядз.; *цéрах* м. ‘гусцяра’ глыб. – *церахá* ж. ‘тж’ пол.; *карп* м. ‘карп’ аг.-вяд. – *ка́рна* ж. ‘тж’ глыб., пол. – *ка́рна* м. арш. [2; 3].

Для найменняў фаўны ўсходняй часткі Віцебшчыны характэрна дысімільнае аканне, а таксама дысімільнае яканне віцебскага тыпу: *сіла́ва* ‘рапушка’ беш.; *мінту́з* ‘мянтуз’ лэзн., пол.; *піскáр* ‘пяхкур’ шум., беш., тал.; *змія* ‘гадзюка’ гар., віц., лэзн., шум. і інш. Таксама ўласціва адрозніванне цвёрдай і мяккай фанем /р/, /р’/: *жэ́рiх* ‘жэрах’ гар.; *рiяпушка* ‘рапушка’ шум.; *вугарь* ‘вугор’ гар.; *яшчырица* ‘яшчарка’ лэзн.; *три́тон* ‘трытон’ гар., але *трытóн* ‘тж’ гар., віц., беш., сен. [2; 3].

У гаворках паўночна-ўсходняга дыялекту пашырана поўнае аканне: *вугóрач* ‘вугор’ глыб.; *шчыпаўка* ‘шчыпоўка’ сен.; *галавáч* ‘падкаменшчык’ гар., беш., сен., шарк., мёр., глыб. і інш. [2].

Уласцівы пратэтычны [в] перад пачатковымі націскнымі [о], [у]: *вуж* ‘вуж’ аг.-вяд., але *уж* ‘тж’ віц., шум., сен., арш., лэзн., чаш., мёр., глыб., рас., в.-дзв.; *вóкунь* ‘акунь’ аг.-вяд.; *вугар* ‘вугор’ беш., сен., арш., тал., пол., леп., докш.; *вóбла*, *вóбліца* ‘плотка’ сен., беш., шарк., глыб., мёр. [2].

Сустрэкаюцца элементы цокання: *чарóха* ‘гусцяра’ арш. [4, с. 215], але *церахá* ‘гусцяра’ пол., *цéрах* ‘тж’ глыб. [2].

Назіраюцца працэсы асіміляцыі: *сліш* ‘пяхкур’ беш., сен.; *вуш* ‘гадзюка’ чаш.; *гат* ‘гадзюка’ і ‘вуж’ гар., арш., в.-дзв., мёр. [2].

Назвы маладых істот на -онак (-ёнак), пашыраныя пад уплывам рускай мовы ў гаворках паўночна-ўсходняга дыялекту, вельмі рэдкія сярод найменняў іхтыя- і герпетафаўны: *шчурóнак* ‘дзіцяня шчупака’ Слабодка Леп.; *лягушóнак* ‘дзіцяня жабы’ Літвякі Беш., Смалоўка Гар., Асінаўка Дубр., але *жабянятка* ‘тж’ Доўгае Докш. У дадзеных тэматычных групах

семантычная прыкмета паводле ўзросту не з'яўляецца вызначальнай. Але яна пашырана сярод найменняў тэрыяфаўны: *бобрэнак* 'дзіцяня бобра' Бунцікі Шум., Пруднякі Гар., Стайкі Віц., Чарнаручча Лёзн., Слабодка Дубр.; *зайчанёнак* 'дзіцяня зайца' Пальмінка Гар., Мішкавічы Шум., Луг Беш., Града Сен., Пагосцішча Лёзн., Манякова Мёр., Леснікі Глыб. і інш. [2].

Гісторыка-геаграфічны і этнаграфічны пласты таксама паўплывалі на фаўністычны склад лексікі Беларускага Паазер'я. Суседства Паазер'я з этнічнымі тэрыторыямі Расіі, Латвіі, Літвы дазваляе гаварыць аб узаемапранікненнях лексем і запазычаннях. Напрыклад: *налім* 'мянтуз' шум., гар., віц., сен., шарк., леп., глыб., брасл. і інш., параўн. рус. *налім*; *піска́р* 'пячкур' беш., ушац., рас., глыб. і інш., параўн. рус. *песка́рь*; *вя́гла* 'мянтуз' глыб., паст., параўн. літоўск. *vegele* 'тж', *сліж* 'галец' пол., ушац., сен., параўн. літ. *slizys, sliziukas* 'тж'; *курме́ль* 'пячкур' беш., шарк., глыб., мёр. і інш., параўн. літоўск. *kurmtis* 'рыцца' і г.д. Уплыў польскай мовы таксама назіраецца ў заалагічнай лексіцы Паазер'я: *ліпéнь* 'харыус' шарк., мёр., сен., *ліпéц* 'харыус' пол., параўн. польск. *lipien, lipiec* 'тж'; *вэ́нгош* 'вугор' брасл., параўн. польск. *wegorz* 'тж'; *кэ́лба* 'пячкур' арш., *кя́лбóк* 'пячкур' паст., параўн. польск. *kielb*, літоўск. *kielbas, kilbunas* 'тж' [5–7].

Для сінанімічных радоў фаўнаінайменняў Паазер'я характэрны мнагачленныя супрацьстаўленыя адрозненні, якія ўключаюць не два, а болей слоў. Напрыклад: *вэраце́ніца* – дьял. *вэраце́нка* – *вэраце́нка* – *вэраце́ніца* – *вэраце́нь* – *сліве́нь* – *слема́к* і г.д. Так, у 82 населеных пунктах адзначана полінайменнасць у абазначэнні пэўных відаў іхтыяфаўны: *фарэ́ль* – *стронг* 'стронга (фарэль)' Слабада Шум.; *налі́м* – *кале́ка* 'мянтуз' Ходцы Сен.; *во́бліца* – *плóтка* 'плотка' Далгінава Мёр. [2].

Шматлікая дублетнасць іхтыялагічных і герпеталагічных намінацый звязана з багатымі словаўтваральнымі магчымасцямі дьялектнай мовы, з народнай этымалогіяй у намінацыі жывёл, з узаемадзеяннем гаворак паміж сабой і літаратурнай мовай, з захаваннем старажытных лексем і запазычваннем з памежных гаворак: *мянту́з* – *ме́нь* – *кале́ка* – *вяга́ла* – *налі́м* 'мянтуз', *быстра́нка* – *сіня́ўка* – *страка́тка* – *піса́р* 'быстранка', *трыто́н* – *вадзяна́я яшчарыца* – *лягу́шка* 'трытон' [2; 3].

Прычыны ўзнікнення шматлікіх фанетычных варыянтаў звязаны са з'явай асіміляцыі: *сліж* – *сліш* 'галец', *стаўбе́ц* – *стаўпе́ц* 'ялец', *язь* – *ясь* 'язь', *вуж* (*уж*) – *вуш* (*уш*) 'вуж'; са з'явай дысіміляцыі: *стро́нга* – *стро́нга* 'стронга (фарэль)', *гро́мш* – *кро́ж* 'уюн', *сліве́нь* – *сліпе́нь* 'вэраценніца', *вужа́ка* – *вуша́ка* 'вуж'; з мэтагэзай: *кара́сь* – *акра́сь* 'карась'; з эпентэзай: *ка́рп* – *ко́рап* 'карп'; з пратэзай: *стро́нг* – *пстро́нг* 'стронга (фарэль)', *сты́нка* – *усты́нка* 'корушка', *язь* – *вязь* 'язь', *укля́я* – *вукля́я* 'верхагодка (укляя)', *гусцяра́* – *усяра́* 'гусцяра'; з адпазненнем гукаў: *вуса́ч* – *уса́ч* 'вусач', *вуго́р* – *уго́р* 'вугор', *вужа́ка* – *ужа́ка* 'вуж' і 'гадзюка', *вуж* – *уж* 'вуж' [2; 3].

Фанетычныя варыянты адрозніваюцца галоснымі: *рапу́шка* – *ряпу́шка* 'рапушка', *ліпе́нь* – *ляпе́нь* 'харыус', *платва́* – *плóтва* 'плотка', *вэраце́нка* – *вэраце́нка* 'вэраценніца', *яшча́рка* – *яшчу́рка* 'яшчарка', *трыто́н* – *тріто́н* 'трытон'; зычнымі: *гарку́ша* – *гарьку́ша* 'гальян', *лінь* – *лін* – *лень* 'лінь', *вуж* – *вуш* 'вуж'; галоснымі і зычнымі: *ажгу́р*, *джгу́р*, *яжту́р*, *ужгу́р*, *яджгу́р*, *ячгу́р*, *яжгу́р* 'джгір (ёрш)'; камбінацыяй фанем: *кара́сь* – *крась* – *акра́сь* 'карась' [2; 8, с. 255].

Акцэнталагічная неўнармаванасць дьялектнай мовы садзейнічае ўтварэнню шматлікіх акцэнтных і акцэнтна-фанематычных варыянтаў: *у́грыца* – *вугры́ца* 'мінога', *рапу́шка* – *ряпу́шка* 'рапушка', *ліпе́нь* – *ліпе́нь* 'харыус', *сты́нак* – *стыно́к* 'корушка', *ко́люшка* – *кало́шка* 'колюшка', *яшчу́рка* – *яшчу́рка* 'яшчарка' [2; 3].

Багаце словаўтваральных магчымасцей народных гаворак, сінанімічнасць словаўтваральных сродкаў, узаемадзеянне розных словаўтваральных тыпаў і ўтваральных асноў ствараюць разнастайнасць лексіка-марфалагічных адрозненняў найменняў жывёл. Сярод іхтыялагічнай і герпеталагічнай народнай наменклатуры выяўлена невялікая колькасць варыянтаў з адрознымі формамі роду: *вя́гела* ж. – *вя́гел* м. 'мянтуз', *стро́нга* ж. – *стро́нг* м. 'стронга (фарэль)', *галаве́нь* м. – *галау́ня* ж. 'галавень', *вужа́ка* ж. – *вужа́ка* м. 'вуж' і 'гадзюка' і інш. [2; 3].

Сярод лексіка-марфалагічных адрозненняў найбольшую колькасць утвараюць аднакаранёвыя сінанімы. Так, адзначаны адзінкавыя словы аднаго караня з рознымі прэфіксамі: *па́д'язь* 'дробны язь', *паду́ст* 'падуст' (ад рус. уста). Аднакаранёвыя словы з рознымі суфіксамі і прэфіксамі таксама нешматлікія: *паду́клэйнік* 'верхагодка (укляя)', *патка́менишчык* (*паткаме́ньчык*) 'падкаменшчык', *па́д'ёршык* 'дробны ёрш', *па́д'язю́к* 'ялец', *па́д'язе́ц*, *па́д'язі́к* 'дробны язь', *па́длэ́шчык*, *па́длэ́шык*, *паўлэ́шык* 'невялікі лешч' [2; 3]. Прэфіксальны і прэфіксальна-суфіксальны спосаб утварэння ў асноўным характарызуюць прадстаўнікоў іхтыяфаўны паводле ўзросту, указваючы на іх меншыя памеры ў параўнанні з дарослымі асобінамі. Дадзеныя спосабы ўтварэння не выяўлены сярод найменняў герпетафаўны.

Сярод аднакаранёвых сінанімаў пераважаюць словы аднаго караня з рознымі суфіксамі, якія могуць мець значэнне зборнасці: *платва́* (*плóтва*) 'плотка', *паду́ства* 'падуст'; памяншальна-ласкальнае значэнне: *гусця́рка* 'гусцяра', *яшчу́ца* 'дробны ёрш', *яльчы́к* 'ялец', *сліжы́к* 'уюн', *клянё́к* 'ялец', *галау́лік* 'галавень', *язі́к*, *язё́к* 'дробны язь', *курмялё́к*, *кя́лбóк*, *ко́блік* 'пячкур', *шчу́ро́нак* 'малы шчупак' і інш.; значэнне адзінкавасці: *платва́на* 'плотка', *ласку́рына* 'вялікая гусцяра', *вуго́рыч* 'вугор' і інш.; значэнне экспрэсіўнасці, іранічнасці: *гарба́ч*, *гарбы́ль* 'акунь', *сліжы́к* 'галец', *бялю́га* 'жэрах' і г.д. [2; 3].

Паводле прадуктыўнасці суфіксы займаюць розныя пазіцыі ў вызначаных прадметна-тэматычных групах. Для паазерскай народнай іхтыянаменклатуры

найбольш прадуктыўнымі з’яўляюцца суфіксы -аўк(а) (з адпаведнымі варыянтамі) і -к(а). Для герпетанаменклатуры – суфіксы -іц(а) (з адпаведнымі варыянтамі), -к(а). Напрыклад: *красаўка* ‘краснапёрка’, *шчыпаўка* ‘шчыпоўка’, *стракатка* ‘быстранка’, *гусцёрка* ‘гусцяра’, *уклейка* ‘укляя’, *верацяніца* ‘вераценніца’, *часночніца* ‘часночніца’, *яшчарыца* ‘яшчарыца’ і інш. [2; 3]. Наогул, у працэсе дэрывацыі ўдзельнічаюць самыя разнастайныя суфіксы: - ачк(а), - аль, - ец, - ок, - ач, - ень, - ік, - ух(а), - ар, - ушк(а), - ін(а), - ак, - анк(а), - чык, - уш(а), - онак, - ат(а), - няк, - ун, -ук, -ізн(а), - ест, - із(а) і інш.

У адрозненне ад навуковай наменклатуры, з характэрным для яе абавязковым адлюстраваннем рода-відавых адносін, народная герпета- і іхтыялагічная наменклатура ў асноўным указвае на родавае найменне, а не на відавое. У сувязі з гэтым народныя назвы рыб, земнаводных, паўзуноў паводле сваёй структуры з’яўляюцца простымі словамі: *сандач* ‘судак’, *калючка* ‘колюшка’, *вягела* ‘мянтуз’, *шчыпач* ‘шчыпоўка’, *пяструшка* ‘стронга (фарэль)’, *яшчырыца* ‘яшчарка’, *лягушка* ‘жаба’ і г.д. Выпадкі ўтварэння слоў спосабам асноваскладання з суфіксацыяй нешматлікія: *верхаплаўка* ‘аўсянка (вярхоўка)’, *краснапёрка*, *краснапёра*, *краснакрыйка*, *краснабчка*, *краснапярэц*, *краснагызка* ‘краснапёрка’, *жаўтанузік* ‘вераценніца’ і інш. Адзначаны ў народнай наменклатуры іхтыя- і герпетафаўны Паазер’я словазлучэнні рода-відавога характару: *карась бёлы*, *карась залацісты*, *прасты карась* ‘карась’, *язавая плотка* ‘дробны язь’, *рыба-баба* ‘падкаменшчык’, *вадзяная жаба* і *жарля ядавітая* ‘жарлянка чырванабрухая’, *жаба паросная* ‘рапуха чаротная’, *жаба шэрая* ‘рапуха шэрая’, *вадзяная яшчарка* і *вадзяная яшчарыца* ‘трытон’, *яшчарка-вераценніца* ‘вераценніца’ і інш. [2; 3]. Падобныя ўтварэнні вядомы і іншым гаворкам Беларусі: *балаціная жаба*, *сіняя жаба* ‘жаба’, *каравая жаба*, *земляная жаба* ‘рапуха’ і інш. [9]. Спосаб утварэння словазлучэнняў тэрміналагічнага характару ў народнай наменклатуры жывёл не вызначаецца такой прадуктыўнасцю, як у навуковай фаўнаменклатуры.

Лексіка-семантычныя адрозненні народных фаўністычных найменняў узнікаюць з прычыны падабенства некаторых відаў рыб, земнаводных, паўзуноў паміж сабой. У дадзеным выпадку можна гаварыць пра іх магчымае нераспазнаванне носьбітамі народных гаворак. Напрыклад, *вужака* ‘вуж’ і ‘гадзюка’; *гат* ‘гадзюка’ і ‘вуж’, ‘змяя’; *платва* ‘плотка’ і ‘падлешчык’; *пад’язік* ‘невялікі язь’ і ‘падлешчык’; *крумель* ‘гальян’ і ‘пячкур’; *курмель* ‘пячкур’ і ‘ёрш’; *усцяра* ‘гусцяра’ і ‘падлешчык’; *пласкурка* ‘падлешчык’ і ‘гусцяра’; *сазан* ‘сазан амурскі’ і ‘карп’; *сліж* ‘галец’ і ‘уон’; *кілбач* ‘галец’ і ‘пячкур’ і інш. [2; 3].

Абмежаванне рэсурсаў мовы і імкненне ўжываць словы з празрыстай унутранай формай, якая ўтрымлівае яркі канкрэтны вобраз, таксама садзейнічае ўтварэнню на аснове пераасэнсавання метафарычных і метанімічных найменняў, што ўзніклі ў выніку моўнай

аманіміі і полісеміі лексіка-семантычным спосабам. Перанос якасцей, асаблівасцей з прадметаў, аб’ектаў жывога і нежывога свету на прадстаўнікоў фаўны надае народнай заалагічнай наменклатуры выразнасць, часам эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку: *галавач* ‘падкаменшчык’, *сучка* ‘шчыпоўка’, *кусака* ‘шчыпоўка’ і інш. Метафарычныя пераносы найменняў адбываюцца на аснове падабенства знешніх адзнак: *вусач* ‘вусач’ і ‘сом’; *паўзун* ‘рапуха’ і ‘паўзун’; *гарбыль* ‘карась’ і ‘акунь’; *бычок* ‘падкаменшчык’ і ‘дзіцяня каровы’; *калючка* ‘колюшка’ і ‘ёрш’; *калёка* ‘мянтуз’ і ‘пакалечаны чалавек’; *казя* ‘шчыпоўка’ і ‘жывёла’; *рагатка* ‘колюшка трохіголкаявая’ і ‘невялікая драўляная развіліна’ і інш. Назіраецца метафарычны перанос паводле колеру: *мангол* ‘карась залаты’ і ‘прадстаўнік насельніцтва Манголіі’; *цыганка* ‘гальян’ і ‘прадстаўнік цыганскага народа’; *стрыказя* ‘падкаменшчык’ і ‘насякомае’; *бялуга* ‘жэрах’ і ‘бялуга’; паводле смакавых якасцей: *гаркуша* ‘гарчак’ і ‘гальян’; паводле памераў і формы прадметаў: *маляўка* ‘аўсянка’ і ‘маленькая рыбка, якая нядаўна выйшла з ікры’; *фанёра* ‘лешч’ і ‘тонкія драўляныя пласціны’; *скавароднік* ‘акунь сярэдніх памераў’, *скавародніца* ‘шчупак сярэдніх памераў’ (паводле сваіх памераў якраз памяшчаюцца на патэльні) і рус. *сковородка* ‘патэльня’; паводле паводзін і функцый: *сучка* ‘шчыпоўка’ і ‘самка сабакі’; *барометр* ‘уон’ і ‘прыбор для вымярэння атмасфернага ціску’; *чыраўніца*, *чырадзёйка* ‘рапуха’ і ‘жанчына’; *ваўчок* ‘колюшка’, ‘падкаменшчык’, ‘ёрш’ і ‘дзіцяня ваўка’; паводле гукапераймання: *крумкач* ‘жаба’ і ‘птушка крумкач’; *піскун* ‘уон’ (з піскам заглянае паветра) і ‘птушка рабіннік’ Бунцікі Шум., Першамайка Гар., Ходцы Сен., Язна Мёр. [2].

Наогул, матываваных найменняў сярод народнай іхтыя- і герпетанаменклатуры прыкладна на 30% больш, чым нематываваных. Сярод матываваных лексем вылучаюцца разнастайныя семантычныя мадэлі ўтварэння. Напрыклад, паводле колеру: *сіняўка*, *стракатка* ‘быстранка’; *пяструшка* ‘стронга (фарэль)’; *краснуха* ‘рапуха’; паводле месца пражывання: *падкаменьчык* ‘падкаменшчык’; *верхаводніца*, *верхаплаўка*, *верхаводзь*, *павярхоўка* ‘верхаводка (укляя)’; паводле спосабу прымянення: *халадушка* ‘жаба, якой ахалоджвалі малако’; паводле памераў цела: *даўгар* ‘вугор’; паводле часу нерасту (метанімічны перанос па часавай сумежнасці): *апралёўка*, *марцёўка* ‘шчупак’; паводле паху: *часночніца* ‘часночніца’; паводле гукапераймання: *кукаўка* ‘жарлянка’; *квакуха*, *квакушка* ‘жаба’; *жуўжалка* ‘жаба’; паводле паводзін: *шчыпач*, *лягён*, *кусака* ‘шчыпоўка’ і г.д. [2; 3].

Як бачна з прааналізаванага матэрыялу, для народнага словаўтварэння вызначаных лексіка-семантычных груп выкарыстоўваюцца дэрывацыя, складанне, сінтаксічны і лексіка-семантычныя спосабы ўтварэння.

Заклучэнне. Такім чынам, лексічны склад жывёльнага свету Падзвіння вызначаюць розныя аспекты: групы і падгрупы гаворак, дыялектныя зоны, этнаграфічны склад яго насельніцтва, уплыў памежжа.

Таму, нягледзячы на пэўную розніцу заалагічнай дыялектнай лексікі ўсходняга і заходняга Паазер'я (у асноўным на фанетычным узроўні), нельга гаварыць аб ясна акрэсленых арэалах. Лексіка Падзвіння ўяўляе сабой адзіны арэал з узаемнымі мазаічнымі ўкрапленнямі кожнай з груп гаворак, дыялектных зон Паазер'я, адпавядае моўным асаблівасцям паўночна-ўсходняга дыялекту.

Узаемадзеянне гаворак паміж сабой і літаратурнай мовай, вусная форма бытавання дыялектнай мовы садзейнічаюць развіццю варыянтнасці і дублетнасці фаўністычных найменняў Паазер'я. Калі ў тэрміналогіі варыянтнасць – з'ява непажаданая, то яе пашыранасць на дыялектным узроўні гаворыць пра багацце і самабытнасць народнай мовы. Наяўнасць варыянтаў указвае на сістэмныя сувязі ў лексіцы гаворак. Лінгва-геаграфічная характарыстыка беларускіх заалагічных назваў дазваляе гаварыць аб лексемах-адпаведніках на дыялектным узроўні ў розных гаворках і мовах, аб узаемапранікненні лексем праз гаворкі памежжа, дае магчымасць убачыць багацце і разнастайнасць фаўністычнай лексікі Беларускага Паазер'я.

Скарачэнні раёнаў

Арш. – Аршанскі, астр. – Астравецкі, ашм. – Ашмянскі, беш. – Бешанковіцкі, в.-дзв. – Верхнядзвінскі, віц. – Віцебскі, гар. – Гарадоцкі, глыб. – Глыбоцкі, докш. – Докшыцкі, дубр. – Дубровенскі, леп. – Лепельскі, лёзн. – Лёзненскі, мёр. – Мёрскі, мядз. – Мядзельскі, паст. – Пастаўскі, пол. – Полацкі, рас. – Расонскі, сен. – Сенненскі, тал. – Талачынскі, уш. – Ушацкі, чаш. – Чашніцкі, шарк. – Шаркаўшчынскі, шум. – Шумілінскі.

Літаратура

1. Геаграфія Беларусі: энцыкл. даведнік. – Мінск: БелЭн, 1992. – 381 с.
2. Грачыха, Т.А. Дыялектны тэматычны слоўнік іхтыя- і герпетафауны Беларускага Паазер'я / Т.А. Грачыха. – Віцебск: Выдавецтва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2006. – 31 с.
3. Жывёльны свет: тэматычны слоўнік / склад. В.Д. Астрэйка [і інш.]; рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. – Мінск, 1999. – 239 с.
4. Яшкін, І.Я. Семантыка назваў рыбалоўства ў гаворках пярэдняга Слаўгарадскага раёна / І.Я. Яшкін // 3 жыцця роднага слова. Лексікалагічны зборнік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – С. 119–132.
5. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
6. Лексічныя ландшафты Беларусі: жывёльны свет / навук. рэд. Ф.Д. Клімчук, І.Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 252 с.
7. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / склад.: Г.К. Семянькова, Т.А. Грачыха, А.С. Дзядова [і інш.]; пад рэд. А.С. Дзядовой. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2014. – Ч. 2. – 358 с.
8. Баханькоў, А.Я. 3 рыбалоўнай лексікі Полаччыны / А.Я. Баханькоў // 3 народнага слоўніка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – С. 218–225.
9. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. – Мінск: Фонд фундаментальных даследаванняў РБ, 1993. – Т. 1: Раслінны і жывёльны свет / Г.У. Арашонкава, М.В. Бірыла, А.П. Груцо [і інш.]; рэд. М.В. Бірыла; Ю.Ф. Мацкевіч. – 160 с., 368 карт.

Паступіў у рэдакцыю 25.04.2022

Проблема авторского сознания в сборнике пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье»

Польников М.О.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Современная русская драматургия, характеризующаяся с точки зрения прогрессивной жанрово-стилевой динамики как «новая драма», может быть рассмотрена в контексте интеграции реализм-постмодернизм. Поэтика новой драмы, опирающаяся на принципы эклектизма, включает в себя одновременно и преемственность традиций, и их деконструкцию, сопровождаемую усложнением или разрушением жанровых структур. В этой связи актуальным становится вопрос авторского сознания и способов реализации авторской активности в драматургическом произведении.

Цель статьи – определить способы воплощения авторского сознания в сборнике пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье».

Материал и методы. *Материалом для исследования послужил сборник пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье». В работе были использованы описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, позволившие проанализировать произведения в контексте жанрово-стилевой динамики исследуемого периода времени.*

Результаты и их обсуждение. *В статье раскрыт феномен авторского сознания в драматургии. На основе ключевых исследовательских подходов к изучению данной категории определены семантические и морфологические способы проявления авторской активности в сборнике пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье» (тип героя, конфликт, пространственно-временная организация, тип сюжета, речевая характеристика героев, жанровая принадлежность произведения).*

Заключение. *Установлено, что авторская активность в сборнике Л.Е. Улицкой «Русское варенье» проявляется в сохранении классической реалистической формы драмы, а также в обращении к постмодернистскому методу, реализованному в создании типа героя-маргинала, специфике организации конфликта и интертекстуальных отсылках к традициям чеховского театра.*

Ключевые слова: *русская современная драматургия, авторское сознание, жанровая структура драмы, постмодернизм, реализм, контаминация.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 148–153)

The Issue of the Author's Consciousness in L.E. Ulitskaya's Collection of Plays "Russian Jam"

Polnikov M.O.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Contemporary Russian play writing, which, from the point of view of the progressive genre and style dynamics is viewed as new drama, can be considered in the context of the integration of realism - post-modern. The new drama poetics, which relies on the principles of eclectics, incorporates both the continuity of traditions and their deconstruction which is accompanied by complexity or destruction of genre structures. Thus, the issue of the author's consciousness and ways of the implementation of the author's activity in a work of drama becomes relevant.

The article aims at the identification of ways of the embodiment of the author's consciousness in L.E. Ulitskaya's collection of plays "Russian Jam".

Material and methods. *The research material was L.E. Ulitskaya's collection of plays "Russian Jam". The descriptive and analytical as well as the comparative methods were used which made it possible to consider the analyzed works in the context of genre and style dynamics of the period under study.*

Findings and their discussion. *The phenomenon of the author's consciousness in play writing is briefly addressed in the article. On the basis of key research approaches to the study of this category semantic and morphological ways of the manifestation of the author's activity in L.E. Ulitskaya's collection of plays "Russian Jam" were singled out (the hero type, the conflict, the space and time organization, the story type, speech characteristics of heroes, the genre of the work).*

Conclusion. *It was found out that the author's activity in L.E. Ulitskaya's collection of plays "Russian Jam" manifests itself in the preservation of the classic realistic form of drama and in addressing the post-modern method which is implemented in the creation of the type of the marginal hero, the specificity of conflict organization as well as intertext references to the traditions of Chekhov theater.*

Key words: *russian modern drama, authorial consciousness, genre structure of drama, postmodernism, realism, contamination.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 148–153)

Во многих литературоведческих исследованиях жанрово-стилевая динамика современной русской драматургии характеризуется понятием «новая драма». Новая драма, являясь прогрессивной жанровой модификацией, предполагает поиск нестандартных художественных решений и форм, а также развитие способов взаимодействия с другими жанрами [1]. По мнению С.Я. Гончаровой-Грабовской, на рубеже XX–XXI вв. происходит обновление поэтики драмы и проявление в ней новых и нетрадиционных тенденций: «В конце XX – начале XXI века в драме наглядно проявилась аномальность: нарушение классической системы “завязка – развитие действия – кульминация – развязка”, преобладание дискретности художественной структуры. Все чаще драматургов стали упрекать в том, что их пьесы не сценичны и представляют интерес только как тексты» [2, с. 141].

Современную русскую драматургию правомерно рассматривать в контексте интеграции реализм-постмодернизм, так как поэтика новой драмы характеризуется стилевой эклектичностью и включает в себя, с одной стороны, преемственность традиций, а с другой – их деконструкцию, усложнение или разрушение жанровых структур.

В этой связи актуальным для исследования становится вопрос авторского сознания и способов реализации авторской активности в драматургическом произведении.

Цель статьи – определить способы воплощения авторского сознания в сборнике пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье».

Материал и методы. Материалом для исследования послужил сборник пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье». В работе были использованы описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, позволившие рассмотреть анализируемые произведения в контексте жанрово-стилевой динамики исследуемого периода времени.

Результаты и их обсуждение. В современном литературоведении сформировалось несколько подходов к изучению проблемы авторского сознания, которые описаны в трудах таких исследователей, как Б.О. Корман [3], И.В. Роднянская [4], О.В. Журчева [5], И.А. Кузнецова [6] и др.

Наиболее классический и фундаментальный подход был сформулирован Б.О. Корманом в работе «Изучение художественного текста произведения». Ученый выделил два способа воплощения авторского сознания: 1) сюжетно-композиционный (автор передает свою позицию через расположение и соотношение частей); 2) словесный (автор передает свою позицию через речи действующих лиц) [3]. Также, по мнению Б.О. Кормана, «авторская позиция выражается через такие вспомогательные средства, как перечень действующих лиц, ремарки, указания для постановщика и актеров» [3, с. 86]. Интерпретируя данный подход, И.В. Роднянская приходит к выводу, что «автор в драматическом произведении присутствует как организа-

тор сценического действия, находясь “за кулисами” и не подавая оттуда “голоса”, если же он в редких случаях и вторгается в события на глазах у зрителя, то именно с целью “от противного подчеркнуть условность драматического представления, непозволительным вмешательством разрушить узаконенную иллюзию его самостоятельного хода, а значит, и саму природу жанра”» [4, с. 13].

Более современный подход к исследованию авторского сознания сформулирован О.В. Журчевой в работе «Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века». Исследователь утверждает: «Нарастающие присутствия автора, значительность его субъективного влияния на все элементы пьесы, различные формы проявления авторского сознания – это то, что видоизменяет и трансформирует русскую драму XX века» [5, с. 6.]. По мнению О.В. Журчевой, авторское сознание выражается посредством внешнего хронотопа, который подразумевает визуально-смысловую объективацию происходящего в пьесе, и внутреннего хронотопа, который включает в себя словесную ткань произведения, словесный сюжет, историко-культурные, субъективные, авторские мифологемы, архетипы и символы, создающие надтекстовый смысл [5].

Обобщенный вариант определения авторского сознания, коррелирующий с подходом О.В. Журчевой, дан И.А. Кузнецовой. Согласно ему, авторское сознание – это «категория литературоведческого анализа, выражающая мироотношение писателя, которое воплощается в художественных образах произведения, всей его структуре» [6].

Синтезируя данные точки зрения и подходы, мы полагаем, что выявление способов воплощения авторского сознания в драматическом произведении необходимо осуществлять посредством анализа его жанровой структуры.

Белорусский литературовед С.Я. Гончарова-Грабовская, анализируя планы жанровой модели, выраженные еще Аристотелем, утверждает: «План содержания отражает жанр на семантическом уровне, а план структуры – на морфологическом. Между ними существует определенная взаимосвязь. В силу этого возникает необходимость рассматривать поэтику драмы, учитывая художественную целостность произведения, на семантическом уровне (идейно-целостная ориентация), морфологическом (системно-структурная организация) и историческом (социально-культурный контекст)» [7, с. 7.]. В нашей работе мы обратимся к определению способов авторского сознания только на семантическом и морфологическом уровнях. Необходимо уточнить, что семантический уровень включает в себя тип героя, тип конфликта, пространственно-временную организацию произведения и художественный метод, а морфологический – сюжетостроение (фабулу) и речевую организацию произведения [7].

Сборник пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье» состоит из трех пьес, две из которых, «Семеро святых

из деревни Брюхо» и «Русское варенье», написаны в начале 2000-х годов. Пьеса «Мой внук Вениамин» создана в 1988 году. Все три произведения объединены в сборник в 2008 году. Помимо способов воплощения авторского сознания необходимо также установить, имеет ли факт объединения трех пьес в один сборник какие-либо концептуальные основания.

Герои в пьесах сборника «Русское варенье» являются типичными представителями своей социальной среды. Так, в «Семеро святых из деревни Брюхо» это крестьяне, духовники и солдаты Красной армии времен Гражданской войны в России; в «Русском варенье» – семья старых советских интеллигентов, проживающих на даче в начале 2000-х годов, а в пьесе «Мой внук Вениамин» – еврейская семья, живущая в Москве 1970–1980-х годов. Во всех пьесах можно отметить условное разделение действующих лиц на два противоположных лагеря, олицетворяющих старый и новый мир. Старый мир аккумулирует прежние традиции и устои, а новый – прогрессивность: в «Семеро святых из деревни Брюхо» это конфликт между юродивыми крестьянами и красноармейцами, а в пьесах «Русское варенье» и «Мой внук Вениамин» наблюдается антитеза старшего и младшего поколений двух семей. При этом во всех пьесах обнаруживаются попытки подчеркнуть индивидуальность действующих лиц, например, за счет их этнического происхождения (Марья в «Семеро святых из деревни Брюхо» – представитель мордовской народности, Сидоренко – украинец, а семья Эсфири Львовны из пьесы «Мой внук Вениамин» – евреи с богатой родословной).

Также способом индивидуализации героев служит описание их профессиональной принадлежности (Отец Василий из «Семеро святых из деревни Брюхо» – старый священник, Наталья Ивановна Лепехина из «Русского варенья» – высококвалифицированный переводчик и доцент кафедры в институте, Эсфирь Львовна из пьесы «Мой внук Вениамин» – портниха, выполняющая заказы для эстрадных певцов и актеров и т.д.); религиозных убеждений (Варвара из «Русского варенья» – убежденная православная христианка, а Константин – кришнаит) или особенностей внешнего вида (панковский стиль одежды Лизы из «Русского варенья»).

Индивидуальность героев подчеркивается и с помощью приемов психологического анализа. Так, например, в «Семеро святых из деревни Брюхо» блаженная Дуся впадает в беспамятство, Тимоша переживает свое бегство с фронта, Мария Яковлевна из «Русского варенья» каждый раз поддается порывам ностальгии, когда готовит что-то по старой кулинарной книге, а Эсфирь Львовна из пьесы «Мой внук Вениамин» постоянно рефлексирует по поводу будущего своего рода и, в частности, судьбы единственного сына.

Необходимо уточнить, что в двух пьесах сборника обнаруживаются черты схематизации: в «Семеро святых из деревни Брюхо» возраст героев указан примерно (средних лет, старуха, совсем молодой и т.д.), а в «Русском варенье» к некоторым героям обращаются

по кличкам (отмеченным автором в ремарках): дядя Дюдя (Андрей Иванович), Вава (Варвара), Леля (Елена), Маканя (Мария Яковлевна).

Во всех трех пьесах сборника Л.Е. Улицкая в постмодернистском ключе переосмысливает образ святого: крестьяне в «Семеро святых из деревни Брюхо», грубые и грешные, не соответствуют каноничным христианским представлениям; Варвара из «Русского варенья», несмотря на соблюдение ритуалов церкви, не отличается христианским смирением и кротостью в общении с родными, а Сонечка из пьесы «Мой внук Вениамин» представляет собой пародийную советскую версию Девы Марии.

В пьесах сборника «Русское варенье» находит воплощение тип героя-маргинала. Необходимо отметить, что маргинальность в пьесах реализована не в социальном, а в экзистенциальном смысле. Герой такого типа не способен наладить связь с действительностью, в которой вынужден жить. Так, например, в социальную реальность не вписываются юродивые крестьяне из пьесы «Семеро святых из деревни Брюхо»: они не способны стать частью нового, советского мира в силу своих духовных взглядов и ценностей. Советская интеллигенция, представленная в пьесе «Русское варенье», также не совпадает с реальностью современной России. В отличие от героев драм А.П. Чехова, постмодернистской пародией которых они являются, им не интересно стремление к лучшей жизни: уровень комфорта и счастья ограничен пределами советского полуразрушенного дома. В пьесе «Мой внук Вениамин» акцент сделан на наиболее глобальной экзистенциальной проблеме, с которой сталкивается главная героиня, Эсфирь Львовна – одиночество. В стремлении справиться с ним и сохранить минимальный комфорт она готова вступить в родство с чужим ей человеком, Сонечкой, и даже готова принять ее будущего ребенка. В силу глубокого экзистенциального одиночества она готова совершить поступок, который не будет оценен большинством людей из ее окружения.

Конфликт в пьесах сборника «Русское варенье» является внешним и открытым. Как было отмечено ранее, друг другу противостоят старый и новый мир и, соответственно, две концепции: идеалистическая и материалистическая. Конфликт реализуется как на концептуальном уровне (конфликт убеждений и уклада жизни людей старого и нового времени), так и в деталях. Стоит отметить, что данный конфликт, воплощенный в сборнике «Русское варенье», характерен для русской неопочвеннической литературы второй половины XX века, когда сакральное прошлое противопоставляется профанному настоящему. Наиболее ярко этот конфликт реализован в пьесе «Семеро из деревни Брюхо», в которой, с одной стороны, происходит сакрализация старого, духовного и естественного, образа жизни крестьян, а с другой – автор изображает, как новая социальная действительность разрушает эти устои. Таким образом, обращение в драматургии

к типу конфликта, свойственному почвеннической прозе, служит способом воплощения авторской позиции в произведении.

В пьесе «Русское варенье» наблюдается пародийная постмодернистская деконструкция чеховского конфликта. Если герои «Вишневого сада» и «Трех сестер» А.П. Чехова были готовы проститься со своим наследием, несмотря на привязанность и любовь к нему, в пользу будущего, то герои пьесы Л.Е. Улицкой не могут решиться на этот шаг и даже готовы остаться жить в неблагоприятных условиях:

«Андрей Иванович. Уехать отсюда? Из этого дома? Странная мысль!

Мария Яковлевна. Как это возможно? Это дом вашего деда! Прадеда!

Варвара. С ума сошел! Совсем с ума сошел! Ну просто новый русский! Настоящий новый русский!

Лиза. Ну, брательник, ты даешь! Да кто же из такой сладкой помоечки уедет? Никогда в жизни! Только в Амстердам!

Варвара. Наше родовое гнездо...

Андрей Иванович. Да успокойся ты, Вава! Никто не собирается расставаться с нашей дачей. Ни обменивать, ни продавать...» [8, с. 159].

Экзистенциальный конфликт представлен в пьесе «Мой внук Вениамин». Противостояние старого и нового выражено посредством отношения героев к жизни и членам своей семьи. В стремлении победить свое одиночество Эсфирь Львовна готова пойти на любые меры и быть авторитарной главой семейства. Так она спорит со своей сестрой Елизаветой Яковлевной:

«Елизавета. Он взрослый человек, Фира, и хочет решать свои проблемы сам, без мамы.

Эсфирь. Без мамы? Очень он много стоит без мамы! Что бы он был без мамы? Я дала ему образование! Он окончил у меня музыкальную школу! Я столько потратила на его учителей! Помнишь, когда он готовился в институт? Он, конечно, способный мальчик, но какие учителя с ним занимались! Профессора! Сплошь одни профессора! И один старый профессор, забыла, как его зовут, жал мне руку и говорил, какая у него светлая голова! Но что бы он был без меня – это еще вопрос!

Елизавета. Ну, хорошо, хорошо! Ты помогла своему сыну встать на ноги. Но ведь это делают все. Даже кошки! А когда ребенок становится взрослым, он уже все решает сам. Представь на минутку, что Лева хочет жениться на другой женщине...» [8, с. 256].

Одними из ярких деталей противостояния старого и нового являются пишущая машинка Натальи Ивановны и компьютер Константина из «Русского варенья»:

«Наталья Ивановна. Я всегда говорю, что пишущая машинка имеет неоспоримые преимущества перед компьютером. По крайней мере, не зависишь от электричества» [8, с. 175].

Формально материализм побеждает в двух пьесах: в «Семеро святых из деревни Брюхо», олицетворен-

ный красноармейцами, и в «Русском варенье», представленный «новыми людьми» (младшим, уже постсоветским поколением). Но в пьесе «Семеро святых из деревни Брюхо» семантически побеждает идеалистическое начало, которое заключается в духовных, культурных традициях и укладе жизни крестьян (символом этой победы является вознесение душ расстрелянных жителей деревни Брюхо, которое наблюдает в небе и описывает Голованов). В «Русском варенье» духовное проигрывает материальному: дача Лепехиных сначала переживает пожар, а потом рушится под воздействием подземных колебаний, вызванных строительством новой ветки метро. В пьесе «Мой внук Вениамин» идеалистическое начало побеждает и формально, и семантически. Символически это проявляется в сближении Эсфири Львовны и Сонечки, не являющихся родственниками: Эсфирь Львовна готова удочерить Сонечку (несмотря на ее совершеннолетие) и выражает готовность помогать ей в выращивании ребенка (его предлагают назвать в честь Вениамина, деда Эсфири Львовны), с отцом которого девушка отказалась продолжать отношения из-за антисемитизма, присущего его родственникам:

«Эсфирь. Сонечка, как же тебе не стыдно? Почему ты так долго молчала? Почему ты ничего не сказала маме? Как же так можно? В твоём положении нужно хорошее питание, доченька! (Целует ее, плачет, сдерживается, дальше сквозь слезы.) И творог! И фрукты! И витамины!

Слышен свист из окна.

Эсфирь. И мы назовем его Вениамином!

Сонечка. Я думала, что вы...

Эсфирь. Мало ли что ты думала! Я столько всего передумала, что моя голова стала как гнилой орех... <...>

Сонечка. Я не хочу. Я совсем не хочу выходить за него замуж.

Эсфирь (*очень мягко*). Сонечка! Не хочешь, и не надо! И даже лучше! Мы сами вырастим нашего мальчика!» [8, с. 284–285].

Пространственно-временная организация в сборнике «Русское варенье» не является идентичной для всех трех пьес.

Пьеса «Семеро святых из деревни Брюхо» может быть рассмотрена с двух точек зрения. Первый вариант пьесы – текст с прологом и эпилогом (который, по уточнению автора, является факультативным). В нем наблюдается дискретность временной организации: в начале и в конце пьесы действие происходит в современной России, а основная часть разворачивается в прошлом. Второй вариант пьесы без пролога и эпилога, следовательно, время развивается линейно. Пространство организовано в традиционном ключе: местом действия является типичная русская деревня начала XX века, представленная домами, дворами и церковью и кладбищем, которая в современной России становится районным центром.

«Русское варенье» с точки зрения временной организации является линейной пьесой (сюжет развивается

хронологически в пределах половины одного года), однако в ней между действиями присутствуют интермедии, во время которых на сцене (по уточнению автора) выключается свет и время ускоренно движется вперед сначала на несколько дней (переход между первым и вторым действием), а потом – на несколько месяцев (переход между вторым и третьим действием). С точки зрения постмодернистской эстетики интермедии могут быть определены как прием организации фрагментарного повествования, передающего атмосферу постепенной гибели и разрушения. В момент перехода звучат голоса героев, хаотично выкрикивающих информацию, относящуюся к завершеному действию, подводя таким образом итог произошедшему. Пространство пьесы камерное и замкнутое, представленное старой советской дачей, которая постепенно разваливается. Таким образом, пространственная организация пьесы подчеркивает одну из проблем пьесы – постепенный распад семьи Лепехиных.

В пьесе «Мой внук Вениамин» также наблюдается линейная временная организация (сюжет развивается хронологически в пределах одного года), но стоит отметить то, что Л.Е. Улицкая обращается к приему монтажа и разделяет два действия на множество картин, небольших эпизодов, которые логически связаны между собой и продолжают друг друга, но пропускают более длительные временные интервалы. Пространственно пьеса, как и две предыдущих, организована в традиционном ключе и в более камерном, чем «Русское варенье»: место действия – типичная небольшая советская квартира еврейки Эсфири Львовны, подчеркивающая замкнутость и глубинное одиночество главной героини.

Можно сделать вывод, что на семантическом уровне во все трех пьесах сборника Л.Е. Улицкой «Русской варенье» наблюдается контаминация эстетических принципов *реализма*, который является доминирующим методом, и *постмодернизма*, воплощенным в виде пародийной деконструкции классического чеховского конфликта и организации фрагментарного повествования.

Обратимся к морфологическому уровню жанровой структуры сборника Л.Е. Улицкой.

Тип сюжета в пьесах сборника «Русское варенье» является центробежным. Однако необходимо сделать одно уточнение. Определение типа сюжета пьесы «Семеро святых из деревни Брюхо» будет зависеть от анализируемого варианта текста, о котором говорилось ранее. В случае первой версии текста сюжет может быть охарактеризован как ретроспективный, а во втором – как центробежный.

Речь героев всех трех пьес стилизована. Крестьянам из «Семеро из святых из деревни Брюхо» свойственно использование просторечий и бранной лексики, духовникам – церковнославянизмы, а красноармейцам – марксистские штампы и профессионализмы. Речь героев не искажена, но в некоторых моментах пьесы бессмысленными и бессвязными становятся реплики блаженной Дуси и юродивой Мани, что обусловлено их психической нестабильностью.

Представителям старшего поколения в пьесе «Русское варенье» свойственна интеллигентная манера речи, способность говорить возвышенно, в то время как некоторым представителям молодого поколения характерно использование сленга, бранной лексики, варваризмов и сокращений. Так, например, Константин несколько раз за всю пьесу использует слово «гвоздец», для выражения своего недовольства той или иной ситуацией, а Лиза практически постоянно иронизирует и не подбирает слова для высказывания своего мнения: «Oh shit! Все переколотила...» [8, с. 91], «Да уж конечно, Амстердам повыше стоит... дерьмового твоего Парижа...» [8, с. 106–107], «Нет, мам, это говно меня не интересует. Ты же знаешь, я читаю совсем другое говно – американское...» [8, с. 183]. Речь героев не искажена, однако в интермедиях пьесы она обезличивается и превращается в поток случайных реплик, которые имеют определенное отношение к завершеному действию:

«– Это катастрофа!

– Это пожар, а не катастрофа!

– Надо работать! Я работаю как ломовая лошадь!

– Где вода?

– Где ведра?

– Работать на это государство я отказываюсь!

– Где соседи, черт их подери!

– Где Лиза?

– Где мои переводы? Спасите рукописи!

– Где кошка?

– Скорую! Вызовите скорую!

– Пасха! Святая Пасха!...» [8, с. 177].

Наименьшей стилизации подвержена речь героев в пьесе «Мой внук Вениамин».

С точки зрения *жанровой принадлежности* в сборнике «Русское варенье», как можно было бы предположить изначально, не реализуется жанровая триада (трагедия – комедия – драма). Но если пьесы «Семеро святых из деревни Брюхо» и «Мой внук Вениамин» могут быть определены как драма, то «Русское варенье» является комедией, поскольку представляет собой развернутую постмодернистскую деконструкцию и пародию на классическую пьесу А.П. Чехова «Вишневый сад», которую автор, несмотря на явную соотнесенность с жанром драмы, определил как комедию. В данном случае Л.Е. Улицкая следует концептуальным установкам А.П. Чехова в отношении жанра, расширяя их с помощью постмодернистского инструментария.

Заключение. В сборнике пьес Л.Е. Улицкой «Русское варенье» проявляется авторская активность, обращенная на сохранение традиционной реалистической формы драмы, привычной и понятной читателю и зрителю. Тем не менее, автору присуще постмодернистское видение героев, посредством которого он подвергает сомнению феномен святости в его каноничном, христианском понимании, а также демонстрирует проблему взаимоотношения старшего и младшего поколений в контексте поздней советской и современной российской истории и во-

---

площает тип героя-маргинала. Элементы постмодернистской эстетики наблюдаются и в способах организации конфликта: апелляция к неопочвеннической литературе в пьесе «Семеро святых из деревни Брюхо», пародийная деконструкция чеховских традиций в пьесе «Русское варенье», изображение не социального, а экзистенциального конфликта в пьесе «Мой внук Вениамин». Касательно правомерности объединения проанализированных пьес в сборник можно сделать следующие выводы. В «Русском варенье» не реализуется жанровая триада, но концептуально и системно они связаны конфликтом старого и нового. Уместно говорить и об авторском замысле продемонстрировать этот конфликт на протяжении XX века (ранней и поздней советской истории), как это сделано в пьесах «Семеро святых из деревни Брюхо» и «Мой внук Вениамин», а также современной российской действительности, изображенной в пьесе «Русское варенье».

Литература

1. Меркулова, М.А. Новая драма / М.А. Меркулова // Новый филологический вестник. – М.: Изд-во Ипполитова, 2011. – № 2. – С. 122–126.
2. Гончарова-Грабовская, С.Я. «Новая драма» в русской драматургии конца XX – начала XXI веков / С.Я. Гончарова-Грабовская // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. – Минск: С 47 РИВШ БГУ, 2006. – Вып. IV. – С. 140–154.
3. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения: для студентов-заочников III–IV курсов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов / Б.О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 125 с.
4. Роднянская, И.Б. Автор (образ) / И.Б. Роднянская // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 750 с.
5. Журчева, О.В. Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / О.В. Журчева; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2009. – 44 с.
6. Кузнецова, И.А. Поэт и лирический герой: дуэли на карандашах [Электронный ресурс] / И.А. Кузнецова. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2004/3/kuz9.htm>. – Дата доступа: 25.04.2022.
7. Гончарова-Грабовская, С.Я. Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века) / С.Я. Гончарова-Грабовская. – Минск: БГУ, 2003. – 70 с.
8. Улицкая, Л.Е. Русское варенье (сборник) / Л.Е. Улицкая. – М.: Астрель, 2012. – 285 с.

Поступила в редакцию 04.05.2022

Интерпретация образа человека посредством фразеологизмов с зоокомпонентом (на материале английского, французского, белорусского и русского языков)

Красовская Я.И.

Учреждение образования «Витебская ордена “Знак Почета”
 государственная академия ветеринарной медицины», Витебск

В данной статье рассматриваются средства репрезентации антропоцентрических характеристик на материале фразеологизмов с зоокомпонентом в английском, французском, белорусском и русском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более полного анализа данных единиц на материале нескольких языков.

Цель статьи – выявить универсальные и специфичные способы выражения антропоцентрических характеристик, реализованных посредством фразеологических единиц (ФЕ) с зоокомпонентом.

Материалы и методы. Данное исследование проведено на материале фразеологических словарей, содержащих идиоматические выражения, центральным компонентом которых является название животного. В рамках исследования применялись описательный метод, а также методы сравнительно-сопоставительного, семантического и контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Установлено, что фразеологизмы выступают как средство интерпретации разнообразных физических и нравственных свойств человека, которая напрямую связана с метафорическим преобразованием анималистического компонента. Выбор образов основан на стереотипных представлениях о реальном прототипе, которые могут быть как культурно специфичны, так и универсальны для нескольких языковых коллективов. Выявлен ряд характеристик человека, совпадающих в английских, французских, русских и белорусских идиоматических выражениях. Определена роль оценочной коннотации для рассматриваемых единиц.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что фразеологические единицы с зоокомпонентом отражают следующие характеристики человека: характер, поведение, внешность, состояние, отношения, потребности, эмоции. Для большинства рассмотренных фразеологизмов характерно преобладание пейоративной оценочной коннотации.

Ключевые слова: фразеология, идиома, зоокомпонент, антропоцентризм, коннотация, языковая картина мира.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 154–158)

Interpretation of the Image of Man Through Phraseological Units With Names of Animals (on the Material of the English, French, Belarusian And Russian Languages)

Krasovskaya Y.I.

Education Establishment

“Vitebsk State Order of Badge of Honor Academy of Veterinary Medicine”, Vitebsk

This article deals with the means representing anthropocentric characteristics of animal idioms in English, French, Belarusian and Russian. The relevance of the study results from the need for a more complete analysis of these phraseological units on the material of several languages.

The aim of the article is to identify universal and specific ways of expressing anthropocentric characteristics implemented through phraseological units with an animalistic component.

Material and methods. This study is conducted on the material of phraseological dictionaries containing idioms which have the name of the animal as the central component. The numerous methods of descriptive, comparative, semantic and contextual analyses are used during this study.

Findings and their discussion. *Phraseological units are established to be the means of interpretation of various physical and moral characteristics of a person, which is closely connected with metaphorical transformation of the animalistic component. The choice of images is based on stereotypical ideas about the real prototype. The ideas can be both culturally specific and universal for several linguistic communities. A number of universal characteristics of a person, coinciding in English, French, Russian and Belarusian idioms have been revealed. The role of evaluative connotation for the considered units is determined.*

Conclusion. *The results of the analysis suggest that animal idioms reflect such human characteristics as behaviour, character, appearance, conditions, relationships, needs and emotions. Most of the considered phraseological units show the predominance of the negative evaluative connotation.*

Key words: *phraseology, idiom, names of animals, anthropocentrism, connotation, linguistic picture of world.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 154–158)

Рассмотрение языковых средств интерпретации образа человека представляет собой особый интерес в рамках антропоцентризма как ведущей парадигмы современной лингвистики. Согласно этой концепции, человеческий фактор становится своеобразной призмой, в которой все аспекты человеческого опыта – «мировидение, реакции на мир, внутренние и внешние качества, характер и поведение... – получают языковую интерпретацию» [1, с. 12]. Таким образом, язык выступает не только инструментом познания, но и материалом для исследований, поскольку он фиксирует универсальные и специфичные характеристики менталитетов и лингвокультур.

Способы реализации языка как культурного кода нации можно проследить с помощью лингвокультурологического подхода, проблематика которого заключается в изучении вопросов «этноязыковой картины мира, образа мира, языкового сознания, особенностей культурнопознавательного пространства языка» [2, с. 16]. Характерные для конкретной лингвокультуры особые языковые средства фиксации способов мировосприятия могут служить основой для создания национальной оценки явлений окружающей действительности.

Фразеологизмы как культурно маркированные единицы уже неоднократно выступали объектом лингвокультурологических исследований, что обусловлено спецификой их внутренней формы, функционированием в качестве языкового знака вторичной номинации. При этом большинство исследований сосредоточены на изучении материала одного языка либо посвящены сопоставлению фразеологии двух языков, что актуализирует необходимость систематизированного анализа на материале нескольких языков, относящихся к разным языковым группам.

Проводя сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц (ФЕ) на материале нескольких языков, можно проследить различия и сходства в способах интерпретации антропоцентрических свойств носителями разных культур, а также выявить средства реализации культурных компонентов.

Актуальность исследования ФЕ с зоокомпонентом обусловлена тем, что названия животных, выступающие в качестве центрального компонента, являются одной из наиболее древних и распространенных тематических групп лексического состава языка. Данные ФЕ характеризуются высокой частотностью употребления в речи, высоким оценочным потенциалом и

демонстрируют разнообразие культурных смыслов. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые проведен анализ группы фразеологизмов с зоокомпонентом на материале четырех языков, что позволяет систематизировать данные, имеющиеся по отдельным языкам, и выявить наличие либо отсутствие корреляции между идиомами близкородственных языков и языков разных групп в сопоставительном аспекте, а также выявить универсальные и национально-специфичные особенности интерпретации образа человека в данной группе фразеологизмов.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при изучении вопросов лексикологии, лингвокультурологии, теории и практики межкультурной коммуникации, в учебном курсе преподавания иностранных языков.

Цель данной статьи – выявить универсальные и специфичные способы выражения антропоцентрических характеристик, выраженных посредством ФЕ с зоокомпонентом.

Материал и методы. Материалом исследования выступила картотека ФЕ с зоокомпонентом в английском, французском, русском и белорусском языках, составленная методом выборки из фразеологических словарей [3–6] и электронных версий изданий [7–8] и насчитывающая 2000 единиц (по 500 фразеологических единиц каждого языка). Методологической основой послужили работы лингвистов, посвященные вопросам культурологии и фразеологии (Н.Ф. Алевиренко, В.А. Маслова, М.Л. Ковшова, А.Г. Назарян, В.Н. Телия, А.В. Кунин и др.). Для решения поставленных задач использовались описательный метод, а также методы лингвокультурологического анализа фразеологизмов, сравнительно-сопоставительного исследования. Для установления значения зоокомпонента и его роли в формировании значения идиоматического выражения применялись методы семантического и контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Антропоцентрический характер ФЕ напрямую связан с процессом метафоризации, основанным на ассоциативных связях: устанавливая этимологию идиомы, можно выявить не только причину возникновения переносного значения, но и когнитивные механизмы концептуализации окружающего мира, отображающие «обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями»

[9, с. 302]. Анималистические ФЕ являются одними из наиболее мифологизированных единиц, поскольку образное представление живой и неживой природы, явление зооморфизма были неотъемлемой частью всех древних культур. Это позволило образам животных зафиксировать ряд историко-культурных и фольклорных архетипов, а также ментальное восприятие данных животных носителями данного языка.

Для процесса фразеологизации характерна потеря семантического ядра составных частей первоначального словосочетания и формирование специфической семы новой единицы. Это дает возможность зоокомпоненту приобретать новые функции, актуализируя наиболее типичные признаки животных с точки зрения человека: внешность, образ жизни, поведение, практическая польза и т.д. Применяя образ животного в качестве мерила нравственных и физических характеристик, языковой коллектив выделял одно или несколько наиболее ярких качеств, опираясь, в большинстве случаев, на традиционное отношение общества к конкретному животному. Поэтому для большинства проанализированных ФЕ, центральным компонентом которых выступает название животного, первичным оказывается коннотативное значение, используемое для характеристики человека.

Рассмотренные идиомы всесторонне метафорически описывают человека. Фразеологизмы с зоокомпонентом интерпретируют качество человеческой жизни и наиболее значимые события: образ жизни (англ. *live like a fighting cock*; фр. *une vie de lièvre, vivre d'un hareng, garder les dindons*; бел. *жыць як баран да восені, як чарвяку па вяку*; рус. *собачья жизнь, сычом жить*), рождение (рус. *аист прилетел*), беременность (бел. *з'есці павука*), брак (фр. *prendre la vache et le veau*), смерть (рус. *кормить рыб*; бел. *здохнуць як сабака, карміць чарвей*; англ. *die like a rat in hole, drop like flies*; фр. *aller au royaume des taupes*). Основой для сравнения в данных ФЕ выступает представление о продолжительности и образе жизни животного.

ФЕ могут характеризовать различные виды состояния человека:

– чувство усталости (рус. *как загнанная лошадь*; англ. *as tired as dog*);

– голод (рус. *голодный как волк, слона бы съел*; бел. *салаўі ў жываце пяюць*; фр. *avoir des grenouilles dans le ventre*; англ. *hungry as a hawk, eat like a horse*);

– сон (рус. *спать как сурок, сонная тетеря*; бел. *спаць як кот зімою, драмаць як каровы на стойле*; фр. *dormir en lièvre*);

– опьянение (англ. *as drunk as a fish, have snakes in one's bonnet*; фр. *soul comme une grive, être comme une huitre*; бел. *набраўца што жаба гразі, заліць чарвяка*; рус. *под мухой, напиться как свинья*);

– симптомы болезней (бел. *матылі ў вачах*; фр. *toux de renard, avoir un chat dans la gorge*; англ. *a frog in one's throat*);

– уровень интеллекта (англ. *as clever as a carload of monkeys, stupid as donkey*; фр. *une cervelle de moineau,*

bête comme une oie; бел. *асёл маляваны, конь божы*; рус. *цыплячи мозги, мудрый как сова*), скорость реакции (рус. *доходит как до жирафа*) и память (рус. *куриная память*; бел. *памяць як у зайца хвост*; фр. *mémoire de lièvre*; англ. *have a memory like an elephant*);

– психическое состояние (рус. *тараканы в голове*; фр. *avoir des chauves-souris dans le beffroi, avoir une hirondelle dans le soliveau*; англ. *mad as a March hare, have rats in the attic*).

Отдельно стоит выделить группу устойчивых выражений, которые с помощью образов животных фиксируют реакции и свойства систем чувственного восприятия человека: зрение (рус. *слепая курица, слепой как крот*; бел. *бачыць як арол, сляпая курыца*; фр. *aveugle comme une taupe, avoir des yeux de chat*; англ. *as blind as a bat, as a beetle, lynx-eyed, an eagle's eye*); слух (рус. *глух как тетерев*); осязание (бел. *мурашкі бегаюць*; рус. *холодный как лягушка*; англ. *goose bumps*); обоняние (рус. *нюх как у собаки, хорёк душной*; фр. *sentir le lapin, sentir le renard*). Количественное преобладание выражений, связанных с зрительной перцепцией, может объясняться тем, что данный канал восприятия информации является доминирующим у большинства людей.

Идиоматические выражения также интерпретируют различные социальные отношения между людьми: вражду (рус. *жить как кошка с собакой, как журавль с цаплей*; бел. *сябраваць як два каты ў мяху*; фр. *jouer au chat et à la souris*), предательство (англ. *пригреть змею на груди*; фр. *se confesser au renard*), дружбу и близкие отношения (фр. *amis comme cochons*, англ. *to catch fleas for somebody*), навязчивое поведение (бел. *хадзіць услед як бык за каровай, лезці як мыш у мякіну*; англ. *follow like sheep*), пристрастное отношение (англ. *to make fish of one and fowl of another*). ФЕ выражают и отсутствие социальных отношений, одинокий образ жизни (рус. *волк-одиночка*; бел. *жыць бы бабёр*; фр. *vivre comme un ours, comme un lézard*).

ФЕ могут выступать как способ оценочного отражения паттернов речевого поведения: болтливость (англ. *shoot the bull, talk the hind leg off a donkey*; фр. *bavarder comme une pie, noyer le poisson*; бел. *балбатаць як індук*; рус. *гудеть как жук, как пчелиный рой, трещать как сороки*), излишняя замкнутость (бел. *цяляты язык аджавалі*; рус. *беседлив как тюлень*; англ. *cat got your tongue*), неумение хранить секреты (бел. *жаба на языке не спячэцца*), употребление обценной лексики (фр. *des propos à faire rougir un singe*; бел. *па сабаку з рота скача*), обман (рус. *врать как сивый мерин*; бел. *брахаць як сабака на вецер*; англ. *an Irish bull*) традиционно оцениваются негативно. В качестве примеров ФЕ, имеющих положительную оценочную коннотацию, можно привести идиомы, характеризующие разговор между влюбленными (рус. *ворковать как голубки*; бел. *гаварыць як салавей з зяюляй*).

Фразеологизмы также могут описывать образ действия, выполняя функцию обстоятельства: англ. *like a bull at a gate, like a rat in a trap*; фр. *comme un lion*

en cage, comme un rat en paille; бел. як шалёная кошка, як качка ў вадзе; рус. как угорелая кошка, как уж на сковородке и т.д. Антропоцентрическая направленность в таких выражениях реализуется за счет сочетаемости зоокомпонентов с глаголами, обозначающими действия и явления, характерные, преимущественно, для человека (писать, смеяться, плакать и др.): рус. писать как курица лапой, бел. плакаць як бабёр, англ. laugh like a hyena, фр. rire comme une baleine.

Среди проанализированных единиц можно выделить ряд анималистических фразеологизмов, которые не подразумевают метафорического переноса признаков животного на человека, а лишь обыгрывают сходство внешних признаков. ФЕ такого типа отражают следующие основные характеристики внешнего вида человека:

– строение и пропорции тела (англ. fat as pig, as lean as an alley cat; бел. статны як лось, цыбаты як журавель, тлусты як барсук; рус. здоровый как конь, сухая вобла; фр. gros comme une baleine, grande sauterelle);

– отдельные части тела (бел. шыя як у вала, зубы як у шчупака; рус. осиная талия; фр. jambes de coq, pattes d'araignée);

– прическа и состояние волос (англ. calf lick, as bald as a coot; бел. стрыгчыся пад вожыка, сівы як голуб; рус. крысиный хвост, львиная грива; фр. frisé comme un mouton, queue de cheval);

– одежда и манера одеваться (англ. gaudy as a peacock; бел. прыбрацца як паўлін; рус. разодеться как попугай; фр. avoir l'air d'un singe botté);

– походка (рус. топать как слон, ходить как цапля; бел. як мядзведзь на пасеку, як слон на бутэльках; фр. à la queue-leu-leu, à pas de l'oie; англ. like a cat on eggs);

– части и черты лица (англ. beetle-browed, hawk nose; бел. гусіныя ланкі; рус. орлиный нос; фр. la gueule fendue comme une grenouille).

Метафорическая образность при этом сохраняется в ФЕ, описывающих мимику, в частности природу взглядов (англ. stare like a stuck pig, cast sheep's eyes; бел. як аўца з-над ножняў, як гусь на бліскавіцу, як пацук з мукі; рус. как кот на сало; фр. les yeux de chèvre morte). В таких идиомах интерпретация неотъемлима от экспликации оценочного значения образа животного в лингвокультуре.

Во всех вышеприведенных примерах можно отметить важную роль оценочной функции зоокомпонента, т.к. именно образность и оценочная коннотация выступают основой для проецирования свойств животных на человека. Для большинства рассмотренных ФЕ с зоокомпонентом, выделяющихся антропоцентрической направленностью, характерна пейоративная оценочная коннотация. Это может быть связано с тем, что «положительность воспринимается как само собой разумеющееся» [10] в то время как негативные явления и признаки вызывают более острую и эмоциональную реакцию – люди ищут способ максимально экспрессивно выразить свои чувства, и это запечатлевается в языке.

Зоокомпоненты в составе ФЕ используются для выражения социально устоявшейся оценки (осуждения) определенных черт характера и поведения: лень (рус. ленивый как тюлень; англ. lounge lizard; фр. paresseux comme une couleuvre); трусость (фр. âme de lièvre, avoir du sang de lapin; рус. пугливый как лань; бел. налахлівы як заяц; англ. can't say bo to a goose), жадность (фр. être constipé du crapaud; англ. as greedy as a wolf), высокомерие и чванливость (рус. свинья в ермолке, на кривой козе не подъедешь; англ. to get on one's high horse, pigs in clover; фр. avoir un aplomb bœuf), хитрость, изворотливость (бел. хитры як лиса; рус. хитрый жук; фр. fin merle; англ. as slippery as an eel), подобострастие (англ. to eat smb.'s toads; фр. plat comme une punaise), бесцеремонность (бел. як свиння на вяселлі).

Положительной оценочной коннотацией обладают ФЕ, интерпретирующие следующие человеческие качества: трудолюбие (рус. работать как вол; бел. працаваць як мурашкі; англ. a willing horse, to work like a beaver), выносливость, терпение (фр. patient comme le boeuf; англ. as hard (rough) as goat's knees), добродушие, безвредность (бел. галубіная душа; рус. божья коровка; фр. doux comme l'agneau; англ. as timid as a hare), оптимизм (бел. вясёлы як жаўранка; фр. gaie comme un pinson).

Наиболее частотными являются названия домашних животных (собака, кошка, лошадь), распространенных и мифологизированных диких животных (волк, лев), и обобщенные названия (птица, рыба). Количественный анализ более ста обнаруженных зоокомпонентов выявил наличие 62 лексем, общих для четырех языков (названия типичных представителей общеевропейской фауны: лиса, заяц, мышь), и 34 зоокомпонента, уникальных для одного из языков (так, зоокомпоненты «сыч», «вобла» обнаружены только в составе русских идиом, «зубр», «слепень» – только в белорусских, «горилла», «альбатрос» – только в английских, «карап», «цикада» – только во французских).

Сопоставительный аспект исследования позволил сделать вывод, что во фразеологическом фонде четырех языков существует универсальная рецепция образов животных. Так, свинья символизирует неопрятность, собака – злость, лиса – хитрость и т.д. Национально специфичным, по нашему мнению, являются фразеологизмы, имеющие коннотации, связанные с уникальными природными и историческими факторами. Проанализированные фразеологизмы отражают национальную культуру различными способами. Это может происходить, если отдельные компоненты в составе фразеологической единицы являются лакунами, экзотизмами для носителей другой картины мира, либо если прототип данной единицы восходит к свободному словосочетанию, описывающему специфические реалии из жизни и истории этноса. В обоих случаях наблюдается связь идиом с конкретным культурным кодом, предопределяющая возможность культурной референции.

Так, для русской лингвокультуры наиболее значимыми являются такие образы представителей фауны, как медведь, конь, волк, собака. Медведь, считавшийся священным животным, хозяином леса, в русских идиомах предстает как крупный, сильный, но неуклюжий, неповоротливый и безобидный зверь (*медведь на ухо наступил, медвежья походка, медвежьи объятия*).

В британском варианте английского языка часто встречаются фразеологизмы, отсылающие к реалиям Британских островов. Например, выражением *“turkeys voting for Christmas”* («индейки, голосующие за Рождество»), восходящим к традиционному блюду, описывают людей, действующих против своих интересов; детскую игру в салочки называют *“fox and hounds”* («лиса и гончие») в соответствии с досугом аристократии – охотой на лис. Идиома *“to grin like a Cheshire cat”* («улыбаться, как Чеширский кот»), известная благодаря произведению Льюиса Кэрролла, по одной из версий, произошла от традиции изображать улыбающихся котов на сырах, производимых в одноименном графстве.

Во французском языке нами было выявлено значительное количество фразеологических единиц, которые этимологически восходят к художественным произведениям различных эпох. Басни Ж. де Лафонтена переосмысливали сюжеты древних авторов (Эзопа, Федра и др.) и впоследствии сами стали источником заимствований.

По сравнению с русской, английской и французской лингвокультурами в белорусской положительно характеризуется образ лося (*спрытны як лось; статны як лось*); продуктивным является образ барсука (*тлусты як барсук; сядзець як барсук у нары; паказаць як барсук дзяцей гладзіць*). Высокочастотным выступает образ аиста, символичной для белорусов птицы. Большинство фразеологизмов обращается к его поведенческим (*нахапацца як бусел жаб*) и внешним характеристикам (*доўгі як у бусла дзюба; браць як бусел у дзюбу*).

Заключение. Рассмотренные ФЕ интерпретируют различные формы знаний и представлений человека о самом себе (характер, поведение, внешность, состояние, отношения, потребности, эмоции) посредством анималистических характеристик, и, соответственно, формируют своеобразную фразеологическую картину мира, специфика которой определяется совокупностью образов. При этом факт существования универсальных понятий в отличающихся картинах мира и фактор общечеловеческого опыта обуславливают наличие определенных языковых универсалий.

Антропоцентризм как категория коллективного сознания языкового коллектива выражается в интерпретации человеческих характеристик посредством метафорического переосмысления образов животных и наделении их оценочной и экспрессивной коннотацией. У зоолексем, функционирующих в качестве центрального компонента устойчивых выражений, превалирует коннотативное значение, которое уславливается в результате экспликации ассоциативных связей, лежащих в основе номинации. Для большинства рассмотренных единиц характерно преобладание отрицательной оценочной коннотации. Изучение фразеологии, отражающей взгляды и отношение к жизни определенной группы людей, позволяет сформировать общее представление об их языковой и ценностной картине мира.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Введение: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В.А. Маслова; отв. ред. У.М. Бахтикиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 208 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 288 с.
3. Володина, Т.В. Русско-белорусский словарь сравнений / Т.В. Володина, В.М. Мокиенко. – Минск: Беларус. навука, 2018. – 811 с.
4. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 1637 с.
5. Хазина, А.М. 1500 русских и 1500 французских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний / А.М. Хазина. – М.: Астрель, СПб.: Сова, 2012. – 224 с.
6. Cambridge Idioms Dictionary / ed. by E. Walter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 522 p.
7. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://slounik.org/paraunanni>. – Дата доступу: 28.04.2022.
8. Dictionnaire des expressions françaises, signification et origine [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.les-expressions.com>. – Date of access: 30.04.2022.
9. Телия, В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В.Н. Телия // Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов. – М.: Наука, 1993. – С. 302–314.
10. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. школа, Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.

Поступила в редакцию 05.05.2022

Яшчэ адна вяха ў развіцці сусветнай анамастычнай навукі (III Міжнародная навуковая канферэнцыя “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання”)

Дулава Ю.У., Мезенка Г.М.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

27–28 красавіка 2022 года на факультэце гуманітарystыкі і моўных камунікацый ВДУ імя П.М. Машэрава праішла III Міжнародная навуковая канферэнцыя “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання”, у якой прынялі ўдзел 102 навукоўцы з Беларусі, Расіі, Польшчы, Украіны і Кітая (23 дактары навук, 48 кандыдатаў навук).

Мэта артыкула – абагульніць асноўныя вынікі анамастычных даследаванняў, прадстаўленых падчас канферэнцыі.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам даследавання паслужылі вынікі навуковых пошукаў, агучаныя вучонымі на канферэнцыі. Былі выкарыстаны апісальны, параўнальна-супастаўляльны і аналітычны метады.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Вядучую ролю ў анамастычных даследаваннях Беларускага Паазер’я адыгрывае Віцебская навуковая школа “Актуальныя праблемы анамастыкі”, заснаваная ў пачатку XXI ст. Развіццю навуковай школы спрыяла Міжнародная канферэнцыя “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання” (2016 г., 2018 г.).*

Работа III Міжнароднай канферэнцыі “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання” была арганізавана на актуальных накірунках з улікам усіх сучасных тэндэнцый у гэтай галіне навукі. Былі разгледжаны пытанні тэорыі і метадалогіі анамастычных даследаванняў, праблемы тапанімікі, антрапанімікі, анамастычнай перыферыі, а таксама анамастыка-педагагічныя праблемы ў адукацыйнай прасторы. Упершыню ў канферэнцыі прынялі ўдзел студэнты і магістранты ўстаноў вышэйшай адукацыі Беларусі і Расіі.

Са зместам дакладаў можна пазнаёміцца ў зборніку навуковых артыкулаў, выдадзеным да пачатку работы канферэнцыі.

Заклучэнне. *Вынікі аналізу праблемнага поля канферэнцыі даказалі актуальнасць і перспектыўнасць рэгіянальных анамастычных даследаванняў, якія дапамагаюць устанавіць унікальнасць асобнага рэгіёна, а таксама выявіць агульнае і спецыфічнае ў анамастычнай прасторы.*

Ключавыя словы: *анамастыка, рэгіянальная анамастыка, канферэнцыя, антрапаніміка, тапаніміка, анамастычная перыферыя.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 159–162)

Another Milestone in the Development of World Onomastic Science (3rd International Scientific Conference “Regional Onomastics: Issues and Prospects of the Research”)

Dulava Yu.U., Mezenka H.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The 3rd International Conference “Regional Onomastics: Issues and Prospects of Research” which was attended by 102 scientists from Belarus, Russia, Poland, Ukraine and China (23 Doctors of Science, 48 PhDs), was held on April 27–28, 2022 by the Faculty of Humanities and Linguistic Communications of Vitebsk State University.

The aim of the article is to summarize the main results of onomastic research presented at the conference.

Material and methods. *The research material is the results of scientific research announced by scientists at the conference. Descriptive, comparative and analytical methods were used.*

Findings and their discussion. *Vitebsk Research School “Current Issues of Onomastics”, founded in the early XXI century, plays the leading role in the onomastic research of Belarusian Lake District (Paazerye). The development of the scientific school was facilitated by the International Conference “Regional Onomastics: Issues and Prospects of the Research” (2016, 2018).*

The work of the 3rd International Conference “Regional Onomastics: Issues and Prospects of the Research” was organized in the current areas, considering all current trends in this field of science. The issues of theory and methodology of onomastic research, problems of toponymy, anthroponymy, onomastic border, as well as onomastic-pedagogical problems in the academic space were considered. Students and master course students of higher education establishments of Belarus and Russia took part in the conference for the first time.

The content of the reports can be found in the collection of scientific articles published before the conference.

Conclusion. *The results of the problem field analysis of the conference proved the relevance and prospects of the regional onomastic research, which helps to establish the uniqueness of a particular region, as well as to identify the common and the specific in the onomastic space.*

Key words: *onomastics, regional onomastics, conference, anthroponymy, toponymy, onomastic border.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 159–162)

У сучаснай лінгвістыцы назіраецца рост цікавасці да даследавання ўласных імён з пункту гледжання рэгіяналістыкі. Пытанні і перспектывы рэгіянальных анамастычных даследаванняў знаходзяцца ў полі зроку вядучых спецыялістаў не толькі Беларусі, але і замежжа, аб чым сведчыць і тэматыка III Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання”, якая адбылася на факультэце гуманітарна-адукацыйнай і моўных камунікацый ВДУ імя П.М. Машэрава 27–28 красавіка 2022 года.

Мэта артыкула – абагульніць асноўныя вынікі анамастычных даследаванняў, прадстаўленых падчас канферэнцыі.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі вынікі навуковых пошукаў, агучаныя вучонымі на канферэнцыі. Для дасягнення пастаўленай мэты былі выкарыстаны апісальны, параўнальна-супастаўляльны і аналітычны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вядучую ролю ў анамастычным даследаванні рэгіёна адыгрывае Віцебская навуковая школа “Актуальныя праблемы анамастыкі”. Заснаваная ў 2001 годзе, сёння яна лічыцца адной з класічных навукова-даследчых школ краіны. Навуковыя інтарэсы прадстаўнікоў віцебскай анамастычнай школы аб’ядноўваюць розныя напрамкі і ўключаюць не толькі вывучэнне анамастычнага ядра, але таксама і анамастычнай перыферыі з улікам усіх новых падыходаў, якія з’яўляюцца ў сучаснай анамастыцы. На сённяшні час даследаванні прадстаўнікоў школы выконваюцца ў рэчышчы анамастычнай рэгіяналістыкі.

Развіццю навуковай школы спрыялі міжнародныя канферэнцыі, якія праводзіліся на базе Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. Спачатку гэта была канферэнцыя “Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія”. У 2016 годзе адбылася I Міжнародная навуковая канферэнцыя “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання”, традыцыя якой былі працягнуты ў 2018 годзе падчас другой канферэнцыі. Былі выдадзены зборнікі навуковых артыкулаў па матэрыялах дакладаў [1; 2].

27–28 красавіка 2022 года прайшла III Міжнародная навуковая канферэнцыя “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання” пад кіраўніцтвам Ганны Міхайлаўны Мезенка. Суарганізатарамі канферэнцыі выступілі Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры

НАН Беларусі, Валгаградскі дзяржаўны сацыяльна-педагагічны ўніверсітэт, Смаленскі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі рэспубліканскі фонд фундаментальных даследаванняў, Анамастычная камісія Міжнароднага камітэта славістаў, з якімі Віцебская анамастычная школа трывала супрацоўнічае.

У працы канферэнцыі прынялі ўдзел 102 навукоўцы з Беларусі, Расіі, Польшчы, Украіны і Кітая. З іх 23 дактары навук (амаль кожны чацвёрты ўдзельнік канферэнцыі – уладальнік самай высокай навуковай ступені), 48 кандыдатаў навук, або 46% ад агульнай колькасці ўдзельнікаў. 37 навукоўцаў прадстаўлялі замежныя краіны.

Падчас урачыстага адкрыцця канферэнцыі з прывітальным словам ад імя калектыву Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава да ўдзельнікаў звярнулася рэктар, доктар эканамічных навук, прафесар Валянціна Васільеўна Багатырова, якая падкрэсліла значнасць навуковага мерапрыемства і адзначыла ролю вучоных у вызначэнні асноўных напрамкаў развіцця сучаснай анамастыкі, захаванні і распаўсюджанні ведаў аб імёнах уласных у свеце.

Удзельнікаў канферэнцыі прывітаў дэкан факультэта гуманітарна-адукацыйнай і моўных камунікацый, доктар педагагічных навук, прафесар Сяргей Уладзіміравіч Нікалаенка, які выказаў надзею, што традыцыя навуковых сустрэч анамастаў будзе працягвацца. З прывітальным словам выступіла доктар філалагічных навук, прафесар кафедры рускай мовы і міжкультурнай камунікацыі факультэта гуманітарных і сацыяльных навук Расійскага ўніверсітэта дружбы народаў (РУДН, Расія) Улданаі Максутаўна Бахцікірэева, якая адзначыла цесныя адукацыйныя і навуковыя кантакты ВДУ імя П.М. Машэрава і РУДН, падкрэсліла важнасць рэгіянальных даследаванняў у лінгвістыцы і пажадала плённай працы ўсім удзельнікам.

На пленарным пасяджэнні выступілі вядучыя анамасты Беларусі і Расіі. Першым быў заслуханы даклад Наталлі Уладзіміраўны Васільевай, доктара філалагічных навук, галоўнага навуковага супрацоўніка Інстытута мовазнаўства РАН (Расія). Навуковец прадставіла тэрміналагічную мадэль з элементам -онім, якая з’яўляецца базай для мэтамовы анамастыкі, у гістарычным аспекце, падрабязна спынілася на сучасных тэндэнцыях у тэрмінаўтварэнні. Найбольш цікавымі для ўдзельнікаў канферэнцыі сталі выказаныя пажаданні, якія могуць стаць асновай развіцця анамастычнай тэрміналогіі з улікам традыцый.

Досведам новых фарматаў тапанімічнай асветы падзяліліся Марына Васільеўна Галамідава, доктар філалагічных навук, прафесар і Сяргей Алегавіч Гараеў, кандыдат філалагічных навук Уральскага федэральнага ўніверсітэта (Расія). Даследчыкі падкрэслілі рост цікавасці людзей да сваёй малой радзімы, а таксама неабходнасць выкарыстання для асветы насельніцтва інтэрактыўных метадаў і сутворчасці. У Екацерынбургу эфектыўна працуюць QR-коды, размешчаныя на гарадскіх аб'ектах, паколькі яны робяць даступнай інфармацыю аб дадзеным аб'екце, фота- і відэаматэрыялы. Акрамя таго, для асветніцкай дзейнасці выкарыстоўваюцца гарадскія парталы і сацыяльныя сеткі, праводзяцца інтэрактыўныя мерапрыемствы на базе музеяў. Доклад выклікаў актыўную дыскусію. Удзельнікі канферэнцыі абмяняліся думкамі аб магчымасці ўжывання вопыту калег у сваіх населеных пунктах, абмеркавалі складанасці, якія могуць узнікнуць пры правядзенні асветніцкай анамастычнай працы і падзякавалі дакладчыкам за новыя ідэі.

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дырэктар Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі Ігар Лявонавіч Капылоў прадставіў вынікі навуковага праекта па даследаванні анамастычнай сістэмы паўночна-заходняга рэгіёна Беларускага Падзвіння, падчас якога было апрацавана каля 10-ці тысяч моўных адзінак з Браслаўскага, Глыбоцкага, Мёрскага, Пастаўскага раёнаў. Навуковец расказаў пра метадку збору онімнага матэрыялу шляхам палявых запісаў, раскрыў асаблівасці анамастыкону паўночна-заходніх раёнаў Віцебшчыны, прэзентаваў канцэпцыю лексікаграфічных анамастычных даведнікаў, на падставе якой створаны тапанімічныя і антрапанімічныя даведнікі па кожным з раёнаў.

Лексікаграфічную тэматыку ў сваім дакладзе працягнула Іна Аляксандраўна Каралёва, доктар філалагічных навук, прафесар Смаленскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія), якая падрабязна разгледзела прозвішчы, утвораныя ад нехрысціянскіх імёнаў, сабраныя ў Смаленскай вобласці і апісаныя ў Слоўніку прозвішчаў Смаленскага краю, а таксама прадставіла матэрыял аб лексікаграфаванні прозвішчаў Расіі.

Выступ доктара філалагічных навук, прафесара Ганны Міхайлаўны Мезенка быў прысвечаны асаблівасцям рэпрэзентацыі і культурна-гістарычнаму патэнцыялу этнічнага складніка мемарыяльнай урбаніміі. Вучоны адзначыла, што колькасная перавага імёнаў прадстаўнікоў асобных народаў, якія сталі базай для урбаніміаў, звязана з больш цеснымі гістарычнымі кантактамі. Ядро прааналізаванага ўрбанімічнага субполя ўтвараюць мемаратывы ў гонар удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Каляядзерную прастору займаюць назвы-прысвячэнні ў гонар дзяржаўных і палітычных дзеячаў, дыпламатаў, імёны якіх вартыя ўвекавечання. Астатнія групы ўтвараюць блізкую і далёкую перыферыю. Удзельнікі канферэнцыі зацікавіліся назвамі, прысвоенымі ў гонар прадстаўнікоў беларускага народа, на што аўтар патлумачыла, што, паколькі мэтай даследавання было

выяўленне асаблівасцей рэпрэзентацыі і культурна-гістарычнага патэнцыялу мемарыяльных назваў унутрыгарадскіх лінейных і тэрытарыяльных аб'ектаў Беларускага Паазер'я, дадзеных у гонар прадстаўнікоў іншых народаў, аналіз назваў, прысвоеных у гонар прадстаўнікоў беларускага насельніцтва, не прадугледжваўся, паколькі гэты этнас і ў доследным рэгіёне, і ў краіне з'яўляецца тытульным, і паабяцала абавязкова прадставіць вынікі такога даследавання ў сваіх наступных публікацыях.

Сяргей Уладзіміравіч Нікалаенка, доктар педагогічных навук, прафесар падрабязна раскрыў магчымасці выкарыстання анамастычнага матэрыялу ў выхаваўчым працэсе, падзяліўся асабістым досведам выхаваўчай працы з замежнымі студэнтамі, накіраванай на фарміраванне цікавасці да сацыякультурнага багацця краіны, у якой яны навукаюцца.

Васіль Іванавіч Супрун, доктар філалагічных навук, прафесар Валгаградскага сацыяльна-педагагічнага ўніверсітэта (Расія) прысвяціў свой доклад анамастычнай прасторы ў творчасці Барыса Пятровіча Якімава. Навукоўцу ўдалося прадэманстраваць любоў пісьменніка да роднага краю, якая адлюстравана ў кожным скарыстаным ім оніме. Тапонімы становяцца цэнтрам апавядання. Антрапанімы, заонімы, гідронімы і іншыя онімы дапаўняюць характэрнае народнай гаворкі, уласцівай творчасці Б.П. Якімава. Доклад В.І. Супруна, бясспрэчна, натхніў калег на знаёмства з творамі названага аўтара.

Пасля завяршэння пленарнага пасяджэння праца ўдзельнікаў канферэнцыі была арганізавана па сямі секцыях: “Тэорыя і метадалогія анамастычных даследаванняў”, “Сучасныя праблемы тапанімікі”, “Актуальныя пытанні антрапанімікі”, “Літаратурная анамастыка”, “Анамастычная перыферыя”, “Анамастыка-педагагічныя праблемы ў адукацыйнай прасторы”. Асаблівасцю канферэнцыі гэтага года стала з'яўленне секцыі “Студэнцкая анамастыка”, у рамках працы якой свае даследаванні прадставілі студэнты і магістранты вышэйшых навучальных устаноў Беларусі і Расіі.

У першай секцыі былі заслуханы даклады, прысвечаныя тэарэтычнаму кампаненту анамастычнага даследавання (9 дакладаў). Кандыдат філалагічных навук, дацэнт А.М. Гарагляд (Віцебск) прадставіла доклад да 20-годдзя існавання Віцебскай навуковай школы “Актуальныя праблемы анамастыкі”, у якім акрэсліла асноўныя накірункі, па якіх ажыццяўляецца работа яе прадстаўнікоў зараз. Л.А. Клімкова, доктар філалагічных навук, прафесар (Арзамас, Расія) у сваім дакладзе на канкрэтным прыкладзе разгледзела анімічны кампанент моўнай асобы былога сельскага жыхара. Доктар філалагічных навук, прафесар І.В. Крукава (Валгаград, Расія) адзначыла перспектывы даследавання рэгіянальных канатацый уласнага імя. Падчас работы секцыі былі закрануты іншыя тэарэтычныя пытанні, у тым ліку звязаныя з прэцэдэнтнымі феноменамі, лінгвакразнаўствам, аніміяй уласных імёнаў, узаемаўплыў ў анамастычных сістэмах беларускай і іншых моў (Т.У. Анікеева, Л.М. Верхавых, Я.Я. Іваноў, В.Б. Скрамблевіч, С.Б. Кураш, В.В. Шур).

Самай шматлікай стала секцыя “Сучасныя праблемы тапанімікі” (18 дакладаў). Прадстаўнікі Віцебскай анамастычнай школы распавялі пра вынікі сваіх даследаванняў, прысвечаных тапаніміконурэгіёна (Т.Ю. Васільева, У.М. Генкін, К.А. Зайцава). Кандыдат філалагічных навук, дацэнт Р.В. Разумаў (Яраслаўль, Расія) акцэнтаваў увагу на працэсе перайменавання аб’ектаў як асаблівай сацыякультурнай практыкі, а таксама прапанаваў уласную тыпалогію матываў перайменавання ўнутрыградскіх аб’ектаў, якая ўключае 1) перайменаванні, выкліканыя практычнай неабходнасцю (ліквідацыя аднайменнасці або ўпарадкаванне адраснай сістэмы); 2) перайменаванні, выкліканыя змяненнем успрымання ўрбанімаў у грамадстве (ліквідаванне нядабрагучнасці, стылістычная праўка; грамадска-палітычныя змены ў жыцці грамаства; увекавечанне памяці аб асобе або падзеі; вяртанне гістарычнай назвы). А.М. Салаўёў (Смаленск, Расія) працягнуў тэматыку і распавёў пра канкрэтныя сітуацыі адраснай дысфункцыі ва ўрбаніміі Смаленска. У рамках работы секцыі былі разгледжаны асобныя пытанні тапаніміі Беларусі (М.Л. Дарафеенка, Т.А. Кісель, Н.Р. Якубук, А.І. Копач, В.А. Шклярчук), Расіі (А.А. Казніна, А.В. Цвяткова), Францыі (І.А. Дамбуеў), Кітая (Лань Лін), а таксама ролі сродкаў масавай камунікацыі ў рэгіянальных тапанімічных даследаваннях (С.А. Папоў). С.А. Мызнікаў (Масква, Расія) прэзентаваў вынікі аналізу лексікі і тапаніміі прыбалтыйска-фінскага паходжання ў працах М.Я. Азярэцкоўскага.

Дзевяць дакладаў былі прадстаўлены на секцыі “Актуальныя пытанні антрапанімікі”. Адзначаецца ўзрастаючая цікавасць даследчыкаў да аналізу антрапанімнай прасторы ў дыяхраніі (Г.К. Семьянкова, В.А. Клімковіч, А.А. Дзярунова і інш.), даследавання антрапанімаў у гаворках (Н.С. Ганцоўская і Г.Д. Няганава, А.Р. Папова), агіонімаў (В.А. Лукіна). Доклад доктара філалагічных навук, акадэміка А.А. Лукашанца (Мінск, Беларусь) закрануў праблемы сучаснай беларускай нацыянальнай іменаслоўнай практыкі, абумоўлення лінгвістычнымі, нацыянальна-культурнымі, сацыялінгвістычнымі, нарматыўнымі і глабалізацыйнымі фактарамі.

Секцыя “Літаратурная анамастыка” ўключала 15 дакладаў, арыентаваных на вывучэнне асаблівасцяў анамастычнай прасторы празаічных твораў (В.М. Вараб’ёў, Г.П. Кавалёў, І.М. Петрачкова, Т.А. Сіроткіна, Т.П. Слесарава, В.Г. Слівец і інш.), паэтычных твораў (В.Ю. Бароўка, М.Ф. Кунтыш, А.Ю. Мурагава). Г.М. Дзеравяга (Віцебск, Беларусь) прысвяціла свой даклад лінгвістычным асаблівасцям адлюстравання культурных падзей у рэгіянальным публіцыстычным тэксце.

У секцыю “Анамастычная перыферыя” уваходзіла 11 дакладаў, прысвечаных аналізу артыёнаў аўтараў Віцебшчыны (Ю.У. Дулава), фільмонімаў кінатвораў, знятых на Беларусь-фільме (Л.А. Гадуйка, Д.С. Мартэн), гемеронімаў Брэсцкай, Гродзенскай і Гомельскай абласцей (В.Б. Пераход), рускай зааніміі (Я.М. Варнікава), назваў санаторыяў Беларусі (А.С. Дзядова), назваў некаторых кветак і траў

Беларусі на дыялектным і агульнаславянскім моўным полі (Л.М. Вардамацкі). Праблема аўтарскіх подпісаў у газетах ваеннага перыяду разгледжана ў дакладзе доктара філалагічных навук, прафесара Н.А. Красоўскай (Тула, Расія).

Секцыя “Анамастыка-педагагічныя праблемы ў адукацыйнай прасторы” была прадстаўлена пяццю дакладамі. Удзельнікі абмеркавалі адукацыйныя магчымасці выкарыстання анамастычнага матэрыялу ў адукацыйным працэсе. Былі прааналізаваны анамастычная прастора навучальных дапаможнікаў (С.В. Мартынкевіч), эмпаронімы ў анамастычнай прасторы Арзамаса як дыдактычны матэрыял (В.В. Нікіфарова), мэтавае выкарыстанне анамастыконаў (К.М. Матусевіч). Т.Г. Трафімовіч, доктар філалагічных навук, прафесар (Мінск, Беларусь) расказала пра антрапонімы і антрапанімічныя густы часу ў навучанні чытанню беларускіх малодшых школьнікаў. Цікавасць выклікаў даклад, які змяшчаў назіранні за выкарыстаннем антрапанімаў ў беларускай жэставай мове (І.К. Русаковіч, Т.Г. Трафімовіч).

Сёмая секцыя “Студэнцкая анамастыка” ўключала 17 дакладаў. Маладыя даследчыкі прадэманстравалі зацікаўленасць да аналізу анамастычнай прасторы роднага рэгіёна, пытанню літаратурнай анамастыкі, камерцыйных назваў, антрапанімаў, заонімаў.

Са зместам дакладаў можна пазнаёміцца ў зборніку навуковых артыкулаў, выдадзеным да пачатку работы канферэнцыі [3].

Заклучэнне. Такім чынам, вынікі аналізу праблемнага поля міжнароднай навуковай канферэнцыі “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання” даказалі актуальнасць і перспектывнасць рэгіянальных анамастычных даследаванняў, якія дапамагаюць устанавіць унікальнасць асобнага рэгіёна, а таксама выявіць агульнае і спецыфічнае ў анамастычнай прасторы.

III Міжнародная навуковая канферэнцыя “Рэгіянальная анамастыка: праблемы і перспектывы даследавання” захавала і падтрымала высокі навуковы ўзровень і прадэманстравала асноўныя тэндэнцыі развіцця анамастыкі ў XXI стагоддзі. Падчас работы канферэнцыі ўдзельнікі змаглі абмеркаваць навуковыя праблемы, наладзіць дзелавыя кантакты, якія, спадзяемся, будуць садзейнічаць развіццю далейшага супрацоўніцтва ў навуковай сферы.

Літаратура

1. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – 368 с.
2. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 328 с.
3. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 403 с.

Паступіў у рэдакцыю 06.05.2022

Ономастический мир Бориса Петровича Екимова

Супрун В.И.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград

В статье рассматриваются антропонимы, зоонимы, топонимы и другие имена собственные, встречающиеся в рассказах и повестях Б.П. Екимова.

Цель исследования – выявить особенности ономастического мира Бориса Петровича Екимова, нашедшие репрезентацию в рассказах и повестях писателя.

Материал и методы. Материалом исследования послужили тексты рассказов и повестей Б.П. Екимова. Методы исследования: дескриптивный, качественно-количественный, компонентный анализ, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Каждый оним в произведениях Б.П. Екимова отражает любовь писателя к родной казачьей речи, к малой родине. Топонимы хорошо известны писателю, с их помощью он даёт привязку своего повествования к конкретному месту. Эти единицы входят во многие тексты, являются смысловыми вехами в них, при этом писатель составляет целые фрагменты текста, в которых ономастические единицы становятся центром повествования, позволяя увидеть особенности донской природы, жизни донских казаков через онимический контекст.

Заключение. Народная речь неизбывна, она живёт в своём самобытном постоянстве и одновременно изменчива, текуча, рождает всё новые и новые диалектные жемчужины, новые и возрождённые прежние названия мест донской земли, а писатель, душа и совесть своего народа, вслушивается в эту речь, восхищается ею, фиксирует нарицательные слова и собственные имена в своих произведениях.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, топоним, гидроним, художественный текст, Б.П. Екимов.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 163–166)

The Onomastic World of Boris Petrovich Yekimov

Suprun V.I.

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd

The article deals with anthroponyms, zoonyms, toponyms and other proper names found in stories and novellas by B.P. Yekimov.

The purpose of the study is to identify the features of the onomastic world represented in the stories and novellas of Boris Petrovich Yekimov.

Material and methods. The material of the study was the texts of stories and novellas by B.P. Yekimov. The research methods were descriptive, qualitative-quantitative, component analysis, elements of statistical analysis.

Findings and their discussion. Each of the names in these works reflect the writer's love for his native Cossack speech, for his small homeland. Toponyms are well known to the writer; he connects his narrative with a specific place with their help. These units, included in many texts, are semantic milestones in them, while the writer composes whole fragments of the text in which onomastic units become the center of the narrative, allowing you to see the features of the Don nature, the life of the Don Cossacks through the onymic context.

Conclusion. Folk speech is inescapable, it lives in its original constancy and at the same time is changeable, fluid, gives birth to more and more dialect pearls, new and revived former place names of the Don land, and the writer, the soul and conscience of his people, listens to this speech, admires it, fixes common words and proper names in his works.

Key words: onomastics, anthroponym, toponym, hydronym, literary text, B.P. Yekimov.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 163–166)

Биография современного русского писателя Б.П. Екимова заставляет задуматься о том, как, когда, каким путём народная речь и свойственная ей региональная ономастика впитывается в человека, формирует мысль, становится как необходимым, так и органичным элементом высказывания, а для писателя – художественного текста. Во всех биографиях Бориса Петровича упоминается, что он родился в северном городе Игарке. Но мало где сообщается, что на севере Красноярского края он и года не прожил, с 1939 года после смерти отца его семья переехала в Иркутск, а ещё через год – в Казахстан, где Боря начал строить свою речь на родном языке. Только в 1945 году Екимовы приезжают на Дон, поселяются в небольшом уютном посёлке Калаче. И вот именно здесь донская речь впитывается в языковое сознание мальчика, и делает она это настолько прочно, основательно, что её не размыли, не уничтожили ни служба в армии, ни разъезды по стране (а будущему писателю пришлось поработать на стройках в Казахстане и Тюменской области, токарем, наладчиком, слесарем, электромонтёром на заводе, учителем труда в сельской школе), ни частые отлучки в Москву, ни учёба на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А.М. Горького [1; 2]). Характерные для донского говора слова, названия родных реалий культуры, наименования хуторов и станиц Обдонья, рек, балок, урочищ, другие топонимы и микропонимы, народные формы антропонимов и прочие онимические единицы в диалектном оформлении – всё это органично и естественно входит в повествование, придавая хронотопу достоверность, ярко изображая «этот живой поток екимовских картин» (А.И. Солженицын).

Цель исследования – выявить особенности ономастического мира Бориса Петровича Екимова, нашедшие репрезентацию в рассказах и повестях писателя.

Материал и методы. Материалом исследования послужили тексты рассказов и повестей Б.П. Екимова. Методы исследования: дескриптивный, качественно-количественный, компонентный анализ, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Герои произведений Б.П. Екимова носят имена в их народном звучании (здесь и далее примеры из [3–1а; 4–2а; 5–3а]): *Проскуня* («На усадьбе»), *бабка Акуля* («На распутье»), *тётка Тауса* («Подарок»), *Маня Хромая*, *бабка Лелька*, *кум Петро*, *деда Коля*, *прадед Миша* («Набег»), *Алёшка Батаков* («Сколько работы, Петрович...»), *почтальонша Надя*, *Володя Арчаков*, *Мишка Абрек*, *Федя Чекалка*, *дед Минай*, *Галя-чувашица*, *Гена Крокодил*, *Дюдя*, *Пашица Конь*, *баба Параня*, *Евлаша*, *Федя Суслик*, *Маня Дворняжка*, *Васька Дубилин* («Не надо плакать...»), *тётушка Нюра*, *бабушка Дуня Крысова* («По законам старого дома»), *внук Митя*, *баба Катя*, *баба Ксения* («Старый дом»), *Пашица* (Дикие), *Витя Гуляев*, *Колька Семёнов*, *Костя Карагичев*,

Алёшка Калмяков, *Коля Арьков* («Помню своё»), *Нюся* («Нюся, пора на пост...»), *Вовка*, *Петюшка*, *Витя* («Карта для бабани»), *Вовка*, *Ленька*, *Шурка* («Чай с молочком...»), *внучка Даша*, *Флеша*, *Флешенька*, *Сеня-монах* («Жить хочу...») и др. Отмечена в текстах писателя и такая черта народной речи, как обращение по отчеству к пожилым и уважаемым собеседникам: *Гордевна*, *Митревна* («Карта для бабани»), *Миколавна*, *Гордеевна* («Лазоревый цвет»), *Петрович* («Сколько работы, Петрович...»); «Жить хочу...»), причём в диалекте подобный антропоним может иметь уменьшительно-ласкательные формы: *Гордевушка* («Карта для бабани»). Антропонимы, не вписывающиеся в народную традицию, получают хлёсткий или объясняющий непривычное имя комментарий: *Николай хотел, чтобы первого внука назвали по деду Михаилом. Но премудрый зять удумал какого-то Артура. Теперь-то привыкли, а прежде язык ломали. Вроде не имя, а кобелю кличка* («Набег»). *Порой погляжу на картинку и вспомню семью Шкленников: Эдуард, Витольд, Юленька – это дети. <...> Семья – польская; видимо, из ссыльных* («В день рождения»).

Сельский труд и жизнь в казачьих станицах и хуторах тесно связаны с животным миром, поэтому в рассказах Б.П. Екимова регулярно встречаются зоонимы: *коровы Мурка*, *Ханка* («Не надо плакать...»), *пёс Волчок*, *быки Звездарь*, *Гусар* («Набег»), *кошка Рыжуня*, *старый Полкан* («Карта для бабани»). Время в сельской жизни течёт по своим законам, обозначаясь названиями месяцев, дней недели, а порой и геортонимами: *Рождество*, *Крещение*, *масленая* («Не надо плакать...»), *Троица* («Цвет в ночи»; «Поместье»).

Помогают представить красоту и ширь донского края топонимы; они хорошо известны писателю, и с их помощью он даёт привязку своего повествования к конкретному месту. Эти единицы входят во многие тексты, являются смысловыми вехами в них, при этом писатель составляет целые фрагменты текста, в которых топонимические единицы становятся центром повествования, позволяя увидеть особенности донской природы и жизни донских казаков через онимический контекст [2]. Многие из встретившихся на пути Б.П. Екимова гидронимов образованы от диалектных слов, имеют богатое лингвокультурное содержание: *Мой путь к озёрам, далеким ли, близким, куда доберусь. Малые и Большие Куги, Шемаристое, Поплутное, Крестовка, Лубники, Свинорои, Большой и Малый Лопатин, Песчаненькое, Бурунистое, Сокори... Им счёта нет. Лесистое займище и дуга рассекают озёра, словно три голубых ожерелья, по древним донским руслам, весной сливаясь протоками, старицами, по летнему времени обсыхая и рассыпаясь синими бусинами <...>. Лесная нехоженная дорога, попетляв, вывела на опушку к заливному лугам, к простору. Здесь – ветер, далекий осенний окоём, а впереди – последний рубеж: Песчаненькое, Бурунистое, Лубники, Сокори, Клешни – озёра, которые берегут займищную и луговую округу от подступающих сыпучих песков*

(«В займище»). Эти же гидронимы встречаются в других рассказах писателя, в которых он повествует о своих путешествиях по Обдону: *А завтра, с утра пораньше переделав дела домашние, решили податься за Дон, за раками на озёра. Круглое, Лопушиное, Шемаристое. <...> И озёра... Поплутное, Банное... <...> Крестовое озеро, Песчаненькое...* («Поместье»).

Названия многих из озёр становятся понятными только после обращения к донским диалектам. Гидронимы *Малые* и *Большие Куги* образованы плюрализацией слова *куга* ‘растение семейства осоковых, камыш озёрный’ [6, с. 278] с добавлением дифференцирующего прилагательного. Тем же способом образован лимноним *Сокори* от южного слова *сокорь* ‘дерево семейства ивовых – серебристый тополь’ [6, с. 558]. Плюрализацией образовано название озера *Свинорой*, у которого несколько этимологических решений. Возможно, на его берегах находится места, где часто обнаруживали диких свиней, в русской диалектологии обнаруживается слово *свинорой* ‘свиное пастбище или пустырь’ [7, с. 286]. Правда, не очень ясно, как составители словаря составили данную дефиницию. В словаре В. П. Бурнашева, на который они ссылаются, записано: *то место, где ходят свињи летом и перерывают* [8, с. 197], что лишь косвенно может быть охарактеризовано как пастбище. В литературном языке это же слово имеет значение ‘сорная трава семейства злаковых’ [9, с. 1160], в диалектах уточняется, что речь идёт о кормовой траве пырее [7, с. 286]. В этом значении оно фиксируется на Тереке уже в 1900 году. В Курганской области и на Урале так называют гриб чёрный груздь или обычный груздь, в Ярославской области – гриб свинушку [7, с. 286]. Название *Лопушиное* указывает на растущий по его берегам *лопух* – однолетнее травянистое сорное растение семейства сложноцветных, с крупными широкими листьями и цепкими колючками, которое называется также *репейник*. Прилагательное образовано с помощью суффикса **-ьн-* с первой палатализацией предшествующего заднеязычного. В литературном языке используется прилагательное *лопуховый*, образованное по той же модели, что и *подсолнуховый*, *гороховый*, *пуховый* и пр. [10, с. 352]. Однако и дериваты с суффиксом **-ьн-* также существуют в литературном языке: *воздушный*, *грешный*, *успешный*, *альманашный* и пр. [10, с. 417].

Название озера *Шемаристое* образовано с помощью суффикса *-ист-* от существительного *шамора* (с орфографическим вариантом фиксации в гидрониме) ‘1) мелкое плавающее растение, листочки которого в виде пластинок затягивают поверхность воды; ряска; 2) длинные речные водоросли’ [6, с. 668]. Первое значение известно широко на Дону, второе фиксируется в основном в станице Качалинской и в рабочем посёлке Иловля [6, с. 668]. Суффикс *-ист-* придаёт слову значение ‘обладающий тем, что названо производящей основой’ [11, с. 282], добавим к этой дефиниции уточнение ‘в большом количестве’.

С этим же суффиксом образован лимноним *Бурунистое* от диалектной лексемы *бурун* ‘волнообразный песчаный нанос’ [6, с. 59]. Озеро *Лубники* названо по растущим по его берегам деревьям (обычно липам) [12, с. 205], с которых драли *луб* – лыко, используемое для изготовления верёвок, корзин, плетения рогож и пр. [9, с. 506]. В донском говоре сохранилось название игры *лубок*, в описании которой обнаруживается связь с этим значением лексемы: *На пасху катают яйца по коре с дерева* [6, с. 304].

Лимноним *Клешни* указывает по очертанию берегов, похожие на клешни рака. Такое же название фиксируется в Волго-Ахтубинской пойме [12, с. 169]. Озеро *Крестовое* (*Крестовка*), возможно, имело крестообразную форму, почему и было так названо. Впрочем, другие сходные названия в регионе (пруд *Крестов*, озеро *Крестовое*) возводятся к их нахождению на перекрёстке дорог или к событиям с крестом в районе водоёма [12, с. 178]. Название *Поплутное* образовано от глагола *поплутать* ‘плутать некоторое время’, который является префиксальным дериватом глагола *плутать* ‘сбившись с пути, не зная дороги, идти наугад; блуждать’ [9, с. 845]. Лимноним *Банное* встречается и в других местах России, озёра с таким названием имеются в Башкирии и на Соловках. В донском диалекте глагол *банить* имеет широкую палитру значений: ‘мыть что-либо, стирать’, ‘мыть пол’, ‘купать (обычно детей), мыть руки, тело’, ‘стирать бельё’ [6, с. 34–35].

Лимнонимы *Большой* и *Малый Лопатин*, вероятно, соотносятся с гидротермином *пруд*. Название образовано от фамилии человека, связанным каким-то образом с этим объектом [12, с. 204], прилагательные уточняют размеры прудов. Название *Круглое* тоже весьма распространено во многих регионах страны и в Казахстане. Только в Челябинской области отмечено 11 гидрообъектов с таким названием, в Ленинградской области – 4. Лимноним указывает на форму озера [12, с. 181].

Упомянутое в разных рассказах Б.П. Екимова озеро *Песчаненькое* вписывается в распространённую в регионе гидронимическую деривационную модель с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-оньк/-еньк-*, всего отмечено 17 подобных единиц (*Песчаненькое* в словарь не вошло): *Долженькое*, *Новенький*, *Светленькое* и др. [12, с. 374].

В произведениях Б.П. Екимова регулярно встречаются названия многих донских хуторов и станиц. Часто упоминает писатель о *Калаче*, порой даже не называя топоним, а лишь описывая жизнь его жителей: *Посёлок наш – у самого Дона, на переправе* («Наш старый дом»). *Главная улица городка нашего, конечно же, Октябрьская* («Мальчики уходят тихо»). *Летняя наша жизнь в старом доме, в посёлке, кроме прочего, ещё и тем счастливо отличается от городского быта, что вокруг – живая жизнь* («Живая жизнь»). Однако и сам топоним в разных падежах и вариантах представлен в текстах: *А всего лишь –*

степная балка, где-нибудь в Задонье, на полпути от Калача-на-Дону к Суровикину («Степная балка»). А чтобы по-настоящему понять, что такое каймак, надо его откусить. А значит, словарь – в сторону, отправимся на воскресный базар куда-нибудь в Калач-на-Дону, в станицу ли Усть-Медведицкую («Каймак»). Отмечены в екимовских текстах и другие топонимы. Писатель напоминает донскую байку о происхождении прозвища жителей одной из донских станиц: *На Дону всякое бывает. Например, в станице Нижнечирской знаменитая донская рыба чехонь «сено поела». Было так: с заливного луга в свою пору не свезли казаки сено, отложив эту заботу на потом. Как на грех, случился разлив Дона, и стога ушли вниз по течению. «У чирян чехонь сено поела», – разнеслось по округе («Рыба на сене»)*. Но особенно часто бывает писатель на речке Голубой в станице Голубинской, хуторах Голубинском, Малоголубинском, на Голубинском острове, в Голубинских песках. Все эти названия образованы от гидронима Голубая. Это название, возможно, свидетельствует о цвете воды, хотя подобное наименование не характерно для славянской гидронимии, поэтому оно может быть калькой предшествующего тюркско-монгольского слова [5, с. 101–102].

Заключение. В каждом своём произведении Борис Петрович Екимов любит жизнь донских казаков, их обычаями, нравами, традициями, сочными словами, названиями хуторов, станиц, рек, озёр, островов, балок и других объектов Обдونها. И каждое слово, каждый оним в этих рассказах и повестях отражают его любовь к родной казачьей речи, к малой родине. Народная речь неизбывна, она живёт в своём самобытном постоянстве и одновременно изменчива, текуча, рождает всё новые и новые диалектные жемчужины, новые и возрождённые прежние названия мест донской земли, а писатель, душа и совесть своего народа, вслушивается в эту речь, восхищается ею, фиксирует нарицательные слова и собственные имена в своих произведениях.

Литература

1. Кудряшова, Р.И. Б.П. Екимов и словарь донских говоров Волгоградской области / Р. И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун // В пределах земли и неба: проза Б. Екимова: восприятие и осмысление. – Волгоград: Издатель, 2013. – С. 123–144.
2. Супрун, В.И. Ментальный образ топонима в этнолингвосознании / В.И. Супрун // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. – Белгород: БелГНИУ, 2016. – С. 453–460.
3. 1а. Екимов, Б.П. Избранное: Повести и рассказы: в 2 т. / Б.П. Екимов. – Волгоград: Ком. по печати и информ., 1998. – Т. 1. – 606 с., Т. 2. – 623 с.
4. 2а. Екимов, Б.П. Осень в Задонье. Повесть о земле и людях / Б.П. Екимов. – М.: Никая, 2016. – 400 с.
5. 3а. Екимов, Б.П. Проснётся день: рассказы / Б.П. Екимов. – Волгоград: Издатель, 2013. – 414 с.
6. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.
7. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2002. – Вып. 36. – 344 с.
8. Бурнашев, В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / В.П. Бурнашев. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. – Т. II. – 414 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
10. Зализняк, А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А.А. Зализняк. – Изд. 2-е, стер. – М.: Русс. яз., 1980. – 880 с.
11. Земская, Е.А. Современный русский язык: Словообразование / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
12. Крюкова, И.В. Реки и водоёмы Волгоградской области: гидронимический словарь / И.В. Крюкова, В.И. Супрун. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Волгоград: ВГАПК РО, 2009. – 380 с.
13. Супрун, В.И. Донская казачья лингвокультура в произведениях Б.П. Екимова: к юбилею писателя / В.И. Супрун, Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филол. науки. – 2013. – № 6 (81). – С. 79–85.

Поступила в редакцию 06.05.2022

Лингвистические особенности научной медицинской статьи на английском языке

Меньшенина И.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Ухудшение эпидемиологической ситуации в мире привело к усилению международного сотрудничества в области медицины. Публикационный рост за время пандемии COVID-19 достиг рекордных размеров. В данных условиях востребованными становятся лингвистические исследования, результаты которых могут способствовать распространению достоверной медицинской информации посредством осуществления более качественной коммуникации.

Цель данной работы – установить жанрово-стилистические и лексико-грамматические особенности текстов научных медицинских статей на английском языке.

Материал и методы. *Практическим материалом исследования послужили 100 научных статей, опубликованных в ведущих и наиболее цитируемых британских и американских научных медицинских журналах в период с 2017 по 2020 год.*

В процессе работы были использованы такие лингвистические методы, как сравнительный, контекстуальный, лексико-грамматический анализ, статистические методы.

Результаты и их обсуждение. *Анализ отобранного корпуса текстов позволил определить их жанровые характеристики, конкретизировать средства реализации таких дискурсивных категорий, как когезия, когерентность, интенциональность, авторизация, адресованность, ситуативность, интертекстуальность, выделить грамматические особенности, а также подробно рассмотреть лексическую базу исследуемых текстов.*

Заключение. *Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе при обучении специалистов медицинского профиля написанию научных статей, а также в подготовке специалистов в области лингвистики и стилистики текста.*

Ключевые слова: *научная медицинская статья, лингвистические особенности, жанр научной медицинской статьи.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 167–172)

Linguistic Features of Scientific Medical Articles in English

Menshenina I.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The deterioration of the epidemiological situation in the world has led to the expansion of international cooperation in the field of medicine. The growth of publications in the context of the COVID-19 pandemic has reached record levels. In these conditions, linguistic research is becoming in demand. Its results can contribute to the dissemination of reliable medical information by improving communication.

The purpose of this work is to establish genre–stylistic and lexical-grammatical features of the texts of scientific medical articles in English.

Material and methods. *The practical material of the study was 100 scientific articles published in the leading and most cited British and American scientific medical journals from 2017 to 2020. In the course of the work, such linguistic methods as comparative, contextual, lexical and grammatical analysis, statistical methods were used.*

Findings and their discussion. *The analysis of the selected corpus of texts made it possible to determine their genre characteristics, to specify the means of implementing such discursive categories as cohesion, coherence, intentionality, authorization, addressability, situativeness, intertextuality, to highlight grammatical features, as well as to examine in detail the lexical base of the texts under study.*

Conclusion. *The obtained results can be used in the academic process when teaching medical specialists to write scientific articles, as well as in training specialists in the field of linguistics and text stylistics.*

Key words: *scientific medical article, linguistic features, genre of scientific medical article.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 167–172)

Дискурсивное пространство языка медицины представлено целым рядом жанров, имеющих определенные содержательные и формальные особенности, которые могут варьироваться в зависимости от функции и цели текста. Основными жанрами медицинского дискурса считаются:

1) жанр учебной медицинской литературы (учебник, учебное пособие, практикум и т.д.);

2) жанр научной медицинской литературы (научная монография, научная статья, научный отчет, диссертация, внедрение результатов научной разработки в практику, тезисы докладов и т.д.);

3) жанр медицинской документации (рецепт, карта анамнеза, выписной эпикриз, данные лабораторных исследований, направление на лечение (стационарное, физиотерапевтическое), справки объективной медицинской экспертизы (расшифровка кардиограммы, анализ крови, рентгенограмма и т.д., медицинская справка (больничный лист), сертификаты лекарственных препаратов, инструкции по медицинскому применению препарата, веб-сайты медицинских препаратов, руководства по эксплуатации медицинских приборов, договоры поставок медицинского оборудования) [1];

4) жанр устного вербального информирования (публичная лекция, доклад, индивидуальная консультация, рекомендация врача, психотерапевтическое лечение, выступление в средствах массовой информации и т.д.);

5) жанр наглядно-вербального информирования (информационный медицинский буклет, плакат, памятка, специальная витрина и т.д.) [2, с. 174].

Научная медицинская статья считается ядром письменного научного медицинского дискурса [3] и, согласно классификации В.Е. Чернявской, относится к жанру академических (научно-теоретических) текстов [4]. Статья является наиболее распространенной формой презентации медицинских научных исследований, поскольку представляет собой ограниченное по объему произведение, имеет универсальный формат и четкие требования к дизайну.

Жанр научной медицинской статьи относится к институциональному типу профессионального дискурса и полностью отражает особые условия сферы общения, в рамках которой функционирует.

Так, к важным жанрово-стилистическим характеристикам текстов данного типа исследователи относят однозначность и логичность формулировок, объективность, отсутствие эмоциональной насыщенности и образных сравнений, ситуативность, терминованность, диалогичность [5].

Автором медицинской статьи является компетентный специалист в некоторой области медицины, который сообщает результаты своего исследования коллеге – равному в профессиональном смысле адресату. Узкая направленность определяет лаконичность формы жанра, поскольку позволяет использовать в статье узкоспециальную терминологию, прецедентные имена и тексты, прецизионные слова (сокращения, названия, единицы измерения) [3], а также излагать нюансы

проведенной работы без дополнительного пояснения.

The primary study endpoint was noninferiority of patient functional outcome (ie, the proportion of patients achieving functional independence) at 90 days, as measured by achieving 0–2 on the modified Rankin scale.

Жанр научной медицинской статьи может быть отнесен к информативным, поскольку автор сообщает адресату новую информацию. Однако целью таких текстов является не только передача нового научного знания, полученного в результате научных исследований, но также воспроизведение процесса получения этого знания для повышения аргументированности выводов. Данные интенции определяют композиционную и, соответственно, смысловую структуру указанных текстов: требуют соблюдения строгой последовательности изложения материала (постановка проблемы, доказательство актуальности, обзор источников, представление позиции автора, ее логическое доказательство, формулировка выводов и обобщений, подведение итогов) [6].

Строгое и последовательное распределение информации связано также с требованием однозначной интерпретируемости текста научной медицинской статьи как одним из условий коммуникации. Данная категория обеспечивается также экспликативностью, отсутствием косвенно выраженных смыслов, однозначностью используемых автором лексических единиц и грамматических конструкций.

Научная медицинская статья обладает экспрессией, направленной на убеждение адресата в достоверности полученных результатов, на доказательство актуальности исследования, на демонстрацию его преимуществ перед предыдущими работами. Таким образом в анализируемых текстах реализуются сразу две категории: интенциональности и авторизации. Позиция и личность автора в большинстве случаев эксплицируется прямыми эго номинациями (личные местоимения *we* ‘мы’, *our* ‘наш’), употребляемые преимущественно с глаголами *to aim* ‘иметь целью’, *to conclude* ‘заключать’, *to decide* ‘решать’, *to review* ‘рассматривать’, *to analyze* ‘анализировать’, *to assess* ‘оценивать’, *to monitor* ‘наблюдать’, *to find* ‘находить, обнаруживать’ и др.

We therefore aimed to compare the efficacy and safety of oral labetalol, nifedipine retard, and methyldopa for the management of severe hypertension in pregnancy.

By contrast with many previous trials, we confirmed the viability of the microbes at the point of use.

In our opinion, the organised structure for the frequent assessment and prompt management of severe hypertension, including retreatment, to achieve adequate blood pressure control was key.

Косвенные эго номинации в анализируемых текстах встречаются редко и выражают осознанную автором возможность или невозможность, важность или необходимость того или иного аспекта при помощи таких лексических единиц, как *important* ‘важный’, *relevant* ‘важный, целесообразный’, *relevance* ‘важность’, *to need* ‘нуждаться’ и др.:

This could be of particular relevance in patients with impaired left ventricular function undergoing cardiac surgery because treatment of iron deficiency in patients with congestive heart failure has been shown to improve functional status within 4 weeks and to reduce the need for hospital admission and mortality.

Further research is needed to see how improvements in upper limb impairment, seen with robot-assisted training, can translate into functional gain.

It is important to consider why the improvements in impairment seen with robot-assisted training in the RATULS trial did not translate into improved function.

Категория авторизации реализуется в текстах научных медицинских статей также посредством номинации ментальных состояний, таких как уверенность (*to assure* ‘уверять’, *to convince* ‘убеждать’, *to claim* ‘утверждать’, *to testify* ‘подтверждать’, *evidence* ‘доказательство’, *in fact / in point of fact* ‘на самом деле’, *likely*, *of course* ‘конечно’, *indeed* ‘несомненно’, *natural(ly)* ‘разумеется’, *actual(ly)* ‘на самом деле’, *clear(ly)* ‘несомненно’, *apparent(ly)* ‘вероятно’, *likely* ‘вероятно’ и др.), либо сомнение (*doubtful* ‘сомнительно’, *unlikely* ‘маловероятно’, *hypothesise* ‘выдвигать гипотезы’, *seem* ‘казаться’, *anticipate* ‘предвосхищать’, *predict* ‘предсказывать’, *expect* ‘ожидать’, *suspect* ‘подозревать’ и т.п.).

It is likely that the pragmatic inclusion criteria led to the recruitment of some participants who had little prospect of recovery.

Фундаментальность исследования подчеркивается при помощи средств прямонаправленной связности со значением логической структурированности (*first(ly) / second(ly) / third(ly)* ‘во-первых / во-вторых / в-третьих’; *finally* ‘наконец’ и др.):

This trial has some limitations. First, those participants who agreed to undergo the Cytosponge-TFF3 procedure might have had more problematic symptoms than those who did not accept the offer of the procedure. [...] Second, 150 (9%) of 1654 participants still had a low-confidence result after the offer of a repeat test. Work is ongoing to find out how to reduce this outcome. Third, there were slightly more women than men agreeing to undergo the CytospongeTFF3 procedure, even though Barrett's oesophagus is more prevalent in men than in women.[...] Finally, variation in the quality of endoscopies was apparent across the 24 hospitals that took part in the study.

Помимо вышеупомянутых средств прямонаправленной связности в текстах научных медицинских статей встречаются все средства когезии, свойственные научному тексту, для обеспечения логичности и связности изложения и, таким образом, способствуя его восприятию. Коннекторы (союзы, союзные слова, местоимения, частицы-связки, предлоги) выражают отношения аддитивности, противопоставления, подчинения:

Despite advances in antiplatelet and anticoagulation treatment strategies for patients on oral anticoagulants and introduction of new generation drugeluting stents, the optimal percutaneous coronary intervention technique in patients at high bleeding risk is not known.

Systematic reviews of therapy interventions suggest that patients benefit from therapy programmes in which they practise tasks directly rather than from interventions that focus on impairments.

However, studies vary in patient characteristics, device used, duration and amount of training, control group, and outcome measures used.

Слова-заместители (указательные, личные, притяжательные местоимения и местоименные наречия) связывают предложение статьи с предшествующим контекстом, осуществляя таким образом анафорическую связь:

Although there was no significant difference between EULT and usual care in ARAT success, the absolute difference was 8% at 3 months and 10% at 6 months in favour of EULT. This difference might be considered important by some patients and clinicians, but the trial did not have the statistical power to detect a difference of this size.

В исследуемых текстах категория связности реализуется также заголовками и подзаголовками, которые репрезентируют тему последующего текста и, таким образом, выражается катафорическим коннектором.

Когерентность в текстах научной медицинской статьи выражается посредством дистантной катафоры, которая направляет читателя к графическим референтам, эксплицируясь использованием лексических единиц *appendix* ‘приложение’, *table* ‘таблица’, *figure* ‘рисунок’ с глаголами *to show* ‘показывать’, *to demonstrate* ‘демонстрировать’, *to present* ‘представлять’ как в страдательном, так и в действительном залоге:

Reasons why assessments were not done are shown in the appendix.

The appendix shows intervention fidelity.

Нередко графическая референция представлена приведенными выше лексемами, данными в скобках:

This left 484 patients with anaemia or isolated iron deficiency (the sample) in the modified intentiontotreat group (figure1, table1, appendix p 4).

Категория завершенности высказывания – еще один механизм когерентности – в анализируемых текстах использует лексические средства *in conclusion* ‘в заключение’, *in summary* ‘подводя итог, таким образом’, *as a way of summarizing* ‘в качестве подведения итогов’, которые апеллируют к предыдущим разделам исследования.

In conclusion, findings from TARDIS show that among patients with acute ischaemic stroke or TIA who were recruited within 48 h after symptom onset, treatment with intensive antiplatelet therapy as compared with guideline antiplatelet therapy did not reduce stroke recurrence or its severity but did increase haemorrhage and its severity.

In summary, the results of the FOCUS trial show that fluoxetine 20 mg given daily for 6 months after an acute stroke did not influence patients' functional outcomes but did decrease the occurrence of depression and increase the occurrence of bone fractures.

Формальным показателем категории завершенности в тексте медицинской статьи является прошедшее время используемых глаголов, что можно трактовать как подведение итогов проведенного исследования [6, с. 27]:

In this prospective, randomised phase 3 trial, everolimus produced a significant reduction in seizure frequency in patients with treatment-resistant epilepsy and tuberous sclerosis complex compared with placebo.

Обобщенно-абстрактный характер текстов медицинских научных статей, стремление к логической последовательности изложения материала и максимальной однозначности его интерпретации обуславливают их сложную синтаксическую структуру, которая реализуется в распространенных предложениях с разнообразными типами сочинительной и подчинительной связи между ними:

Although oral drugs appear to be optimal with regard to ease of storage and administration, there are few direct comparisons of the three oral drugs recommended for management of acute severe hypertension in pregnancy in low-resource settings by WHO.

Простые предложения в текстах медицинских статей осложняются вводными словами и словосочетаниями (however, on the one hand, according to, и др.) [7], второстепенными и однородными членами предложения:

Hypertensive disorders of pregnancy include chronic hypertension (ie, hypertension diagnosed before 20 weeks of gestation), pre-eclampsia and eclampsia, chronic hypertension with superimposed preeclampsia (a diagnosis of chronic hypertension outside pregnancy or before 20 weeks' gestation and a sudden exacerbation of hypertension or manifestations of endorgan involvement such as new or increased proteinuria, increased liver enzymes, thrombocytopenia, pulmonary oedema, renal insufficiency, or symptoms such as severe headache or right upper-quadrant pain), and gestational hypertension.

Наиболее употребительными временными формами глагола-сказуемого являются The Present Indefinite, The Past Indefinite и The Present Perfect [8, с. 7]:

Venous thromboembolism is one of the most important, potentially preventable, causes of death and morbidity in patients in hospital. Although its importance has long been recognised in patients undergoing surgery, it is now clear that medical patients (sometimes referred to as non-surgical patients) also have a high risk of venous thromboembolism.

To be included in the trial, patients had to be admitted to hospital within 3 days of acute stroke and be immobile (ie, could not mobilise to the toilet without the help of another person).

Изучаемым текстам свойственно использование неличных форм глагола: инфинитива, герундия и причастия и их конструкций (инфинитивных, причастных и герундиальных оборотов):

In a case series, long-term administration of triple treatment appeared to be useful in participants at very high risk of recurrence, defined as recurrence on dual antiplatelet therapy.

Обезличенная манера изложения, сосредоточенность на действии и его обстоятельствах реализуются в широком использовании пассивных конструкций:

The trial was conceived and designed by the grant applicants who wrote the protocol. Study data were collected, monitored, and analysed in Nottingham at the Stroke Trials Unit. Analysis, interpretation, and report writing were done independently of the funders; no pharmaceutical companies were involved in any part of the trial.

Стремление к экономии языковых средств выражается в широком использовании атрибутивных конструкций. Употребление одного или более существительных в общем падеже в качестве препозитивных атрибутов другого существительного позволяет передать максимальное количество информации при минимальном использовании грамматических средств связи:

The prespecified subgroup analyses were: the effect of treatment allocation on the primary outcome subdivided by key baseline variables: delay from stroke onset to randomisation (day 0 or 1 vs day 2 to 7 and day 0 to 2 vs 3–7); weakness of the legs (able to lift both legs or not); stroke severity (with a validated prognostic model); risk of DVT (high vs low; based on presence or not of risk factors at baseline); use of heparin, warfarin, or thrombolysis at the time of enrolment; type of stroke (confirmed haemorrhagic vs ischaemic stroke or unknown pathological type of stroke); type of compression sleeves used (Original vs Comfort).

Характерная русскому медицинскому научному тексту стилистическая нейтральность является менее выраженной в текстах данного жанра на английском языке. Эмоциональность в таких текстах может выражаться, например:

– количественной экспрессивностью [9] (*Venous thromboembolism is one of the most important, potentially preventable, causes of death and morbidity in patients in hospital.*)

– усилением значения смыслового глагола с помощью вспомогательного глагола “do” (*In summary, the results of the FOCUS trial show that fluoxetine 20 mg given daily for 6 months after an acute stroke did not influence patients' functional outcomes but did decrease the occurrence of depression and increase the occurrence of bone fractures.*)

– использованием модальных глаголов и слов с модальным значением (*Although the treatment might lead to a reduction in the occurrence of depression, it also seems to increase the frequency of bone fractures.*)

Тексты научных медицинских статей отличаются не только структурными, но также лексическими особенностями. Точность и однозначность изложения информации достигается тщательным подбором слов, используемых в прямом значении [6]. Сжатость и лаконичность реализуется в использовании большого количества аббревиатур и сокращений.

Лексическая база в текстах научных медицинских статей формируется за счет терминологической, общенаучной, общеупотребительной, а также интернациональной лексики.

Под терминологической лексикой понимаются лексические единицы, которые выполняют не только номинативную, но и дефинитивную функции. Особенности лексических единиц, принадлежащих к этому слою, заключаются в том, что они точно соотношены с определенным понятием, выражают его сущность.

Из общенаучной и общепотребительной лексики используются слова и словосочетания с абстрактной семантикой, достаточно часто встречающиеся в научных текстах, независимо от области науки, и не передающие специальные понятия, однако также отличающиеся однозначностью значения: *study* ‘исследование’, *method* ‘метод’, *guidelines* ‘руководящие принципы’, *research* ‘исследование’, *recommendation* ‘рекомендация’, *trial* ‘испытание’, *record* ‘запись’, *criteria* ‘критерии’, *diagnosis* ‘диагноз’ и др.

Под интернациональной лексикой следует понимать слова, имеющие сходное звучание и значение в нескольких языках. Интернациональные термины не только более точно дифференцируют отдельные процессы и явления, но и придают языку научной медицинской литературы специфическую окраску. Это, как правило, «длинные, многосложные заимствованные слова, иногда не полностью грамматически ассимилированные» [10, с. 179], что выражается, например, в сохранении формы множественного числа, принятой в языке, из которого заимствовано данное слово: *datum* – *data* ‘данные’, *phenomenon* – *phenomena* ‘явления’ и т.д.

Таким образом, к лексическим особенностям текстов научных медицинских статей на английском языке можно отнести:

1. *Терминологию*. Значительную часть такой лексики составляют заимствования из латинского, а также греческого языков, а новые медицинские термины чаще всего образуются способом аффиксации с помощью греческих и латинских префиксов, суффиксов и корней. Например, термин *cholecystography* ‘холестистография’ образован от *chol/e* ‘желчь’, *cyst/o* ‘пузырь’ и *-graphy* ‘изображение’.

Новая терминология формируется также словообразовательными средствами живого языка. Для описания понятия путем сравнения его с известным бытовым предметом или явлением нередко используется метафора (Например, *coronary drug-coated balloons* – коронарные баллонные катетеры с лекарственным покрытием; *silent stroke* – ишемический инсульт, который можно обнаружить только с помощью лучевой диагностики [11]. Бытовая разговорная лексика применяется для обозначения хирургических методов, патологических открытий, радиологических находок и других явлений (*keyhole surgery* – артроскопическая операция, *silver-fork fracture* – классический перелом лучевой кости (со штыкообразной деформацией)). Для английской медицинской терминологии характерно наличие большого количества омографов, когда один и тот же термин может иметь абсолютно несхожие значения в разных областях медицины (occlusion... англ. isolation: 1. In surgery – separation of a structure from surrounding

structures – ‘изоляция’ в хирургии; 2. In epidemiology – separation of a patient suffering from a contagious disease, from contact with others ‘изоляция’ в эпидемиологии.

2. *Аббревиатуры*. Быстрое развитие науки приводит ко все большему насыщению медицинского дискурса когнитивной информацией и важным способом экономии языковых средств становится ее компрессия [11]. В английском языке существуют различные типы аббревиатур. Среди лексических выделяют аббревиатуры инициального типа, которые формируются из начальных букв каждого слова в составе словосочетания (NIHSS – National Institutes of Health Stroke Scale); слоговые аббревиатуры, которые образуются из сочетания начальных частей слов (Card Cath – cardiac catheterization [12, с. 912] или alk phos – alkaline phosphate); смешанные аббревиатуры (AFib – atrial fibrillation); аббревиатуры, в состав которых входит начальная часть первого слова и второе слово целиком (C-section – cesarian section [12, с. 912]; *PA view* – *posterior anterior view on x-ray* – задне-передний вид на рентгенограмме). В последнее время все более популярным становится омоакронимия, когда аббревиатура совпадает по фонетической форме с общепотребительным словом (HEAR – hospital emergency ambulance radio (рация больничной кареты неотложной медицинской помощи) и to hear (слышать)).

Сложность аббревиатур состоит в том, что они могут совпадать в разных медицинских отраслях или иметь несколько расшифровок (CHD – congenital heart disease (врожденный порок сердца) и coronary heart disease (ишемическая болезнь сердца).

При формулировании названий клинических исследований, описываемых в оригинальных медицинских статьях, авторы в большинстве случаев используют аббревиатуры, в состав которых входят любые фрагменты слов полного названия (FOCUS trial – trial of the effects of fluoxetine on functional outcomes after acute stroke). Такие аббревиатуры имеют узкое применение и при обработке текста статьи могут вызывать затруднения.

3. *Сокращения*. К данной группе относятся такие лингвистические явления, как апокопы, афрезы и синкопы, которые формируются путем сокращения части слова [12, с. 912]. Наиболее популярным видом усечения слова является апокопа, когда опускается один или несколько последних слогов: *card.* – *cardiac* (кардиотоническое средство); *bilat.* – *bilateral* (билатеральный). Афреза встречается реже и представляет собой слово с усеченной начальной частью: *scope* – *microscope* (микроскоп). Явление синкопы заключается, как правило, в выпадении средней части сложного медицинского термина: *dopamine* – *dihydroxyphenylethylamin* (допамин). В медицинских текстах встречаются сокращенные словосочетания: *at fib* – *atrial fibrillation* (мерцательная аритмия).

4. *Неологизмы*. Прогресс науки влечет за собой открытие новых заболеваний и методов лечения, создание нового медицинского оборудования и, как след-

стве, появление новых отраслей медицины, в которых работают специалисты. Все эти явления требуют создания новых терминов для их названия: *avian flu – virus H5N1* (вирус птичьего гриппа H5N1); *laparoscopy* (лапароскопия); *magnetic resonance image – MRI* (магнитно-резонансное изображение (МРТ)); *Bluetooth-enabled smart inhalers* (интеллектуальные ингаляторы с поддержкой Bluetooth).

5. **Эпонимы.** В англоязычных медицинских статьях для названий болезней, симптомов, методов диагностики и других явлений продуктивно используются имена их первооткрывателей или ученых, которые внесли наибольший вклад в исследования, а иногда пациентов. В некоторых областях медицины существуют даже словари эпонимов. Такая популярность данного явления заключается в возможности преобразования сложного понятия в один термин: *Mann-Whitney test* – Тест Манна-Уитни; *Cox proportional hazard modelling* – модель пропорциональных рисков Кокса.

Заключение. Тексты научных медицинских статей на английском языке обладают определенным набором лингвистических особенностей, обусловленных их жанровыми характеристиками. Проведенный анализ позволил конкретизировать средства реализации таких дискурсивных категорий, как когезия, когерентность, интенциональность, авторизация, адресованность, ситуативность, интертекстуальность; выделить грамматические особенности, а также подробно рассмотреть лексическую базу исследуемых текстов. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе при обучении специалистов медицинского профиля написанию научных статей, в подготовке специалистов в области лингвистики и стилистики текста, а также в качестве лингвистической базы для дальнейших исследований текстов данного жанра.

Литература

1. Бейлинсон, Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса: на материале логопедических рекомендаций: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград, 2001. – 187 л.
2. Рудова, Ю.В. Жанровые характеристики текста медицинского буклета как одной из форм медицинского просвещения / Ю.В. Рудова // Альманах соврем. науки и образования. – 2007. – № 3–2. – С. 172–175.
3. Гавриленко, Н.Н. Основные характеристики жанра «инструкция» и их влияние на деятельность переводчика / Н.Н. Гавриленко // Понять, чтобы перевести: перевод в сфере профессиональной коммуникации: в 2 кн. / Н.Н. Гавриленко. – М., 2010. – Кн. 2. – С. 115–118.
4. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2005. – 127 с.
5. Какзанова, Е.М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса: на материале математических и медицинских терминов-эпонимов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21 / Е.М. Какзанова; Ин-т языкознания Рос. акад. наук. – М., 2011. – 46 с.
6. Ефремова, Н.В. Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста: на материале произведений Н.М. Амосова, Ф.Г. Углова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Ефремова. – Волгоград, 2017. – 215 л.
7. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1976. – XV, 383 p.
8. Абраменко, Л.А. Обучение пониманию специальной литературы в медицинских вузах: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.731 / Л.А. Абраменко; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1971. – 30 с.
9. Пономаренко, Л.Н. Лингвостилистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте / Л.Н. Пономаренко, Е.А. Мишутинская, И.С. Злобина // Гуманитар. парадигма. – 2018. – № 1. – С. 9–14.
10. Колобаев, В.К. Лексический состав подязыка медицины (статистика словаря и методика преподавания) / В.К. Колобаев // Квантитативные методы отбора учебного материала по иностранному языку для неязыкового вуза: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т; редкол.: Л.И. Фомин (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1990. – С. 43–50.
11. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник / И.В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2002. – 383 с.
12. Барбашева, С.С. Особенности перевода аббревиатур в англоязычном медицинском тексте (на материале терминологии кардиологии) / С.С. Барбашева, А.А. Авраменко // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2011. – Т. 13, № 2–4. – С. 911–916.

Поступила в редакцию 10.05.2022

Вербализация исторической памяти в текстах периодических газетных изданий Беларуси

Маслова В.А.¹, Тамерьян Т.Ю.², Дединкин А.А.³

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

²Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ

³Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси

«Международный университет “МИТСО”» (Витебский филиал), Витебск

Понятие исторической памяти прочно закрепилось в лексиконе общественно-политического дискурса Беларуси относительно недавно, однако заняло одну из центральных позиций в пространстве массовой коммуникации. Значимость данного нарратива подтверждается частотностью обращения к теме в текстах периодических газетных изданий, где обнаруживаются интересные особенности вербализации категории исторической памяти. Наши наблюдения за материалами СМИ предопределили проявленный исследовательский интерес и цель проведенной работы – изучение лингвоаксиологических особенностей вербализации исторической памяти в белорусских республиканских печатных газетных изданиях.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили публицистические тексты крупных (по количеству издаваемых экземпляров) центральных периодических газетных изданий Беларуси – «СБ. Беларусь сегодня», «Рэспубліка». Выборка фактических данных проводилась в январе – марте и составила 212 контекстов. В основу методологии исследования положен интенциональный подход, верифицированный в лингвоаксиологических работах. Методами аналитической работы выступили систематизация, семантический и семантико-стилистический анализы, приемы дискурсивного анализа.

Результаты и их обсуждение. В публицистических текстах республиканских печатных СМИ прослеживается вербализация категории исторической памяти в тесной взаимосвязи с понятием «белорусы». Наш народ в этой связи представляется как древняя нация, являющаяся символом патриотизма, «эталонном честности и справедливости», «решит свету ў Еўропе» и др.

Особое место в вербализации в исторической памяти белорусов занимают военные действия разных временных периодов, прежде всего Великая Отечественная война, а также Первая мировая война, события вооруженных сражений с наполеоновской Францией. В то же время историческая память ассоциируется с миролюбием и дружелюбием белорусов.

Историческая память в текстах республиканских газетных изданий вербализуется с помощью категорий духовности (прослеживаются указания на значимость православной веры и многоконфессиональность белорусского государства).

Важным также является языковая репрезентация культурного кода белорусской нации как компонента ее исторической памяти: чаще всего, это реализуется посредством упоминания имен деятелей культуры (Янка Купала, Якуб Колас, Марк Шагал и др.), актуализации значимости культурных мероприятий и событий (фестивали «Славянский базар в Витебске», «Александрия встречает друзей», «Музыкальные вечера в Мирском замке» и др.), подчеркивания самобытности культурных артефактов (Слуцкія паясы, национальные песни, танцы).

Кроме того, в журналистских материалах при вербализации категории исторической памяти особое значение придается проблемам забвения прошлого, неверной интерпретации событий.

Заключение. Историческая память белорусов вербализуется в журналистских текстах центральных газетных изданий как особый феномен кристаллизации национального самосознания, так как неразрывно связана с понятием «белорусы». Историческая память нации актуализируется через значимость ее героического военного прошлого, культурную самостоятельность и духовность, воплощенную в религиозном начале. Кроме того, историческая память представляется как незыблемая ценность, содержание которой не терпит многовариантной интерпретации.

Ключевые слова: историческая память, белорусы, публицистический дискурс, медиaprостранство, вербализация исторической памяти.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 173–177)

Verbalizing the Historical Memory in the Texts of Belarusian Periodicals

Maslova V.A.¹, Tameryan T.Yu.², Dedinkin A.L.³

¹Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

²Federal State Budget Education Establishment of Higher Education

“North-Ossetia State K.L. Khetagurov University”, Vladikavkaz

³Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus

“International University «MITSO»” (Vitebsk Branch), Vitebsk

The concept of historical memory has deeply rooted in the lexis of social and political discourse of Belarus quite recently; however, it has occupied one of the central positions in mass communication space. The significance of this narrative is confirmed by the frequency of addressing the topic in the texts of periodicals where interesting features of the category of historical memory verbalization can be found. Our observations of periodicals conditioned the research interest and the purpose of the work, which is the study of linguistic and axiological features of historical memory verbalization in Belarusian Republican newspapers.

Material and methods. *The factual research material was publicistic texts of big (the circulation) central periodical papers of Belarus – “SB. Belarus Segodnia”, “Respublika”. The sampling of factual data was carried out in January – March and included 212 contexts. The research methodological basis was the intentional approach which was verified in linguistic and axiological works. The methods of the analytical work were systematization, semantic and stylistic analyses, discourse analysis.*

Findings and their discussion. *In publicistic texts of the Republic printed mass media, verbalization of the category of historical memory in close link with the concept of Belarusians is traced. Our people are presented as an ancient nation which is a symbol of patriotism, honesty and justice, a beam of light in Europe etc.*

A special place in the verbalization of historical memory of Belarusians is taken by military combating of various times, the Great Patriotic War first of all, World War I, Napoleonic combating events. At the same time, historical memory is associated with peaceful and friendly Belarusians.

Historical memory in texts of Republican newspapers is verbalized with the help of epy categories of spirituality (the significance of the Orthodox faith and multi-confessional character of Belarusian state are traced).

The language representation of the cultural code of the Belarusian nation as a component of its historical memory is also important; it is implemented most often by mentioning names of people of culture (Yanka Kupala, Yakub Kolas, Marc Chagall and others), significant cultural events (“Slavianski Bazaar in Vitebsk” festival, “Aleksandriya Meets Friends”, “Music Nights in Mirski Castle” etc.), by stressing special character of cultural artefacts (Slutskiya payasy, national songs, dances).

Apart from this, special attention in periodical texts is paid to issues of forgetting the past, the wrong interpretation of events.

Conclusion. *Historical memory of Belarusians is verbalized in journalist texts of central newspapers as a special phenomenon of shaping national consciousness since it is closely linked to the notion of Belarusians. Historical memory of the nation manifests itself in the significance of its heroic combat past, cultural independence and spirituality which is implemented in the religious foundation. Besides, historical memory is understood as an eternal value the contents of which does not have multivariant interpretation.*

Key words: *historical memory, Belarusians, publicistic discourse, media space, verbalization of historical memory.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 173–177)

Мировая геополитическая ситуация актуализировала тему исторической памяти. Данный феномен можно рассматривать на нескольких уровнях: общечеловеческом, макрорегиональном, национальном и микрорегиональном. На любом из возможных уровней сохранение исторической памяти является компонентом глобальной задачи – сохранение общечивилизационной аксиологической парадигмы. Исследование вопросов сохранения исторической памяти определена как важнейшая идеологическая задача белорусского государства. Именно поэтому вышеобозначенная проблема активно обсуждается в средствах массовой информации. Изучение публицистического материала дает достаточно много пищи для размышления, позволяет выявить и оценить ценностные доминанты исторической памяти, уточнить языковые средства ее репрезентации в массовом языковом

сознании. Такое понимание проблемного поля легло в основу представленного исследования, целью которого стало изучение лингвоаксиологических особенностей вербализации исторической памяти в белорусских республиканских печатных газетных изданиях.

Материал и методы. В качестве фактического материала исследования использовались публикации центральных периодических газетных изданий («СБ. Беларусь сегодня», «Рэспубліка») за январь – март 2022 года. Методология научной работы строилась на интенциональном подходе, используемом для анализа аксиологических доминант в публицистическом тексте как фрагменте медиадискурса [1, с. 111]. В процессе аналитического изучения и интерпретации полученных данных применяются методы дистрибутивной выборки, систематизации, компоненты дискурс-анализа, сематического и семантико-стилистического анализов.

Результаты и их обсуждение. История каждого нового поколения начинается не с «чистого листа», а с того наследства, плохого или хорошего, которое ему оставили предки [2, с. 10]. Категория исторической памяти являет собой сложное и неоднородное понятие. Это не просто факты, события, запечатленные в судьбе народа, а их когнитивное восприятие сквозь призму настоящего: «По сути, историческая память является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [3, с. 5]. Немецкий философ Й. Рюзен писал, что историческая память – это «способность субъектов сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания» [4, с. 9]. Полагаем, что следует расширить представленное мнение: историческая память нужна не только для выработки исторического сознания, но и конструирования национальной идеи и национальной-идеологической концепции дальнейшего развития этноса и государства.

Сегодня мы наблюдаем феномен искажения ментально-исторических представлений многих народов. Ключевая роль в этом процессе принадлежит формализованным (официально зарегистрированным) СМИ, охватывающим значительную часть общества, в первую очередь, его интеллектуальную составляющую. Именно поэтому мы наблюдаем серьезную борьбу за медиапространство, за возможность давать в его поле установки и представления, а также раскрывать факты фейкового воздействия на сознание аудитории.

Современные изменения в массовой коммуникации, трансформации в социально-политической и историко-культурной сферах, очевидно, свидетельствуют о формировании нового информационного пространства. Неслучайно во всем мире активно используется термин «гибридная война», в основе понимания которого лежит использование информационных ресурсов как главного орудия идеологической пропаганды. В этой связи повышается значимость журналистских институтов и продуцируемых ими текстов для формирования представлений в массовом сознании. Публицистический материал становится не просто генератором смыслов, а центром ретрансляции когнитивных установок.

Тексты современных белорусских СМИ свидетельствуют об огромном общенациональном значении категории исторической памяти. Фактически мы наблюдаем, что ее основы цементируют национальную идеологию. Это представления о героическом историческом прошлом народа, осознание его этнической идентичности, уникальности и самодостаточности. Все это, как показывает наше исследование, обнаруживается в газетных материалах, в которых вербализуются аксиологические символы белорусской нации.

В центральной прессе самым частотным является вербализация понятия «белорусы» как ядерного ком-

понента исторической памяти. Чаще всего, авторы публикаций прибегают при этом к использованию сравнительных атрибутивных конструкций, лексических единиц с положительной семантикой: «СБ. Беларусь сегодня»: *Для нашей исторической памяти важно понимать, что белорусы – это гордая и древняя нация; В преамбуле концепции исторической памяти должно стоять то, что во все времена быть белорусом было почетно; Память наша неразрывна с пониманием того, что белорус – настоящий патриот, понимающий цену свободы, которую он завоевывал веками; Белорусы, помните, что вы исторически нация настоящих патриотов;* «Рэспубліка»: *Не зря мы белорусы, то есть исторически белые, чистые и светлые люди; Белорусы заўсёды былі і застаюцца рэштай свету ў Еўропе. Гэта адлюстроўвае наша гістарычная памяць; Белорусы всегда были эталоном честности и справедливости, белорусы не та нация, которую можно обмануть – это доказывает наша историческая память и др.*

Как видно из представленных примеров, языковой материал содержит маркеры временного континуума – указание на длительное историческое прошлое народа (*во все времена, древняя, веками, заўсёды, всегда*). Кроме того, в само имя представителей белорусской нации в текстах СМИ закладывается исторический потенциал их свободолюбия, патриотизма, честности и справедливости. Понятие «белорусы» обрастает общечеловеческими аксиологическими характеристиками: в материалах газет белорусы называются символами *вечного патриотизма, полного бескорыстия («СБ. Беларусь сегодня»), незапятнанной совести, беззаветного служения Родине, настоящей справедливости («Рэспубліка»)*. Национально маркированными положительными коннотациями сопровождаются такие определения, как *памяркоўныя, першавярныя, саманатхнённыя («Рэспубліка»)*.

К особенностям вербализации исторической памяти в журналистских текстах следует отнести использование группы глаголов с соответствующей семантикой: *помнить, забывать, знать, чтить* и др. («СБ. Беларусь сегодня»: *Мы будем помнить о нашем историческом прошлом; Забыть нам свою историю – значит не понимать, кто мы есть; Каждый из нас должен чтить нашу историческую память;* «Рэспубліка»: *Будем знать о нашей исторической памяти – будем гордо звать белорусами; Памятаць нашу гісторыю – захаваць сваю самабытнасць; Если будем чтить наше государство, то обязательно станем сильнее и крепче*).

Особое значение в вербализации исторической памяти занимает ее ассоциирование с военной тематикой. Разумеется, что чаще всего речь идет о Великой Отечественной войне: «СБ. Беларусь сегодня»: *Наша историческая память – это героизм победителей фашизма; Наша национальная историческая память найдется в каждой семье; Ею пропитана судьба каждого белоруса, чьи прадеды задавили фаши-*

стскую гадину; Мы знаем цену празднику Победы – он в нашей исторической памяти; «Рэспубліка»: *Кожны, хто бываў у музеі Гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, разумее, што такое гістарычная памяць нацыі; Наша историческая память в каждом бугорке солдатской могилы; Мы помним о военном подвиге нашего народа, ценою своей жизни освобождавшего полмира. Это и есть наша историческая память.* Однако в публицистических материалах встречаются и указания на связь белорусской исторической памяти с более ранними военными действиями, например, Первой мировой войной, Гражданской войной. Особенно часто упоминание о них встречается в газете «СБ. Беларусь сегодня»: *Нашу гістарычную памяць хацелі парушыць яшчэ ў 1918 годзе, калі наспрабавалі раз’яднаць; В нашу историческую память вписаны и другие военные страницы. Вспомним лихолетия Первой мировой войны...; «Рэспубліка»: Страшный 1918, когда нас разорвали на две части, – это тоже наша историческая память; Борьба с кайзеровской Германией осталась глубоким рубцом на нашей исторической памяти), Отечественной войной 1812 года («СБ. Беларусь сегодня»: *Ведь в нашей исторической памяти был и другой “страшный карлик” – Наполеон; Не забыли мы и героического прошлого войны 1812 года. Это тоже наша историческая память; Нашу историческую память пересекла не одна война. Вспомним хотя бы Наполеоновский поход...; «Рэспубліка»: Французские курганы, которыми усыпаны наши поля, – военная историческая память белорусов; Мы и в 1812 году в нашу историческую память вписали славный след).* Военная тематика в построении вербального образа белорусской исторической памяти прослеживается и в упоминании более древних боевых сражений: «СБ. Беларусь сегодня»: *А когда мы под Грюнвальдам врага били – это не наша историческая память?; Наша историческая память должна начинаться еще со славных побед Полоцкого и Туровского княжеств; «Рэспубліка»: Корни нашей исторической памяти глубоко зарыты в славных воинских традициях Рогволода и Всеслава Чародея.**

Упоминания о воинских славе и доблести в исторической памяти белорусов не мешают вербализовывать стремление к миру и дружбе с другими нациями и государствами: «СБ. Беларусь сегодня»: *Белорусы исторически жили в мире и дружбе со своими соседями; Миротлюбие исторически вписано в генетический код белорусов; «Рэспубліка»: Мы не воинственная нация, исторически белорусы миролюбивый народ; Гістарычна беларусы знаходзіліся на крыжаванні ўсіх войнаў, але ж між тым засталіся міралюбівымі і ветлівымі да ўсіх этнасаў.*

Компонентом исторической памяти белорусов в текстах изучаемых СМИ представляются также духовные основы нации, связанные, в первую очередь, с православием: *В основе нашей исторической памяти лежит духовный код, код нашей веры;*

В православии не только наше единство, но основа исторической памяти белорусов; Бог дал нам клочок земли и благословил его своею благодатью. И мы должны сохранить эту историческую память и передать нашим детям и внукам («СБ. Беларусь сегодня»), Крыж Ефрасінні, купалы святой Сафіі – гэта ўсё тое, без чаго немагчыма наша гістарычная памяць; Мы можам звацца беларусамі толькі калі будзем памятаць, што ў нашу гістарычную памяць занесены імёны Святых ахоўнікаў Бацькаўшчыны; Вера наша неотделима от памяти исторической, от традиций предков и будущего детей («Рэспубліка»). Отмечается также и многоконфессиональность белорусского государства: *Наша историческая память хранит многоконфессиональность белорусского государства («СБ. Беларусь сегодня»); Что мы должны непременно сохранить в нашей исторической памяти, так это веру. И не важно, православный ты, католик, иудей или мусульманин – всех должна объединять любовь к Отечеству; Гістарычна на беларускіх землях жылі прадстаўнікі розных канфесій. І гэта таксама наша гістарычная памяць («Рэспубліка»).*

Менее частотным является вербализация в исторической памяти белорусов культурного кода. В текстах периодических СМИ этот компонент чаще всего ассоциируется с:

– именами культурных деятелей («СБ. Беларусь сегодня»: *в нашей исторической памяти навсегда останутся имена Янки Купалы, Якуба Коласа, Алексея Дударева, Марка Шагала, Заира Азгура и многих других выдающихся представителей культурной нивы);*

– прецедентными культурными событиями («СБ. Беларусь сегодня»: *Историческая память – это не только те события, которые произошли век или два века назад. Это и наша современность. Белоруси также есть чем гордиться. Посмотрите, в какое культурное событие вырос «Славянский базар в Витебске» или «Александрия собирает друзей», или «Музыкальные вечера в Мирском замке»).*

– культурными артефактами («Рэспубліка»: *Гістарычная памяць – гэта нашы песні, гэта нашы танцы, гэта нашы абрады; Слуцкія паясы – гэта наша спадчына, якую мы можам з гонарам унесці ў склад гістарычнай памяці беларусаў як помнік самабытнасці).*

Нарратив реконструкции понятия исторической памяти в республиканских газетах активно связан с актуализацией проблем забвения прошлого, неверной интерпретации событий: *В нашей исторической памяти не может быть что-то забыто или выброшено как ненужное, постыдное. Сегодня мы видим, как предпринимаются попытки переписать нашу историческую память. В исторической памяти белорусов есть место и относительно недавним событиям, которые научили нас еще больше любить свою Родину. Нельга забыцца на нашы здабыткі, перайначыць значнасць падзей, якія складаюць нашу гістарычную памяць.*

Заключение. Категория исторической памяти как одна из наиболее актуальных тем современной массовой коммуникации вербализуется в периодических печатных изданиях. Активное обсуждение проблемы на страницах республиканских газет сопровождается описанием характеристик белорусов как светлой и чистой нации, имеющей древнее происхождение и отличающейся патриотизмом, обостренными чувствами справедливости.

Историческая память в текстах республиканских газетных изданий представлена несколькими тематическими кодами, некоторые из них демонстрируют тесную связь и взаимообусловленность. Так, например, героическое военное прошлое белорусской нации, понимание ценности свободы и независимости отражаются не только в прославлении побед на полях сражений, но и отрицании милитаризма как компонента национальной исторической идентичности. Огромное значение в журналистских материалах придается духовному и культурному кодам. Первый вербализует религиозность белорусов, их преданность, в первую очередь, православию, а также миролюбивое отношение ко всем конфессиональным объединениям. Культурный код находит отражение в ассоциативной связи исторической памяти белорусов с прецедентными именами, значимыми культурными событиями и артефактами.

Особое внимание в республиканских СМИ отводится значимости самого понятия исторической памяти, необходимости выработки правильной идеологии его содержательного наполнения и ретрансляции как

символа национальной самодостаточности и единства. В связи с этим, авторы журналистских материалов обращают внимание на вопросы неверной интерпретации исторических событий и пишут о том, что нельзя искажать исторические события и факты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбашов, В.П. Интенциональное значение категории «историческая память» и особенности его языковой актуализации в медиадискурсе ФРГ на пороге новой «холодной войны» как проблема витальности немецкого языка (на материале современной прессы) / В.П. Барбашов // Журналістыка-2017: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 19-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 16–17 ліст. 2017 г., / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 19. – Мінск: БДУ, 2017. – С. 236–239.
2. Мысливец, Н.Л. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции / Н.Л. Мысливец, О.А. Романов // Вестн. РУДН. Сер. Социология. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 9–19.
3. Бойков, В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 86–89.
4. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – Вып. 7. – С. 150–167.

Поступила в редакцию 06.05.2022

ВАЖНЫЯ ЮБІЛЕІ КРАЯЗНАЎСТВА РАСІІ І БЕЛАРУСІ

15–16 красавіка 2022 г. ў Маскве прайшло некалькі мерапрыемстваў, прысвечаных 100-годдзю арганізаванага расійскага краязнаўства і 100-годдзю выбітнага савецкага і расійскага краязнаўцы Сігурда Отавіча Шмідта (1922–2013).

Менавіта ў 1922 г. пачынаецца дзейнасць Цэнтральнага Бюро краязнаўства СССР, у якім прынялі ўдзел прадстаўнікі навуковай інтэлігенцыі савецкай краіны. З аднаго боку, да краязнаўства далучыліся акадэмічныя сілы – супрацоўнікі АН СССР, прафесары ВНУ, з другога – вывучэнне краю стала масавым, арганізаваным, заснаваным на аснове навуковай метадалогіі. Краязнаўства падтрымлівалася дзяржавай і мела пастаяннае фінансаванне. Былі дасягнуты важныя поспехі ў музейным будаўніцтве, стварэнні шырокай сеткі навуковых і грамадскіх краязнаўчых арганізацый, праведзена шырокае і ўсеагульнае вывучэнне вытворчых сіл краю, на аснове якога рабілася далейшае яго развіццё.

Важнай даце ў гісторыі краязнаўства была прысвечана навукова-практычная канферэнцыя “Краеведение и краеведческое движение в Советском Союзе: история, опыт, наследие”, якая праводзілася Інстытутам спадчыны (Институтом наследия) – правапераемнікам Навукова-даследчага інстытута метадаў краязнаўчай работы, які ў сваю чаргу быў перапрыемнікам ЦБК СССР і дзейнічаў у 1930-я гады. На мерапрыемстве былі прадстаўлены 13 рэгіёнаў, у тым ліку Сахалін, Пскоў, Растоў-на-Доне, Стаўрапаль, Армавір, Кастрама, Чэлябінск, Варонеж, Масква і Падмаскоўе, Рэспубліка Беларусь. Былі зроблены высновы аб важнай ролі краязнаўства, якую яно адыграла ў гісторыі СССР, аб страчаных у сувязі са зменамі курсу ў краіне ў канцы 1920-х гадоў магчымасцях, аб грунтоўным пагэнцыяле, на аснове якога развіваецца краязнаўства ў потсавецкіх краінах.

Ганаровы старшыня Саюза краязнаўцаў Расіі У.Ф. Казлоў выступіў з дакладам, на якім падсумаваў вынікі і дасягненні савецкага краязнаўства за час яго існавання. Падкрэсліў ягоны важкі ўклад у станаўленні музейнай навукі, развіцці навуковых даследаванняў і адукацыі СССР. Асабліва падкрэсліў значнасць так званага “залатога дзесяцігоддзя” савецкага краязнаўства (1921–1929 гг.). Хаця па меркаванні некаторых даследчыкаў, такі эпітэт лепей адносіць да перыяду перабудовы (1985–1991 гг.) па значнасці дасягненняў, тэматыцы даследаванняў і ахопу даследчыкаў.

Асаблівую цікавасць выклікаў даклад А.В. Рэмезава “Омскае краязнаўства ў 1930–1950-я гг.”, у якім разглядаўся незвычайны як для Беларусі, так і Еўрапейскай Расіі перыяд у развіцці краязнаўства. Вядома, што пасля разгрому арганізаванага краязнаўства на пачатку 1930-х гг. яго развіццё вельмі замарудзілася, а ў гады Вялікай Айчыннай вайны і ўвогуле было перапынена. У той жа час у Заходняй Сібіры развіццё краязнаўства працягвалася і нават стала перыядам значных дасягненняў. Звязана гэта было з некалькімі акалічнасцямі, у першую чаргу з тым, што ў гэты час у выніку палітычных рэпрэсій тут у высылцы аказаліся значныя навуковыя кадры краіны, якія працягвалі вывучэнне рэгіёна.

Ад Беларусі на секцыі быў прачытаны даклад М. Півавара, прысвечаны праблеме захавання памяці пра краязнаўцаў і мемарыялізацыі месцаў з імі звязаных. Формы захавання памяці пра іх розныя. Напрыклад, усталяванне помнікаў і памятных шыльдаў, наданне назваў вуліц і музеяў, правядзенне “імянных” канферэнцый, выпуск канвертаў і марак. Так, помнікі і шыльды ўсталяваны А. Сапунову, М. Нікіфароўскаму, У. Краснянскаму, М. Каспяровічу (Віцебск), М. Доўнар-Запольскаму (Рэчыца), Я. Драздовічу (Мінск), А. Сабалеўскаму (Глыбокае), Я. Баршчэўскаму (Расонскі раён), І. Насовічу (Мсціслаўль), Я. Булгаку (Міншчына), А. Гедэману (Браслаў), М. Мельнікаву (Крычаў), А. Мартынаву (Кобрын). У гонар краязнаўцаў Беларусі названы вуліцы – А. Сапунова ў Віцебску, І. Насовіча ў Мсціслаўлі, М. Мельнікава ў Крычаве, І. Стаброўскага ў Слоніме; музеі: Е. Раманава (Магілёўскі абласны краязнаўчы музей), В. Капыціна (археалагічная лабараторыя МДУ імя А.А. Куляшова), М. Мельнікава (Крычаўскі краязнаўчы музей), Ф. Шклярава (Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый), Э. Корзуна (школьны музей у Гальшанах), П. Лярскага (у СШ № 24 г. Магілёва). У гонар беларускіх краязнаўцаў выпушчаны 14 канвертаў і 2 маркі.

Праводзяцца канферэнцыі: «Сапуноўскія чытанні» (Віцебск), «Раманаўскія чытанні» (Магілёў), «Доўнараўскія чытанні» (Рэчыца), у памяць Я. Баршчэўскага (Полацк, Віцебск, Расонскі раён), С. Дэмбавецкага (Магілёў).

Юбілею С.О. Шмідта прысвечаны некалькі канферэнцый у розных установах і ВНУ Расіі. У Маскве, у гістарычнай бібліятэцы Расіі – выстава, круглы стол, у гісторыка-архіўным інстытуце РДГУ – канферэнцыя, у інстытуце спадчыны – III Шмідтаўскія чытанні, якія праводзяцца раз у 5 гадоў, з нагоды юбілейных дат – выбітнага навукоўцы. У Омску адбыўся круглы стол у музейным аб’яднанні, у Пензе ў канцы красавіка прайшла навукова-практычная канферэнцыя, прысвечаная даследчыку і яго навуковай спадчыне.

Дзейнасць С.О. Шмідта спрыяла актыўнаму развіццю савецкага і расійскага краязнаўства. Менавіта ён быў адным з ініцыятараў аднаўлення арганізаванага краязнаўчага руху ў СССР у другой палове 1980-х гг., стваральнікам і кіраўніком Саюза краязнаўцаў Расіі. Яго дзейнасць аказала пэўны ўплыў на працэсы, якія адбываліся ў краязнаўстве БССР, і стварэнне ў 1989 г. Беларускага краязнаўчага таварыства.

С.О. Шмідт – сын нашага земляка, выбітнага савецкага навукоўцы, грамадскага дзеяча, ураджэнца Магілёва – Ота Юльевіча Шмідта. У гісторыі краязнаўства ён увайшоў як стваральнік Саюза краязнаўцаў Расіі, ініцыятар распрацоўкі і ўвядзення “Масквзнаўства”, стваральнік і галоўны рэдактар 7-томнай “Маскоўскай энцыклапедыі”, арганізатар дзясяткаў агульнарасійскіх канферэнцый па краязнаўству, якія далі моцны штуршок развіццю як навуковага, так і грамадскага краязнаўства ў Расіі і постсавецкай прасторы. Шырокую вядомасць атрымаў навуковы гурток, які вёў С.О. Шмідт на працягу больш за 50 гадоў. Сярод найвыдатнейшых дзеячаў-архівістаў, што прайшлі школу гуртка, абаранілі кандыдацкія і доктарскія дысертацыі некалькі беларусаў – Д.Р. Караў (Гродна), М. Міхейка (Мінск). Адзін са старастаў

гуртка, старшыня СКР (2003–2018), яго ганаровы старшыня – Уладзімір Фоціевіч Казлоў – сам беларус, бацька якога паходзіў з Гродна, а маці з Гомельшчыны.

Дзейнасць С.О. Шмідта звязана з маскоўскім гісторыка-архіўным інстытутам. Тут стараннямі навукоўцы ў пачатку XXI ст. была створана кафедра краязнаўства, навукова-метадычны цэнтр “Масквзнаўства”. Між іншым, менавіта С.О. Шмідт увёў у навуковы зварот “залатое дзесяцігоддзе” краязнаўства, кажучы пра 1920-я гады, калі краязнаўства перажывала высокую актыўнасць і дасягнула важных поспехаў у музейным, грамадскім будаўніцтве.

З Беларуссю С. Шмідта звязвае не толькі памяць пра бацьку – О.Ю. Шмідта. Ён заўжды цікавіўся станам і развіццём краязнаўства ў нашай краіне. Шмат ягоных вучняў жывуць і працуюць тут. Запрашаў на навуковыя мерапрыемствы асоб, якія маглі спрыяць развіццю краязнаўства ў краі. У першую чаргу В. Скалабана, які пэўны час з’яўляўся намеснікам кіраўніка Скарынаўскага навукова-асветнага цэнтра, які ў сваю чаргу некаторы час адыгрываў ролю арганізацыйнага краязнаўчага цэнтра ў Беларусі.

Памяць пра вучонага захоўваецца дзякуючы арганізацыі і правядзення шэрагу краязнаўчых канферэнцый і чытанняў. 15 красавіка – дзень народзінаў С.О. Шмідта святкуецца як Дзень краязнаўцы Расіі. Пакуль гэта робіцца неафіцыйна, але ў Міністэрства культуры РФ пададзена заяўка і ёсць вялікае спадзяванне на тое, што рашэнне будзе прынята на ўзроўні ўрада краіны. На сцяне Гісторыка-архіўнага інстытута на вул. Нікольскай у Маскве плануецца размясціць памятную шыльду ў гонар С.О. Шмідта. Ёсць меркаванне, што шыльду лепей змясціць на доме, дзе жыў вучоны ў Крываарбацкім завулку. У любым выпадку памяць пра выдатнага краязнаўцу жыве, многія справы, якія ён распачаў, працягваюцца і пасля яго адыходу з зямнога жыцця.

Півавэр Мікалай

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЗДЕЛЬ Вероника Евгеньевна – заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат исторических наук, доцент.

БИРЮК Ирина Борисовна – доцент кафедры романо-германской филологии УО «МГУ имени А.А. Кулешова».

ГОЛУБОВИЧ Виталий Владимирович – доцент кафедры гуманитарных наук УО «Гродненский государственный аграрный университет», кандидат исторических наук, доцент.

ГОЛУБЕВ Вячеслав Андреевич – аспирант кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова.

ГРЕЧИХО Татьяна Антоновна – доцент кафедры русского языка как иностранного ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

ДАВЛЯТОВА Елена Валентиновна – заведующий кафедрой философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ДАЛИМАЕВА Евгения Олеговна – старший преподаватель кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова.

ДАНИЛЕВСКИЙ Игорь Николаевич – ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук, профессор.

ДОЛГОВ Вадим Викторович – профессор кафедры истории России Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, доктор исторических наук, Ижевск.

ДЕДИНКИН Александр Леонидович – доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат исторических наук, доцент.

ДУЛОВА Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова.

КРАСОВСКАЯ Яна Игоревна – преподаватель кафедры иностранных языков УО «ВГАВМ».

МАЛАХОВ Данила Владимирович – докторант дневной формы обучения Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна – профессор кафедры дошкольного и начального образования ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук, профессор.

МАЦУЛЕВИЧ Евгения Васильевна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси ГУО «Республиканский институт высшей школы».

МЕЗЕНКО Анна Михайловна – заведующий кафедрой общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук, профессор.

МЕНЬШЕНИНА Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «ВГМУ».

МЕТЕЛЬСКИЙ Андрей Анатольевич – заведующий отделом истории Беларуси IX–XVIII вв. Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук.

НОВИЦКИЙ Павел Иванович – доцент кафедры теории и методики физической культуры и спортивной медицины ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

ОРЛОВ Валерий Иванович – доцент кафедры философии и политологии УО «ВГАВМ», кандидат философских наук.

ПИСАРЕНКО Елена Михайловна – заведующий кафедрой белорусской и зарубежной филологии УО «БГУКИ», кандидат филологических наук, доцент.

ПОЛЬНИКОВ Марк Олегович – аспирант кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова.

РОЖКОВА Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, заместитель декана по профориентации УО «ГГУ имени Франциска Скорины».

РУДКОВСКИЙ Эдвард Иосифович – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна – доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат исторических наук, доцент.

СУБОТИН Александр Александрович – проректор по воспитательной работе УО «ВГТУ», кандидат исторических наук.

СУПРУН Василий Иванович – профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук.

ТАМЕРЬЯН Татьяна Юльевна – профессор кафедры иностранных языков для естественнонаучных факультетов ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», доктор филологических наук, профессор.

ЧАЛОВА Оксана Николаевна – доцент кафедры теории и практики английского языка УО «ГГУ имени Франциска Скорины», кандидат филологических наук, доцент.

ЧИКИНДИН Максим Александрович – аспирант кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова.

ЧЖАН Хунчао – аспирант факультета международных отношений БГУ.

ШИШКЕВИЧ Вероника Николаевна – аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «БГПУ имени Максима Танка».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BEZDEL Veronika Evgenievna – Head of International University MITSO Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines, PhD (History), Assistant Professor.

BIRYUK Irina Borisovna – Mogilev State A.A. Kuleshov University Department of Romanic and Germanic Philology Assistant Professor.

GOLUBOVICH Vitali Vladimirovich – |Grodno State Agrarian University Department of Humanitarian Sciences Assistant Professor, PhD (History), Assistant Professor.

GOLUBEV Viacheslav Andreyevich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Postgraduate Student.

GRECHIKHO Tatyana Antonovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Russian as a Foreign Language Assistant Professor, PhD (Philology).

DAVLIATOVA Yelena Valentinovna – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences, PhD (History), Assistant Professor.

DALIMAYEVA Yevgeniya Olegovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Senior Lecturer.

DANILEVSKI Igor Nikolayevich – Professor Ordinary of the National Research University “Higher School of Economics”, Dr.Sc.(History), Professor.

DOLGOV Vadim Viktorovich – Department of History of Russia Professor of Udmurtia State University Institute of History and Sociology, Dr.Sc. (History), Izhevsk.

DEDINKIN Aleksandr Leonidovich – International University MITSO Department of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication Assistant Professor, PhD (History), Assistant Professor.

DULOVA Yuliya Vladimirovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages Senior Lecturer.

KRASOVSKAYA Yana Igorevna – Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine Department of Foreign Languages Lecturer.

MALAKHOV Danila Vladimirovich – National Academy of Belarus Institute of Philosophy Doctoral Student, PhD (Philosophy).

MASLOVA Valentina Avraamovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Preschool and Primary School Education Professor, Dr.Sc. (Philology), Professor.

MATSULEVICH Yevgeniya Vasilyevna – Republic Institute of Higher School Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus Postgraduate Student.

MEZENKO Anna Mikhailovna – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of General and Russian Linguistics, Dr.Sc. (Philology), Professor.

MENSHENINA Irina Aleksandrovna – Vitebsk State Medical University Department of Foreign Languages Senior Lecturer.

METELSKI Andrei Anatilyevich – Head of NASc of Belarus Institute of History Department of 9th–18th Century History of Belarus, Dr.Sc. (History).

NOVITSKI Pavel Ivanovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Theory and Methods of Physical Education and Sport Medicine Assistant Professor, PhD (Education), Assistant Professor.

ORLOV Valeri Ivanovich – Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine Department of Philosophy and Political Science Assistant Professor, PhD (Philosophy).

PISARENKO Yelena Mikhailovna – Head of Belarusian State University of Culture and Arts Department of Belarusian and Foreign Philology, PhD (Philology), Assistant Professor.

POLNIKOV Mark Olegovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Literature Postgraduate Student.

ROZHKOVA Svetlana Nikolayevna – Francisc Skorina State University of Grodno Department of General History Senior Lecturer, Deputy Dean.

RUDKOVSKI Edvard Iosifovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Assistant Professor, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

RUMYANTSEVA Marina Fedorovna – National Research University “Higher School of Economics” Assistant Professor, PhD (History), Assistant Professor.

SUBBOTIN Aleksandr Aleksandrovich – Vitebsk State Technological University Vice Rector in Charge of Education Work, PhD (History).

SUPRUN Vasili Ivanovich – Volgograd State Social and Pedagogical University Department of Russian and Methods of Teaching Professor, Dr.Sc. (Philology).

TAMERYAN Tayana Yulyevna – North-Ossetia State K.L. Khetagurov University Department of Foreign Languages for Natural Science Faculties Professor, Dr.Sc. (Philology), Professor.

CHALOVA Oksana Nikolayevna – Francisc Skorina State University of Grodno Department of Theory and Practice of the English Language Assistant Professor, PhD (Philology), Assistant Professor.

CHIKINDIN Maksim Aleksandrovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Postgraduate Student.

ZHANG Hongchao – Belarusian State University Faculty of International Relations Postgraduate Student.

SHISHKEVICH Veronika Nikolayevna – Belarusian Maxim Tank State Pedagogical University Department of General History and Methods of Teaching History Postgraduate Student.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ имени П.М. Машерова”» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
  - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
  - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
  - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
  - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
  - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
  - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
  - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
  - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
  - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
  - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 35

Компьютерный дизайн Л.И. Ячменёва
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 05.07.2022. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 20,63. Тираж 100 экз. Заказ 100.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.